

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков, А.И. Корсак.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 05.03.2020. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 20,18. Тираж 100 экз. Заказ 132.

УДК 94(477.74):351.853

РЭАЛІЗАЦЫЯ ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ ЗАХАВАННЯ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ПОЛАЦКА НА ПРЫКЛАДЗЕ КОМПЛЕКСНАЙ ДОЎГАТЭРМІНОВАЙ ПРАГРАМЫ РАЗВІЦЦЯ Г. ПОЛАЦКА І НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА (2000 – 2005 гг.)

К. В. АНДРЭЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Разглядаюцца рэалізацыя і асноўныя дасягненні рэгіянальнай праграмы развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Мэта праграмы – стварэнне спрыяльных умоў для ўмацавання і выкарыстання сацыякультурнага і турыстычнага патэнцыяла г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, развіццё гарадской інфраструктуры і рэнавацыя тэрыторыі гістарычнага цэнтра населенага пункта, эфектыўнае выкарыстанне нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей.

Ключавыя словы: органы ўлады, заканадаўства, дзяржаўнае рэгуляванне, гісторыка-культурныя каштоўнасці, праграма развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.

Уводзіны. Інструментам рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі, умовай эфектыўнага кіравання і стабільнага развіцця тэрыторыі з'яўляецца пастаноўка органамі ўлады арыенціраў-праграм рэгіянальнага развіцця. Мэталы праграмы закліканы ўздзейнічаць на сацыяльна-эканамічную, культурную дзейнасць тэрытарыяльна-адміністрацыйных адзінак краіны.

Увага з боку дзяржаўнай улады да развіцця культурнага патэнцыяла і захавання гістарычнай спадчыны аднаго з самых старажытных гарадоў краіны – Полацка – была падкрэслена яшчэ на пачатку 1990-х гг. Праз зацверджанне Пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 16.07.1990 г. № 158 “Аб Полацкім гісторыка-культурным запаведніку” шэраг архітэктурных помнікаў былі ўнесены ў ахоўную зону, тэрыторыю рэгулявання забудовы і ахоўнага прыроднага ландшафту Полацкага гісторыка-культурнага запаведніка. У 1993 г. Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь “Аб мерах па далейшым развіцці горада Полацка і захаванні яго культурна-гістарычнай спадчыны” Віцебскаму аблвыканкаму было дадзена даручэнне аб рэалізацыі шэрагу мерапрыемстваў у азначаным накірунку. Для прыкладу, ставілася пытанне аб вызваленні карпусоў былога езуіцкага калегіума, які лічыўся на балансе Беларускай вайскавай акругі з прыстасаваннем пад сацыякультурныя патрэбы горада [1]. Наступным шырокамаштабным крокам да ўмацавання і выкарыстання сацыякультурнага і турыстычнага патэнцыяла горада стала распрацоўка і рэалізацыя Комплекснай доўгатэрміновай праграмы развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (далей – Праграма). Праграма прадугледжвала рэалізацыю сукупнасці мерапрыемстваў, накіраваных на ўмацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы сацыякультурнага сектара, добраўпарадкаванне і эстэтызацыю населенага пункта, музеефікацыю культурнай прасторы горада, папулярызаванне ведаў аб багатай гістарычнай спадчыне Полацка.

Асноўная частка. Напачатку лютага 2000 г. ад старшыні Полацкага гарвыканкама, У.С. Тачылы, паступіла прапанова да намесніка прэм'ер-міністра, В.І. Дзяжына, аб садзейнічанні развіццю культурнага і турыстычнага патэнцыяла г. Полацка. Саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь сумесна з зацікаўленымі ведамствамі ў лютым 2000 г. быў распрацаваны праект Комплекснай доўгатэрміновай праграмы развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Дакумент быў прадстаўлены А.Г. Лукашэнка, які прапанову ўхваліў і даручыў прыняць неабходныя меры па выкананні праграмы (даручэнне ад 16.02.2000 г. № 10/124-122). 08 верасня 2000 г. адбылася нарада ў прэм'ер-міністра У.У. Ярмашына, на якой за Міністэрствамі і ведамствамі былі замацаваны канкрэтныя абавязкі па выкананні праграмы. Адказнымі былі прызначаны: Міністэрства культуры, Міністэрства аховы прыроды і навакольнага асяроддзя, Міністэрства жыллёва-камунальнай гаспадаркі, Міністэрства абароны, Міністэрства спорту і турызму, Нацыянальная дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэспублікі Беларусь, Дзяржкамдрук, Віцебскі аблвыканкам, Полацкі гарвыканкам, Беларускі дзяржаўны канцэрн па нафтахіміі, Полацкае вытворчае аб'яднанне “Шкловалакно”. Ход рэалізацыі праграмы знаходзіўся пад кантролем Савета Міністраў. Рэалізацыя асноўнага аб'ёму работ па ўсіх накірунках была прымеркавана на 2001 г. [2, с. 4].

Комплексная доўгатэрміновая праграма развіцця г. Полацка прадугледжвала рэалізацыю сукупнасці мерапрыемстваў, накіраваных на добраўпарадкаванне і эстэтызацыю функцыянальна-прасторавай структуры населенага пункта, музеефікацыю гістарычнай часткі горада, стварэнне камфортных умоў для жыцця гараджан. Асобая ўвага надавалася развіццю матэрыяльна-тэхнічнай базы сацыякультурнай сфе-

ры пасродкам будаўніцтва аб'ектаў (працяг работ па будаўніцтву паліклінікі, пачатак будаўніцтва сярэдняй школы № 4, узвядзенне прыбудовы да мастацкай школы); інжынерных камунікацый (пракладка двюхнітачнага дзюкера праз р. Палату, будаўніцтва водазабора “Заазер’е”); рэканструкцыі матэрыяльных нерухомах гісторыка-культурных каштоўнасцей (працяг работ на карпусах былога езуіцкага калегіума, былой воданпорнай вежы, аднаўленне фрэскавага роспісу Спаса-Праабражэнскай царквы); прыстасавання матэрыяльных нерухомах гісторыка-культурных каштоўнасцей пад патрэбы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (размяшчэнне ў воданпорнай вежы экспазіцыі экалагічнага музея, рэстаўрацыі дома № 46 па вул. Леніна (Ніжне-Пакроўская) для адкрыцця Дзіцячага музея). Мерапрыемствы па добраўпарадкаванні вяліся суадносна з планам па азеляненні і добраўпарадкаванні гарадскіх тэрыторый на 2001 – 2002 гг., зацверджаным Полацкім гарвыканкамам [2, с. 65].

Для кантролю за тэрмінам і якасцю выканання Праграмы, Камісія Палаты прадстаўнікоў па адукацыі, культуры, навуцы і навукова-тэхнічным прагрэсе стала ініцыятарам правядзення выязднага паседжання на ўзроўні ўрада і іншых зацікаўленых ведамстваў. Мерапрыемства было прызначана на верасень 2001 г., праграма ўключала наведванне аб'ектаў, музеяў і жаночага Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра [2, с. 38].

Праблемным пытаннем стала арганізацыя механізму перадачы з баланса Міністэрства абароны часткі будынкаў былога езуіцкага калегіума пад патрэбы Міністэрства адукацыі. Першачаргова патрабавалася перадыслацыраваць ваенны шпіталь ў Баравуху-3 і падключыць будынкi да гарадскіх інжынерных сетак. На гэтыя мэты Дзяржаўнай інвестыцыйнай праграмай са сродкаў рэспубліканскага бюджэту ў 2001 г. было прадугледжана выдзяленне 14 млн. руб. На праектныя работы па рэканструкцыі будынкаў былога ваеннага гарадка Баравуха-3 планавалася выдаткаваць 16,5 млн. руб., аднак сродкі з дзяржбюджэту не вылучаліся [2, с. 41].

На пачатковым этапе рэалізацыі праграмы развіцця г. Полацка Міністэрствам жыллёва-камунальнай гаспадаркі актыўна вялося будаўніцтва водазабора “Заазер’е”. Паскарэнню работ садзейнічала своечасовае фінансаванне ў памеры 500 млн. руб., дзякуючы чаму быў уведзены ў эксплуатацыю двюхнітачны дзюкер праз р. Палату [2, с. 13].

Аднаўленне нерухомах матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей прадугледжвала рэстаўрацыю помнікаў архітэктуры і фрэскавага жывапісу. Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам былі заключаны дамовы з “Белінфармрэстаўрацыя” на распрацоўку праектна-каштарыснай дакументацыі па капітальным рамонце і рэстаўрацыі Сафійскага сабора, краязнаўчага музея і Дома Пятра I. На гэтыя мэты было выдзелена ў 2001 г. 97 млн. руб. [4, с. 34].

На рэстаўрацыйна-аднаўленчыя работы па аб'екце “Езуіцкі калегіум корпус “А” Дзяржаўнай інвестыцыйнай праграмай на 2001 г. было выдзелена 300,8 млн. руб. Выканаўцам работ з’яўлялася прадпрыемства “Полацкрэстаўрацыя”, якім вяліся агульнабудаўнічыя работы корпуса “А”: быў змантаваны нулявы цыкл, выведзены сцены першага і другога паверхаў. Тэрмін здачы аб'екта запаведніку прызначыўся на трэці квартал 2001 г., на год было выдзелена 290 млн. руб., з якіх асвоілі 59,8 млн. руб. У будынку планавалася размясціць мастацкую галерэю, дзе на 2002 г. было прымеркавана адкрыццё экспазіцыі. Рэспубліканскай праграмай рэстаўрацыйных работ былі прадугледжаны бюджэтныя асігнаванні на суму 300,8 млн. руб., аднак бюджэтныя грошы так і не паступалі па стане на сакавік 2001 г. Працы на езуіцкім калегіуме прыпыняліся або замаруджваліся. У выніку адсутнасці фінансавання на прадпрыемстве “Полацкрэстаўрацыя” былі выкарыстаны ўсе абаротныя сродкі, утварылася запазычанасць за спажыванне матэрыяльна-энергетычных рэсурсаў, адсутнічала магчымасць выплаты работнікам заробтнай платы. На 2001 г. запазычанасць па бюджэце складала 7 млн. руб., 5 млн. руб. – запазычанасць па цепла-энергарэсурсах і 2 млн. руб. – за пастаўленыя будаўнічыя матэрыялы. Акрамя таго, “Полацкрэстаўрацыя” мела нізкі ўзровень матэрыяльна-тэхнічнай базы [2, с. 24].

Згодна са справаздачай Міністэрства фінансаў у 2001 г. Дзяржаўнай інвестыцыйнай праграмай Камітэту па рэстаўрацыі і кансервацыі помнікаў пры Міністэрстве культуры на рэстаўрацыю музея-запаведніка планавалася вылучыць 320,3 млн. руб. (на калегіум – 300,8 млн. руб., на Спаса-Праабражэнскую царкву – 19,5 млн. руб., аднак згодна з паказчыкамі бюджэту на 2001 г. капітальныя ўкладанні былі скарачаныя на 11,3% з мэтай накіравання вызваленых сродкаў у стабілізацыйны фонд павышэння заробтнай платы работнікам бюджэтнай сферы. У 2001 г. паступіла 71,54 млн. руб. на аднаўленчыя работы (58,4 млн. руб. і 12,6 млн.руб., адпаведна). Кошт работ па карэкціроўцы генплана горада склаў 11 млн. руб., на работы па рэстаўрацыі дома № 46 па вул. Леніна (Ніжне-Пакроўская) для адкрыцця Дзіцячага музея было выдзелена 100 млн. руб. Па аб'екце “Езуіцкі калегіум” адначасова з рэстаўрацыйнай корпуса “А” вялася падрыхтоўка праектна-каштарыснай дакументацыі для рэстаўрацыі карпусоў “В” і “Б”. Корпус “В” планавалася прыстасаваць пад экспазіцыю музея гісторыі і археалогіі горада. Аб’ём фінансавання навукова-даследчых работ склаў 4,1 млн. руб. Была заключана дамова на распрацоўку навукова-праектнай дакументацыі па рэстаўрацыі Спаса-Праабражэнскай царквы на суму 6,7 млн. руб. На 2001 г. было праведзена інжынернае даследаванне канструкцыі помніка, коштам у 1,1 млн. руб., работы па рэстаўрацыі фрэскавага роспісу Спаса – Праабражэнскай царквы, на якія было затрачана 12,6 млн. руб. [2, с. 31].

Па факту праверак тэрмінаў і якасці рэалізацыі праграмы Міністэрствам культуры было адзначана, што асноўным стрымліваючым фактарам у выкананні запланаваных рэстаўрацыйных работ стала "...несвоечасовае праходжанне фінансавых сродкаў праз казначэйствы, што не забяспечыла ўзаемаразлікі па выкананых работах, авансаванне набывцця матэрыялаў" [2, с. 31].

Важным накірункам Праграмы стала рэалізацыя мерапрыемстваў па развіцці Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Статус "нацыянальны" Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік атрымаў 28 ліпеня 2000 г. у адпаведнасці з Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 1128. Па стане на 2000 г. у запаведніку функцыянавала 8 музеяў, абслугоўвалася 200 тыс. наведвальнікаў за год, 100 помнікаў архітэктуры мелі статус гісторыка-культурнай каштоўнасці [6, с. 76].

Пачынаючы з 1999 г., Нацыянальнаму Полацкаму гісторыка-культурнаму музею-запаведніку штогод аказвалася сістэматычная фінансавая падтрымка Міністэрствам культуры ў пытаннях набывцця музейных прадметаў, твораў выяўленчага мастацтва. У 2000 г. было выдзелена 2,8 млн. руб. У першым паўгоддзі 2001 г. былі набывты калекцыі кніг, прадметы выяўленчага мастацтва, унікальныя рарытэтыя тканіны для рэканструкцыі нацыянальнага рэгіянальнага касцюма на суму 4,9 млн. руб.

Упраўленне культуры Віцебскага аблвыканкама 16 лютага 2001 г. прадставіла на камісію фонда Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па падтрымцы культуры і мастацтваў гранты: "Рэстаўрацыя калекцыі абразоў з фондаў НППГКМЗ", "Праект комплекснай навукова-інфармацыйнай сістэмы НППГКМЗ". Запаведнікам былі падрыхтаваны кампакт-дыскі "Канцэрты арганнай музыкі салісткі Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка Ксеніі Пагарэлай". За сродкі гранта, атрыманага з фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па падтрымцы культуры і мастацтва, былі набывты камп'ютар, ксеракс, відэакамера, творы мастацтва. За ўласныя сродкі музеям-запаведнікам былі выдадзены памятныя календары "Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага", "75 год крэйзнаўчаму музею", буклет "Сафійскі сабор".

Міністэрства прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя фінансавала работы па рэстаўрацыі воданепорнай вежы з мэтай прыстасавання пад патрэбы музея экалогіі. У 2001 г. было прадугледжана вылучыць з мясцовага бюджэтнага фонду аховы прыроды на завяршэнне рэканструкцыі воданепорнай вежы 20,0 млн. руб. Па стане на 25.06.2001 г. дагавор на фінансаванне вышэйзгаданых работ заключаны не быў па прычыне адсутнасці ў падрадчыка ліцэнзіі на выкананне адпаведных работ.

Заказчыкам выступаў музей-запаведнік, распарадчыкам быў мясцовы Фонд аховы прыроды. На 2001 г. год планавалася вылучыць 5 млн. руб. з рэспубліканскага бюджэту на фарміраванне экспазіцыі і закупку абсталявання [2, с. 16].

Перад Міністэрствам спорта і турызма была пастаўлена задача выдання паліграфічнай прадукцыі рэкламнага, навукова-папулярнага кшталту, падрыхтоўкі метадычных распрацовак тэматычных экскурсійных тэкстаў, зацвярджэння экскурсійных і турыстычных нітак маршрутаў. Метадычная праца была ўскладзена на грамадскае аб'яднанне "Беларуская асацыяцыя экскурсаводаў і гідаў-перакладчыкаў". З мэтай папулярызавання ведаў аб гісторыка-культурнай спадчыне Полацка Міністэрствам спорта і турызму было прафінансавана выданне турыстычнага рэкламнага альбома аб Полацку з апісаннем прыгранічных маршрутаў на беларускай і замежных мовах, былі распрацаваны турыстычныя маршруты як для замежных турыстаў так і для айчыных экскурсантаў на тэму: "Барока і класіцызм у шэдэўрах беларускай архітэктуры", "Адраджэнне народных рамёстваў і промыслаў", "У госці да Я. Драздовіча", "Жыццё і побыт невялікіх гарадоў". Метадычным сектарам "Полацкага бюро падарожжаў і экскурсій" быў падрыхтаваны дапоўнены тэкст абзорнай шматпланавай гарадской экскурсіі на тэму: "Полацк – старажытны горад Беларусі і ўсходніх славян" (аўтар-складальнік І. І. Каліноўскі) [3, с. 59].

Справу папулярызавання ведаў аб гісторыка-культурнай спадчыне Полацка працягнула Белтэлерадыёкампанія і Дзяржжрамдрук. Апошнім былі падрыхтаваны: прызентацыйны буклет "Архітэктурныя помнікі Полацка", камплект паштовак "Музей беларускага кнігадрукавання", "Полацк на паштоўках пачатку ХХ ст.", фотаальбом "Полацк". Белтэлерадыёкампанія на пачатку 2001 г. выпусціла ў прамы эфір цыкл тэлеперадач, прысвечаных сацыяльна-эканамічнаму развіццю Полацка, культурнай прасторы горада, а таксама тэлеамалёўкі на тэмы: "Святы ў Полацку", "Аб горадзе і аб сабе", "Полацк-гістарычны", "Рэканструкцыя гістарычнага цэнтры Полацка", "Народная творчасць полацкай зямлі" і інш. Беларускае радыё ў сваіх праграмах вяло рубрыку "На хвалі часу", "Зямля пад белымі крыламі". Да эфіру было падрыхтавана больш за 100 радыё і тэлесюжэтаў. На радыё са студзеня па чэрвень 2001 г. у інфармацыйных праграмах "Радыёфакт", "Постфактум", "Панарама" а таксама ў ранішніх, дзённых, вячэрніх выпусках навін вялася рубрыка на тэму сацыяльна-эканамічнага развіцця горада і гісторыка-культурнай спадчыны Полацка. 23 студзеня 2001 г. у вячэрняй праграме "Пастфактум" была асветлена сустрэча рэктара Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Э. М. Бабенка са старшынёй Віцебскага аблвыканкама [2, с. 19].

Рашэннем Савета Фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па падтрымцы культуры і мастацтва Нацыянальнаму Полацкаму гісторыка-культурнаму музею-запаведніку быў выдзелены грант у памеры 8,5 млн. руб. для стварэння экспазіцыі ў Мастацкай галерэі і 2 млн. руб на закупку карцін. Былі пачаты практычныя работы па распрацоўцы плана рэгенерцыі г. Полацка і тэрыторыі музея-запаведніка да 2001 г.

У 2000 г. пры ўдзеле Полацкага гарвыканкама было створана ЗАТ “Скарб”, якое атрымала лецэнзію на ажыццяўленне турыстычнай дзейнасці. Творчым калектывам супрацоўнікаў музея-запаведніка быў сабраны неабходны матэрыял, і на пасяджэнні навукова-метадычнага савета была зацверджана тэматыка турыстычных маршрутаў “Барока і класіцызм у школе беларускай архітэктуры” (Полацк – Лепель – Браслаў – Полацк), “Па дарогах Язэпа Драздовіча” (Полацк – Браслаў – Полацк), “Адраджэнне народных рамёстваў Паазер’я” (Полацк – Лепель – Браслаў – Полацк). У раёне Кургана плавалася стварыць турыстычны маршрут, які ўключаў музей Вялікай Айчыннай вайны і музей-кватэру З. М. Тусналобавай-Марчанка. Адназначная ўвага была нададзена фарміраванню і прасоўванню брэнда “Полацк”. Сімвал горада – карабель-паруснік – стаў упрыгожваць прадукцыю прадпрыемстваў лёгкай прамысловасці [2, с. 64].

Рэдакцыя грамадскіх і сацыяльна-эканамічных праграм Беларускага Радыё трымала ў пастаянным полі зроку ход выканання Комплекснай доўгатэрміновай праграмы развіцця Полацка і НППГКМЗ на 2000 – 2005 гг. Праблемныя бакі аднаўлення помнікаў архітэктуры разглядаліся ў тэлепраграме “Спадчына” (выпуск ад 12 красавіка 2001 г.). Асабліва ўвага надавалася захаванню гісторыка-культурнай спадчыны Полацка. На гэтую тэму былі падрыхтаваныя сюжэты пра гісторыю Полацка, музей кнігадрукавання, музей ткацтва, краязнаўчы музей. Таксама ў перадачы прагучаў рэпартаж аб завяршэнні работ на корпусе “А” езуіцкага калегіума. Асабліва актуальнымі былі інфармацыйныя блокі, прысвечаныя неабходнасці развіцця турыстычнай інфраструктуры: будаўніцтва дарог, гасцініц, пунктаў харчавання [5, с. 23].

Тэма гісторыка-культурнай спадчыны Полацка была адлюстравана ў працы радыё і тэлебачання Віцебскага абласнога тэлерадыёаб’яднання. На абласным радыё і “РадыёВіцебск” у 2001 г. выйшла ў эфір больш за 20 інфармацыйных паведамленняў і радыёсюжэтаў, прысвечаных навуковаму і культурнаму жыццю горада (фестывалю, выставам, навукова-практычным канферэнцыям, семінарам). На абласным тэлебачанні, у інфармацыйнай праграме “Віцебскі Веснік”, выйшла ў эфір каля 20 відэасюжэтаў, асобныя тэмы якіх перараслі ў перадачы: “Міжнародны фестываль арганнай музыкі “Званы Сафіі””, “Міжнародны фестываль камернай музыкі”, “Вытокі” (аб урачыстасцях да дня памяці Ефрасінні Полацкай, экалагічных праблемах, дзеячах культуры мінулага і сучаснасці). Рэпартажы знаёмілі глядачоў з традыцыйным Пагашэнне марак з выявай Ефрасінні Полацкай. Падзеі, якія праводзіліся ў канцэртнай зале Сафійскага сабора, штомесяц асвятляліся ў спецыяльнай праграме “Культурная палітра Рэспублікі” (пятнічныя і суботнія выпускі “Постфактуму”), асобна распавядалася аб імпрэзах, прысвечаных XV Міжнароднаму фестывалю старадаўняй і сучаснай музыкі, які праходзіў у Сафійскім саборы, бралася інтэрв’ю з загадчыкам канцэртным аддзелам Л. Емяльянавай. У маі – чэрвені 2001 г. слухачы даведліся аб асвячэнні Патрыярхам Маскоўскім і ўсяе Русі спецыяльнага футарала да крыжа Еўфрасінні Полацкай, аб пяцідзённым пленэры юных мастакоў, тэмай якога стала 500-годдзе архітэктурнага стылю барока. 5 чэрвеня 2001 г. прагучала інфармацыя аб наведванні Філарэтам Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра [6, с.80].

Рэдактары Нацыянальнай дзяржаўнай тэлерадыёкампаніі падрыхтавалі перадачы-інтэрв’ю са старшынёй полацкага гарвыканкама У. С. Тачылай, прысвечаныя сацыяльнай і эканамічнай аснове выканання Комплекснай доўгатэрміновай праграмы развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Быў зняты сюжэт аб Полацкім езуіцкім калегіуме, дзе прагучалі крытычныя водгукі ў бок прадпрыемства “Полацкрэстаўрацыя”. Адбылася гутарка з дырэктарам музея-запаведніка Н. Н. Ільніцкім і дырэктарам музея традыцыйнага ткацтва Н. У. Філатавай [2, с. 67].

За термін дзеяння Праграмы былі ўсталяваны помнікі выдатным дзеячам мінулага Полацкай зямлі. Прызнанне і развіццё гарадскімі ўладамі патэнцыяла Полацка ў турыстычным плане знайшло сваё адлюстраванне ў мастацка-эстэтычным аздабленні гарадской прасторы і турыстычнага ядра горада мастацкімі скульптурамі. Праспект Ф. Скарыны (былы праспект К. Маркса) стаў галоўнай турыстычнай воссю гістарычнага цэнтра. Па задумцы скульптура як мастацка-эстэтычны складнік гарадской прасторы, з’яўляючыся своеасаблівым арыенцірам у ансамбле горада, павінна была ўносіць сэнсавыя акцэнтны ў адчуванне яго атмасферы. Жадаючы падкрэсліць культурна-асветніцкія традыцыі полацкай мінуўшчыны, у верасні 2003 г. у гарадскім скверы быў усталяваны помнік асветніку XVII ст. Сімяону Полацкаму (скульптар А. Фінскі, архітэктары Н. Царык і Г. Фёдараў). 7 верасня 2003 г. быў святочна адкрыты помнік літары “Ў” (аўтар І. Куржалаў). На пастаменце зроблены надпіс – паэтычная метафара вядомага беларускага паэта, Рыгора Бородуліна: “Ад Еўфрасінні, ад Скарыны, ад Полацка пачаўся свет...” У 2004 г. сустрэў першых наведвальнікаў Дзіцячы музей. Канцэпцыяй музея быў прапанаваны новы інтэрактыўны падыход да прэзентацыі прадметаў культуры і мастацтва. Майстар-класы, віктарыны, квэсты сталі візітнай карткай установы. 3 верасня 2005 г. з нагоды правядзення экалагічнага фестывалю ля будынка музея былі ўсталяваныя скульптурныя кампазіцыі “Дзяўчынка з сонечным гадзіннікам” і “Шкаляр з гадзіннікам”, аўтара П. Вайніцкага [4, с.67-69].

Даручэннем Савету Міністраў аб ходзе выканання Праграмы ўстановам адукацыі было рэкамендвана наведваць гістарычныя і культурныя аб'екты Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка з мэтай выхавання ў падрастаючага пакалення патрытызму і гонару за малую Радзіму.

Высновы. Такім чынам, у ходзе рэалізацыі Комплекснай доўгатэрміновай праграмы развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка быў выкананы шэраг пастаўленых задач: будаўніцтва аб'ектаў сацыяльна-культурнай сферы, добраўпарадкаванне тэрыторыі, рэстаўрацыя і прыстасаванне пад патрэбы грамадства матэрыяльных нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей. Былі зданы ў эксплуатацыю корпус "А" былога езуіцкага калегіума, дзе адкрылася мастацкая галерэя, астатнія карпусы былі канчаткова перададзеныя на баланс Міністэрства адукацыі з прыстасаваннем памяшканняў пад вучэбныя і лабараторныя аўдыторыі, завершана рэстаўрацыя будынка па вул. Ніжне-Пакроўскай, 46, у якім размясціўся дзіцячы музей.

У сувязі з недастатковым фінансаваннем некаторыя пазіцыі Праграмы былі выкананы не цалкам, тэрміны завяршэння работ былі падоўжаны. Так, рэстаўрацыя помніка прамысловай архітэктуры – воданарпнай вежы – з прыстасаваннем пад музей экалогіі было замаруджана. Урачыстасці адбыліся толькі ў 2006 г. За перыяд рэалізацыі праграмы былі падрыхтаваны экскурсійныя маршруты, устаноўлены помнік знакамітаму полацкаму дзеячу, Сімяону Полацкаму, а таксама букве "Ў". У 2000 г. Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік атрымаў статус "нацыянальны". У 2004 г. адчыніўся дзіцячы музей, у 2005 г. Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік аб'яднаў 11 музеяў. Паралельна з ходам рэалізацыі Праграмы былі прыняты "Нацыянальная праграма развіцця турызму Рэспублікі Беларусь на 2001 – 2005 гг. і пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 23.07. 2001 г. № 1085 "Аб першачарговых мерах па захаванні і адраджэнні гістарычных цэнтраў гарадоў Беларусі", якія акрэслівалі арыенціры ў развіцці турызму і зберажэнні гісторыка-культурнай спадчыны.

ЛІТАРАТУРА

1. Андрэйчык, К. В. Культурна-адукацыйная прастора Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта ў справе захавання асветніцкіх традыцый / К. В. Андрэйчык // Выш. шк. – 2017. – № 5. – С. 26 – 31.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Воп. 16. Спр. 4756.
3. НАРБ. – Ф.7. Воп. 16. Спр. 4754.
4. НАРБ. – Ф.7. Воп. 12. Спр. 4761.
5. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр.4049
6. Архіў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. – Ф.1. Воп. 1. Спр. 16.

Пасцуніў 07.10.2019

IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF PRESERVING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF POLOTSK ON THE EXAMPLE OF A COMPREHENSIVE LONG-TERM DEVELOPMENT PROGRAM OF POLOTSK AND THE NATIONAL POLOTSK HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-RESERVE (2000-2005)"

K. ANDREICHYK

The article considers the progress of implementation, the main achievements of the regional development program of Polotsk and the national Polotsk historical and cultural Museum-reserve. The purpose of the program is to create favorable conditions for strengthening and using the socio-cultural and tourist potential of Polotsk and the national Polotsk historical and cultural Museum-reserve, development of urban infrastructure and renovation of the territory of the historical center of the settlement, effective use of immovable material historical and cultural values.

Keywords: *authorities, legislation, government regulation, historical and cultural values, development program of Polotsk and national Polotsk historical and cultural museum-reserve.*

УДК 94 (476.6): 355 (09)

**ВОЙСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕЛАРУСИ
В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863 – 1864 ГГ.****А. Б. АРЛУКЕВИЧ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*

В статье раскрываются процессы сосредоточения и территориального размещения войск Российской империи в Беларуси в преддверии и период восстания 1863–1864 гг. В рамках настоящей работы впервые предпринята попытка установить организационную структуру, состав, численность и места дислокации отдельных подразделений и соединений российской армии на различных этапах восстания. В работе в хронологической последовательности описаны принимаемые правительством меры по усилению группировки российских войск на территории белорусских губерний, как в целях противодействия повстанческим отрядам, так и в связи с опасениями о возможном вмешательстве европейских государств в решение польского вопроса.

Ключевые слова: *восстание 1863–1864 гг., Российская империя, белорусские губернии, российские войска.*

Введение. По оценкам ведущих специалистов в области отечественной историографии восстание на землях бывшей Речи Посполитой 1863–1864 гг. за восстановление утраченной государственности и его отголоски в Беларуси являются одним из наиболее исследуемых блоков отечественной истории с момента становления национальной школы исторической науки в 20-е гг. XX в. [1]. Споры о роли и значении событий 1863 – 1864 гг. в исторической судьбе нашей страны не утихают и сегодня. Очередная волна дискуссий вокруг данной темы связана с обнаружением вероятных останков К. Калиновского в Вильнюсе и принципиальной позицией части активной общественности и интеллигенции, выступающей за его перезахоронение на малой Родине. В этом отношении безусловным приоритетом среди исследователей пользуется поиск в Январском восстании корней и идейных основ белорусского национального движения, а вместе с ним и возможных протопроектированных белорусской национальной государственности. Не отрицая важности данного направления изысканий, необходимо отметить, что в рассматриваемом ключе исторический дискурс (направленный на восстановление подлинной картины событий) уже давно уступил место идейно-политическому, который отражает противоборство различных течений в рамках отечественной историографии. При этом создается ложное впечатление, что на исторической панораме восстания за 150 лет активных исследований, отраженных в обширной библиографии, не осталось белых пятен.

Однако, как показали результаты работы над кандидатской диссертацией, посвященной проблемам военного присутствия Российской империи в Беларуси, до настоящего времени в белорусской историографии нет ясного представления о силах российской армии, сосредоточенных на территории белорусских губерний в 1863–1864 гг. Нет точных данных о том, какие именно подразделения и соединения российских войск размещались на белорусских землях и где (называются лишь отдельные части, квартировавшие в отдельных губерниях на отдельных этапах восстания, что не позволяет восстановить целостную картину расстановки сил). Еще более неопределенными являются используемые данные об общей численности регулярных войск, которые, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой, – не отвечают объективной действительности. Между тем очевидно, что армия Российской империи являлась ведущим средством реализации государственной политики в ходе подавления восстания, а также, наравне с отрядами инсургентов, – главной действующей силой событий, разворачивавшихся в это время в белорусских лесах. Таким образом, необходимость детального изучения организационной структуры, численности, состава и схемы территориального размещения войск в границах белорусских губерний имеет принципиальное значение для воссоздания объективной картины событий 1863 – 1864 гг. на территории Беларуси.

Изучение военно-силовой составляющей политики Российской империи в отношении организованных групп, ставших на путь вооруженной борьбы на территории белорусских губерний в 1863 г., началось сразу после завершения восстания в 60-е – 70-е гг. XIX вв. и проводилось экспертами российского Генерального штаба в рамках обзорных исследований, посвященных проблемам организации и управления вооруженных сил Российской империи на фоне инициированных Александром II военных реформ [2 – 4]. Несмотря на то, что самой кампании 1863 г. военными специалистами отводилось второстепенное значение, их работы до настоящего времени наиболее полно (с учетом позиции правительства, особенностей организации местного военного управления, состава, численности и внутренней структуры вооруженных сил) отражают военно-стратегическую обстановку, сложившуюся на территории белорусских губерний к 1863 г.

Предметное изучение событий восстания 1863 г. (в т.ч. отдельных элементов его военного компонента) в Беларуси началось в рамках дискуссии между отдельными течениями общественно-политической

мысли вокруг цивилизационной идентичности белорусов. В частности, приверженцы идеи западнорусизма рассматривали восстание как попытку католической Польши искусственно привязать к себе Беларусь, а одну из своих задач видели в увековечении памяти о военнослужащих армии Российской империи, погибших в ходе противостояния с претендовавшими на белорусские земли националистически настроенными польскими радикалами. В рамках данного направления хранителем Виленского Публичного музея древностей, историком и археографом А. И. Миловидовым были систематизированы исторические сведения о боевых столкновениях отдельных частей и подразделений российских войск с повстанцами на территории Виленского военного округа, представленные в виде исторического очерка, опубликованного в 1915 г. [5].

На академическом уровне изучение событий 1863 – 1864 гг. в Беларуси началось в 20-е гг. XX в. Однако, в силу господствовавших в 20-е – 80-е гг. XX в. идейно-политических установок, главную задачу советские историки видели в поиске наднациональных социально-экономических предпосылок, а также придании выступлению под предводительством К. Калиновского антидворянского революционно-демократического характера. На этом фоне военная составляющая борьбы крестьянских отрядов с регулярной армией должна была продемонстрировать несоизмеримость противоборствующих сил (в отношении организации, численности и профессионализма), и, как следствие, трусость и жестокость правящего режима. Последняя задача не требовала детального изучения системы организации и управления вооруженными силами, сосредоточенными на белорусских землях, их численности и состава, районов наибольшей концентрации и схемы территориального размещения. Презентация образа военной кампании 1863 г. сводилась к описанию подготовки и хода отдельных столкновений повстанческих отрядов с подразделениями регулярных войск, представление о которых прочно закрепилось в общественном сознании благодаря творчеству художников П. Сергиевича, Л. Дударенко, Ф. Янушкевича, Г. Тихановича, В. Шматова, Н. Купавы.

С началом перестройки в середине 80-х гг. XX в. среди отечественных историков наметилась тенденция к приданию деятельности К. Калиновского и Литовского провинциального комитета белорусского национального оттенка, и рассматривать ее как движение за освобождение Беларуси от российского владычества. В данном контексте военная составляющая восстания в очередной раз уступила место идейно-политической, первая из которых традиционно представлялась как охота хорошо организованной военной машины империи за разрозненными и плохо вооруженными патриотами.

Отдельные локальные операции российских войск против повстанцев в течение 1863 г. на территории Гродненской и Минской губерний в современной белорусской историографии изучены в работах В. Н. Черепицы, О. В. Карповича, А. Д. Гронского [6 – 8]. Очерк боевых действий повстанческих отрядов представлен в монографии Д. Ч. Матвейчика, в рамках которой центральное место отводится исследованию подготовки заинтересованных сил к вооруженному выступлению, стратегических планов отдельных предводителей восстания, тактики проводимой повстанцами партизанской войны [9].

Выявление общих причин и военно-стратегических предпосылок применения вооруженных сил, а также описание (пусть и достаточно большого количества) локальных боев все же не раскрывает многих ключевых аспектов кампании 1863 г., среди которых: процесс сосредоточения частей и соединений в районе белорусских губерний, перемещения войск в их границах, организация управления и взаимодействия воинского контингента, стратегические цели и тактика боевого применения отдельных отрядов российской армии. Фактический материал, активно используемый в настоящее время в научном обороте, не позволяет в полной мере реконструировать данные процессы, что требует привлечения дополнительных источников и их анализа на основе современных методологических подходов с учетом предшествовавшего опыта исторической науки.

Источниковую базу настоящей работы составили материалы делопроизводства Департамента (Главного управления) Генштаба Российской империи, вошедшего в 38-й фонд Российского государственного военно-исторического архива. На основе анализа и сопоставления сведений головного органа военного министерства, ведавшего применением (в т. ч. дислокацией и передвижениями) сухопутных сил на территории государства и за его пределами, были раскрыты причины и цели сосредоточения войск Российской империи в границах белорусских губерний, определены районы их территориального размещения и общая численность в преддверии и период восстания 1863 – 1864 гг. [10 – 14]. В исследовании также были активно использованы сведения из воспоминаний военного министра Д. А. Милютина, которые позволили раскрыть первоначальный замысел и последовательность мероприятий правительства по созданию военно-окружной системы, а также процесс принятия военно-стратегических решений (в т. ч. в отношении использования отдельных армейских соединений, тактики контрпартизанской войны) в период подавления восстания [15; 16]. Дополнить панораму территориального размещения и боевого применения войск в исследуемых географических рамках позволили данные полковой историографии. Составленные на основе полковых архивов и воспоминаний ветеранов в виде исторических хронологий переживаемых воинскими подразделениями событий, отдельные полковые хроники представили подробные сведения о их перемещениях и боевых действиях в 1863 г. [17 – 31].

Основная часть. Неудачи Крымской кампании и вступление на престол Александра II, инициировавшего серию буржуазных реформ в российском государстве, положили начало коренному переустройству системы управления и организации вооруженных сил. В рамках военных реформ, по плану Д. А. Милютин, занявшего пост военного министра в 1861 г., «необходимо было подчинить части 1-й армии, расположенные в западных губерниях империи Виленскому генерал-губернатору, который для ближайшего контроля за действиями местных хозяйственных учреждений сосредоточил бы в себе и высшее командование войсками, и заведование местными органами военной администрации» [16, с. 349]. Также планировалось подчинить единому центру существовавшие до этого времени округа (артиллерийские, инженерные, внутренней стражи), районы которых в границах империи не совпадали.

Логика подобных преобразований требовала создания принципиально новой системы окружной организации вооруженных сил, центры которой сосредоточили бы в своих руках управление всеми военными учреждениями и объектами на установленной территории, переложив часть управленческих функций военного министерства на военно-окружные штабы.

Активная фаза реформы военного управления началась в июне 1862 г. с назначением К. Н. Романова (младшего брата Александра II) наместником в Царстве Польском. По воспоминаниям Д. А. Милютин, Александр II «не считал возможным сохранить в его лице прежнее слияние должностей наместника и главнокомандующего 1-й армией, но в то же время не признавал возможным и отделить военную власть от гражданской... Из этого проистекла необходимость подчинения великому князю лишь тех войск, которые находились в пределах Царства Польского. По тем же соображениям признано было полезным и те части 1-й армии, которые были расположены в западных губерниях империи, подчинить Виленскому генерал-губернатору [16, с. 350; 32, с. 61]. Первоначально в состав округа вошли Виленская, Витебская, Минская, Могилевская и Гродненская губерния без Брест-Литовска, который вошел в состав Варшавского округа, но в 1864 г. был передан Виленскому [14, лл. 1 – 1 об.].

Образование округа совпало с началом восстания 1863 – 1864 гг., что оказало решающее значение на численность и состав расположенных на его территории войск. Однако следует обратить внимание, что концентрация значительного числа армейских соединений на белорусских землях в рассматриваемый период была обусловлена, как борьбой с отрядами повстанцев, так и опасениями российского правительства, связанными с возможным вмешательством европейских государств в решение польского вопроса, получившими наименование «военной тревоги» 1863 г.

К началу восстания на белорусских землях, по данным Департамента Генерального штаба за 6 февраля 1863 г., размещались: три полка 2-й пехотной дивизии (Калужский полк – в районе Гродно; части Либавского полка – в районе Белостока и Соколки; части Ревельского полка – в районе Пружан, Кобрин, Березы и Брест-Литовска); 3-я пехотная дивизия в полном составе (части Староингерманландского полка – в районе Борисова, Докшиц, Логойска; части Новоингерманландского полка – в районе Минска, Ракова, Койданово; части Псковского полка – в районе Новогрудка, Мира, Клецка; Великолуцкий полк – в районе Бобруйска); Софийский полк 1-ой пехотной дивизии квартировал в районе Бельска. Из состава 1-й артиллерийской дивизии части 1-й полевой артиллерийской бригады квартировали в районе Ошмян, Сморгони и Воложина, части 2-й полевой артиллерийской бригады – в районе Гродно, 3-я полевая артиллерийская бригада – в районе Слонима. Кроме того, в окрестности Гродно и Лиды квартировали четыре эскадрона лейб-уланского Курляндского полка 1-ой легкой кавалерийской дивизии; по одной сотне Донского казачьего № 33 полка квартировало в Гродно, Белостоке, Бельске, Слуцке, Пинске и Минске. К 8 февраля в Кобрин из Кременчуга прибыл Донской казачий № 5 полк [10, лл. 2–10; 11, лл. 62–91].

Помимо частей действующих войск к февралю 1863 г. на белорусских землях было сосредоточено шесть резервных батальонов 2-й и 3-й резервных пехотных дивизий: батальон Витебского полка – в районе Мозыря, батальоны Полоцкого и Елецкого полков – в районе Бобруйска, батальоны Полтавского и Кременчугского полков – в районе Борисова, батальон Муромского полка – переведенный накануне из Полоцка в район Дисны [11, лл. 62–91]. Кроме того, в каждой губернии постоянно квартировали части местных (гарнизонных) войск Корпуса внутренней стражи в составе губернских батальонов и уездных команд.

В рассматриваемый период пехотные полки, согласно, действовавшим штатам, утвержденным в 1856 г., состояли из 3-х батальонов, общая численность которых в мирное время должна была составлять 2 718 солдат и офицеров и 3 207 солдат и офицеров – в военное время [2, с. 93; 33, с. 219–220]. Согласно «Высочайшему приказу» от 18 сентября 1856 г., все кавалерийские полки были приведены в 4-х эскадронный состав [2, с. 96–97]. Согласно штатам, утвержденным 22 декабря 1856 г., в каждом из гусарских и уланских полков семи легких кавалерийских дивизиях в мирное время в строю должно было стоять 697 солдат и офицеров, и 833 солдата и офицера – в военное время [33, с. 767–768]. Согласно утвержденному «Дополнению», объявленному в приказе военного министра 24 ноября 1857 г. все армейские пешие артиллерийские бригады состояли из 4-х батарей: двух батарейных, одной легкой и одной облегченной [2, с. 123–124]. Общая численность артиллерийской бригады, по действовавшему к началу восстания «Положению о переформировании артиллерии» 1856 г., составляла: 671 солдат и офицер

в мирное время, 982 солдата и офицера – в военное время [34, с. 226–243]. Казачьим полкам (имевшим одинаковый состав как в мирное, так и в военное время), согласно штатам, действовавшим в рассматриваемый период, полагалось по 851 нижнему чину и 21 офицеру, разделенным в структуре полка на шесть сотен [2, с. 299–300]. Следуя нормам 1856 г. в резервных батальонах в мирное время должно было состоять на службе 870 нижних чинов и 21 офицер (к лету 1863 г. численность резервных батальонов была доведена до 1 тыс.) [2, с. 101; 4, с. 18]. Численность местных войск Корпуса внутренней стражи в пяти губерниях с белорусским населением, по данным Департамента Генерального штаба на конец 1858 г., составляла 4575 солдат и офицеров [35, лл. 66–74].

Опираясь на нормы действующих положений, а также данные Департамента Генерального штаба, общая численность войск Российской империи, сосредоточенных на территории Гродненской, Минской, Могилевской, белорусских уездов Витебской и Виленской губерний, к 8 февраля 1863 г. составляла – из состава восьми пехотных полков (по 2 718 солдат и офицеров в каждом), 3-х артиллерийских бригад (по 671 солдату и офицеру в каждой), уланского кавалерийского полка (697 солдат и офицеров), 2-х казачьих полков (по 872 казака и офицера в каждом), шести резервных батальонов (по 891 солдату и офицеру), частей и подразделений Корпуса внутренней стражи (общей численностью 4 575 солдат и офицеров, по данным на конец 1858 г.) – 36 119 солдат, казаков и офицеров.

О введении военного положения на территории Гродненской и Виленской губерний властями было объявлено только 4 февраля, спустя две недели после первых боев в районе Брест-Литовска и Семятич (к 22 февраля военное положение было введено также в Пинском, Слуцком и Новогрудском уездах Минской губернии) [28, с. 255]. На начальников дивизий расформированного накануне I-го армейского корпуса, расположенных в Виленском военном округе, была возложена обязанность по уничтожению повстанческих отрядов в отведенных для них районах. В зону ответственности 1-й пехотной дивизии под командованием ген.-лейт. Е. И. Майделя входила большая часть Ковенской и северные уезды Виленской губерний, 2-й пехотной дивизии под командованием ген.-лейт. З. С. Манюкина – Гродненская и южные уезды Виленской губернии (с августа 1863 г. 2-я пехотная дивизия находилась в Царстве Польском), 3-й пехотной дивизии под командованием ген.-лейт. А. Ф. Гольтгоера (с 22 августа 1863 г. командовал ген.-майор И. С. Ганецкий) – территория Минской, Витебской и Могилевской губерний [15, с. 90–92, 245].

Первые же бои регулярных войск с повстанцами показали, что даже крупные отряды инсургентов на открытой местности не выдерживали напора цепей российской пехоты, поэтому вести контрпартизанскую войну крупными объединениями было нецелесообразно (несмотря на увещевания явно переоценившего силы противника Александра II, который требовал «избегать дробления войск, высылая против мятежников сильные отряды с кавалерией и артиллерией») [30, с. 496]. Для преследования повстанцев командиры сводных отрядов (ген.-майор И. Г. Ностиц, ген.-лейт. З. С. Манюкин и пр.) делили свои силы на т. н. подвижные колонны, каждая из которых состояла из двух-трех рот передвигавшейся на подводах пехоты и приданных ей казаков. Подобные подвижные колонны в российских войсках стали ведущей тактической единицей, эффективно использовавшейся правительством до конца восстания.

Использование мелких подразделений (рот, эскадронов, сотен) из состава различных частей (пехотных, казачьих, кавалерийских полков) для формирования подвижных колонн, совершавших форсированные марши на сотни верст, фактически выводило их из подчинения непосредственному командованию, терявшему контроль за их действиями. В частности, к 22 февраля из состава Псковского пехотного полка 1-й батальон с 1-й и 3-й стрелковыми ротами находились в Брест-Литовской крепости, в распоряжении ее коменданта; 5-я линейная рота – в Беловеже, в отряде Манюкина; 7-я и 8-я линейные, а также 2-я стрелковая – в Пинске, в отряде Ностица; 3-й батальон – в Августовской губернии, в отряде генерал-майора Толя [36, с. 304–305]. Подобным образом, в это же время шестая сотня Донского казачьего № 5 полка находилась в Брест-Литовской крепости, в распоряжении коменданта; 5-я сотня – в отряде Манюкина; 2-я, 3-я и 4-я сотни – в отряде Ностица [30, с. 495].

Командиры полков и батальонов, части которых находились в составе сводных отрядов и подвижных колонн, предоставляли кадры для института военно-уездных начальников, координируя действия отрядов российских войск в границах отдельных уездов и выполняя роль руководителей оперативных штабов по борьбе с восстанием в рамках контролируемых ими административно-территориальных единиц. В частности, 22 февраля военно-уездным начальником Пинского уезда был назначен командир Донского казачьего № 5 полка полковник Кирпичев, военно-уездным начальником Слуцкого уезда – командир Донского казачьего № 33 полка полковник Астахов, военно-уездным начальником Новогрудского уезда – командир Староингерманландского пехотного полка полковник Чертов [37, лл. 27–27 об.].

С целью усиления сил Виленского военного округа 19 января (т. е. еще до введения военного положения) было принято решение о командировании из Петербурга в Виленский военный округ л.-гв. Сводного Казачьего полка (в составе 1-го дивизиона л.-гв. Казачьего и 1-го дивизиона л.-гв. Атаманского полков). 23 января полк по Петербургско-Варшавской железной дороге прибыл в Вильно и торжественно вошел в город через Остробрамские ворота [20, с. 475]. Первоочередной задачей лейб-

казаков было патрулирование города и его окрестностей [20, с. 483–490]. Численность четырех эскадронов легкой кавалерии л.-гв. Сводного Казачьего полка не должна была превышать численности одного легкого 4-х эскадронного уланского гвардейского полка, которая, согласно принятым штатам, составляла 696 солдат и офицеров [33, с. 749].

28 января Александр II принял решение направить в Вильно 2-ю гвардейскую пехотную дивизию, части которой должны были поступить в распоряжение Виленского генерал-губернатора В. И. Назимова. Полки гвардии выступили из Петербурга 31 января по штатам мирного времени и будучи укомплектованы теми же солдатами, что и в период Крымской войны, так как с 1856 г. рекрутских наборов в Российской империи не проводилось [31, с. 120]. Кроме того, в августе 1857 г. было утверждено «Дополнение к переформированию пехоты», по которому полки гвардии переводились в 2-х батальонный состав (общая численность каждого из полков, согласно «Дополнению», должна была составлять 1886 солдат и офицеров) [38, с. 278]. Части 2-й гвардейской пехотной дивизии до 27 апреля 1863 г. оставались укомплектованы по штатам мирного времени (таким образом, ее общая численность в начальный период восстания не должна была превышать 7544 солдат и офицеров) [2, с. 122]. Ко 2 февраля эшелоны гвардии по Петербургско-Варшавской железной дороге прибыли в Вильно [31, с. 120].

В Вильно деятельность гвардии заключалась в содержании городских караулов, организации ночных патрулей, охране станции железной дороги и политической тюрьмы (т. н. «14 номера»). Тесные контакты с офицерами гвардии поддерживали «человек 15 поляков-помещиков, всецело преданных карточной игре и предпочитавших это занятие всяким политическим комбинациям». По сведениям полковой историографии, «из этих помещиков особенно расположен был к ним пожилой граф Тышкевич» [19, с. 318; 31, с. 158]. По воспоминаниям гвардейцев, «частые беспокойные караулы, дежурства, усиленные патрули, часовые с заряженными ружьями, все это вместе – и живописность окрестностей Вильно, и сам город, казавшийся осажденным, прекрасная весна, красивые польки – как-то фантастически настраивало молодежь» [23, с. 410].

Из состава 2-й гвардейской дивизии л.-гв. Финляндский полк действовал, главным образом, в Виленском, Троцком и Лидском уездах (в районе Вороново, Тракей и Радуни). Отдельные отряды полка доходили до деревень Новый Двор и Острино, на границе Лидского уезда с Гродненской губернией [31, с. 158–192]. Ротам л.-гв. Павловского полка также «не приходилось постоянно квартировать в Вильно: они или отправлялись в экспедиции, или стояли караулами по железным дорогам, или конвоировали различные грузы» [23, с. 412]. Подразделения л.-гв. Московского полка, сосредоточенные первоначально в Виленском уезде (в районе Новых Троков, Оран и Олькеник), «непрерывно находились в продолжительных экспедициях, которые выходили за границы района квартирного расположения и включали территорию Виленской, Гродненской, Ковенской и Августовской губерний» [28, с. 221].

В начале февраля к Гродно для усиления отряда З. С. Манюкина был командирован Санкт-Петербургский уланский полк (который прибыл туда по железной дороге из Ковно), а также Невский пехотный полк 1-й пехотной дивизии и 2-й батальон Староингерманландского пехотного полка 3-й дивизии (квартировавший до этого времени в Вильно) [24, с. 454].

К 1 апреля 1863 г. в Вильно из Санкт-Петербурга прибыл л.-гв. Драгунский полк, который вошел в состав войск виленского гарнизона (численность полка в 1863 г. составляла 804 солдата и офицера по штатам военного времени) [25, с. 128, 134]. Служба полка заключалась в дневных и ночных разъездах по городу и его окрестностям, организации пикетов у возможных мест сбора новобранцев для повстанческих отрядов [25, с. 134]. С 12 апреля «началось беспорядочное странствование полка по литовским болотам» (главным образом, на территории Ковенской губернии). Лишь 2-й дивизион полка постоянно находился в Вильно: здесь он дробился на мелкие части, придававшиеся к пехотным отрядам для организации патрулей [25, с. 134–148].

В апреле 1863 г. в ответ на ряд акций, предпринятых повстанцами в Витебской и Могилевской губерниях, из Новгорода к Режице был отправлен л.-гв. Уланский полк (16 мая полк был разделен поэскадронно: 1-й и 2-й эскадроны были направлены в Динабург, 3-й эскадрон – в Свентяны, 4-й эскадрон – в Вильно), а из Тверской губернии в Поречье Могилевской губернии – гусарская бригада (два полка, общей численностью, согласно действовавшим штатам, 1666 гусар) 7-й кавалерийской дивизии [15, с. 150; 17, с. 29]. Согласно штатам, утвержденным 22 декабря 1856 г., численность л.-гв. Уланского полка должна была составлять 836 солдат и офицеров по штатам военного времени [33, с. 749].

По сведениям военного министра Д. А. Милютин, «когда в польское дело начала вмешиваться дипломатия, положение России, ввиду готовившейся против нее коалиции, становилось опасным. В течение апреля 1863 г., после полученных дипломатических нот от ведущих европейских государств, все резервные батальоны расформированного I-го корпуса, а также перемещенной из внутренних районов 5-й резервной дивизии (сосредоточенные, главным образом, на территории Минской, Витебской и Могилевской губерний – А. А.), были переформированы в полки 2-х батальонного состава» [15, с. 158–161].

К маю 1863 г., со вступлением в должность Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и разгромом наиболее организованных повстанческих отрядов, части армейских соединений в Виленском военном округе, разделенные на небольшие отряды, стали располагаться в деревнях и местечках повзводно и поротно, что, по свидетельству современников, «создавало впечатление наводненности Края войсками». Кроме того, «генерал-губернатор требовал, чтобы они находились в постоянном движении» [23, с. 230, 238]. В этом отношении характерный случай произошел возле м. Олькеники (на границе Трокского, Гродненского и Лидского уездов), где 10 июля отряд л.-гв. Финляндского полка встретил 15 донских казаков, «которые, будучи высланы из Вильно, уже несколько месяцев разбегались по Рудниковскому лесу и, не имея над собой никакого начальства, не получали ни фуража, ни денег на продовольствие и по наружности походили, скорее, на инсургентов, чем на казаков» [31, с. 197].

Существенные изменения в составе контингента российских войск в Беларуси произошли в июне-июле 1863 г., когда на смену 2-й гвардейской пехотной дивизии, возвращавшейся в Петербург, в Виленский военный округ выступила 1-я гвардейская пехотная дивизия, полки которой были укомплектованы уже тремя батальонами по штатам военного времени (согласно действовавшим штатам, с учетом присоединения третьих батальонов, общая численность дивизии должна была составлять 13 388 солдат и офицеров: в трех полках $(2\ 219 + 1\ 110) \times 3$ и Преображенском полку с особыми штатами $(2\ 267 + 1\ 134)$ [31, с. 198; 38, с. 269–270]. Из состава 1-й гвардейской пехотной дивизии 23 июня в Вильно прибыл л.-гв. Егерский полк. Последний «был разбит на мелкие части, по две роты, которые составили подвижные колонны, прочесывавшие Трокский и Лидский уезды» [22, с. 345]. Выступивший из Петербурга 25 июня л.-гв. Измайловский пехотный полк по прибытию в Виленский военный округ расположился в районе Свентян (штаб полка – в городе, роты – по окрестным деревням) [21, с. 144]. 3-й батальон полка занялся охраной линии Петербургско-Варшавской железной дороги, 1-й батальон был направлен в Вильно для несения караулов. Части полка «конвоировали грузы, собирали контрибуцию, преследовали мелкие отряды повстанцев, скрывавшиеся в глухих лесах и непроходимых болотах» [21, с. 145–146].

Прибывший 11 июля в Вильно из Санкт-Петербурга л.-гв. Семеновский полк, спустя две недели был направлен в район Гродно. «Войдя в город 25 июля, он разделился: 1-й батальон остался в самом Гродно, части остальных – разошлись по окрестным деревням. За исключением некоторых отдельных экспедиций, вся деятельность полка в 1863 г. ограничилась одним временным военно-административным управлением края» [18, с. 195–197]. 14 июля 1863 г. в Вильно прибыл последний эшелон л.-гв. Преображенского полка, 7 рот которого с 16 июля по 9 августа несли караульную службу в Опшмянском уезде. В ночь с 30 на 31 июля подразделения полка участвовали в «повальном обыске» Вильно с целью поимки кинжальщика, пытавшегося убить предводителя губернского дворянства А. Ф. Домейко [19, с. 320–332].

К лету 1863 г. стратегическая инициатива в вооруженном противостоянии на территории белорусских губерний перешла на сторону правительственных сил, сломивших сопротивление наиболее организованных повстанческих отрядов, многие из которых пришли в Литву и Беларусь из Царства Польского. Оценив сложившуюся обстановку, Александр II 29 июня 1863 г. счел возможным командировать части 2-й пехотной дивизии из Виленского в Варшавский военный округ. На место последних из Минской в Гродненскую губернию должна была перейти 3-я пехотная дивизия, штаб которой выступил из Минска 9 июля [39, с. 294]. Вслед за ним 12 июля в Белосток из Минска выступил штаб и 3-я рота Новоингерманландского полка [39, с. 294]. 27 июля из Минска в Слоним выступил Великолуцкий полк [27, с. 38]. К последней трети лета 3-я пехотная дивизия в Гродненской губернии располагалась следующим образом: части Староингерманландского полка – в районе Слонима и Волковыска, Новоингерманландского полка – в районе Белостока, Псковского полка – у Брест-Литовска и Свислочи, Великолуцкого полка – у Кобрина, Пружан и Соколки.

Помимо частей названной дивизии к последней трети лета 1863 г. на территории Гродненской губернии в Кобрине, Высоколитовске, Бельске и Белостоке продолжали квартировать по одному эскадрону Санкт-Петербургского уланского полка. В районе Гродно оставались два эскадрона лейб-уланского Курляндского полка (по одному эскадрону лейб-улан квартировало в Волковысском уезде и у м. Соколка) и две батареи 2-й артиллерийской бригады. Две батареи 3-й артиллерийской бригады квартировали в районе Слонима и одна у Брест-Литовска [11, л. 193]. Опираясь на нормы действующих положений и данные Департамента Генерального штаба, общая численность войск, сосредоточенных в Гродненской губернии к концу июля 1863 г. – из состава 4-х полков 3-й пехотной дивизии, одного гвардейского полка, двух кавалерийских полков, батарей 2-й и 3-й артиллерийской бригады, частей и подразделений Корпуса внутренней стражи – составляла $19\ 945$ солдат и офицеров $(12\ 828 + 3\ 329 + 833 \times 2 + 505$ двух батарей 2-й артбригады $+ 741$ трех батарей 3-й артбригады $+ 876$ губернского бат-на и уездных команд).

Наибольшую концентрацию войск к концу июля 1863 г. можно было наблюдать в районе Вильно. К этому времени в самом городе находилось семь пехотных батальонов из состава различных полков, шесть эскадронов кавалерии и сотня казаков. Помимо того к 21 июля в Вильно из Великих Лук прибыл резервный Эстляндский пехотный полк, 29 июля туда же из Динабурга прибыл резервный Великолуцкий

полк. В соседнем с Виленским Лидском уезде квартировало три роты резервного Костромского полка (в самой Лиде) и 132 казака Донского казачьего № 17 полка (в Лидском уезде). В м. Заболоть и окрестностях Щучина квартировало три роты л.-гв. Гатчинского полка. В Ошмянах – три роты л.-гв. Преображенского полка (10 августа их должны были заменить прибывшие в Ошмяны из Лепеля семь рот резервного Низовского полка) и одна батарея 2-й артиллерийской бригады с двадцатью казаками Донского казачьего № 17 полка. В Воложине размещалась одна рота Преображенского полка и пятьдесят казаков Донского № 17 полка. В м. Свирь квартировало две роты л.-гв. Измайловского полка, а в окрестностях Вилейки – шесть рот резервного Муромского полка [11, л. 188].

Опираясь на нормы действовавших положений и данные Департамента Генерального штаба, общая численность войск, сосредоточенных на территории уездов Виленской губернии с белорусским населением к концу июля 1863 г. составляла – из состава семи пехотных батальонов и двух резервных полков, шести эскадронов кавалерии, 18 рот пехоты, батареи артиллерийской бригады, казачьих отрядов, частей и подразделений Корпуса внутренней стражи – 17 193 (1069 × 7 пехотных батальонов + 4000 резервных полков + 833 × 1,5 шести эскадронов кавалерии + 3207 × 1,2 восемнадцати рот пехоты + 264 батареи артиллерийской бригады + 347 казаков) солдат и офицеров.

Значительная роль в борьбе с восстанием на белорусских землях отводилась казачьим частям, которые в составе отдельных отрядов были равномерно рассредоточены по территории Виленского военного округа, куда до лета продолжали прибывать свежие казачьи отряды. В частности, по данным Департамента Генерального штаба, к 4 июля в Вильно из Санкт-Петербурга должен был прибыть Донской казачий № 41 полк, а к 10 июля в Белосток – Донские казачьи № 44 и № 45 полки [11, лл. 10–11]. Впоследствии одна сотня 41-го полка была направлена в Витебскую губернию, оставшиеся – в Ковенскую и Курляндскую. К июлю 1863 г. Донской казачий № 17 полк квартировал в уездах Виленской губернии, Донской казачий № 42 полк был сосредоточен у Вильно для командировки в Ковенскую губернию. В августе в Виленскую губернию, помимо находившихся здесь к тому времени Донского казачьего № 17 полка и одной сотни Донского казачьего № 13 полка, был направлен Донской казачий № 30 полк (последний прибыл в Вильно не позднее 23 августа). В Гродненской губернии в июле 1863 г. были сосредоточены Донской казачий № 5 полк и большая часть Донского казачьего № 32 полка (две сотни которого квартировали в Минской губернии). В Минской губернии находилась большая часть Донского казачьего № 33 полка (по сотне которого квартировали в Гродно и Ковно) и одна сотня Донского казачьего № 13 полка (большая часть последнего к концу июля квартировала в Могилевской губернии) [11, лл. 167–168]. Опираясь на нормы действующих положений и данные Департамента Генерального штаба, общая численность казачьих войск, сосредоточенных на территории пяти губерний с белорусским населением к концу июля 1863 г. составляла – из состава десяти полков – 8720 (872 × 10) казаков и офицеров.

К последней трети лета 1863 г. войска Российской империи в Витебской, Минской и Могилевской губерниях были представлены, главным образом, резервными подразделениями сформированных накануне резервных полков.

В частности, в Витебской губернии к концу июля было сосредоточено шесть резервных полков (общей численностью, согласно принятым нормам, 12 тыс. солдат и офицеров): Нарвский, Либавский, Галицкий, Нижегородский, Симбирский и Низовский. Девятнадцать рот из состава резервных полков было сосредоточено в Динабурге, остальные равномерно распределены по уездам губернии. К 18 августа в Динабург из Сенно должен был прибыть резервный Могилевский полк.

К концу июля в Могилевской губернии дислоцировалось три резервных полка (общей численностью, согласно принятым нормам, в 6 тыс. солдат и офицеров). Подразделения резервного Могилевского полка квартировали у Могилева, Сенно и Лиозно. Резервный Черниговский полк также был разделен на несколько отрядов, находившихся у Рогачева, Старого Быхова, Могилева и Гомеля. Резервный Брянский полк прибыл не ранее 2 июля в Чериков из г. Рославль Смоленской губ., а его отдельные подразделения направлены к Черикову, Кричеву и Чаусам. Помимо перечисленных сил в Могилевской губернии квартировало лишь четыре эскадрона Митавского гусарского полка (согласно действовавшим штатам – 833 солдата и офицера): у Орши (два эскадрона), Черей (один эскадрон) и Шклова (один эскадрон). По данным Департамента Генерального штаба, каких-либо других войск в губернии помимо гарнизонных (местных) частей и незначительного числа казаков на тот момент не было.

Из числа резервных подразделений в Минской губернии к 29 июля квартировало восемь пехотных полков (общей численностью около 16 тыс. солдат и офицеров). Среди них, резервный Алексопольский полк (находившийся в Минске и Минском уезде), резервный Кременчугский полк (полковой штаб и семь рот – в Борисове и Борисовском уезде, три роты – в Игуменском уезде), резервный Полоцкий полк (полковой штаб и семь рот – в Новогрудке и Новогрудском уезде), резервный Орловский полк (пять рот и полковой штаб – в Игумене и Игуменском уезде, пять рот – в Слуцке), резервные Елецкий и Севский пехотные полки – в Бобруйске и Бобруйском уезде, резервный Витебский пехотный полк (восемь рот

с полковым штабом – в Мозыре и Мозырском уезде, две роты – в Речице и Речицком уезде) и резервный Полтавский пехотный полк, квартировавший в Пинске и Пинском уезде [11, лл. 140–167].

Не вызывает сомнений, что резервные войска, сосредоточенные на белорусских землях в период восстания, необходимо рассматривать не как средство борьбы с восстанием, а как элемент наращивания военного потенциала Российской империи ввиду дипломатического давления западноевропейских государств и связанных с этим опасений возможной военной интервенции. Сами резервные войска, использовавшиеся как учебные депо для подготовки новобранцев к службе, в течении весны – лета 1863 г. три раза пополнялись рекрутами, переформировавшись вначале из резервных батальонов в 2-хбатальонные, а затем и 3-хбатальонные полки. Происходившие внутри данных подразделений процессы делали их малоэффективными в военном отношении. К тому же присутствие в регионе массы находившихся в движении рекрутов требовало создания дополнительных мер безопасности и, как следствие, привлечения значительных сил и средств, что не усиливало, а ослабляло положение правительства перед лицом восстания.

Опираясь на действовавшие в исследуемый период нормы, а также сведения Департамента Генерального штаба, к концу июля 1863 г. на белорусских землях было сосредоточено 33 624 солдат и офицеров регулярных полевых войск (19 945 в Гродненской губернии + 12 846 в белорусских уездах Виленской губернии (без казаков и резервных полков) + 833 улана в Могилевской губернии), 8720 казаков (в пяти губерниях с белорусским населением), 40 тыс. резервных войск (в Виленской, Витебской, Гродненской и Минской и Могилевской губерниях) и 4575 солдат и офицеров из состава частей и подразделений Корпуса внутренней стражи. Всего – 86 919 казаков, солдат и офицеров.

В течение августа все 2-хбатальонные резервные полки были переформированы в действующие полки 3-хбатальонного состава. В частности, 2-хбатальонный резервный Алексопольский пехотный полк после присоединения к нему в Минске 3-го батальона, согласно указу Александра II от 13 августа, стал называться Коломенским пехотным полком [29, с. 7–8]. Подобным образом, резервный Смоленский пехотный полк пополнился рекрутами, став 3-хбатальонным, и получил новое наименование – 117-го пехотного Ярославского полка [26, с. 54–57]. Всего на территории белорусских губерний Виленского военного округа было сформировано 24 пехотных полка, которые, согласно указу Александра II от 31 августа 1863 г., были сведены в 26-ю, 27-ю, 28-ю, 29-ю, 30-ю и 31-ю пехотные дивизии [29, с. 7–8; 40, с. 76–77]. Их общая численность к этому времени составляла около 60 тыс. солдат и офицеров. К 1864 г. вновь сформированным полкам были вручены знамена и орденские ленты [41, л. 1].

Из состава сформированных соединений осенью 1863 г. части 26-й пехотной дивизии находились в районе Вильно и Динабурга (в 1866 г. они были направлены в Гродненскую губернию); в районах Вильно и Лиды располагалось по одному полку 27-й пехотной дивизии; 28-я пехотная дивизия дислоцировалась в Витебской губернии (в 1865 г. она была направлена в район Ковно); части 29-й пехотной дивизии были сосредоточены у Могилева, Орши и Борисова (в 1868 г. дивизия перешла в район Динабурга); части 30-й пехотной дивизии квартировали в районах Вильно, Минска, Пинска и Новогрудка; 31-й – Слуцка и Бобруйска (в 1868 г. 31-я пехотная дивизия была направлена в Харьковский военный округ); кроме того, на территории Гродненской губернии до 1866 г. дислоцировалась 3-я пехотная дивизия [42].

По данным Департамента Генерального штаба, к началу сентября 1863 г. во всем Виленском военном округе было известно только о 2–3 группах повстанцев. По этой причине 12 сентября 1863 г. правительством было принято решение вернуть в Петербург к концу октября все пехотные и кавалерийские части гвардейского корпуса, заменив их одной бригадой (двумя полками) 3-й гренадерской дивизии и двумя Донскими (№ 34 и № 40) казачьими полками [12, л. 15]. Это решение свидетельствует о том, что вооруженное восстание на территории округа к началу осени 1863 г., в целом, было подавлено.

К ноябрю 1863 г. полки 1-й гвардейской пехотной дивизии (за исключением 2-го батальона Преображенского полка, а также 1-го и 3-го батальонов Семеновского полка) покинули Виленский округ и вернулись в Петербург. По оценкам М. Н. Муравьева, именно подразделениям гвардии «он был обязан успехом умиротворения и водворения порядка в Виленской и многих областях Гродненской губернии» [15, с. 337–338]. В числе прочих, 1 ноября части л.-гв. Драгунского полка, получив благословение от митрополита И. Семашко перед образом Виленских мучеников, покинули Вильно и отправились в Санкт-Петербург [25, с. 128–148]. К 25 октября вернулся в Петербург и л.-гв. Измайловский полк [21, с. 145–147].

В ноябре 1863 г. на территории Виленского военного округа началось формирование новых артиллерийских бригад (25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й и 31-й), которые привязывались к одноименным сформированным ранее пехотным дивизиям. Батареи 25-й и 26-й артбригад, формировавшиеся на базе подразделений 2-й, 4-й и 7-й артбригад, первоначально были сосредоточены в северной части Витебской губернии, в районе Динабурга и Режицы. Батареи 27-й артбригады формировались на базе подразделений 1-й и 6-й артиллерийских бригад, и первоначально квартировали в Ошмянах, Воложине и Новогрудке. Батарея 6-й артбригады прибыла для укомплектования 27-й бригады из Царства Польского в Гродно 26 ноября и была разделена на два дивизиона, направленные в Воложин и Новогрудок. Батареи 29-й арт-

бригады формировались на базе подразделений 11-й и 12-й артбригад, и были сосредоточены в Могилеве, Старом Быхове и Рогачеве (батарея 11-й артбригады прибыла для укомплектования 29-й бригады в Рогачев 23 декабря из г. Лубны Полтавской губернии, батарея 12-й артбригады прибыла в Рогачев к 5 января 1864 г. из с. Царицынка той же Полтавской губернии). Батареи 30-й артбригады, сформированные на базе батарей 6-й и 5-й артбригад, были сосредоточены в Новогрудке, Лиде и Вилейке. Два дивизиона 5-й артбригады, выступившие из Вильно для укомплектования 30-й бригады, прибыли в Лиду и Вилейку 10 и 13 декабря соответственно. Батареи 31-й артиллерийской бригады, сформированные на базе подразделений 3-й и 12-й артбригад, первоначально квартировали в Слуцке, Несвиже и Бобруйске (дивизионы 3-й артбригады прибыли в Несвиж и Слуцк соответственно к 17 и 22 ноября из Слонима). Процесс формирования новых артиллерийских бригад завершился к концу декабря 1863 г. – началу января 1864 г. [13, лл. 3–119; 40, с. 76–77].

Параллельно с созданием новых подразделений и соединений в течение 1863 г. при штабе Виленского военного округа последовательно «было сформировано три отдела военно-окружного управления: интендантский (1 января), артиллерийский (в марте) и инженерный (в сентябре). В июне 1863 г. из подчинения Корпусу внутренней стражи были выведены местные войска. Данными мерами, – по мнению военного министра, – достигалась главная цель: сосредоточить в руках начальника округа все местные военные средства и учреждения» [цит. по 15, с. 366]. Управление создаваемого Виленского военного округа с завершением всех организационных процессов «представляло собой Военное министерство в миниатюре. Оно состояло из окружного штаба, военно-окружного совета и шести отделов: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского и окружного инспектора военных госпиталей» [цит. по 43, с. 90].

Выводы. Таким образом, несмотря на вооруженное сопротивление повстанческих отрядов и все чрезвычайные меры военного времени, к концу 1863 г. завершилось формирование организационных структур Виленского военного округа. Принцип сосредоточения функций оперативного командования над всеми военными средствами и учреждениями в руках генерал-губернатора, ввиду успеха правительства в подавлении восстания, зарекомендовал себя в качестве эффективного механизма военного управления в конкретно-исторических условиях.

Анализ процессов сосредоточения соединений и подразделений армии Российской империи на основе документов Департамента Генерального штаба свидетельствует, что непосредственно для борьбы с повстанческими отрядами в течение 1863 г. в район белорусских губерний правительством были направлены: 2-я гвардейская пехотная дивизия (общая численность которой в начальный период восстания не превышала 7544 солдат и офицеров), впоследствии уступившая место 1-й гвардейской пехотной дивизии; три кавалерийских полка гвардии (2336 солдат и офицеров); уланский Санкт-Петербургский полк 1-й кавалерийской дивизии (около 697 солдат и офицеров); два гусарских полка 7-й кавалерийской дивизии (общей численностью до 1666 гусар); девять казачьих полков (общей численностью до 7848 казаков и офицеров). Всего – 20 091 солдат, казаков и офицеров. Основу действующей группировки войск составляли постоянно дислоцировавшиеся на территории губерний с белорусским населением части и подразделения 2-й и 3-й пехотных дивизий с одноименными артиллерийскими бригадами, а также губернские батальоны и уездные команды Корпуса внутренней стражи. Общая численность постоянно дислоцировавшейся группировки российских войск в Беларуси к 6 февраля 1863 г. составляла (вместе с одним полком 1-й пехотной дивизии, 1-й артиллерийской бригадой, уланским полком 1-й легкой кавалерийской дивизии и одним казачьим полком, квартировавшими в Гродненской и Виленской губерниях) 25 326 солдат, казаков и офицеров. Из числа последних 2-я пехотная дивизия в июле 1864 г. была направлена в Царство Польское. К последней трети лета 1863 г. на территории Витебской, Минской и Могилевской губернии было сосредоточено около 36 тыс. резервных войск, которые необходимо рассматривать не как средство борьбы с восстанием, а как элемент программы по наращиванию военного потенциала Российской империи в виду дипломатического давления западноевропейских государств и возможностью военной интервенции. Опираясь на действовавшие в исследуемый период нормы, а также сведения Департамента Генерального штаба, к концу июля 1863 г. на территории пяти губерний с белорусским населением было сосредоточено 33 624 военнотружущих регулярных полевых войск, 8720 казаков, 40 тыс. резервных войск и 4575 солдат и офицеров из состава частей и подразделений Корпуса внутренней стражи. Всего – 86 919 солдат, казаков и офицеров.

Сформированные на белорусских землях к осени 1863 г. на основе резервных частей и подразделений шесть пехотных дивизий (26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й) и семь артиллерийских бригад (25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й) были призваны составить новую постоянную основу военного потенциала Российской империи на европейском направлении, в противовес старой системе территориальной организации, не привязывавшей воинские подразделения к решению задач в рамках отдельно взятых районов государства.

Консолидация белорусских земель вокруг единого центра военной администрации в лице генерал-губернатора, выполнявшего также функции высшей гражданской власти в регионе, косвенно способ-

ствовало развитию и поддержанию административных, хозяйственных, торговых и транспортно-коммуникационных связей между отдельными губерниями с белорусским населением, сохранению их целостности и единства в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбачэўская, К. В. Паўстанне 1863 – 1864 гадоў у Беларусі: гістарыяграфія праблемы / К. В. Гарбачэўская // Актуальныя пытанні гістарыяграфіі айчынай і сусветнай гісторыі : зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. М. М. Забаўскі, А. М. Люты [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2012. – С. 114–117.
2. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-майор Максимовский [и др.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, . – Т. 1. – 1879. – 421 с.
3. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-майор Максимовский [и др.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, . – Т. 2. – 1879. – 477 с.
4. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-лейт. Богданович [и др.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, . – Т. 3. – 1879. – 371 с.
5. Миловидов, А. И. Перечень боевых столкновений русских войск с польскими повстанцами в кампанию 1863 – 1864 гг. в пределах Северо-западного края, с указанием времени, места боев, численности и командного состава русских и повстанческих отрядов, равно и потерь с обеих сторон / А. И. Миловидов. – Вильна : Губ. тип., 1915. – 38 с.
6. Гронский, А. Д. Подсчеты разные, итог один / А. Д. Гронский // Белорусская думка. – 2013. – № 6. – С. 57–61.
7. Карпович, О. В. Боевые действия в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах в период восстания 1863 – 1864 гг. / О. В. Карпович // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Гуманитарные науки. – 2014. – № 6. – С. 22–25.
8. Черепица, В. Н. О действиях российских войск в Гродненской губернии в 1863 г. против польских повстанцев / В. Н. Черепица // «...И клятву верности сдержали...»: Очерки военной истории Гродненской губернии (1812–1915 гг.) / Издательский центр ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно, 2017. – С. 116–154.
9. Матвейчык, Д. Ч. Паўстанне 1863 – 1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск : Медысонг, 2013. – 122 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2957.
11. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3079.
12. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3082.
13. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3218.
14. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3414.
15. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина 1863–1864 / ред. Л. Г. Захарова. – М. : РОССПЭН, 2003. – 324 с.
16. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862 / ред. Л. Г. Захарова. – М. : Российский архив, 1999. – 488 с.
17. Александровский, К. Очерк истории лейб-гвардии Уланского ея величества государыни императрицы Александры Федоровны полка / К. Александровский. – СПб. : Тип. Эдуарда Гоппе, 1897. – 81 с.
18. Дирин, П. История лейб-гвардии Семеновского полка / П. Дирин. – СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1883. – 556 с.
19. Долгов, С. История лейб-гвардии Преображенского полка / С. Долгов. – СПб. : Тип. Преображенского полка, 1888. – 696 с.
20. Жеребков, А. Г. История лейб-гвардии Казачьего ея величества полка / А. Г. Жеребков. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. – 636 с.
21. Зноско-Боровский, Н. История лейб-гвардии Измайловского полка / Н. Зноско-Боровский. – СПб. : Тип. Лобанова, 1882. – 265 с.
22. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет 1796–1896. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. – 524 с.
23. История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890 / ред. П. Н. Воронов. – СПб., 1890. – 519 с.
24. Каменский, Е. С. История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка / Е. С. Каменский. – М. : Тип. Вильде, 1900. – 624 с.
25. Ковалевский, М. А. Пятьдесят лет существования лейб-гвардии Драгунского полка: 1814–1833. Гвардейские конноегеря; 1833–1864. Гвардейские драгуны / М. А. Ковалевский. – Новгород : Тип. Сухова, 1870. – 220 с.

26. Козлов, Д. Ф. Краткая боевая история 117-го Пехотного Ярославского полка. (1763–1913) / Д. Ф. Козлов. – Рогачев : Тип. насл. Залкинда, 1913. – 90 с.
27. Краткая история 12-го пехотного Великолуцкого полка. – М. : Т-во скоропечатни А. А. Левинсон, 1911. – 335 с.
28. Ляпунов, А. Я. Хроника л.-гв. Московского полка. 1811–1879 / А. Я. Ляпунов. – М. : Канцелярия л.-гв. Московск. полка, 1889. – 304 с.
29. Островский. Историческая памятка 119 пехотного Коломенского полка / Островский. – Минск : Типо-литогр. К. И. Соломонова, 1897. – 15 с.
30. Пузанов, В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка / В. В. Пузанов. – Саратов : Типо-литогр. П. Феокритова, 1913. – 689 с.
31. Ростковский, Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка / Ф. Я. Ростковский. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. – 458 с.
32. Местные органы власти и управления / А. П. Житко [и др.] // История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Бел. навука. – Т. 2 : Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.). – 2019. – С. 55–105.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии. – Т. 31. Отделение второе. 1856 : Приложения. – 1857. – 1102 с.
34. Положение о реформировании артиллерии отдельных гвардейского и гренадерского корпусов, а также шести армейских корпусов, резервного кавалерийского корпуса и Войска Донского. – СПб. : Воен. тип., 1856. – 477 с.
35. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2064.
36. Гениев, А. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881 / А. Гениев. – М. : Тип. А. Иванова, 1883. – 388 с.
37. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1517а.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии. – Т. 32. Отделение второе. 1857 : Приложения. – 1858. – 864 с.
39. Пирожников, П. История 10-го пехотного Новоингерманландского пехотного полка / П. Пирожников. – Тула : Электротпечатня и тип. И.Д. Фортунатова, 1913. – 431 с.
40. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-майор Шилдер [и др.], – СПб. : Тип. М. Стасюлевича. – Т. 4. – 1880. – 543 с.
41. РГВИА. – Ф. 1956. Оп. 2. Д. 290.
42. Расписание сухопутных войск. Исправленное по 25 ноября 1868 г. – СПб. : Воен. тип., 1868. – 384 с.
43. Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1973. – 349 с.

Поступила 11.11.2019

TROOPS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN BELARUS DURING THE UPRISING OF 1863–1864

A. ARLUKEVICH

The article reveals the processes of concentration and territorial deployment of troops of the Russian empire in Belarus in the run-up to and during the uprising of 1863–1864. This work is the first attempt to establish the organizational structure, composition, number and locations of individual units and formations of the Russian army at various stages of the uprising. In the work in chronological order, described the government's measures on strengthening of Russian forces on the territory of Belarusian provinces, in order to counter the rebel groups, and concerns about possible intervention of European states in the solution of the Polish question.

Keywords: *uprising of 1863–1864, Russian empire, Belarusian province, Russian troops.*

УДК 392:273.2(476.5)

ГІСТОРЫЯ Вывучэння СТАРАВЕРАЎ ПАЎНОЧНАЙ БЕЛАРУСІ¹

канд. гіст. навук, дац. У. Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Разгледжана гісторыя вывучэння стараверскага насельніцтва Паўночнай Беларусі. Вылучаны этапы ў даследаванні гісторыі і культуры старавераў, ахарактарызаваны метады збору, апрацоўкі і інтэрпрэтацыі гістарычных, этнаграфічных і фальклорных матэрыялаў, раскрыта значэнне даследаванняў і іх уклад у вывучэнне гісторыі і культурных традыцый старавераў рэгіёна. У артыкуле прааналізаваны працы, якія былі апублікаваныя з XIX ст. і да нашага часу. Нягледзячы на тое, што першыя сур'ёзныя працы, дзе разглядалася гісторыя і культура старавераў Паўночнай Беларусі, былі апублікаваны яшчэ ў сярэдзіне XIX ст., да нашага часу застаўся нераспрацаваным вялікі шэраг пытанняў. Толькі навярхоўна даследаваны працэсы засялення стараверамі паўночнабеларускіх зямель, не прасочана дынаміка колькасці насельніцтва і не выяўлены асаблівасці яго рассялення ў рэгіёне. Амаль не разгледжаны асаблівасці традыцыйнай культуры старавераў, не даследавана яе эвалюцыя ў XX – пачатку XXI стст. Не знайшлі шырокага адлюстравання ў навуковых публікацыях пытанні сацыяльна-эканамічнага становішча старавераў рэгіёна. Вельмі слаба вывучана гісторыя стараверскага насельніцтва другой паловы XVII – XVIII стст.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, гістарычная навука, стараверы, Паўночная Беларусь, Беларуская Падзвінне, этналогія, народная культура, фальклор, традыцыі.

Уводзіны. Стараверы пасяліліся на Беларусі яшчэ ў другой палове XVII ст. У выніку рэформы патрыярха Нікана і расколу праваслаўнай царквы значная колькасць рускіх, што не прынялі новаўвядзенні і засталіся прыхільнікамі старых абрадаў, была вымушана эміграваць у суседнія з Расіяй краіны. Адным з рэгіёнаў іх кампактнага пасялення сталі беларускія землі. Прышлае насельніцтва ў асноўным асела на паўночных і паўднёва-ўсходніх абшарах сучаснай тэрыторыі Беларусі. Самым вялікім і значным месцам пасялення старавераў-папоўцаў (і наогул старавераў) на Беларусі на пачатку было мястэчка Ветка і яго ваколіца. Таму асноўная ўвага даследчыкаў стараверства на беларускіх землях засяроджана менавіта на вывучэнні гэтага рэгіёна. У той жа час даследаванні старавераў, якія пражываюць у Паўночнай Беларусі, былі менш інтэнсіўнымі. Як слухна адзначыў А.А. Гарбацкі, «калі пра папоўцаў і Ветку Гомельскай вобласці яшчэ можна сустрэць у сучаснай навуковай літаратуры асобныя эпізоды гісторыі, то пра беспapoўцаў, якія пражываюць у большай ступені ў Віцебскай вобласці, інфармацыя фактычна адсутнічае» [1, с. 3]. Пры гэтым трэба адзначыць, што стараверы Паўночнай Беларусі, як і ў мінулым, так і ў сучасны перыяд, прадстаўляюць адну з самых вялікіх стараверскіх груп не толькі ў Беларусі, але і ва Усходняй Еўропе. Акрамя таго, стараабраднікі гэтага рэгіёна маюць шмат адметнасцей не толькі ў канфесійным плане (большасць з іх беспapoўцы), але і ў матэрыяльнай і духоўнай культуры.

Нягледзячы на пэўны перакос даследаванняў у бок старавераў Ветки і яе ваколіц, у гістарыяграфіі існуе значны аб'ём публікацый аб паўночнабеларускіх стараверах. У артыкуле разглядаецца гісторыя даследаванняў стараверскага насельніцтва Паўночнай Беларусі. Вылучаюцца асноўныя этапы ў вывучэнні гісторыі і культуры старавераў, характарызуецца працы, якія былі апублікаваны па гэтых пытаннях. Асноўная ўвага ўдзелена даследаванням, праведзеным у сярэдзіне XIX – пачатку XXI стст.

Асноўная частка. Доўгі час стараверы, якія пражывалі на паўночнабеларускіх землях, не з'яўляліся аб'ектам вывучэння як з боку навукоўцаў, так і з боку мясцовай адміністрацыі. Першыя спробы вывучэння старавераў на паўночнабеларускіх землях былі ажыццёўлены толькі ў 1820-я гг. У гэты перыяд для царскай адміністрацыі асабліва актуальнымі былі дэмаграфічныя даныя аб стараабрадніках. Таму ў 1826 – 1827 гг. быў праведзены перапіс рускага насельніцтва Віленскай губерні. Сабраныя ў выніку перапісу даныя даюць інфармацыю аб колькасці старавераў у рэгіёне, іх рассяленні, сацыяльным складзе, гаспадарчай дзейнасці [2, с. 195; 3, с. 100]. Аднак падобныя даследаванні ў першай палове XIX ст. не насілі сістэмнага характару. На пэўны час даследаванні стараверскага насельніцтва з боку расійскіх улад прыпыніліся.

У першай палове XIX ст. цікавасць да беларускага краю і культуры народаў, што тут пражывалі, была абумоўлена ўплывам Рамантызму. З'явіўся цэлы шэраг даследчыкаў-аматараў, якія публікавалі матэрыялы па гісторыі і культуры краю. У гэты перыяд была надрукавана кніга пісьменніка Я. Баршчэўскага «Шляхціц Завалья, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» («Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś

¹ Артыкул падрыхтаваны ў ходзе працы па тэме «Фольклорное осмысление и интерпретация истории в традиционной культуре белорусов Подвинья конца XIX – начала XXI вв.», якая выконваецца ў рамках задання 1.2.06 «Фольклорное наследие белорусов в современном славянском мире: параллели, генезис, локальные особенности» (2016 – 2020 гг.; № 20160589).

w fantastycznych opowiadaniach», 1844 – 1846) [4]. Нягледзячы на тое, што гэты твор пад уплывам эпохі мае мастацкі характар, ён утрымлівае шэраг карысных звестак, у тым ліку і аб уяўленнях беларусаў адносна «асташоў» (рускіх старавераў з Асташкаўскага павету Цвярской губерні) [4, s. 19–21, s. 29]. У 1844 г. даследчык Р. Падбярэзскі, папличнік і сябра Я. Баршчэўскага, у часопісе «Tygodnik Petersburski» апублікаваў працу «Лісты пра Беларусь» («Listy o Białejrusi»). У артыкуле Р. Падбярэзскі прадставіў кароткую характарыстыку этнічнага складу Віцебскай губерні. Даследчык ахарактарызаваў і старавераў Полацкага, Невельскага, Дынабургскага і Рэжыцкага павета. Ён звярнуў увагу на іх адрозненні ад мясцовага насельніцтва, адзначыў што стараверы трывала захоўваюць свае традыцыі і не змешваюцца з тутэйшымі. Таксама аўтар выявіў асаблівасці ў адносінах мясцовага беларускага насельніцтва да старавераў з расійскіх губерняў – «асташоў» і «булінёў» (скупшчыкаў буйной рагатай жывёлы) [5, s. 472; 6, s. 483].

Даследаванні другой паловы XIX – пачатку XX стст. Пачынаючы з сярэдзіны XIX ст. даследаванні старавераў на беларускіх землях адбываецца больш інтэнсіўна. Цікавае да гэтай этнаканфесійнай групы тлумачылася яе ўзаемаадносінамі з праваслаўнай царквой і органамі дзяржаўнага кіраўніцтва. Таму ў гэты перыяд вывучэнне старавераў, як правіла, ініцыявалася праваслаўнай царквой і Міністэрствам унутраных спраў Расійскай імперыі. Колькасць даследаванняў у гэты час значна павялічылася, але толькі некаторыя з іх мелі дачыненне да беларускіх зямель. Адным з першых такіх выданняў стаў «Ваенна-статыстычны агляд» Віцебскай губерні (1852) [7]. Кніга была напісана на аснове матэрыялаў, якія сабраў генерал-маёр М.В. Без-Карніловіч. У яе трэцім раздзеле «Жыхары» каротка апісаны занятакі, побыт і маральныя рысы рускіх старавераў [7, с. 149]. У 1855 г. апублікавана іншая праца М.В. Без-Карніловіча «Гістарычныя звесткі аб знамянальных месцах у Беларусі» [8]. Пад назвай «Беларусія» аўтар разумеў Віцебскую і Магілёўскую губерні. У кнізе М.В. Без-Карніловіч змясціў кароткую этнаграфічную характарыстыку краю. Стараверам была прысвечана асобная глава («Расіянне»). У ёй разгледжана гісторыя стараабраднага на беларускіх землях (у першую чаргу, гісторыя веткаўскіх слабод) і каротка ахарактарызаваны іх побыт [8, с. 237–240]. Што тычыцца старавераў Віцебшчыны, то аўтар прывёў абсалютна тую ж інфармацыю, што была змешчана ў папярэднім яго выданні.

Важная роля ў вывучэнні старавераў Расійскай імперыі належыць А.Р. Вішнякову. Працуючы з 1862 г. у Міністэрстве ўнутраных спраў па пытаннях старавераў («раскольнікаў»), А.Р. Вішнякоў падрыхтаваў шэраг даследаванняў па гісторыі і культуры старавераў. Так, у 1865 г. у «Весніку Заходняй Расіі» быў апублікаваны яго нарыс «Раскол у заходне-рускім краі» (пад псеўданімам А. Вескінскі) [9], які ў большай ступені быў прысвечаны стараверам беларускіх зямель. У артыкуле прыведзены статыстычныя даныя аб колькасці старавераў і іх культавых пабудоваў у заходніх губернях Расіі, ахарактарызаваны асаблівасці рассялення, здзейснена спроба прасачыць гісторыю стараабраднага на гэтых землях, разгледжана царкоўная арганізацыя (як папоўцаў, так і беспapoўцаў), апісаны шлюбныя традыцыі, ахарактарызавана стаўленне афіцыйных улад да «раскола». Шмат матэрыялаў у працы тычыцца менавіта старавераў паўночнabеларускіх зямель.

Сярод даследаванняў сярэдзіны XIX ст. аб стараверах на беларускіх землях асабліва вылучаецца праца настаўцеля Віцебскага кафедральнага сабора, протаіерэя В. Волкава «Звесткі пра пачатак, распаўсюджанне і раздзяленне расколу і аб расколе ў Віцебскай губерні» (1866) [10]. Нягледзячы на тое, што праца была падрыхтавана праваслаўным святаром і не пазбаўлена суб'ектыўнасці, яна змяшчае шмат каштоўных звестак па гісторыі і культуры старавераў Віцебшчыны. Праца складаецца з двух частак. У першай частцы аўтар даў агульную характарыстыку стараверству як рэлігійнаму руху, разгледзеў яго накірункі і плыні. Другая частка працы выдзелена ў асобную главу «Аб расколе ў Віцебскай губерні» [10, с. 47–85] і прысвечана ўласна віцебскім стараверам. Як вынікае з прыведзеных звестак, асновай для працы сталі пісьмовыя крыніцы, сведчанні старажылаў-старавераў, а таксама раней апублікаваныя даследаванні па стараверству ў Расійскай імперыі. Геаграфічна даследаванне ахоплівае ўсю Віцебскую губерню, але асноўная ўвага звернута на старавераў г. Віцебска і бліжэйшай акругі. У працы ахарактарызаваны асаблівасці і гісторыя рассялення розных стараверскіх сагласаў на тэрыторыі Віцебскай губерні. Для вырашэння апошняй задачы В. Волкаў у асноўным выкарыстаў успаміны старавераў сталага ўзросту, даставернасць якіх выклікае пытанні. Значную ўвагу аўтар удзяліў апісанню рэлігійнага жыцця (ахарактарызаваў святароў папоўцаў і духоўных настаўнікаў беспapoўцаў, стараверскія кнігі, рэлігійныя таемствы). Асобна аўтар звярнуў увагу на тэндэнцыі да разбурэння традыцыйнага ўкладу і культуры (распаўсюджанне сярод віцебскіх беспapoўцаў «наважонаў», ігнараванне традыцыйных забарон на паленне тытуню і ўжыванне алкаголю, шырокія запазычванні з беларускай і польскай моў, паступовае знікненне традыцыйнага стараверскага касцюма, распаўсюджанне нават сярод жаночага насельніцтва адукацыі і еўрапейскіх узораў выхавання).

Інтэрэс да культуры старавераў быў абумоўлены яе спецыфікай, якая выразна адрознівала іх ад мясцовага насельніцтва. На Віцебшчыне з першай паловы 1860-х гг. разгарнуў дзейнасць па вывучэнні гісторыі, этнаграфіі і статыстыкі А.М. Семянтоўскі. Асноўнай этнаграфічнай працай гэтага аўтара з'яўляецца «Этнаграфічны агляд Віцебскай губерні» (1872) [11]. У ёй, апроч мясцовага беларускага на-

сельніцтва, А.М. Семянтоўскі разгледзеў і тыя этнічныя групы, што кампактна пражывалі на Віцебшчыне. Раздзел «Вялікарусы» даследчык у асноўным прысвяціў апісанню старавераў, якія складалі большасць рускага насельніцтва краю. Навуковец спыніўся на гісторыі з'яўлення іх у рэгіён, прывёў статыстычныя даныя аб колькасці стараабраднікаў у губерні, ахарактарызаваў іх гаспадарчыя заняткі, звярнуў увагу на антрапалагічныя асаблівасці, адзенне і жыллё. Даследчык адзначыў некаторыя пазітыўныя рысы характару прыхільнікаў старога абраду (прадпрымальнасць, працавітасць, знаходлівасць), але ў той жа час у маральных адносінах ахарактарызаваў старавераў даволі негатывна [11, с. 20]. Што тычыцца гістарычных звестак аб з'яўленні старавераў на Віцебшчыне, аналізу прычын іх пасялення на гэтым месцы, то А.М. Семянтоўскі паўтарае многія даныя, змешчаныя ў працы В. Волкава [10].

Каштоўныя матэрыялы для даследавання побыту і культуры стараабраднікаў Віцебшчыны былі апублікаваны ў III томе «Жывапіснай Расіі» (1882). Так, даследчык А.Г. Кіркор прывёў даныя аб колькасці старавераў на беларускіх землях, каротка разгледзеў гісторыю іх пасялення, ахарактарызаваў маральныя рысы стараверскага насельніцтва [12, с. 284]. Пры характарыстыцы старавераў А.Г. Кіркор спасылаўся на працу А.М. Семянтоўскага [11]. Даследчык С.В. Максімаў прадставіў кароткую інфармацыю аб колькасці старавераў у Віцебскай губерні, ахарактарызаваў геаграфію іх рассялення, гаспадарчыя заняткі, а таксама адносіны з беларускім насельніцтвам [13, с. 457].

Значны аб'ём даных аб стараверах Паўночнай Беларусі быў апублікаваны ў штогадовых «Аглядах» і «Памятных кніжках» Віцебскай, Віленскай і Ковенскай губерняў. У «Аглядах», акрамя статыстычных матэрыялаў, утрымліваюцца і звесткі адносна рассялення старавераў, іх заняткаў, а таксама інфармацыя, што тычыцца спецыфікі ўзаемадзеяння з праваслаўнай царквой, дзяржаўнымі органамі і мясцовым насельніцтвам. «Памятныя кніжкі», якія таксама ўтрымліваюць значны аб'ём статыстычных даных, змяшчаюць яшчэ і шэраг артыкулаў. Так, у «Памятнай кніжцы Ковенскай губерні» за 1863 г. апублікаваны артыкул П.І. Карэцкага «Аб раскольніках у Ковенскай губерні» [14]. У працы разгледжана стараверскае насельніцтва губерні, у т.л. і Новаалександраўскага павета, у склад якога ўваходзілі тэрыторыі сучаснага Браслаўскага раёна. Артыкул змяшчае статыстычныя даныя аб колькасці старавераў ва ўсіх населеных пунктах губерні. Дадзена характарыстыка маральных рысаў стараабраднікаў, іх адносін да іншаверцаў, праваслаўнай царквы і ўлады. Таксама прыведзены звесткі аб распаўсюджанні сярод старавераў друкаваных і рукапісных кніг, узроўню іх адукацыі, дадзена кароткае апісанне гаспадарчых заняткаў старавераў, іх адзення і знешняга выгляду. У «Памятнай кніжцы Віцебскай губерні» за 1885 г. быў надрукаваны артыкул «Аб расколе ў Віцебскай губерні» [15]. Аснову публікацыі склаў скарачаны варыянт вышэй разгледжанай працы В. Волкава [10].

Матэрыялы па традыцыйнай культуры стараабраднікаў Беларускага Падзвіння былі апублікаваны ў кнізе «Віцебская губерня: Гістарычна-геаграфічны і статыстычны агляд» (1890) [16]. Інфармацыя аб стараверах губерні была змешчана ў раздзеле «Насельніцтва губерні». У асноўным, раздзел ўяўляе пераказ адпаведнай часткі працы А.М. Семянтоўскага «Этнаграфічны агляд Віцебскай губерні» [11]. Каштоўным з'яўляецца прыведзенае апісанне вясельнага абраду старавераў-беспапоўцаў Віцебскай губерні.

Характарыстыка побыту і культуры старавераў, што належыць М. Доўнар-Запольскаму і Д. Шэндрэрыку, змяшчаецца ў главе «Размеркаванне насельніцтва Верхняга Падняпроўя і Беларусі на тэрыторыі, яго этнаграфічны склад, побыт і культура» кнігі «Расія. Поўнае геаграфічнае апісанне нашай Айчыны. IX том. Верхняе Падняпроўе і Беларусь» (1905) [17]. У выданні дадзена кароткая характарыстыка рассялення старавераў на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў, гаспадарчых заняткаў, прадстаўлена апісанне побыту, жылля і сядзібы, традыцыйнай кухні, адзення, ахарактарызаваны сямейныя адносіны і вясельныя традыцыі, а таксама пазначаны асаблівасці ўзаемадзеяння з мясцовым беларускім насельніцтвам. Неабходна адзначыць, што глава напісана на аснове ўжо раней апублікаваных прац і ўтрымлівае няшмат новых звестак. У ёй прыведзены даныя з працы А.М. Семянтоўскага «Этнаграфічны агляд Віцебскай губерні» [11] і кнігі «Віцебская губерня: Гістарычна-геаграфічны і статыстычны агляд» [16].

Шэраг матэрыялаў па гісторыі і культуры старавераў Падзвіння быў апублікаваны ў абагульняючых даследаваннях канца XIX – пачатку XX ст., што былі прысвечаны канкрэтнаму населенаму пункту ці павету. Так, інфармацыя па вясельнай абраднасці, святах і гаспадарчай дзейнасці старавераў заходняга Падзвіння ўтрымліваецца ў кнізе Г. Посаха «Відзы» (1895) [18]. Цікавыя звесткі апублікаваны ў невялікай кнізе І.Д. Гарбачэўскага «Лепельскі павет Віцебскай губерні» (1895) [19]. Інфармацыя пра старавераў павета змяшчаецца ў сёмым раздзеле «Народанасельніцтва». Аўтар даволі сцісла ахарактарызаваў асаблівасці рассялення і маральныя рысы, прадставіў статыстычныя даныя, а таксама каротка спыніўся на ўзаемаадносінах з беларускім насельніцтвам Лепельскага павета. З іншых агульнаэтнаграфічных прац заслугу ўвагі кніга К.Ц. Анікіевіча «Сенненскі павет Магілёўскай губерні» (1907) [20], дзе аўтар спрабуе даць усебаковую характарыстыку Сенненшчыны – гістарычную, геаграфічную, эканамічную і этнаграфічную. Этнаграфічны матэрыял змешчаны ў трэцім раздзеле кнігі. Прыведзены звесткі аб колькасці старавераў у павеце, дадзена апісанне іх жылля і ахарактарызаваны гаспадарчыя заняткі.

Некаторыя асаблівасці культуры старавераў знайшлі адлюстраванне ў абагульняючых этнаграфічных працах канца XIX – пачатку XX стст., прысвечаных паўночнабеларускаму рэгіёну. Так, шэраг матэрыялаў аб традыцыйнай культуры старавераў Віцебшчыны апублікаваў этнограф М.Я. Нікіфароўскі. Ён ахарактарызаваў некаторыя асаблівасці матэрыяльнай культуры старавераў, іх маральныя рысы, узаемаадносінны з мясцовым насельніцтвам [21 – 23]. Вядомы беларускі даследчык Е.Р. Раманаў прадставіў кароткую этнаграфічную характарыстыку старавераў Віцебшчыны ў артыкуле «Агульны нарыс Віцебскай губерні» (1898) [24]. Навуковец таксама апублікаваў некалькі вершаў старавераў Віцебска ў сваёй працы «З стараверскай літаратуры» [25], якая была апублікавана ў 1901 г. у «Магілёўскай старыне».

Грунтоўным даследаваннем аб сацыяльна-эканамічным становішчы старавераў Ковенскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX ст. з’яўляецца праца А.А. Станкевіча «Нарыс узнікнення рускіх пасяленняў на Літве» (1909) [26]. Для падрыхтоўкі даследавання былі выкарыстаныя як апублікаваныя раней выданні (працы В. Волкава [10], А.М. Семянтоўскага [11], П.І. Карэцкага [14]), так і вялікі аб’ём архіўных матэрыялаў. Асноўная ўвага адведзена характарыстыцы прававога і эканамічнага становішча старавераў рэгіёна пасля паўстання 1863 г., а таксама мерапрыемстваў урада па каланізацыі краю рускімі перасяленцамі, у т.л. і стараверамі. Акрамя таго, у працы разгледжана гісторыя з’яўлення старавераў на гэтых землях, ахарактарызаваны асаблівасці рассялення, гаспадарчыя заняткі, узаемаадносінны з уладамі і мясцовым насельніцтвам.

Працы міжваеннага перыяда. Новы этап у вывучэнні старавераў на беларускіх землях прыходзіцца на міжваенны перыяд. Паколькі тэрыторыя Беларусі ў гэты час была падзелена на часткі і знаходзілася ў складзе розных дзяржаў – Польшчы і БССР, то даследаванне стараверства адбывалася як з боку савецкай гістарычнай навукі, так і з боку польскамоўных вучоных. Гістарыяграфія расколу і стараверства савецкага перыяду ўпісваюцца ў тагачасную агульную канву вывучэння гісторыі рэлігіі і царквы. Звязана гэта з тым, што з прычыны падпарадкаванасці цвёрдым ідэалагічным рамкам прадметам навуковага даследавання становіліся строга вызначаныя пытанні. Трапляючы ў разрад атэістычнай літаратуры, даследаванні па гісторыі стараверства ў большасці выпадкаў не маглі прэтэндаваць на аб’ектыўнасць ацэнкі [27]. У 1930 г. упершыню была выдадзена праца М.М. Нікольскага «Гісторыя рускай царквы» [28], у якой вялікая ўвага надаецца гісторыі старавераў на беларускіх землях. Фактычна, гэта праца з’яўляецца адзіным сур’ёзным даследаваннем міжваеннага перыяду ў савецкай гістарыяграфіі аб стараверах Беларусі. Пераважная ўвага ў кнізе была ўдзелена гісторыі старавераў паўднёва-ўсходняй часткі Беларусі. У той жа час падзвінскаму рэгіёну ў працы месца амаль не знайшлося. Некаторыя асаблівасці вясельнай абраднасці старавераў Віцебшчыны М.М. Нікольскі ахарактарызаваў у іншай працы «Паходжанне і гісторыя беларускай вясельнай абраднасці» (1956) [29].

Актыўнае этнаграфічнае даследаванне тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая па Рыжскай мірнай дамоў адыйшла ў склад Польшчы, вялася польскімі даследчыкамі. Сярод выданняў, што змяшчаюць матэрыялы па стараверству ў Заходняй Беларусі каштоўнасць уяўляе праца О. Хедэмана «Гісторыя Браслаўскага павета» [30]. Кніга была выдадзена на польскай мове ў 1930 г. у Вільні. Даволі падрабязнаму апісанню перасяленцаў з Расіі аўтар прысвяціў спецыяльны раздзел «Стараверы і яўрэі». У працы прыведзены звесткі па гісторыі з’яўлення старавераў на Браслаўшчыне, якое даследчык памылкова адносіць да сярэдзіны XVIII ст. У кнізе прыведзены дэмаграфічныя даныя, месцы стараабрадніцкага пасялення, ахарактарызаваны іх маральныя рысы, апісаны асаблівасці побыту. Аўтар таксама звярнуў увагу на істотныя змены ў побыце і рэлігійнасці старавераў у другой палове XIX ст., разгледзеў працэсы эвалюцыі абрадавай культуры, а таксама спецыфіку ўзаемаадносін з мясцовай уладай і насельніцтвам.

У 1938 г. беларускі даследчык М. Пецюкевіч у Віленскім універсітэце абараніў магістарскую працу «Прымітыўныя рысы ў народнай культуры стараабраднікаў Браслаўскага павета» [31]. Даследаванне не было апублікавана і захоўваецца ў архіве Этнаграфічнага музея ў Торуні (Польшча). Асновай для працы сталі палявыя этнаграфічныя матэрыялы, сабраныя даследчыкам у 1930-я гг. ва ўсходняй частцы Браслаўскага павета. У працы разгледжана матэрыяльная культура стараверскага насельніцтва гэтых тэрыторый. М. Пецюкевіч, арыентуючыся на працу вядомага польскага даследчыка міжваеннага перыяду К. Машыньскага «Народная культура славян», імкнуўся вызначыць у матэрыяльнай культуры старавераў «найпрыметыўнейшыя» рысы. Даследчык прадставіў кароткую характарыстыку рассялення старавераў на Браслаўшчыне, апісаў гаспадарчыя заняткі, традыцыі харчавання, адзенне, інтэр’ер стараверскай хаты і мэблю, начынне, транспартныя сродкі, гігіенічныя прыёмы. Асноўную частку працы займае апісанне гаспадарчых заняткаў, рамёстваў і промыслаў старавераў. Так, ахарактарызаваны традыцыі земляробства, збіральніцтва, палявання, рыбалоўства, ткацтва і пляцення, апрацоўкі дрэва, кары, каменню, гліны, скур, прыгатавання змазкі і клею, фарбавання тканін. Такім чынам, у працы М. Пецюкевіч пастараўся ахарактарызаваць увесь комплекс матэрыяльнай культуры старавераў. Не ахопленымі засталіся жывёлагадаўля і народнае дойлідства (сам аўтар указваў на такую акалічнасць). Да цяперашняга часу ў беларускім народназнаўстве дадзена праца пакуль не ўвайшла ў шырокі навуковы зварот.

Вывучэнне стараверскага насельніцтва ў 1950 – 1980-х гг. У пасляваенны перыяд у беларускай гістарыяграфіі не было спецыяльных даследаванняў, прысвечаных стараверскаму насельніцтву. У той жа час у 1950 – 1980-х гг. быў апублікаваны шэраг прац па гісторыі і культуры старавераў на літоўскіх і латвійскіх землях. Некаторыя з гэтых даследаванняў закраналі і старавераў Паўночнай Беларусі. У гэты перыяд вывучэннем старавераў Латвіі займаліся А.А. Заварына [32], А.А. Падмазаў [33 – 34], Т.С. Макашына [35]. Старавераў Літвы вывучалі В.М. Немчанка [36] і М.К. Сівіцкене [37]. Цікаваць да вывучэння гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі з боку даследчыкаў стараверства ў Літве і Латвіі не была выпадковай. У першую чаргу, яна была абумоўлена агульнасцю лёсаў стараверскага насельніцтва Літвы, Латвіі і Беларусі. Паколькі адзін з асноўных арэалаў пасялення старавераў ва Усходняй Еўропе лакалізуецца якраз на беларуска-літоўска-латвійскім памежжы, то геаграфічныя рамкі даследаванняў часта выходзілі за межы кожнай з краін.

Сярод усіх работ дадзенага перыяду вылучаюцца даследаванні А.А. Заварынай. У 1956 г. яна абараніла дысертацыю на тэму «Сям'я і сямейны побыт рускага старажыльчаскага насельніцтва Латгаліі ў 2-й палове XIX – пачатку XX ст.». А ў 1986 г. была апублікавана манаграфія «Рускае насельніцтва ўсходняй Латвіі у другой палове XIX – пачатку XX ст.» [32], дзе А.А. Заварына вельмі падрабязна разгледзела гісторыю і матэрыяльную культуру старавераў Рэжыцкага, Люцынскага і Дзісенскага павеатаў Віцебскай губерні. Разам з латгалійскімі матэрыяламі даследчыца прааналізавала і матэрыялы з Паўночнай Беларусі. Пры вывучэнні фарміравання рускага стараверскага насельніцтва ва ўсходняй Латвіі даследчыца вызначыла тэрыторыю ў раёне Друя – Браслаў – Мёры), вылучыла асноўныя этапы пасялення старавераў на землях Латгаліі і Паўночнай Беларусі ў XVII – пачатку XX ст., ахарактарызавала першапачатковыя рэгіёны пасялення старавераў, у т.л. і на падзвінскіх землях. Разглядаючы гаспадарчую спецыфіку стараверскага насельніцтва Латгаліі (земляробства, прылады працы, жывёлагадоўлю), даследчыца шмат увагі ўдзяліла характарыстыцы стараверскага насельніцтва ўсёй Віцебскай губерні. У той жа час, пры аналізе жыцця, адзення і традыцыйнай кухні А.А. Заварына матэрыялы пра старавераў з сучасных беларускіх земляў амаль не выкарыстоўвала. Трэба адзначыць, што пры характарыстыцы сельскагаспадарчай спецыфікі і традыцыйнага дойлідства даследчыца нярэдка робіць агульную характарыстыку латгалійскага рэгіёна, а не выключна яго стараверскага насельніцтва. У сваю чаргу, Латгалія хоць і з'яўляецца месцам кампактнага пражывання старавераў, але ўтрымлівае ў структуры насельніцтва значную долю латышоў і беларусаў. Таму некаторыя высновы аўтара адносна асаблівасцей матэрыяльнай культуры падаюцца неаргументаванымі і не тычацца выключна стараверскага насельніцтва.

У беларускай гуманітарыстыцы да пачатку 1990-х гг. амаль адсутнічалі спецыяльныя працы па гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі (як і старавераў краіны ў цэлым). Бадай адзінай працай, якая была апублікавана да канца 1980-х гг., быў артыкул П.У. Церашковіча «Стараверы» [38] ў энцыклапедыі «Этнаграфія Беларусі». Даследчык вельмі каротка прадставіў гісторыю старавераў на беларускіх землях, апісаў матэрыяльную і духоўную культуру, прадставіў характарыстыку міжэтнічнага ўзаемадзеяння з беларускім насельніцтвам. Пры гэтым П.У. Церашковіч слухна адзначыў, што «з этнаграфічнага пункту гледжання стараверы на Беларусі вывучаны недастаткова» [38, с. 475].

Гістарыяграфія аб стараверах Паўночнай Беларусі ў 1990 – 2000-х гг. Пачынаючы з 1990-х гг. даследаванні гісторыі і культуры стараверства на беларускіх землях істотна актывізаваліся. Першай манаграфіяй па гісторыі стараабрадніцтва на Беларусі стала праца Т.П. Кароткай, К.С. Пракошынай і Г.А. Чуднікавай «Стараабрадніцтва ў Беларусі» (1992) [39]. Аўтары не ставілі мэтай даследаванне гісторыі старавераў на беларускіх землях, а засяродзілі асноўную ўвагу на рэлігійна-філасофскіх асновах іх вучэння і становішчы стараабраднікаў на сучасным этапе. Таму ў працы падстаўлены пераважна разгляд стараверства як рэлігійнай сістэмы, пра што адначалі і самі аўтары [39, с. 4]. У працы каротка разгледжана гісторыя стараверства на беларускіх землях, але прадстаўлена амаль выключна Веткай і яе акругай, у той час, як гісторыі стараабраднікаў Паўночнай Беларусі ўвага не ўдзелена. У самой працы звесткі аб стараверах Віцебшчыны нешматлікія. Матэрыялы з Паўночнай Беларусі выкарыстаны толькі для ілюстрацыі сучасных працэсаў (на перыяд 1980-х гг.) сярод старавераў Беларусі. Пры гэтым не заўсёды зразумела геаграфічнае аднясенне выкарыстаных матэрыялаў, паколькі ў працы гэта ніяк не пазначана.

Асабліва плённымі ў 1990 – 2000-я гг. сталі лінгвістычныя даследаванні стараверскіх гаворак Падзвіння. Важнае месца ў такіх працах займаюць супрацоўнікі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, сярод якіх ключавая роля належыць Н.Я. Мінінай. У 1993 г. яна абараніла кандыдацкую дысертацыю на тэму «Фанетыка-граматычныя асаблівасці трох астраўных рускіх гаворак на тэрыторыі Віцебскай вобласці» [40]. На аснове матэрыялаў, зафіксаваных у ходзе дыялекталагічных экспедыцый, даследчыцай былі выяўлены фанетычныя і граматычныя асаблівасці стараверскіх гаворак Чашніцкага раёна. Асабліва важнымі з'яўляюцца высновы Н.Я. Мінінай аб тым, што рускія гаворкі Чашніцкага раёна збліжаюцца з усходнімі і паўночна-ўсходнімі пскоўскімі гаворкамі і генетычна звязаныя з рускімі гаворкамі Прыбалтыкі і Польшчы. Такія высновы дапаўняюць гістарычныя звесткі ў пытаннях пахо-

джання старавераў Паўночнай Беларусі і сумежных прыбалтыйскіх тэрыторый. У іншых працах Н.Я. Мінінай, апублікаваных у 1990 – 2000-х гг., шырока прадстаўлена лінгвістычная (дыялекталагічная) характарыстыка стараверскага насельніцтва Паўночнай Беларусі [41 – 49]. Своеасаблівым падсумаваннем даследаванняў Н.Я. Мінінай стала яе манаграфія «Астраўныя рускія гаворкі Віцебшчыны» (2003) [50]. У працы прадстаўлена даследаванне фанетычных, граматычных і лексічных асаблівасцей стараверскіх гаворак Віцебшчыны. Значную частку працы складаюць матэрыялы для слоўніка рускіх гаворак [50, с. 66–147].

Іншыя даследчыкі з Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1990 – 2000-я гг. таксама зрабілі нямала ў вывучэнні асаблівасцей стараверскай лексікі. Так, даследаванне антрапаніміі астраўной гаворкі старавераў (на тэрыторыі Мёрскага раёна) прадстаўлена ў дысертацыі і публікацыях А.Ю. Муратавай [51 – 53]. І.Я. Кураш разгледзела імянную сістэму старавераў Віцебшчыны [54 – 56]. Назвы стараверскіх культурных пабудов рэгіёна прааналізаваны В.А. Лукіной [57].

Важнай вехай у даследаванні канфесійнага становішча на Беларусі стала выданне ў 1998 г. калектыўнай манаграфіі «Канфесіі на Беларусі» (канец XVIII – XX ст.) [58]. У працы ўпершыню ў айчынным навуцы была комплексна і грунтоўна асветлена гісторыя старавераў на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст. У ёй прадстаўлены і матэрыялы аб стараверах Паўночнай Беларусі. Так, А.М. Філатава прывяла звесткі аб асаблівасцях рассялення і колькасці старавераў на паўночнабеларускіх землях, ахарактарызавала адносіны паміж праваслаўным духавенствам і стараверамі Віцебшчыны ў сярэдзіне XIX ст. Даследчыца В.В. Грыгор’ева прааналізавала дзяржаўную палітыку ў адносінах старавераў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Яна разгледзела і гісторыю старавераў Паўночнай Беларусі. Так, была прыведзена характарыстыка асаблівасцей рассялення стараверскага насельніцтва і статыстычныя даныя. На аснове афіцыйных даных па Віцебскай і Віленскай губернях даследчыца разгледзела пытанні пераходу старавераў у праваслаўную царкву, ахарактарызавала адносіны да праваслаўнага духавенства, улад і мясцовага беларускага насельніцтва.

Істотная роля ў вывучэнні стараверства на Беларусі належыць А.А. Гарбацкаму. Ён з’яўляецца аўтарам двух манаграфій [3; 59] і шэрагу артыкулаў [1; 60 – 64; 111 – 112] па гісторыі і культуры старавераў на беларускіх землях. Манаграфія «Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст.» (1999) [3] з’яўляецца першай спробай усебаковага асвятлення гісторыі і культуры прышлага насельніцтва. У якасці крыніц для даследавання быў выкарыстаны шырокі комплекс архіўных матэрыялаў, апублікаваных пісьмовых крыніц, статыстычных даных. Акрамя таго, даследчык правёў і шэраг экспедыцый, у тым ліку на поўначы Беларусі (у Браслаўскім і Шаркаўшчынскім раёнах). У працы дадзена характарыстыка засялення паўночнабеларускіх зямель стараверамі (указаны прычыны іх перасялення на беларускія землі, выяўлены месцы першапачатковага засялення рэгіёна, вызначаны рэгіёны, з якіх перасяліліся стараверы). Даследчык выявіў два арэалы пасялення старавераў-беспапоўцаў на тэрыторыі Падзвіння (першы – на захадзе рэгіёна, другі – у цэнтральнай і ўсходняй частках). У манаграфіі А.А. Гарбацкі апісаў некаторыя падзеі ранняй гісторыі старавераў у першай палове XVIII ст. Пры гэтым трэба адзначыць, што ў працы вельмі сцісла разгледжана гісторыя старавераў на паўночнабеларускіх землях у другой палове XVII – XVIII стст. З гэтай прычыны ў працы нельга адшукаць поўнай характарыстыкі працэсаў засялення стараабрадцамі паўночна-беларускіх зямель. Найбольш увагі адведзена характарыстыцы гісторыі стараверства на беларускіх землях у XIX – пачатку XX ст. Асноўны вектар разгляду – дзяржаўная палітыка расійскіх улад у дачыненні да стараверскага насельніцтва. У сувязі з аналізам гэтай праблематыкі аўтар выкарыстоўвае матэрыялы з Віцебскай і Віленскай губерняў, а таксама Новааляксандраўскага павета Ковенскай губерні. Даследчык аналізуе таксама колькасць стараверскага насельніцтва на працягу XIX – пачатку XX стст., (з паўночнабеларускіх тэрыторый гэта пераважна тычыцца Віцебскай губерні). У кнізе прыведзены звесткі аб сацыяльна-эканамічным становішчы віцебскіх старавераў у азначаны перыяд, колькасці культурных пабудов у рэгіёнах у розныя перыяды. Разам з разглядам гісторыі старавераў, А.А. Гарбацкі дае кароткую характарыстыку іх гаспадарчых заняткаў (земляробства, рамяства, гандаль, промыслы), ахарактарызуе асаблівасці планіроўкі некаторых стараверскіх пасяленняў Віцебшчыны, выяўляе агульныя рысы народнага дойлідства, планіроўкі сядзібы і інтэр’ера стараверскага дома. Пры гэтым спецыфіку народнага стараверскага адзення і дойлідства А.А. Гарбацкі выявіў на аснове апісанняў канца XIX ст., якія, у сваю чаргу, ілюструюць пераважна побыт багатай часткі стараверскага гарадскога насельніцтва, які ўжо ў значнай ступені эвалюцыянаваў. У працы апісана таксама ўнутраная планіроўка стараверскай малельнічна-беспапоўцаў (на прыкладзе г. Віцебска), прыведзены звесткі аб духоўных настаўніках і вядомых стараверах Віцебшчыны. Трэба адзначыць, што ў працы з паўночнабеларускіх тэрыторый прырытэт аддаецца характарыстыцы Віцебскай губерні, менш Новааляксандраўскаму павету і зусім мала ўвагі адводзіцца характарыстыцы старавераў Віленскай губерні. Зразумела, агульны характар кнігі і яе аб’ём абумовілі выбар матэрыялу, але ў працы заходняя частка Падзвіння, якая і ў сучасны перыяд з’яўляецца адным з асноўных рэгіёнаў стараверства ў Беларусі, прадстаўлена зусім скупа.

Другая манаграфія А.А. Гарбацкага «Стараабрадніцтва на беларускіх землях» [59], якая была апублікавана ў 2004 г. на рускай мове, амаль цалкам паўтарае папярэднюю. Але яна ўтрымлівае шэраг

дадатковых матэрыялаў. Так, у працы змешчана апісанне каляндарных абрадаў старавераў Браслаўскага і Шаркаўшчынскага раёнаў.

У 2000-я гг. даследаванне гісторыі стараабраднікаў на беларускіх землях значна актывізавалася. Гэтай праблематыцы была прысвечана канферэнцыя «Стараабрадніцтва як гісторыка-культурны феномен», якая адбылася ў Гомелі ў 2003 г. У апублікаваным зборніку канферэнцыі былі змешчаны вынікі і матэрыялы шэрагу даследаванняў, якія прысвечаны стараверам Віцебшчыны. Так, Н.А. Бабровіч ахарактарызавала культурную спадчыну старавераў Віцебшчыны, якая захоўваецца ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі [65]. Становішча старавераў г. Віцебска адразу пасля прыняцця Указа 1905 г. «Аб умацаванні пачаткаў верацярпімасці» апісала Т.В. Дабжынская [66]. Вобраз старавера («асташа») у творах Я. Баршчэўскага раскрыў У.А. Лобач [67]. На аснове этнаграфічных матэрыялаў апошняй чвэрці XIX ст. У.С. Філіпенка прааналізаваў вясельную абраднасць старавераў-беспапоўцаў Паўночнай Беларусі [68].

У 2000-я гг. па гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі апублікавалі шэраг даследаванняў Т.В. Трафімава (Дабжынская) і У. Іваноў. Працы Т.В. Трафімавай ў асноўным прысвечаны стараверам заходняга Падзвіння. Так, у артыкуле «Духоўныя стараабрадніцкія настаўнікі на Віцебшчыне ў першай палове XX ст.» [69] апісана жыццё і дзейнасць трох вядомых стараверскіх дзеячаў заходняга Падзвіння – А.М. Піманава, С.Ф. Егупёнка, М.Г. Салаўёва. Асаблівасці царкоўнага спеву падчас набажэнстваў у старавераў Браслаўшчыны разгледжаны даследчыцай у артыкуле «Гісторыя круковага спеву і яго месца ў набажэнствах стараабраднікаў Віцебшчыны» [70]. На аснове матэрыялаў палявых этнаграфічных даследаванняў Т.В. Трафімава ахарактарызавала асаблівасці традыцыйнага стараверскага адзнення заходняй часткі Віцебскай вобласці ў артыкуле «Асаблівасці адзнення стараабрадцаў Віцебшчыны ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя» [71]. Шэраг работ даследчыцы прысвечаны традыцыйнай духоўнай культуры старавераў Віцебшчыны [72 – 74]. Трэба адзначыць, што значная частка артыкулаў Т.В. Трафімавай у сваёй назве ўказвае на ўсю Віцебшчыну канца XIX – пачатку XX стст, але ў працах прадстаўлена характарыстыка толькі заходняй часткі рэгіёна, прычым на аснове ўспамінаў рэспандэнтаў, самыя старыя з якіх нарадзіліся толькі ў 1920-я гг. Пры гэтым высновы аўтар спрабуе «пашырыць» ужо на ўвесь рэгіён і на перыяд з канца XIX да пачатку XX ст.

Даследаванні У. Іванова [75 – 78] прысвечаны традыцыйнай культуры старавераў рэгіёну, асаблівасцям іх узаемадзеяння з мясцовым насельніцтвам, уплыву беларусаў на культуру старавераў, эвалюцыі ідэнтычнасці апошніх, зменам у іх культуравай сферы цягам XX – пачатку XXI ст. У працах шырока выкарыстаны матэрыялы ўласных палявых даследаванняў, праведзеных пераважна ва ўсходняй частцы Падзвіння.

У 2016 г. была апублікавана кніга А.А. Сухарава «Беларусь Паўночная» [79], у якой разгледжана гісторыя стараверскага роду Красікавых. Выданне ўтрымлівае асобную частку, прысвечаную агульнай характарыстыцы гісторыі і культуры старавераў Падзвіння. Яна не мае арыгінальнага характара і ўяўляе кампіляцыю раней апублікаваных даных. Пераважна ў выданні прадстаўлены вытрымкі з манаграфіі А.А. Гарбацкага [59] (пры тым, амаль без спасылак!).

Шэраг аспектаў з гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі былі разгледжаны ў сувязі з даследаваннямі самых розных пытанняў гістарычнай і народназнаўчай праблематыкі. Так, традыцыйна народнага ткацтва старавераў Віцебшчыны даследавала В.А. Лабачэўская [80 – 83]. Этнапесенныя традыцыі старавераў Паўночнай Беларусі на аснове сучасных палявых экспедыцый прааналізавала Т.Л. Канстанцінава [84]. Этнаканфесійныя стэрэатыпы ў беларускай вёсцы адносна стараверскага насельніцтва Віцебшчыны разгледжаны ў калектыўным артыкуле М.П. Антропава, А.М. Боганевай, Т.В. Валодзінай [85]. Некаторыя асаблівасці веснавой каляндарнай абраднасці старавераў заходняга Падзвіння разгледзела І. Алексніна [86]. Дзяржаўную палітыку ў адносінах старавераў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. прааналізаваў В.В. Табуноў [88]. Некаторыя факты з грамадскага і рэлігійнага жыцця старавераў Віцебшчыны прыведзены ў працы І.А. Пушкіна [87, с. 228–229, 298]. Грамадскае і культурна-асветніцкае жыццё старавераў Заходняй Беларусі ў складзе Польскай дзяржавы ў 1920 – 1930-я гг. прааналізаваў А.М. Вабішчэвіч [89]. Гісторыю старавераў Беларусі канца XVII – XVIII стст. асветляў у дысертацыйным даследаванні С.А. Захаркевіч [90]. Сучасную структуру стараверскай царквы на Віцебшчыне ахарактарызаваў В.У. Старасценка [91 – 92]. Міжканфесійныя адносіны на тэрыторыі Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. разгледзеў В. Лінкевіч [93]. Тапанімію Беларусі, звязаную са стараверамі, апісаў А.Ф. Рогалеў [94]. Палеаграфічныя асаблівасці стараверскіх рукапісных і старадрукаваных пеўчых кніг, якія захоўваюцца ў Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеі-запаведніку, выявіла Н.І. Дожына [95]. Правое становішча старавераў Паўночнай Беларусі напярэдадні і пасля паўстання 1863 г. разгледзеў А.Ю. Бендзін [96].

Некаторыя матэрыялы па культуры старавераў былі апублікаваны ў выданні «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 2: Віцебскае Падзвінне» (2004). Кніга змяшчае звесткі, якія характарызуюць асаблівасці ўспрыняцця старавераў мясцовым беларускім насельніцтвам рэгіёна [97, с. 782–783, 788–789], некаторыя рысы каляндарнай абраднасці старавераў [97, с. 72]. Найбольш поўна прадстаўлена

характарыстыка народнага ткацтва старавераў Паўночнай Беларусі (пераважна, стараверскіх ручнікоў) [97, с. 844 – 847, 862 – 866].

Некаторыя аспекты гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі разгледжаны ў выданнях і працах супрацоўнікаў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Так, В.Ф. Бацяеў у гістарыяграфічным артыкуле ахарактарызаваў некаторыя працы, у якіх разглядалася матэрыяльная культура рускіх у Беларусі [98]. Аднак, што тычыцца старавераў Беларусі, то аўтар разгледзеў толькі два артыкулы з энцыклапедыі «Этнаграфія Беларусі» (1989). Даследчыца Г.І. Каспяровіч ахарактарызавала гаспадарчыя заняткі рускіх (у т.л. і старавераў) на беларускіх землях у канцы XIX – XX стст. Аднак матэрыялы аб стараверах Паўночнай Беларусі ў артыкуле амаль не выкарыстаны [99]. Асобныя пытанні аб стараверах Падзвіння разгледжаны ў навукова-папулярным выданні «Хто жыве ў Беларусі» (2012) [100], якое было падрыхтавана супрацоўнікамі Цэнтра. У раздзеле «Рускія», аўтарам якога з’яўляецца Г.І. Каспяровіч, асвятляецца гісторыя і традыцыйная культура старавераў Беларусі. Разгледжаны іх дэмаграфічныя змены ў XIX – пачатку XX ст. і асаблівасці рассялення, некаторыя рысы матэрыяльнай культуры (гаспадарчыя заняткі, планіроўка паселішчаў, народная кулінарыя, традыцыйнае адзенне) і сямейнай абраднасці. Пры гэтым трэба адзначыць, што ў выданні стараверы часта не выдзяляюцца з агульнай рускай этнічнай групы ў Беларусі. А таму з агульнай характарыстыкі рускіх не заўсёды вылучаюцца матэрыялы аб стараверах. Да таго ж, у выданні пераважна гаворка вядзецца пра старавераў Падняпроўя, у той час як падзвінскім стараверам увагі ўдзелена мала. У іншым навукова-папулярным выданні Цэнтра «Этнічныя традыцыі нацыянальнай кухні Беларусі» (2019) [101] змешчаны матэрыялы аб традыцыйна харчаванні старавераў Беларусі. Аднак неабходна адзначыць, што традыцыйная кухня старавераў Паўночнай Беларусі ахарактарызавана вельмі павярхоўна. Асноўнай крыніцай для такой характарыстыкі стала краязнаўчая работа школьнікаў аб традыцыі стараверскіх вёсак Бзеўшчына і Калеснікі Браслаўскага раёна. У той жа час, у выданні не выкарыстаны нават асноўны комплекс апублікаваных крыніц па дадзенай праблематыцы.

У сучасны перыяд падрыхтаваны шэраг работ маладых беларускіх даследчыкаў аб стараверах Паўночнай Беларусі. Так, І.У. Магалінскім апублікаваны некалькі артыкулаў [102 – 103], прысвечаных дзяржаўнай палітыцы ў дачыненні старавераў Віцебшчыны ў XIX – пачатку XX ст. А ў Вілюноскім педагагічным універсітэце А. Адамковіч падрыхтаваў магістарскую дысертацыю аб стараверах Шаркаўшчынскага раёна Віцебскай вобласці [104].

У 1990 – 2000-я гг. апублікаваны шэраг работ па гісторыі і культуры старавераў асобных населеных пунктаў ці раёнаў. Аўтарамі гэтых прац з’яўляюцца як прафесійныя навукоўцы, так і мясцовыя краязнаўцы. Так, інфармацыя аб стараверах Браслаўшчыны ўтрымліваецца у артыкулах К. Шыдлоўскага [105 – 106], публікацыях па выніках працы канферэнцыі «Браслаўскія чытанні» [107 – 110], кнізе «Памяць» Браслаўскага раёна [111]. Некаторыя аспекты гісторыі і культуры старавераў Пастаўшчыны змешчаны ў працах І. Пракаповіча [112], І. Будзько [113].

Шэраг даследаванняў па гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі былі падрыхтаваны і аўтарам дадзенага артыкула [114 – 129].

Важную ролю ў даследаванні гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі ў 1990 – 2000-х гг. адыгралі літоўскія вучоныя В.М. Чэкманас, Г.У. Паташанка, Н.А. Марозава, Ю.А. Новікаў.

Даследаваннем стараверскіх гаворак літоўска-латвійска-беларускага памежжа ў пазначаны перыяд займаўся прафесар Вільнюскага ўніверсітэта В.М. Чэкманас. За перыяд з 1996 г. па 2002 г. даследчык арганізаваў больш за дзесяць экспедыцый на тэрыторыі Літвы, Латвіі і Беларусі. У 2000 г. былі абследаваны стараверскія вёскі Пастаўскага і Браслаўскага раёнаў Віцебскай вобласці. Матэрыялы гэтых палявых даследаванняў захоўваюцца ў Дзялектным архіве Цэнтра геалінгвістыкі Інстытута літоўскай мовы ў Вільнюсе [130]. Даследаванні В.М. Чэкманаса [131 – 132] прысвечаны моўным асаблівасцям стараверскага насельніцтва. На аснове іх аналізу даследчык выдзеліў на тэрыторыі Літвы і сумежных беларускіх і латвійскіх тэрыторыях зоны і арэалы распаўсюджвання стараверскага насельніцтва. Важнай высновай В.М. Чэкманаса з’яўляецца вызначэнне тэрыторыі паходжання старавераў літоўска-латвійска-беларускага памежжа. Так, даследчык прыйшоў да высновы, што асноўная маса старавераў рэгіёна з’яўляецца перасяленцамі з паўднёва-ўсходняй часткі Пскоўскай вобласці і прылеглых тэрыторый Цвярской вобласці.

Прадаўжальніцай даследаванняў В.М. Чэкманаса з’яўляецца Н.А. Марозава. Яна займаецца лінгвістычным вывучэннем старавераў Літвы, а таму і заходняга Падзвіння. Даследчыца ўдакладніла арэалы рассялення старавераў на літоўскіх і памежных з імі беларускіх і латвійскіх землях [135 – 136]. Н.А. Марозава таксама даследавала кніжную культуру старавераў Рэчы Паспалітай [137], апублікавала шэраг прац гістарыяграфічнага характара [130; 134; 138].

Значнае месца ў даследаванні гісторыі старавераў Літвы належыць Г.У. Паташанку. У працы «Стараверства ў Літве: другая палова XVII – пачатак XIX стст.» (2006) [139] даследчык разгледзеў гісторыю старавераў паўночна-заходняй часткі ВКЛ. А таму на старонках выдання значная ўвага ўдзелена стараверскаму насельніцтву Беларускага Падзвіння (пераважна, яго заходняй частцы). У працы вылучаны эта-

пы пасялення старавераў на гэтых землях, ахарактарызавана геаграфія іх рассялення, прадпрынята спроба прасачыць дэмаграфічныя змены на працягу XVII – пачатку XIX ст., прааналізавана прававое і эканамічнае становішча старавераў у перыяд Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі (да 1825 г.). Асобна даследчык спыняецца на гісторыі стараверскіх прыходаў Літвы і заходніх раёнах Беларускага Падзвіння (сучасныя тэрыторыі Браслаўскага, Пастаўскага і Шаркаўшчынскага раёнаў Віцебскай вобласці).

Істотная роля ў вывучэнні фальклорнай спадчыны старавераў беларуска-літоўска-латвійскага памежжа належыць Ю.М. Новікаву. Шэраг артыкулаў ён прысвяціў аналізу каляндарных традыцый старавераў памежных беларуска-літоўскіх тэрыторый [140 – 142]. У 2007 – 2010 гг. у трох тамах былі апублікаваны матэрыялы па фальклору старавераў Літвы, падрыхтаваны Ю.А. Новікавым [143 – 145]. Першы том выдання змяшчае ўводныя абагульняючыя артыкулы Г.У. Паташанкі «Стараверы Літвы: вехі гісторыі (другая палова XVII – пачатак XXI стст.)» [143, с. 13–28], Ю.А. Новікава «Духоўная спадчына продкаў» [143, с. 29–50], Н.А. Марозавай і В.М. Чэманаса «Гаворкі старавераў Літвы: асаблівасці і праблемы паходжання» [143, с. 51–70]. Акрамя ўласна літоўскіх матэрыялаў, даследчыкі выкарысталі таксама і матэрыялы з Паўночнай Беларусі. У саміх выданнях таксама апублікаваны некаторыя фальклорныя тэксты, зафіксаваныя ад старавераў заходняга Падзвіння.

У польскай навуцы ў 2000-я гг. таксама быў апублікаваны шэраг прац, дзе разглядалася гісторыя і культура старавераў паўночнабеларускіх зямель. Так, польская даследчыца І. Янушэўска-Юркевіч у працы «Нацыянальныя адносіны ў Віленскім краі ў 1920 – 1939 гг.» (2010) [146] разгледзела становішча стараверскага насельніцтва Віленшчыны (у т.л. і беларускіх тэрыторый) у Польскай дзяржаве ў міжваенны перыяд. Асноўная ўвага была засяроджана на аналізе ўдзела стараверскага насельніцтва ў палітычным жыцці краіны. У кнізе таксама каротка ахарактарызаваны гаспадарчыя заняткі старавераў, прыведзены некаторыя статыстычныя даныя. У 2010 г. была апублікавана праца польскага даследчыка А. Хамінскага (1844 – 1943 гг.) «Літоўскі моўны арэал у Польскай дзяржаве 1927 – 1933» [147], якую да друку падрыхтаваў Л. Бендарчук. У даследаванні вылучаны стараверскія вёскі ў Свянцянскім і Браслаўскім паветах (у складзе Польшчы).

Вывады. Такім чынам, даследаванне гісторыі і культуры старавераў Паўночнай Беларусі мае даўнюю традыцыю. Першыя працы былі апублікаваны яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. За два стагоддзі пошукаў і вывучэння пазначанай праблематыкі з’явіўся вялікі аб’ём даследаванняў, якія адрозніваюцца паміж сабой як паводле канкрэтных пытанняў, якія ў іх разглядаюцца, так і паводле падыходаў адносна іх асвятлення. Неабходна канстатаваць, што большасць навуковых прац па стараверах Беларусі тычыцца пераважна яе паўднёва-ўсходняй часткі (у асноўным, мястэчка Ветка і ваколіц). А таму на сённяшні дзень бракуе грунтоўных і сістэмных даследаванняў, прысвечаных стараверам Паўночнай Беларусі. Да таго ж, даследчыкі стараабрадніцтва як у мінулым, так і ў сучасны перыяд, у асноўным засяроджвалі сваю ўвагу на найбольш рэльефных і спецыфічных праявах гісторыі і культуры перасяленцаў з Расіі, абмінаючы ў той час іншыя, не менш значныя аспекты. Нягледзячы на тое, што першыя сур’ёзныя працы, дзе разглядалася гісторыя і культура старавераў Паўночнай Беларусі, былі апублікаваны яшчэ ў сярэдзіне XIX ст., вялікі шэраг пытанняў так і не разгледжаны да нашага часу. Так, толькі павярхоўна даследаваны працэсы засялення стараверамі паўночнабеларускіх зямель, не прасочана дынаміка колькасці насельніцтва і не выяўлены асаблівасці яго рассялення ў рэгіёне. Амаль не разгледжаны асаблівасці традыцыйнай культуры старавераў, не даследавана яе эвалюцыя ў XX – пачатку XXI ст. Не знайшлі шырокага адлюстравання ў навуковых публікацыях пытанні сацыяльна-эканамічнага становішча старавераў рэгіёна. Вельмі слаба вывучана гісторыя стараверскага насельніцтва ў другой палове XVII – XVIII стст.

ЛІТАРАТУРА

1. Гарбацкі, А. А. Стараверы Віцебшчыны ў к. XVII – XVIII стст. / А. А. Гарбацкі // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 1999. – №1 (11). – С. 3–8.
2. Поташенко, Г. Традиция исследований старообрядцев Литвы: от демографии к истории конфессии и социолингвистике / Г. Поташенко // Ethnicity Studies. – 2007. – № 2. – Р. 194–211.
3. Гарбацкі, А. А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А. А. Гарбацкі. – Брэст : БрДУ, 1999. – 202 с.
4. Barszczewski, J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Tomik 2 / J. Barszczewski. – Petersburg : Drukarnia Karola Kraja, 1845. – 113 s.
5. Podbereski, R. Listy o Białejrusi. List I. Przyroda i mieszczańce / R. Podbereski // Tygodnik Petersburski. – 1844. – Cz. XXX. – № 79. – S. 470–472.
6. Podbereski, R. Listy o Białejrusi. List II. O przemyśle / R. Podbereski // Tygodnik Petersburski. – 1844. – Cz. XXX. – № 81. – S. 482–483.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. VIII. – Ч. 1. Витебская губерния. – СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1852. – 267+9 с.

8. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб. : Тип. III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
9. Вескинский, А. Раскол в западно-русском крае / А. Вескинский // Вестн. Зап. России. Ист.-лит. журн., издав. К. Говорским. – Вильна : Тип. А. Сыркина, 1865 (май). – Т. III. – С. 286–303.
10. Волков, В. И. Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии / В. И. Волков. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1866. – 21 + 85 с.
11. Сементовский, А. Этнографический обзор Витебской губернии / А. Сементовский. – СПб. : Тип. М. Хана, 1872. – 69 с.
12. Киркор, А. Народная жизнь / А. Киркор // Живописная Россия. Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литовское и Белорусское Полесье. – Минск : БелЭн., 1994. – С. 277–288. – (Препринт 1882 г.).
13. Максимов, С. В. Белорусская Смоленщина с соседями / С. В. Максимов // Живописная Россия. Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литовское и Белорусское Полесье. – Минск : БелЭн., 1994. – С. 429–472. – (Препринт 1882 г.).
14. Корецкий, П. И. О раскольниках в Ковенской губернии / П. И. Корецкий // Памятная книжка Ковенской губернии на 1863 год. – Ковно : Тип. Ш. Соколовского, 1863. – Отдел II. – С. 1–46.
15. О расколе в Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1885 г. – Витебск, 1885. – С. 337–367.
16. Витебская губерния: историко-географический и статистический обзор. Вып. 1. История. Природа. Население. Просвещение / Сост. по программе и под ред. В. М. Долгорукова. – Витебск : Губ. тип., 1890. – 387 с., [18 л.].
17. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1905. – Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Сост. В. П. Семенов [и др.]. – VIII, 620 с.
18. Посох, Г. Видзы / Г. Посох. – Ковно : Тип. губ. правл., 1895. – 13 с.
19. Горбачевский, И. Д. Лепельский уезд Витебской губернии / И. Д. Горбачевский. – Витебск : Губ. тип., 1895. – 38 с.
20. Аникиевич, К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии / К. Т. Аникиевич. – Могилев : Могил. губ. стат. ком., 1907. – 148 с.
21. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житья-бытъя в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (Этнографические данные) / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1895. – VIII+548+CLIV с.
22. Никифоровский, Н. Я. Питушие и пропойцы / Н. Я. Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1896. – № 4. – С. 65–88.
23. Никифоровский, Н. Я. Пособники жихара / Н. Я. Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1893. – № 2. – С. 92–154.
24. Романов, Е. Р. Общий очерк Витебской губернии / Е. Р. Романов // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. – Витебск : Губ. тип., 1898. – С. 40–308.
25. Романов, Е. Р. Из старообрядческой литературы / Е. Р. Романов // Могилевская старина. – Могилев : Тип. Губ. правл., 1901. – Вып. II. – С. 79–86.
26. Станкевич, А. Очерк возникновения русских поселений на Литве / А. Станкевич. – Вильна : Губ. тип., 1909. – 140 с.
27. Ершова, О. П. Старообрядчество и власть. Гл. I. Проблема раскола в трудах отечественных ученых / О. П. Ершова // Самарское староверие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-1125>. – Дата доступа: 05.12.2019.
28. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – М. : Политиздат, 1985. – 448 с.
29. Никольский, Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности / Н. М. Никольский. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1956. – 275 с.
30. Hedeman, O. Historia powiatu Braślawnskiego / O. Hedeman. – Wilno : Polska Druk. Nakładowa «Lux», 1930. – 434 s.
31. Pieciukiewicz, M. Cechy prymitywne w kulturze ludowej staroobrzędowców w pow. Braślawnskim : teza magisterska / M. Pieciukiewicz. – Wilno, 1938. – IV+66+6 s.
32. Заварина, А. А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века: Историко-этнографический очерк / А. А. Заварина. – Рига : Зинатне, 1986. – 246 с.
33. Подмазов, А. А. Старообрядчество в Латвии / А. А. Подмазов. – Рига : Лиесма, 1970. – 112 с.
34. Подмазов, А. А. Современная религиозность: особенности, динамика, кризисные явления / А. А. Подмазов. – Рига : Зинатне, 1985. – 162 с.
35. Макашина, Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии / Т. С. Макашина. – М. : Наука, 1979. – 160 с.
36. Немченко, В. Русские сторожилы Литвы и их говоры / В. Немченко // Kalbotyra. – 1963. – № VII. – Р. 63–86.
37. Сивицкене, М. К. Русские говоры Литвы в связи с исходной локализацией / М. К. Сивицкене // Псковские говоры в их прошлом и настоящем : межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена ; отв. ред. Л. Я. Костючук. – Л., 1988. – С. 126–134.
38. Церашковіч, П. У. Стараверы / П. У. Церашковіч // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 475.
39. Короткая Т. П. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 115 с.
40. Минина, Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Е. Минина. – Минск, 1993. – 26 с.
41. Мезенко, А. М. Лингвистический и экстралингвистический аспекты изучения фонетических особенностей островных русских говоров Шарковщинского района Витебской области / А. М. Мезенко, Н. Е. Минина // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 1996. – № 2. – С. 70–75.

42. Мініна, Н. Я. Гаворкі рускіх старабрадцаў на тэрыторыі беларуска-літоўскага памежжа / Н. Я. Мініна // Весці АНМ. Нацыянальныя меншасці ў Беларусі і ў свеце. – 1997. – № 2. – С. 19–20.
43. Минина, Н. Е. «Нам всем подобает умирать за единый язык...»: (о взаимосвязи языка и обрядности в старообрядческом социуме) / Н. Е. Минина // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2004. – № 4 (34). – С. 56–60.
44. Минина, Н. Е. Русские старообрядческие говоры на территории Витебской области (к проблеме территориально изолированных говоров) / Н. Е. Минина // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства : матэрыялы Першай Усесаюз. навук. канф., Віцебск, 17–19 ліп. 1990 г. – Віцебск, 1990. – С. 62–65.
45. Мініна, Н. Я. Рускія стараабрадцы на Віцебшчыне / Н. Я. Мініна, С. М. Мінін // Нацыянальныя меншасці Беларусі : матэрыялы 1-й Нац. навук.-практ. канф., Брэст – Мінск, 21–22 мая 1996 г. – Брэст-Мінск, 1996. – Кн. 3. – С. 15–18.
46. Минина, Н. Е. Реликтовые явления в говорах старообрядцев Витебщины / Н. Е. Минина // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-balto-wschodniosłowiańskich*. – Białystok, 2000. – Т. III. – S. 257–262.
47. Минина, Н. Е. Роль языковой личности в старообрядческом социуме / Н. Е. Минина // Язык и социум : материалы VI Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Минск, 2004. – Ч. 2. – С. 219–222.
48. Минина, Н. Е. Старообрядческие говоры: территориальный диалект и/или социолект / Н. Е. Минина // Русский язык: система и функционирование : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 197–199.
49. Минин, С. Н. Костюм и орнамент старообрядцев Витебщины (по материалам полевых экспедиций) / С. Н. Минин, Н. Е. Минина // Народны тэкстыль і адзенне Віцебшчыны : матэрыялы навук.-практ. канф. – Мінск : Нац. б-ка Беларусі, 2014. – С. 176–178.
50. Минина, Н. Е. Островные русские говоры Витебщины / Н. Е. Минина. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2003. – 159 с.
51. Муратова, Е. Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области / Е. Ю. Муратова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бел. гос. ун-т. – Минск, 1994. – 21 с.
52. Муратава, А. Ю. Мужчынскі імянік адной стараверскай абшчыны / А. Ю. Муратава // Бел. лінгвістыка. – Мінск, 1992. – Вып. 41. – С. 69–76.
53. Муратава, А. Ю. Жаночы імянік адной стараверскай абшчыны на тэрыторыі Беларусі (в. Ніўнікі Міёрскага раёна) / А. Ю. Муратава // Бел. лінгвістыка. – Мінск, 1994. – Вып. 43. – С. 56–63.
54. Кураш, И. Я. Фонетическая адаптация личных собственных имен старообрядцев / И. Я. Кураш // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2005. – № 4. – С. 75–79.
55. Кураш, И. Я. Микропонимы в системе собственных имен старообрядцев Витебщины / И. Я. Кураш // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2009. – № 4. – С. 73–77.
56. Кураш, И. Я. Явление интерференции в именнике старообрядцев / И. Я. Кураш // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2010. – Т. 9. – С. 41–46.
57. Лукина, О. А. Экклезионимное пространство Беларуси / О. А. Лукина. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – 110 с.
58. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
59. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях / А. А. Горбацкий. – Брест : БрГУ, 2004. – 305 с.
60. Гарбацкі, А. А. Вывучэнне гісторыі стараабрадніцтва на Беларусі / А. А. Гарбацкі // Весн. Брэсц. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 39–43.
61. Гарбацкі, А. А. Сацыяльна-эканамічнае, палітычнае і духоўнае жыццё стараабраднікаў Віцебшчыны ў II пал. XIX – пач. XX ст. / А. А. Гарбацкі // Весн. Брэсц. ун-та. – 1999. – № 1. – С. 17–23.
62. Гарбацкі, А. А. Стараабраднікі Віцебшчыны ў першай палавіне XIX ст. / А. А. Гарбацкі // Весн. Брэсц. ун-та. – 1999. – № 5. – С. 79–84.
63. Гарбацкі, А. А. Стараверы Віцебшчыны ў к. XVII – XVIII стст. / А. А. Гарбацкі // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 1999. – № 1(11). – С. 3–8.
64. Горбацкий, А. А. Календарно-бытовой уклад жизни старообрядцев Витебщины в конце XIX – первой половине XX в. / А. А. Горбацкий // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур (история, уроки, опыт, современность) : в 2 ч. – Ч. 1. / Ред. кол. : В. А. Космач [і інш.]. – Витебск : Из-во ВГУ, 2002. – С. 274–277.
65. Бобрович, Н. А. Вклад старообрядцев в историю культуры (по материалам собраний Витебского областного краеведческого музея) / Н. А. Бобрович // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 28–31.
66. Добжинская, Т. В. Общественно-политическая жизнь старообрядцев на Витебщине после принятия Указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» / Т. В. Добжинская // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 67–70.
67. Лобач, У. А. Вобраз «асташа» (старавера) у творах Яна Баршчэўскага / У. А. Лобач // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 161–166.
68. Філіпенка, У. С. Вясельная абраднасць старавераў-беспапоўцаў Беларусі (па этнаграфічных матэрыялах апошняй чвэрці XIX стагоддзя) / У. С. Філіпенка // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 283–288.

69. Добжинская, Т. В. Духовные старообрядческие наставники на Витебщине в первой половине XX в. / Т. В. Добжинская // *Вестн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* – 2005. – № 1. – С. 12–15.
70. Добжинская, Т. В. История крюкового пения и его место в богослужениях старообрядцев Витебщины / Т. В. Добжинская // *Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць : зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф. Брэст, 7–8 каст. 2004 г. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2005. – С. 146–149.*
71. Трофимова, Т. В. Особенности одежды старообрядцев Витебщины в конце XIX – начале XX века / Т. В. Трофимова // *Брэсцкая царкоўная унія (1596 – 2006): гісторыя і сутнасць : зб. навук. арт. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2006. – С. 133–137.*
72. Горбачкий, А. А. Семейные похоронные обряды старообрядцев Витебщины в конце XIX – первой половине XX вв. (по материалам историко-этнографических экспедиций) / А. А. Горбачкий, Т. В. Добжинская // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки.* – 2005. – № 1. – С. 52–54.
73. Трофимова, Т. В. Семейные обряды старообрядцев Витебщины в конце XIX – первой половине XX века / Т. В. Трофимова // *Рэлігія на памежжы: еўраэргіён «Буг» : зб. навук. пр. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст, 2008. – С. 81–89.*
74. Трофимова, Т. В. Духовная культура старообрядцев Витебщины в конце XIX – начале XX века / Т. В. Трофимова // *Православие в духовной жизни Беларуси : сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1025-летию Крещения Руси, Брест, 24–25 окт. 2013 г., ред.: А. А. Горбачкий [и др.]. – Брест, 2015. – С. 155–164.*
75. Иваноў, У. Мясцовыя назвы Віцебскіх старавераў / У. Иваноў // *Роднае слова.* – 2006. – № 12 (228). – С. 31.
76. Иваноў, У. Пра беларускі ўплыў на віцебскіх старавераў / У. Иваноў // *Палітычная сфера. Часоп. паліт. даслед.* – 2008. – 10. – С. 102–107.
77. Иваноў, У. Эвалюцыя тоеснасці і культуры старавераў паўночнай Беларусі, канец XIX – пачатак XXI стагоддзя / У. Иваноў // *Палітычная сфера. Часоп. паліт. даслед.* – 2010. – 14. – С. 195–210.
78. Иваноў, У. Аб кабетах, якія «папуць»: аб ролі і месцы жанчынаў у рэлігійным жыцці стараверства Віцебшчыны / У. Иваноў // *Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. – Прага : Адліга, 2013. – Вып. 2. Личное как политическое. – С. – 31–37.*
79. Сухарев, А. А. Беларусь Северная / А. А. Сухарев. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. – 204 с.
80. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О. А. Лобачевская. – Минск : Бел. наука, 2013. – 527 с.
81. Лабачэўская, В. А. Вандраванне ўзору (аб паходжанні аднаго арнаментальнага матыву ў старадарожскіх пераборных ручніках) / В.А. Лабачэўская // *Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання : зб. навук. пр. IV Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 29–30 крас. 2010 г. / БДУКМ ; рэдкал.: М.А. Мажэйка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 46–49.*
82. Лабачэўская, В. А. Ручнік у матэрыяльнай і сакральнай культуры старавераў Браслаўшчыны / В. А. Лабачэўская // *Браслаўскія чытанні : матэрыялы IV навук.-краязн. канф., Браслаў, 24–25 крас. 1997 г. / Брасл. Музей. аб'яд-не, Брасл. краязн. т-ва імя О. Гедэмана. – Браслаў, 1997. – С. 154–159.*
83. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.09 / О. А. Лобачевская ; Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2014. – 50 с.
84. Канстанцінава, Т. Л. Аб уздзеянні міграцыйных працэсаў другой паловы XX ст. на этнамузычны ландшафт Беларусі / Т. Л. Канстанцінава // *Весці Бел. дзярж. акад. музыкі.* – 2017. – № 30. – С. 13–18.
85. Антропаў, М. Этнаканфесійныя стэрэатыпы ў беларускай вёсцы (канец XX – пачатак XXI ст.). / М. Антропаў, А. Боганева, Т. Валодзіна // *Беларускі гістарычны агляд.* – 2007. – Т. 14. – С. 141–178.
86. Алексніна, І. Да пытання аб святкаванні веснавых святаў на тэрыторыі Заходняга Паазер'я / І. Алексніна // *Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання : бюл. VII Міжнар. навук. канф., Мінск, 26–28 крас. 2013 г. / БДУКМ ; рэдкал.: В. Р. Языковіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2013. – С. 94–96.*
87. Пушкін, І. А. Грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць нацыянальных меншасцей у Беларускай ССР (1919–1991) / І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2018. – 423 с.
88. Табунов, В. В. Политика российского правительства в отношении христианских конфессий в Беларуси (1895 – 1907): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Табунов ; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2008. – 22 с.
89. Вабішчэвіч, А. М. Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднакаў у Польшчы ў 1920 – 1930-я гады / А. М. Вабішчэвіч // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки.* – 2008. – № 1. – С. 101–108.
90. Захаркевич, С. А. Этнические меньшинства на территории Беларуси в XIV-XVIII веках: стратегии культурной адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Захаркевич С. А. ; Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, НАН Беларуси. – Минск, 2010. – 17 с.
91. Старостенко, В. В. Специфика конфессиональной структуры Витебской области в контексте религиозной жизни Республики Беларусь / В. В. Старостенко // *Романовские чтения -12 : сб. ст. Междунар. науч. конф. / Под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – С. 175–176.*
92. Старостенко, В. В. Региональная структура старообрядчества в восточной Беларуси в 2000-х гг.: особенности и динамика развития / В. В. Старостенко // *Религия и общество – 13: сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 141–146.*

93. Линкевич, В. Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во II пол. XIX – нач. XX в. : автореф. дис. ... кан. ист. наук / В. Н. Линкевич ; Ин-т истории АН Беларуси. – Минск, 2004. – 21 с.
94. Рогалев, А. Ф. Этнопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А. Ф. Рогалев. – Гомель : БелАНТИ, 1993. – 168 с.
95. Дожина, Н. И. Старообрядческие нотированные книги в собраниях Полоцка / Н. И. Дожина // Полацкі музейны штогоднік: зб. навук. арт. ; Нац. Полац. гіст.-культ. музей-запаведнік. – Полацк 2011,–. 2012 – С. 201-205.
96. Бендин, А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края Российской империи / А. Ю. Бендин // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2011. – № 1. – С. 77–92.
97. Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. – Мінск : Бел. навука, 2004. – Т. 2 : Віцебскае Падзвінне / Т. Б. Варфаламеева, А. М. Боганева, М. А. Козенка. – 2004. – 910 с.
98. Батяев, В. Ф. Историография материальной культуры русских Беларуси: проблемы изучения / В. Ф. Батяев // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – Вып. 3. : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 10–13.
99. Касперович, Г. И. Хозяйственные занятия русских в Беларуси / Г.И. Касперович // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – Вып. 3. : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 116–121.
100. Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 799 с.
101. Гурко, А. В. Этнические традиции национальной кухни Беларуси / А. В. Гурко, Л. В. Бохан, Н. С. Бункевич ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит. – Минск : Бел. навука, 2019. – 254 с.
102. Магалінскі, І. У. Уплыў расійскага "раскольніцкага" заканадаўства на прававое і эканамічнае становішча стараабраднікаў Беларусі ў другой палове XIX – пач. XX стагоддзя / І. У. Магалінскі // Тр. молод. спец-в Полоц. гос. ун-та – Новополоцк : ПГУ, 2007. – Вып. 20. – С. 59–61.
103. Магалінскі, І. У. Прычыны эканамічнага поспеху стараабраднікаў Віцебскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя / І. У. Магалінскі // Тр. молод. спец-в Полоц. гос. ун-та. – Новополоцк : ПГУ, 2008. – Вып. 28. – С. 42–45.
104. Адамкович, А. Фольклор старообрядцев Шарковщины (социолінгвістычны аспект): магист. работа / А. Адамкович ; Вильн. пед. ун-т. - Вильнюс, 2008. – 321 с.
105. Шыдлоўскі, К. Стараверы Булавішак учора і сёння / К. Шыдлоўскі // Павеі (Браслаў). – № 2(15). – люты 2003. – С. 6–7.
106. Шыдлоўскі, К. Этнічны склад насельніцтва Дрысвятаў і наваколя / К. Шыдлоўскі // Браслаўскія сшыткі. – 1999. – № 3. – С. 58–60.
107. Лабачэўская, В. Аб працы Мар'яна Пецюкевіча «Архаічныя (прымітыўныя) рысы ў народнай культуры стараабраднікаў Браслаўскага павета» / В. Лабачэўская // Браслаўскія чытанні : матэрыялы V навук.-краязн. канф., прысвеч. 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьм. крыніцах, Браслаў, 27–28 крас. 2000 г. – Браслаў, 2001. – С. 56–59.
108. Ярашэвіч, А. Помнікі мастацтва Браслаўшчыны / А. Ярашэвіч, М. Мельнікаў, У. Карэлін // Браслаўскія чытанні : матэрыялы 4-й навук.-краязн. канф., Браслаў, 24–25 красав. 1997 г. / Брасл. музейн. аб'яд-не, Брасл. краязн. тав-ва ; рэдкал.: К. Шыдлоўскі [і інш.]. – Браслаў, 1997. – С. 103–107.
109. Горбацкий, А. История Миколаюнской старообрядческой общины / А. Горбацкий // Браслаўскія чытанні: матэрыялы VI навук.-краязн. канф., прысвеч. 150-й гадавіне з дня нар. Станіслава Нарбута (1853–1926), Браслаў, 7–8 мая 2003 г. / Брасл. музейн. аб'яд-не, Брасл. краязн. т-ва імя О. Гедэмана. – Браслаў, 2003. – С. 22–24.
110. Горбацкий, А. Духовный мир старообрядческой общины (по материалам полевых исследований на территории Браславского района Витебской области) / А. Горбацкий // Браслаўскія чытанні : матэрыялы V навук.-краязн. канф., прысвеч. 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьм. крыніцах, Браслаў, 27–28 крас. 2000 г. – Браслаў, 2001. – С. 32–34.
111. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Браслаўскага раёна / уклад. К. С. Шыдлоўскі; рэдкал.: К. В. Велічковіч [і інш.]. – Мінск : Паліграффармленне, 1998. – 709 с.
112. Пракаповіч, І. Насельніцтва Пастаўскага краю / І. Пракаповіч. – Паставы : Сумежжа, 2004. – 56 с.
113. Будзько, І. Лінгвістычная гісторыя краю ў вусных аповедах жыхароў Пастаўшчыны / І. Будзько // Пастаўскі край на гісторыка-культурнай карце Беларусі: матэрыялы Рэспубліканскага навукова-практычнага семінара, Паставы, 20–21 крас. 2017 г. ; адказ. рэд. В. У. Міцкевіч. – Мінск, 2017. – С. 31–36.
114. Аўсейчык, У. Я. Этнаканфесіянальныя стэрэатыпы ў беларускім традыцыйным грамадстве XIX – пачатку XX ст. / У. Я. Аўсейчык // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры / Редкол.: В. В. Тугай [і др.]. – Мінск : БГПУ, 2007. – С. 228–230.
115. Аўсейчык, У. Я. Этнічныя стэрэатыпы сярод беларускага гарадскога насельніцтва ў XIX стагоддзі / У. Я. Аўсейчык // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва: зб. навук. пр. / Уклад. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілёў : Могілев. обл. укрп. тип., 2007. – С. 83–87.
116. Овсейчик, В. Е. Особенности этнокультурного взаимодействия русских старообрядцев и белорусского населения на Витебщине в XIX – начале XX вв. / В. Е. Овсейчик // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Саранск, 9–11 дек. 2008 г. ; под ред. Н. Ф. Беляевой. – Саранск, 2008. – С. 93–97.
117. Аўсейчык, У. Я. Вобраз старавераў у народнай культуры беларусаў Падзвінны ў XIX – першай палове XX ст. / У. Я. Аўсейчык // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – Вып. 5. – С. 316–322.

118. Аўсейчык, У. Я. Стараверы Лепельшчыны ў XIX – пач. XX ст. / У. Я. Аўсейчык // III Лепельскія чытанні : матэрыялы навук.-практ. канф., Лепель, 10 каст. 2008 г. – Віцебск : РУП ГСУВО, 2008. – С. 44–47.
119. Аўсейчык, У. Я. Народная медыцына старавераў Падзвіння (на аснове матэрыялаў палявых этнаграфічных даследаванняў) / У. Я. Аўсейчык // Беларускае Падзвінне: вопыт, методка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку) : зб. навук. пр. рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 ліст. 2008 г. / Пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – С. 132–136.
120. Аўсейчык, У. Я. Пахавальна-памінальная абраднасць як сфера міжэтнічнага і міжканфесійнага ўзаемадзеяння ў сучаснай вёсцы Беларускага Падзвіння (да пастаноўкі праблемы) / У. Я. Аўсейчык // III Машеровские чтения : материалы респ. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24–25 марта 2009 г. / Вит. гос. ун-т им. П. М. Машерова ; редкол.: А. Л. Гладков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2009. – С. 19–21. (История. Белорусская филология. Русская филология).
121. Аўсейчык, У. Я. Асаблівасці народнага дойлідства старавераў Падзвіння (па матэрыялах XIX – пачатку XX ст.) / У. Я. Аўсейчык // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. ст. Респ. науч.-практ. сем., Новополоцк, 8–9 окт. 2015 г. / Полоц. гос. ун-т ; под общ. ред. В. Е. Овсейчика, Г. И. Захаркиной, Р. М. Платоновой. – Новополоцк : ПГУ, 2015. – С. 38–42.
122. Аўсейчык, У. Я. Стараверы Полаччыны ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / У. Я. Аўсейчык // Тэзісы навук.-краязн. канф. да 90-годдзя Краязнаўчага музея Полацка, Полацк, 7–8 снеж. 2016 г. / НППГКМЗ ; укл. І. П. Воднева. – Полацк, 2016 – С. 6–7.
123. Аўсейчык, У. Я. Гісторыя вывучэння старавераў Падзвіння ў XIX – пачатку XXI ст. / У. Я. Аўсейчык // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : VII Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24–25 ліст. 2016 г. : зб. дакл. і тэз. : у 2 т. / Ц-р дасл. бел. культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; гал. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – Т. 1. – С. 461–465.
124. Аўсейчык, У. Я. Стараверы Шуміліншчыны ва ўяўленнях беларускага насельніцтва (па матэрыялах сучасных палявых этнаграфічных экспедыцый) / У. Я. Аўсейчык // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: В. В. Даніловіч [і інш.]. – Мінск : Бел. нав., 2018. – С. 18–28.
125. Аўсейчык, У. Я. Стараверы Полаччыны ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / У. Я. Аўсейчык // Полацкія чытанні – 2017 : зб. матэрыялаў навук.-практ. канф., Полацк, 2 верас. 2017 г. / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа Ц-ра даслед. бел. культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – С. 14–19.
126. Аўсейчык, У. Я. Этнічныя групы Лепельшчыны (па матэрыялах сучасных палявых этнаграфічных экспедыцый) / У. Я. Аўсейчык // VIII Лепельскія чытанні : матэрыялы VIII навук.-практ. канф., Лепель, 18–19 каст. 2018 г. ; пад рэд. Я. А. Грэбня. – Віцебск, 2018. – С. 58–65.
127. Аўсейчык, У. Я. Стараверы Беларускага Падзвіння ў канцы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці рассялення і ўзаемадзеяння з мясцовым насельніцтвам / У. Я. Аўсейчык // Религия и общество – 13 : сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 175–178.
128. Аўсейчык, У. Я. Асаблівасці гаспадарчых заняткаў старавераў Падзвіння (па матэрыялах 2-й паловы XIX – пачатку XX ст.) / У. Я. Аўсейчык // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Ц-р даслед. бел. культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2019. – Вып. 26. – С. 184–190.
129. Овсейчик, В. Е. Старообрядцы Белорусского Подвинья в XIX – начале XX в.: особенности расселения и этнической культуры / В. Е. Овсейчик // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы XIII Междунар. науч. конф., Москва, 21–23 нояб. 2019 г. ; гл. ред. В. И. Осипов. – М., 2019. – С. 167–71.
130. Морозова, Н. Научное наследие В. Н. Чекмонаса (1936–2004): изучение старообрядчества Литвы / Н. Морозова // *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. – 2017. – № 62. – P. 139–150.
131. Чекмонас, В. Н. К социолингвистической характеристике старообрядческих говоров Литвы / В. Н. Чекмонас // Тр. по рус. и слав. филологии: Лингвистика. Нов. сер. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2000. – Т. IV: Русские староверы за рубежом. – С. 200–224.
132. Чекмонас, В. Об основных этапах социолингвистической истории старообрядчества Литвы / В. Чекмонас // Тр. по рус. и слав. филологии: Лингвистика. Нов. сер. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2000. – Т. III: Языки диаспоры: проблемы и перспективы. – С. 135–147.
133. Морозова, Н. А. Литовское старообрядчество: история, культура, язык (библиографический указатель) / Н. А. Морозова // *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. – 2001. – № 50(2). – P. 195–218.
134. Морозова, Н. Библиография научных трудов В. Н. Чекмонаса / Н. Морозова // *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. – 2009. – № 54(2). – P. 21–36.
135. Морозова, Н. А. Староверы Литвы: места компактного проживания в прошлом и настоящем / Н. А. Морозова // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада / Четвертые Шёгреновские чтения : сб. ст. – СПб. : Европейский Дом, 2011. – С. 248–259.
136. Морозова, Н. Староверы Литвы: к вопросу о местах компактного проживания в прошлом и настоящем / Н. Морозова // *Перекрестки*. – 2012. – № 3–4. – С. 136 – 147.
137. Морозова, Н. Сочинения старообрядцев-беспоповцев в Речи Посполитой в XVIII веке / Н. Морозова // *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. – 2013. – № 58(2). – P. 79–97.
138. Морозова, Н. Анатолий Павлович Непокупный и изучение старообрядческих говоров Литвы / Н. Морозова // *Kalbosistorijos ir dialektologijos problemos 5*. – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2018. – P. 250–273.

139. Поташенко, Г. Староверие в Литве: Вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы, материалы / Г. Поташенко. – Вильнюс : Aidai, 2006. – 543 с.
140. Новиков, Ю. А. Пасхальный обход дворов у старообрядцев белорусско-литовского пограничья / Ю. А. Новиков // Kalbotyra: Slavistica Vilnensis. – 2002. – № 51. – Р. 81–92.
141. Новиков, Ю. А. Фольклор старообрядцев стран Балтии (истоки, динамика развития, особенности бытования) / Ю. А. Новиков // Kalbotyra: Slavistica Vilnensis. – 2009. – Т. 54. – Р. 140–155.
142. Новиков, Ю. А. Календарные праздники старообрядцев стран Балтии / Ю. А. Новиков // Славянские чтения VII. – Daugavpils, 2009. – Р. 12–18.
143. Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследования / Изд. подгот. Ю. Новиков. – Вильнюс : Вильн. пед. ун-т, 2007. – Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки. – 570 с.
144. Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследования / Изд. подгот. Ю. Новиков. – Вильнюс : Вильн. пед. ун-т, 2009. – Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. – 568 с.
145. Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследования / Изд. подгот. Ю. Новиков [и др.]. – Вильнюс : Вильн. пед. ун-т, 2010. – Т. 3: Народные песни. Частушки. Детский фольклор. 564 с.
146. Januszewska-Jurkiewicz, J. Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920-1939 / J. Januszewska-Jurkiewicz. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. – 710 s.
147. Chomiński, O. Obszar językowy litewski w państwie polskim 1927–1933 / O. Chomiński // Acta Baltico-Slavica. – 2010. – № 34. – S. 197–261.

Пасмыніў 19.12.2019

THE HISTORY OF STUDYING THE OLD BELIEVERS OF NORTHERN BELARUS

U. AUSEICHYK

The history of studying the Old Believers' population of Northern Belarus is considered. The stages in the study of the Old Believers' history and culture are singled out, the methods of collection, processing and interpretation of historical, ethnographic and folklore materials are characterized, the significance of the researches and their contribution to the study of the history and cultural traditions of the Old Believers of the region are revealed. The article analyzes the works that were published from the 19th century to our time. Despite the fact that the first serious works, where the history and culture of the Old Believers of Northern Belarus were considered, were published in the middle of the 19th century, most of the issues have not been considered until now. Only the processes of settlement of the territory of Northern Belarus by the Old Believers are superficially investigated, the dynamics of the population number is not traced and the peculiarities of its settlement in the region are not revealed. The peculiarities of the traditional culture of Old Believers are almost not considered, its evolution in the 20th - early 21st centuries are not investigated. The issues of social and economic status of the Old Believers in the region were not widely reflected in scientific publications. The history of Old Believers in the second half of the 17-18 centuries is very poorly studied.

Keywords: *historiography, historical science, Old Believers, Northern Belarus, Belarusian Dvina region (Podvin'e), ethnology, folk culture, folklore, traditions.*

УДК 271.2 – 788 "18/19"

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОНАХОВ
МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

*канд. ист. наук Е. Н. БОРУН
(Полоцкий государственный университет)*

Дан анализ правового положения монахов мужских и женских православных монастырей белорусско-литовских епархий: Минской, Могилевской, Полоцкой, Литовской, Гродненской. Выявлены изменения правового статуса (юридически закрепленного положения в государстве и обществе) монашеского сообщества и монастырей белорусско-литовских епархий, характерные для периода второй трети XIX – начала XX в. Рассмотрены нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс вступления послушников и послушниц в состав монашеской братии и организацию культовой и хозяйственной деятельности монастырей. Проведен анализ государственных законов, указов и определений Синода, Духовных консисторий позволивший определить изменения в положении монашеского сословия. Выявлена разница в правовом положении монахов в мужских и женских монастырях. Определен характер наград (канонических, литургических, внебогослужебных) и благодарностей Св. Синода и епархиального начальства православным монахам.

Ключевые слова: монах, монастырь, право, сословие, духовенство, награды, документы

Введение. Монастырь – это религиозная община монахов и монахинь, а также лиц, пришедших на послушание. По законодательству Российской империи, Закону о состояниях, все монашеские лица (принявшие постриг) причислялись к духовному сословию [1, с. 50]. Среди монашеского, или «чёрного», духовенства законом была выделена группа «духовных властей»: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игумении и настоятельницы женских монастырей. Послушники (не принявшие постриг) составляли маргинальную группу, резерв пополнения монастырской братии. Относить их к черному духовенству нет никаких оснований, поскольку послушники не были связаны иноческими обетами и могли свободно оставить монастырь. Ряд положений законодательства существенно разделяло в правах и обязанностях эти категории лиц. Основными документами, регламентирующими права и обязанности, принимающих на себя монашеские обеты, являлись: Духовный регламент, Полные собрания законов Российской империи, Свод законов Российской империи, Указы святейшего Синода, Уставы духовных консисторий. Основным законодательным актом, регулирующим статус монашеского сословия, являлся Духовный регламент [2]. Дополнение к Духовному регламенту «О монахах» регулировало вопросы о пострижении в монашество, избрании настоятелей, правила поведения в монастыре. Единая правовая система окончательно сложилась после принятия в 1841 г. Устава духовных консисторий и его дополнения от 1883 г. [3]. На женское монашество распространялись те же положения, что и на мужское, с прибавлением ряда ограничительных условий. Так, Духовный регламент запрещал принимать в монашество лиц, не достигших 30 лет. Исключение составляли выпускники духовных семинарий и академий, которые могли быть пострижены с 25 лет, а также вдовы священники и диаконы. Однако пункты 42–43 предполагали пострижение для вдовы женщин при достижении 60 лет, а девиц – при достижении 50 лет [2, с. 126]. В 1832 г. это правило было смягчено, и постриг для женщин стал разрешенным с 40-летнего возраста.

До 1906 г. действовала усложненная процедура поступления в монашество для лиц податных сословий – мещан и крестьян. Они получали увольнение от своего общества и приравнивались к уволенным из крестьянских и мещанских обществ для поступления в учебные заведения. Если они не выдерживали послушнического искуса и решали отказаться от пострига, то возвращались в свое изначальное сословие. При увольнении в отпуск лиц, находившихся на послушании, на срок более 4 месяцев или за границу, монастырское начальство возвращало им документы, выданные от гражданского начальства, по которым они были приняты в монастырь [4, л. 4]. В монастырях вели журналы регистрации прихода и ухода из монастыря монашеских и послушников. Чаще всего в журналах фигурируют краткосрочные уходы на 3, 4 часа. Частые причины отлучек – за покупками, визит к доктору, к родителям [5, л. 1–2]. Указами Св. Синода от 9 сентября 1873 г. и духовной консистории от 16 апреля 1896 г., циркуляром обер-прокурора от 4 декабря 1874 г. послушникам монастырей был строго запрещен сбор подаяний вне стен монастыря, так как духовные консистории имели право выдавать паспорта лицам духовного сословия, которыми до принятия пострига послушники не являлись [6, л. 1].

Если послушники были «замечены в несвойственном иноческой жизни поведении», то настоятель обязан был немедленно удалить их из монастыря [7, л. 4]. Состав и количество неуказных послушников постоянно менялся, и эта ситуация была характерна для всех монастырей. В «Книге записи вида на жительство» послушников Витебского Троицкого монастыря за 1913–1914 гг. зафиксировано, что в 1913 г. из 28 человек, прибывших в монастырь на послушание, через год выбыло 17. В 1914 г. из 36 человек выбыло 23 [8, л. 1 об. – 12]. Для «примера и руководства» 30 июля 1841 г. Св. Синодом были разосланы по всем православным монастырям правила о принятии и пострижении послушников и послушниц, принятые в монастырях Московской епархии. Указы Св. Синода от 30 апреля 1873 г., 9 сентября 1873 г. и 19 октября 1871 г. обязывали монастырское начальство строго контролировать поведение желающих принять постриг [9, с. 61–63].

Основная часть. Монахи как отрекшиеся от мира были ограничены в своих гражданских и государственных правах. Монах не должен был владеть недвижимым имуществом. При пострижении права на имущество передавались наследникам. При выходе из монашества оно не возвращалось. Монах необщежительного монастыря мог иметь денежные вклады в банках, но после его смерти они обращались в пользу монастыря. Монастырь также наследовал движимое имущество монаха. Представители духовных властей были более свободны в завещании движимого имущества. По статьям 1025, 1086, 1087 Законов Гражданских, архиереи, архимандриты необщежительных монастырей имели право пользования и распоряжения своим капиталом и движимым имуществом [10, с. 127]. Статья 257 Свода законов 1842 г. духовным властям разрешала составлять завещания. Например, заштатная игуменья Александра, проживавшая в Оршанском монастыре, составила завещание, по которому ее движимое имущество после смерти передавалось частным лицам и монастырю. Три иконы и крест завещался монахини Ксанфии, шуба лисья – племяннику Льву Кутневичу, три пчелиных улья – монахиням Неофите, Филарете, Ксанфии, два улья и самовар – монастырю. Денежные средства в размере 65 руб. оставлены в монастыре на погребение [11, л. 1–4 об.]. Монахи были ограничены в избирательном праве, так как Положение о выборах требовало от избирателей владения определенным имущественным цензом, а монашествующие не владели недвижимостью, вознаграждение за исполнение треб и содержание от казны не могли служить цензом. Исключением было предоставление по указу № 421 1907 г. епископам, получающим содержание по службе архиерея, пользоваться избирательным правом по п. 6 ст. 33 Положения о выборах [10, с. 126–127].

Каждый из вступивших в братию необщежительного монастыря обязан был сделать денежный взнос. Игуменья Нина (Боянус), начальница Полоцкого Спасо-Евфросиниевского епархиального училища, в своих письмах вспоминает: «За «гощение» в монастыре полагалось вносить 25–30 руб. в месяц. Вклад при вступлении – добротный <...>. В монастыре трудно не иметь своей копейки» [12, с. 74–76]. В Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре в 1843 г. капитал из сумм взносов составил 2405 руб. [13, л. 5 об.]. Монахам необщежительных монастырей разрешалась на собственные средства строить кельи там, где это допускалось местным монастырским уставом [14, с. 68]. Например, в Мозоловском Вознесенском монастыре послушницами А.А. Длотовской, Т. Арбузовой и настоятельницей Иоаникеей на собственные средства были построены деревянные флигели [15, л. 2 об. – 4, 7; 16, л. 2 об., 8].

После принятия пострига, большая часть монахов мужских монастырей посвящалась в сан иеродьяконов, а затем иеромонахов. Иеромонахи представляли собой верхний слой в иерархии мужского монастыря. Их главным занятием в монастыре было совершение богослужений и исповеди богомольцев. Они получали большее жалование из штатной суммы и большую часть при разделе братской кружки, чем иеродьяконы, монахи и послушники. Иеродьяконы были главными кандидатами на принятие сана иеромонаха [7, с. 130]. Очень немногие монахи и монахини достигали высшей ступени монашеского служения – великой схимы. Посвящаемые в схиму давали новые обеты, принимали новое имя и облачались в схимнические одежды. В православных монастырях на территории Беларуси случаи принятия схимы были редки. В Чонском монастыре в 1840 г. проживал 91-летний иеросхимонах Порфирий, белорус по национальности. В схиму он был пострижен в 1827 г. в Оршанском монастыре. До пострижения Порфирий два года проживал в Софронево пустыни Курской епархии для назидания в схимонашестве [18, л. 2 об. – 3]. Схиму в 1910 г. приняла игуменья Чонского женского монастыря Валерия (в схиме – Анна, в миру – дворянка Варвара Александровна Тарнивская). Она с 14 февраля 1900 г. по 30 января 1910 г. являлась настоятельницей Чонского монастыря, а до этого с 1889 г. возглавляла братию Елецкого женского монастыря [19, л. 149]. В Витебском Марковом монастыре в 1912 г. один иеромонах был рукоположен в схиму [20, л. 19]. В Бельничском мужском монастыре проживал монах-отшельник, для которого в 1914 г. был построен отдельный домик в монастырском саду [19, л. 18].

По Духовному регламенту и статьям 74, 75, 81 Устава о паспортах для временных отлучек монашествующие должны были получить паспорт с обозначением срока и места отпуска. Определение Св. Синода 1722 г. и п. 30, 31 Духовного регламента запрещали монахам и монахиням «переходить из одного монастыря в другой, самовольно отлучаться из монастырей и волочиться без письменного вида по разным местам» [17, с. 131; 2, с. 122–123]. Духовным властям запрещалось выдавать паспорта монахам

для поиска места в монастырях других епархий. В пределах своей епархии они могли передвигаться «не иначе как для общественной нужды» с паспортом от настоятеля, в другие епархии – с паспортом, выданным епархиальным начальством [33, с. 232; 21, с. 239]. Срок увольнения в отпуск был ограничен 4 месяцами по указу Св. Синода от 30 апреля 1874 г. № 17. О своевременном возвращении настоятель докладывал в консисторию [22, с. 253; 4, л. 4]. Монахи брали отпуск редко, некоторые не пользовались им в течение всей жизни в монастыре. Как правило, причиной отлучки была поездка на богомолье или свидание с родными [23, л. 1, 4].

В архивных документах, касающихся православных монастырей белорусско-литовских епархий, изученных нами в процессе исследования, крайне редко встречаются случаи сложения монашеского сана. В Гродненской епархии с 1903 по 1914 гг. лишь один иеромонах был лишен духовного сана и то по собственному прошению [24, л. 5]. Законодательство предусматривало такую возможность. Сложение монашеского сана проводилось по прошению монаха после 6 месячного увещания с разрешения Св. Синода на основании особого постановления [33, с. 233; 1, с. 47]. Уволенные из монашества возвращались в то состояние, к которому принадлежали по рождению, без возврата преимуществ, чинов и отличий, какие ими были приобретены до пострижения [14, с. 67]. Таким лицам запрещалось поступать на государственную службу и проживать в столицах и в тех губерниях, где проходило их монашеское служение в течение семи лет [25, с. 126]. Если монах лишался сана по приговору духовного суда за поступки и преступления, оскорбляющие монашеское звание, то ему навсегда запрещался въезд в столицы и приписка к городским и сельским обществам в той губернии, где он монашествовал. За нарушение данных правил лица карались ссылкой в Сибирь [14, с. 67]. Так, иеродьякон Пинского мужского монастыря Минской епархии, Модест, в 1885 г. был лишен сана и отправлен в ссылку в Томскую губернию за совершение кражи со взломом [26, л. 31 об.].

В зависимости от разряда монастыря по штатному расписанию во главе обители стоял настоятель, который имел сан игумена или архимандрита. В монастырях первых и вторых классов настоятели посвящались в архимандритский сан, а в третьеклассных монастырях – в игумены. Лишь по усмотрению Св. Синода для торжественности церковного служения, в губернских и других значимых городах, настоятелей монастырей третьего класса вместо сана игумена разрешалось посвящать в архимандриты, но с игуменским окладом. Настоятельницы женских монастырей имели сан игуменьи. В некоторых монастырях настоятель имел звание строителя. Как правило, строители возглавляли маленькие заштатные обители [27, с. 14].

Настоятель монастыря не должен был быть моложе 33-х лет и состоять ранее в браке. Настоятель (настоятельница) представлял интересы монастыря, возглавлял братство монашествующих, руководил жизнедеятельностью монастыря (богослужениями, духовно-нравственной стороной, хозяйственными делами), принимал паломников и других посетителей. Настоятели и настоятельницы монастырей систематически должны были представлять в духовную консисторию своей епархии ведомость о монашествующих и послушниках со сведениями об их поведении.

Монашествующие лица, усердно служащие своему делу, могли быть награждены Св. Синодом по представлению епархиального начальства [33, с. 234]. Список наград в рассматриваемый период можно разделить на три группы: 1) канонические – возведение в определенный сан; 2) литургические – отличия духовных лиц при совершении богослужения и в деталях богослужебного облачения; 3) внебогослужебные. Поводом к награждению являлась, как правило, юбилейная дата, причиной – активная миссионерская, общественная, просветительская деятельность [28, с. 54]. Одни награды присваивались монашествующим Св. Синодом, другие – императором. Награждали по преимуществу настоятелей монастырей. Простое монашество было практически лишено возможности получения наград. Монахи получали медали и ордена лишь в исключительных случаях. Например, иеродьякон Витебского Маркова монастыря Владимир Фирсов за спасение утопающего был награжден серебряной медалью для ношения в петлице на Владимирской ленте [29, л. 27–28]. Благодичный Витебского Маркова монастыря, иеромонах Андрей, был награжден Георгиевским крестом IV степени за самоотверженную работу на позициях в Русско-японскую войну, бронзовым знаком и медалью Трехсотлетия Дома Романовых [30, л. 3 об. – 4].

В ведении Св. Синода находились канонические символы отличия: возведение монаха в иеромонахи, игумены; игумена – в сан архимандрита. Каждая кандидатура одобрялась императором. В православных монастырях на территории Беларуси встречались случаи возведения в сан архимандритов настоятелей третьеклассных монастырей, но для этого необходимы были веские основания. За заботу «об обустройстве и благолепии Макарьевской Единоверческой обители, с употреблением 1613 руб. собственных средств», настоятель Гермоген по указу Св. Синода от 28 декабря 1850 г. № 13401 был возведен в сан архимандрита [31, л. 1–2]. После указа 1823 г., по которому разрешалось монахов, не являющихся настоятелями, но отличающихся ученостью, удостоивать сана архимандрита, организовалась особая группа ученого монашества. Например, ректоры духовной семинарии имели сан архимандрита [25, с. 130–131]. За заслуги по духовному ведомству монашествующие, не являющиеся настоятелями, могли быть удостоены сана игумена. Большинство из них исполняли в монастырях должности казначеев,

наместников и начальников духовных училищ [32, л. 2 об. – 5; 33, с. 108; 34, л. 4]. К примеру, саном игумена были награждены казначей и наместники: Пинского Богоявленского мужского монастыря – Ириней (Игнатий Киржевский), Могилевского Братского Богоявленского монастыря – Ефрем, Бельничского Рождества-Богородицкого мужского монастыря – Арсений, Витебского Маркова монастыря – Иезекиил (Иван Яковлевич Новиков) [34, л. 5–6; 19, л. 8, 28].

Епархиальное ведомство использовало награды, которые выдавались с разрешения императора (орден Св. Владимира, Св. Анны, наперсные кресты, камилавки, скуфьи, набедренники). За пожалование и пересылку наград, награжденные должны были вносить плату (например, за орден Св. Анны III и II степени – 15–20 и 35 руб. соответственно) [28, с. 60–61]. Одной из первых литургических наград, которую получали монахи мужских монастырей за продолжительное служение, был набедренник [35, л. 5–6; 36, л. 4]. Камилавки, фиолетовые скуфьи присваивались по указу епархиального архиерея за исполнение пастырских обязанностей, обучение юношества, «усердие и полезные действия на пользу православной церкви» [37, л. 6; 38, л. 61].

Св. Синод деятельность настоятельниц женских монастырей отмечал золотым наперсным крестом. Такой крест имели игуменьи Спасо-Евфросиниевского монастыря Евфросиния (Сербинович) и Екатерина (Мартусевич) [38, л. 47, 50; 29, л. 18]. За усердную службу и примерный образ жизни золотым наперсным крестом также награждались настоятели и иеромонахи мужских монастырей [39, с. 57–58; 29, л. 10; 36, л. 4]. В частности, в 1893 г. был награжден архимандрит Илларион, настоятель Витебского Маркова монастыря, за усердную и полезную пятидесятилетнюю службу и труды по благоустройству обители, пожертвовав на ее нужды свыше 12000 руб. из собственных средств [40, л. 41].

Императорский орден Св. Анны вручался за длительную и безупречную государственную службу. Монашествующие получали его, как правило, за выслугу лет (12-летний срок службы – орден III степени). Кроме того, его присваивали за особые достижения, к примеру, за сооружение церквей на собственные средства или собранные пожертвования, учреждение и содержание более 7 лет на собственные средства при монастыре больницы, богадельни, училища более чем на 20 человек [41, л. 76–77]. Награждение орденом Св. Анны было широко распространено среди монашествующих белорусских православных монастырей. За усердную службу орденами Св. Анны II, III степени и Равноапостольного князя Владимира IV степени были награждены настоятели Полоцкого Богоявленского, Витебского Маркова, Тадулинского Успенского монастырей [35, л. 8; 42, с. 358; 43, с. 412; 44, с. 62–64; 29, л. 22–23; 45, с. 121–125].

Архимандрит Сергей (Николай Тимофеевич Певницкий), указом Св. Синода от 28 февраля 1894 года № 933 назначенный настоятелем Полоцкого Богоявленского монастыря и благочинным монастырей, за годы службы имел награды: наперсный крест, набедренник, знак Красного Креста, орден Св. Анны II, III степени, орден Св. Владимира IV степени, золотую медаль в память окончания и освящения храма Христа Спасителя. Получил в 1895 году благодарность Св. Синода, а в 1896 году – орден Св. Владимира III степени.

Архимандрит Павел, настоятель Витебского Марковского Троицкого монастыря, являлся присутствующим в Полоцкой Духовной консистории, попечителем Полоцкого епархиального попечительства, членом комитета по устройству домов для епархиального преосвященного, консистории и певчих. В 1841 и 1846 году был членом временного ревизионного комитета по проверке отчетов Витебского и Полоцкого духовных училищ. Член комитета по перестройке иезуитского костела в кафедральный собор, член Витебского губернского тюремного комитета и член Полоцкой Духовной консистории, член Витебского губернского комитета, учрежденного для действий против холеры, благочинным над монастырями епархии. За годы службы имел награды: орден Св. Анны II, III степеней, золотой наперсный крест, украшенный бриллиантами, бронзовый наперсный крест в память военных действий 1833 – 37 годов.

В качестве награды следует отметить благодарности и благословения, которые получали монашествующие от епархиального ведомства, императора и губернатора. Св. Синод неоднократно посылал монашествующим благословения за их службу. Настоятельницы женских монастырей чаще всего награждались за ревностное служение, заботу о женском образовании, усердие в пользу школ. Например, синодальное благословение получили настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского, Тадулинского, Мозоловского и Тупического монастырей, игуменьи Евгения (Говорович), Аристоклия, Мария [46, л. 75 об., 125 об.; 47, л. 8 об.]. Благодарности и благословения от епархиального начальства в своих послужных списках имели настоятели мужских монастырей, в частности, Невельского, Махировского, Вербиловского [46, л. 64–64 об.; 37, л. 26; 38, л. 19; 48, л. 8–9].

Монахинь и настоятельниц женских монастырей за усердие в деле организации церковно-приходских школ награждали Библией из Св. Синода. Награждены Библией были казначей Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, монахиня Нина (Боянус), и настоятельница Тадулинского монастыря, игуменья Аристоклия (Любовь Петровна Маевская) [49, л. 48, 83 об. – 84].

Настоятели и иеромонахи монастырей получали медали в честь памятных событий. Например, серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III и серебряную медаль на двойной Александровской и Владимирской ленте в память императора Николая I [46, л. 61 об.–65].

Также распространенными наградами среди монашеского сословия являлись: медаль в память войны 1853–1856 гг. (на Владимирской ленте), знак и медаль в память 300-летия царства Дома Романовых [35, л. 7; 38, л. 7]. В Витебском Марковом монастыре знаком и медалью была отмечена вся старшая братия во главе с настоятелем, архимандритом Порфирием [30, л. 1–5].

Со стороны епархиального начальства встречались денежные поощрения духовенству. Так, архиепископ Полоцкий Василий, посещая Полоцкое Спасо-Евфросиниевское училище в 1861 г., в благодарность за труды по организации обучения, награждал учительницу, монахиню Екатерину Корнашевскую, 20 руб. серебром [50, л. 21 об.]. Настоятельница Мозоловского и Тупического монастырей, игуменья Анастасия (Анна Михеевна Чернявская), в 1878 г. получила денежную награду от государыни Марии Александровны в размере 50 руб. [51, л. 4].

Заключение. Таким образом, анализ государственных законов, указов и определений Синода, Духовных консисторий позволил определить изменения в правовом положении монахов православных монастырей. Законодательство Российской империи регламентировало права и обязанности монашествующего сословия, позволяло осуществлять контроль и руководство их деятельности, способствовало усилению дисциплины и ответственности монашествующих. Законодательством Российской империи было закреплено деление монашествующего сообщества на три группы: духовные власти, монахи и послушники. За усердное служение своему делу монашествующие белорусских монастырей имели награды и благодарности Св. Синода и епархиального начальства, а также различные ордена и медали, существовавшие в тот период. Поводом к награждению являлась, как правило, юбилейная дата, причиной – активная миссионерская, общественная, просветительская деятельность. Среди наград монашествующих наиболее часто упоминаются камилавки, наперсные кресты, скуфьи. Св. Синод поощрял монахов возведением в сан, вынесением благодарностей и благословений. Самыми распространенными наградами, выдаваемыми с разрешения императора за деятельность на государственной службе, являлись ордена Св. Анны и Св. Владимира. Среди награждаемых лиц православных монастырей белорусских губерний доминировали представители монастырского руководства – настоятели, наместники, казначеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод законов о состояниях. – Кн. 1: О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных. Разд. 2. О духовенстве. Отд-е 2-е. О православном духовенстве монашествующем. Отделение четвертое. О сословиях духовенства Православного. 1904 г. // Полный свод законов Российской империи. / под ред. Г. Савича. – Т. 9. – Ч. 1. – № 409–425; 432–442. – С. 47–50.
2. Духовный регламент тшанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, имп. и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского Духовного Чина и Правительствующего сената, в царствующем СПб., в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. – 4-е изд. – М.: Синодальная тип., 1897. – 196 с.
3. Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий. 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 16. – Отд. 1. – № 14409. – С. 221–263.
4. НИАБ. – Ф. 2617. Оп. 1. Д. 639. Указы ПДК от 11 июня и 8 октября 1873 г. о порядке поступления лиц в число послушников и запрещении им самовольных отлучек из монастыря.
5. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 948. Журнал регистрации прихода и ухода из монастыря монашествующих и послушников за 1902 год.
6. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 755. Дело по указу ПДК о запрещении послушникам сбора пожертвований в пользу монастыря.
7. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 557. Дело о получении и исполнении указа Синода о правилах принятия в монастыри послушников.
8. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 658. Книга записи вида на жительство послушников Витебского Троицкого монастыря за 1913–1915 гг.
9. Жудро, Ф. А. Буйничский Свято-Духовский монастырь, Могилевской епархии / св. Ф. Жудро. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. А. Фридланда, 1904. – 88 с.
10. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания ... за 1913 г. – 1915. – 142 с.
11. НИАБ. – Ф. 2315. Оп. 1. Д. 155. Дело о смерти игуменьи Александры.
12. Игуменья Нина. Наши беседы о жизни. Жизнеописание, письма, воспоминания – Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь / игум. Нина (Боянус). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – 208 с.
13. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 25. Дело о проверке ПДК ведомостей о капиталах бывшей настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря Иннокенты и его монахинь.
14. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. / В. А. Федоров. – М.: «Русская панорама», 2003. – 430 с.

15. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 28. Клировая ведомость Мозоловского монастыря за 1856 год.
16. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 34. Клировая ведомость за 1865 год.
17. Балашова, Т. В. Московские монастыри в социально-культурной среде столичного города второй половины XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Т. В. Балашова. – М., 2007. – 248 с.
18. НИАБ. – Ф. 3023. Оп. 1. Д. 71. Ведомости о земельных владениях и хозяйстве монастыря и послужные списки монахов и послушников за 1840 г.
19. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 716. Клировая ведомость монастырей гг. Могилева, Мстиславля и Орши и уездов Быховского, Гомельского, Могилевского, Мстиславского, Сеннинского и Чериковского за 1916 год.
20. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 650. Клировые ведомости Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря за 1864 г. и описи имущества келий и иконостаса Витебского Троицкого Маркова монастыря за 1912 год.
21. Завьялов, А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего Синода, 1867–1895 гг. / А. Завьялов. – Изд-е неофиц. – СПб. : Типо-литогр. И. А. Фролова, 1896. – 282 с.
22. Иноепархиальные распоряжения // Могилевские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12 (отделение неофициальное). – С. 253.
23. НИАБ. – Ф. 2308. Оп. 1. Д. 314. Дело о назначении игумена Могилевского Архиерейского дома Флавиана исполняющим обязанности настоятеля монастыря в связи с поездкой архимандрита Леонида в Киев.
24. РГИА. – Ф. 796. Оп. 440. Д. 974. Статистические ведомости о монастырях Гродненской епархии 1903–1914 гг.
25. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX в. / П. Н. Зырянов. // Вест. Рос. гуманитар. науч. фонда. – 1996. – № 3. – С. 124–131.
26. РГИА. – Ф. 796. Оп. 442. Д. 1084. Отчет о состоянии Минской епархии за 1885 г.
27. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. – М. : Вербум-М, 2002. – 319 с.
28. Морозько, Е. В. Минская православная епархия в социально-культурной жизни Беларуси (1861–1905 гг.) / Е. В. Морозько. – Минск : Изд. ц-р БГУ, 2012. – 191 с.
29. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 377. Клировые ведомости монастырей за 1852–1853 гг.
30. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 1004. Послужной список настоятеля и братии монастыря за 1913 г.
31. НИАБ. – Ф. 3023. Оп. 1. Д. 216. Послужные списки монахов и послушников монастыря за 1858 год.
32. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 970. Послужной список монашествующих и послушников монастыря 1906 год. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания ... за 1913 г. – 1915. – 142 с.
33. Высочайшие награды за заслуги по духовному ведомству // Полоц. епарх. ведом. – 1903. – № 11 (отдел официальный). – С. 108.
34. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 30599. Дело о монашествующих и послушниках за 1863 год.
35. НИАБ. – Ф. 2562. Оп. 1. Д. 447. Клировая ведомость монастыря и его церквей за 1880, 1883 г.
36. НИАБ. – Ф. 2898. Оп. 1. Д. 1. Клировая ведомость Покровской церкви Вербиловского монастыря за 1864 г.
37. НИАБ. Ф. 2694. Оп. 1. Д. 522. Клировые ведомости монастырей: Полоцких, Невельского, Вербиловского и Тадулинского за 1890 г. Рапорт благочинного монастырей епархии Полоцкой и Витебской (за 1890 г.) о состоянии монастырей епархии.
38. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 470. Клировые ведомости монастырей: Тадулинского, Махировского, Невельского, Полоцкого Богоявленского, Спасо-Евфросиниевского, Вербиловского, Борисоглебского за 1858–1859 гг.
39. Высочайшие и синодальные награды // Могилев. епарх. ведом. – 1884. – № 11 (часть официальная). – С. 57–58.
40. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 459. Входящие документы за 1888 год. Послужные списки настоятеля монастыря архимандрита Иллариона за 1887–1888 гг.
41. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 23. Указы Св. Синода за 1852–1873 гг.
42. Список священнослужителей Полоцкой епархии, удостоенный в 1 день апреля 1879 г. Высочайших наград за отлично-усердную службу по епархиальному ведомству // Полоц. епарх. ведом. – 1879. – № 11 (отдел официальный). – С. 358–359.
43. Высочайшие награды // Полоц. епарх. ведом. – 1897. – № 10 (отделение официальное). – С. 412.
44. Сергей, иеромонах. Описание Маркова монастыря / иеромонах Сергей // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – 1865. – Ч. 1. – Отд. исторический. – С. 3–75.
45. Морель, А. Архимандрит Сергей Певницкий. Некролог / А. Морель. // Полоц. епарх. ведом. – 1897. – № 3 (отдел неофициальный). – С. 121–125.

46. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 551. Клировые ведомости монастырей за 1898 г.
47. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 51. Клировая ведомость Мозоловского и Тупического Свято-Духова монастырей за 1886 г.
48. НИАБ. – Ф. 2898. Оп. 1. Д. 2. Клировая ведомость Вербиловского монастыря за 1884 г.
49. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 620. Дело о представлении настоятелями ведомостей о состоянии монастырей за 1904 год.
50. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 40. Отчет архиепископа Полоцкого и Витебского Василия о состоянии епархии за 1861 год.
51. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 55. Клировая ведомость Мозоловского и Тупического Свято-Духова монастырей за 1890 г.

Поступила 13.12.2019

**REGULATION OF THE LEGAL PROVISION OF MONKS
MEN AND FEMALE MONASTERIES IN THE TERRITORY OF BELARUS
(SECOND THIRD XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)**

A. BARUN

The analysis of the legal status of the monks of male and female Orthodox monasteries of the Belarusian-Lithuanian dioceses: Minsk, Mogilev, Polotsk, Lithuania, Grodno. The change in the legal status (legally enshrined position in the state and society) of the monastic community and monasteries of the Belarusian-Lithuanian dioceses characteristic of the second third of the XIX - early XX centuries. The regulatory documents governing the process of entry of novices and novices into the monastic fraternity and the organization of the cult and economic activities of monasteries are considered. The analysis of state laws, decrees and definitions of the Synod, of the Spiritual Consistories was made, which allowed to determine the changes in the position of the monastic estate. The difference in the legal status of monks in male and female monasteries is revealed. The nature of the awards (canonical, liturgical, extra-liturgical) and the thanks of the Synod and the diocesan authorities to Orthodox monks are determined.

Keywords: monk, monastery, law, estate, clergy, awards, documents

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«13/17»

**ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ КЛАДБИЩЕ В АГРОГОРОДКЕ КАМЕНЬ
ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОНА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1999 ГОДА***канд. ист. наук, доц. Т. С. БУБЕНЬКО**(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)**канд. ист. наук В. В. ЧЕРЕВКО**(Полоцкий государственный университет)*

Представлено описание археологических раскопок на позднесредневековом грунтовом кладбище возле агрогородка Камень Лепельского района в 1999 г. Могильник расположен на площадке городища, где в XIX в. была построена церковь. Было исследовано 20 погребений (вероятно, 5 мужских, 3 женских, 6 детских; пол остальных погребенных не был установлен). Костяки ориентированы головой на запад (8 погребений), в том числе с отклонениями к северу (2 погребения) и к югу (10 погребений). В заполнении могильных ям 12 погребений выявлены остатки гробов. Погребальный инвентарь присутствовал в 3 погребениях и представлен фибулой, перстнем, нательным крестиком и деталями костюма. Инвентарь и стратиграфия памятника позволяют отнести могильник к XIV – XVIII вв.

Ключевые слова: *Белорусское Подвинье, археологические исследования, погребальные памятники XIV – XVIII вв., погребения, погребальный инвентарь.*

Введение. Позднесредневековые погребения Беларуси сравнительно недавно стали предметом целенаправленного исследования. Их изучение является одним из актуальных направлений отечественной археологии. Оно позволяет выявить особенности погребального обряда населения, проживавшего на территории Беларуси во время существования Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Наиболее исследованными являются позднесредневековые кладбища Белорусского Подвинья. Введение в научный оборот материалов раскопок позднесредневекового могильника Камень пополняет фактологическую базу археологической науки и дает возможность рассмотреть данный памятник в контексте развития погребального обряда населения Белорусского Подвинья периода позднего средневековья – нового времени.

Основная часть. Описание памятника. Позднесредневековое кладбище исследовано экспедицией Витебского государственного университета им. П.М. Машерова под руководством Т.С. Бубенько в 1999 г. Могильник находится на площадке городища, расположенного при въезде в агрогородок Камень на расстоянии 0,4 км справа от старой дороги на Лепель. Городище размещается на краю возвышенности между озерами Истинка и Каменское. Его площадка размерами 120 на 82 м имеет форму неправильного овала, вытянутого с северо-востока на юго-запад. Она повреждена окопами и блиндажем военного времени. В центре находятся останки задержанного фундамента каменной церкви XIX в. Местное население называет памятник «Церквищем».

Исследования проводились на северной части площадки городища, которая меньше повреждена ямами и траншеями. Она была разбита на квадраты 2 на 2 м. Раскоп I 1999 г., в котором были выявлены погребения, находился в 10 м от северной стены церкви и ориентирован по сторонам света. Его площадь составила 160 м². Дневная поверхность в границах раскопа понижалась с юга на север и с запада на восток. За репер взят юго-западный угол раскопа, который являлся наивысшей точкой участка. Нивелировочная отметка – 191.

Описание погребений. В раскопе было выявлено 20 погребений. Все они были сосредоточены в южной части раскопа I и находились в условных пластах 3–5 и в материковых ямах. В северной части раскопа погребения отсутствовали, а к третьему условному пласту был осуществлен выход на материк. Погребения 1–4, 9 были выявлены в условном пласте 3, погребения 5–8, 10–14 – в условных пластах 4–5. При этом погребения 4 и 9 находились в культурном слое, погребения 1–3, 5–8, 10–14 – на материке, погребения 15–20 – в материковых ямах. Не смотря на расположение погребений на разной глубине, они не перекрывали друг друга.

Погребение 1 размещалось в квадрате А-10 (рис. 1). Погребенный лежал в могильной яме размерами 1,0 на 0,4 м. Глубина по реперу – 244–255. Костяк сохранился практически полностью за исключением костей левой стопы. Скелет ориентирован головой на запад (могильная яма – на запад с отклонением к югу). Руки слегка согнуты в локтях и сложены на животе. Длина костяка составила 0,95 м, что указывает на детское погребение. Судя по гвоздям и остаткам древесного тлена под умершим, он был похоронен в деревянном гробу. Погребальный инвентарь отсутствовал.

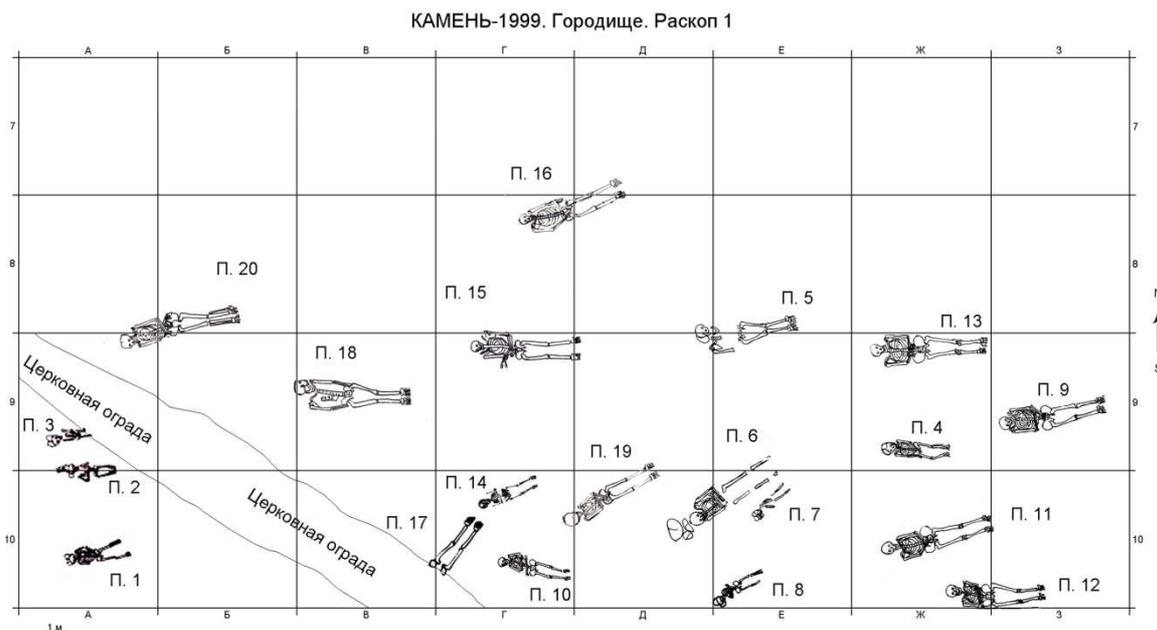

Рисунок 1. – Кладбище в агрогородке Камень Лепельского района. План погребений

Погребение 2 находилось на границе квадратов А-9 и А-10 в 0,82 м севернее погребения 1 (рис. 1). Глубина по реперу – 253–257. Костяк сохранился практически полностью за исключением костей предплечья левой руки и костей стоп. Скелет ориентирован головой на запад. Правая рука согнута в локте и положена на живот под грудью, положение левой не прослежено из-за несохранности костей. Длина костяка составила 0,75 м, что указывает на детское погребение. В могильной яме выявлены гвозди и остатки древесного тлена гроба. Погребение безынвентарное.

Погребение 3 открыто в северной части квадрата А-9 в 0,36 м севернее погребения 2 (рис. 1). Скелет был частично поврежден при сооружении церковной ограды. Костяк ориентирован головой на запад. Руки согнуты в локтях и сложены на тазовых костях. Размеры костей указывают на детское захоронение. Погребенный лежал в гробу, сколоченном гвоздями. Погребальный инвентарь не выявлен.

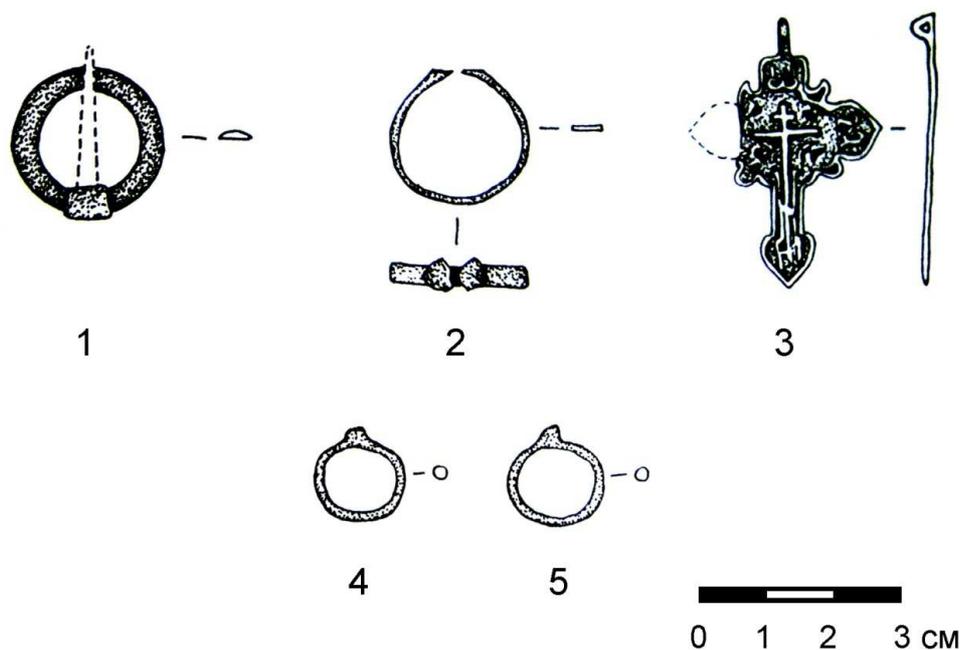
Погребение 4 размещалось в южной части квадрата Ж-9 (рис. 1). Глубина по реперу – 305–320. Скелет ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к северу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и положена на тазовые кости. Ноги, по-видимому, были слегка согнуты в коленях. Погребение, вероятно, принадлежало ребенку или подростку. Инвентарь представлен фибулой, выявленной на груди слева (рис. 2; 1). В 0,2 м от погребения найден камень-терочник. Под костями черепа прослежены остатки деревянного тлена гроба.

Погребение 5 находилось на границе квадратов Д-8, Д-9, Е-8, Е-9 (рис. 1). Глубина по реперу – 307–328. Костяк ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к югу. Голова повернута к левому плечу. Положение рук не прослежено из-за несохранности большей части костей рук. Также не сохранились кости грудной клетки. Колени погребенного сведены вместе. Погребальный инвентарь, следы гроба и контуры могильной ямы не выявлены.

Погребение 6 открыто в квадратах Д-10, Е-9, Е-10 в 1,56 м южнее погребения 5 (рис. 1). Глубина по реперу – 302–320. Кости правой ноги и таза сохранились частично. Скелет ориентирован головой на юго-запад. Руки сложены под грудью параллельно друг другу. Зафиксированная длина костяка составила 1,5 м. Судя по размерам скелета и массивности костей, погребение принадлежало мужчине. Останки помещены в гроб размерами 1,61 на 0,46 м. Погребальный инвентарь отсутствовал. В головах погребенного за гробом зафиксировано 3 валунных камня размерами 0,2, 0,12 и 0,07 м в поперечнике. Один из них стоял на ребре вплотную к гробу.

Погребение 7 размещалось в квадрате Е-10 в 0,1 м южнее погребения 6 (рис. 1). Глубина по реперу – 320–329. Костяк сохранился частично, кости черепа раздавлены. Скелет ориентирован головой на юго-запад. Его длина составила 0,65 м, что указывает на детское погребение. Захоронение было совершено в гробу размерами 0,77 на 0,22 м. Контуры могильной ямы не зафиксированы. Погребальный инвентарь не выявлен.

Погребение 8 находилось в квадрате Е-10 в 0,8 м на юг от погребения 6 (рис. 1). Глубина по реперу – 302–313. Плечевые кости рук и стопы отсутствуют, кости черепа раздавлены. Скелет ориентирован головой на юго-запад. Длина костяка составила 0,8 м, что указывает на детское погребение. Останки находились в гробу размером 0,9 на 0,31 м. Погребение безынвентарное.

1 – фибула (погребение 4); 2 – перстень (погребение 9); 3 – нательный крестик (погребение 16); 4, 5 – железные кольца (погребение 16)

Рисунок 2. – Кладбище в агрогородке Камень Лепельского района. Погребальный инвентарь

Погребение 9 открыто в квадрате 3-9 (рис. 1). Глубина по реперу – 333–352. Костяк ориентирован головой на запад. Его зафиксированная длина составила 1,62 м. Руки согнуты в локтях, правая лежала на животе под грудью, левая – на животе. На безымянном пальце правой руки находился перстень (рис. 2; 2).

Погребение 10 размещалось в квадрате Г-10 (рис. 1). Глубина по реперу – 281–294. Скелет ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к северу. Его зафиксированная длина составила 1,03 м. Руки положены параллельно друг другу, правая – на груди, левая – на животе под грудью. Под костями скелета найден древесный тлен гроба. Его размеры и контуры могильной ямы не фиксируются. Погребальный инвентарь не выявлен.

Погребение 11 находилось в квадрате Ж-10 (рис. 1). Костяк ориентирован головой на запад с отклонением к югу. Его зафиксированная длина составила 1,68 м. Руки согнуты в локтях, правая лежала на животе, левая – на животе под грудью. Останки находились в гробу размерами 1,78 на 0,5 м. Погребальный инвентарь отсутствовал. Вероятно, погребение принадлежало женщине.

Погребение 12 открыто в квадратах Ж-10, 3-10 в 0,34 м южнее погребения 11 (рис. 1). Глубина по реперу – 327–350. Скелет ориентирован головой на запад. Длина скелета – 1,5 м. Руки были согнуты в локтях и сложены на животе под грудью, левая поверх правой. Останки находились в дощатом гробу 1,6 на 0,5 м, сколоченном кованными гвоздями. Погребение безынвентарное.

Погребение 13 размещалось в северной части квадрата Ж-9 в 1,02 м восточнее погребения 5 (рис. 1). Глубина по реперу – 342–365. Костяк длиной 1,7 м ориентирован головой на запад. Руки согнуты в локтях и сложены на животе под грудью. Следы гроба и контуры могильной ямы не прослеживаются. Погребальный инвентарь не выявлен.

Погребение 14 открыто в квадрате Г-10 (рис. 1). Оно находилось на материке (глубина по реперу – 291–304). Скелет ориентирован головой на юго-запад. Его зафиксированная длина составила не менее 0,98 м, что указывает на детское погребение. Руки согнуты в локтях и сложены на животе под грудью параллельно друг другу. Под костяком прослежен древесный тлен гроба. Могильная яма при разработке слоя не зафиксирована. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 15 находилось в квадратах Г-8, Г-9 (рис. 1). Оно находилось в материковой яме. Глубина по реперу – 315–340. Костяк длиной 1,6 м ориентирован головой на запад. Голова повернута к правому плечу. Руки согнуты в локтях, правая положена на грудь, левая располагалась на животе под грудью. Под скелетом прослежен древесный тлен гроба. Погребальный инвентарь не выявлен. Судя по небольшим размерам костяка, погребение принадлежало женщине.

Погребение 16 открыто в квадратах Г-8, Д-7, Д-8 (рис. 1). Оно находилось в материковой яме. Глубина по реперу – 310–327. Скелет ориентирован головой на запад с отклонением к югу. Его зафиксированная

рванная длина составила 1,6 м. Правая рука согнута в локте и положена на тазовые кости, левая вытянута вдоль туловища. На грудной клетке на уровне поясицы обнаружен нательный крестик (рис. 2; 3). Чуть ниже и левее крестика по обе стороны грудной клетки расчищены маленькие железные кольца (детали одежды) (рис. 2; 4, 5). Исходя из рамеров костяка, погребение, вероятно, принадлежало мужчине.

Погребение 17 открыто в квадратах В-10, Г-10 (рис. 1). Оно находилось в материковой яме. Глубина по реперу – 324. Погребение было перекрыто фундаментом церковной ограды и потому разбиралось не полностью. Были расчищены кости ног и частично кости таза. Судя по направлению костей, скелет ориентирован головой на юго-запад. Погребальный инвентарь не выявлен.

Погребение 18 размещалось в квадратах Б-9, В-9 (рис. 1), в материковой яме. Глубина по реперу – 315–338. Костяк ориентирован головой на запад. Длина скелета составила 1,8 м. За исключением грудной клетки, скелет сохранился полностью. Голова повернута к левому плечу. Руки вытянуты вдоль туловища. Погребальный инвентарь отсутствовал. Исходя из рамеров костяка и массивности костей, погребение, вероятно, принадлежало мужчине.

Погребение 19 открыто в квадратах Г-10, Д-9, Д-10 (рис. 1). Оно находилось в материковой яме. Глубина по реперу – 303–326. Скелет длиной 1,6 м ориентирован головой на юго-запад. Голова повернута к правому плечу. Кости рук согнуты в локтях и сложены под грудью параллельно друг другу. Погребальный инвентарь отсутствует. Исходя из рамеров костяка, погребение, вероятно, принадлежало мужчине.

Погребение 20 выявлено в материковой яме, в квадратах А-8, А-9, Б-8, Б-9 (рис. 1). Глубина по реперу – 290–312. Костяк ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к югу. Его зафиксированная длина составила не менее 1,8 м. Голова повернута к правому плечу. Руки согнуты в локтях и сложены на животе, левая поверх правой. Ноги сведены вместе в коленях. Погребальный инвентарь не выявлен. Исходя из рамеров костяка, погребение, вероятно, принадлежало мужчине.

Описание находок. *Индивидуальные находки*, относящиеся к погребальному инвентарю, выявлены в трех погребениях. В погребении 4 (ребенка, подростка?) найдена бронзовая кольцевидная фибула. В погребении 9 обнаружен пластинчатый перстень с разомкнутыми утолщенными краями. Не исключено, что ним крепились вставка, которая не сохранилась. В погребении 16 (мужском?) выявлены нательный крестик и 2 железных кольца (детали одежды). Крестик четырехконечный, с фигурным завершением лопастей, с ушком. Средокрестие с ажурными прорезями (вероятно, в виде фигурного тернового венца). На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест. Предмет коррозирован, что затрудняет определение изображений. Он напоминает нательные крестики, выявленные в Пскове (тип 12.2 по Ю.В. Колпаковой и Л.Я. Костючук). В Псковской земле подобные изделия датируются XVII – XVIII вв. [1, с. 49–51].

Кроме того, в культурном слое могильника присутствовали бытовые предметы, не связанные с погребениями и отражающие многослойный характер памятника. *Массовые находки* также выявлены вне могил, в культурном слое, и представлены фрагментами керамики VI – XVIII вв. Керамика VI – XIII вв. связана с городищем. Фрагменты позднесредневековой керамической посуды, вероятно, относятся к поминальному инвентарю, известному на большинстве сельских кладбищ Белорусского Подвинья [2, с. 6, 13].

Особенности могильника и погребального обряда. Кладбище Камень относится к позднесредневековым грунтовым могильникам, расположенным на площадках городищ предыдущего периода. На территории Белорусского Подвинья это третий исследованный могильник на площадке городища наряду с памятниками Новый Болецк и Старый Лепель [2, с. 12]. По числу изученных погребений он является самым крупным исследованным памятником такого рода и одним из наиболее исследованных позднесредневековых могильников региона в целом. Особенностью кладбища является отсутствие каменных надгробных сооружений, характерных для Белорусского Подвинья. Кладбище Камень – один из двух (наряду с могильником Лучно I) известных нам позднесредневековых могильников региона, где не зафиксированы ни каменные надгробия (вымостки, обкладки и т.д.), ни каменные кресты [2, с. 12; 3, с. 130].

Точное датирование памятника традиционно затрудняет незначительное количество погребального инвентаря. Погребения впущены в напластования VI – XIII вв. Это указывает на время захоронения после XIII в. Следовательно, обнаруженные погребения можно отнести к хронологическому диапазону XIV – XVIII вв. Крестик XVII – XVIII вв. сужает датировку погребения, в котором он был выявлен. При значительном разбросе глубины могил, которые возможно отнести к двум уровням, обращает на себя внимание отсутствие нарушенных и переотложенных погребений. Это свидетельствует о том, что места погребений были каким-то образом обозначены. Принимая во внимание отсутствие каменных надгробных сооружений, могилы могли быть маркированы невысокими земляными насыпями и деревянными крестами. Учитывая недолговечность деревянных надмогильных крестов, ненарушенность погребений может объясняться сравнительно недолгим функционированием могильника в XVII – XVIII вв. Данные соображения относятся к изученной части кладбища и не исключают его более длительного функционирования.

Все сельские могильники Белорусского Подвинья, изученные на сегодняшний момент, не были связаны с культовыми сооружениями. Не исключено, что каменному храму XIX в. предшествовала деревянная церковь, однако археологически это не установлено. Известно, что в 1621 г. или в 1631 г.

Криштоф Друцкий-Соколинский основал в деревне Камень униатскую церковь [4, s. 482; 5, s. 735], однако место ее расположения неизвестно. За время существования деревни кладбище могло неоднократно переноситься, что отмечено, к примеру, на археологическом комплексе Лучно [3, с. 69–78; 124–130].

Из 20 исследованных погребений следы гробов выявлены в 12, что составляет 60 %. Это соответствует статистике встречаемости гробов на исследованных могильниках региона XVII – XVIII вв. [2, с. 16]. При этом в 4 могилах зафиксированы следы древесины и гвозди от гроба, а в 8 – только следы древесины, что указывает либо на захоронение в выдолбленных гробах-колодах, либо на гробы, где доски скреплялись при помощи пазов, деревянных шипов и т.п. Погребения ориентированы головой на запад (8 погребений), в том числе с отклонениями к югу (10 погребений) и к северу (2 погребения). Вероятно, это отражает сезонные отклонения. Положение рук вариативно (на груди, под грудью, на животе). Преобладает положение рук на животе под грудью (5 погребений). Особенности расположения черепа как минимум в погребениях 1–9, 12, 14, 16 дают возможность предполагать, что под голову умершего была подложена подушечка [3, с. 126, 456].

Заключение. Таким образом, в ходе археологических раскопок многослойного памятника возле агрогородка Камень Лепельского района было выявлено позднесредневековое кладбище. Было исследовано 20 погребений, не обозначенных каменными надгробиями. Костяки ориентированы головой на запад, в том числе с сезонными отклонениями. Положение рук отличается вариативностью. В 12 погребениях есть основание предполагать наличие подушечки, положенной под голову усопшего. В 12 могилах выявлены остатки гробов как минимум двух конструкций (с гвоздями и без них). Инвентарь выявлен в 3 погребениях и представлен фибулой, перстнем и нательным крестиком. Исследованная часть могильника функционировала в XIV – XVIII вв. (вероятнее всего, в XVII – XVIII вв.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Колпакова, Ю. В. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы / Ю. В. Колпакова, Л. Я. Костючук // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Семенова. – М. : ИА РАН, 2018. – Вып. 32. – С. 36–56.
2. Чараўко, В. У. Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стагоддзяў : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.06 / В. У. Чараўко ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2019. – 26 с.
3. Клімаў, М. В. Археалагічны комплекс Лучна-1 у акрузе Полацка (XI–XVI стст.) / М. В. Клімаў. – Мінск : Бел. навука, 2019. – 567 с.
4. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. Cz. I. T. 4. – Wrocław – Warszawa – Kraków : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1993. – 551 s.
5. М. К. Каміе́н / М. К. // Словник географічны Кралеўства Польскаго і інных краёў славянскіх. Т. III. – Варшава : Nakł. P. Sulimirskaго і W. Walewskaго, 1882. – S. 735.

Поступила 14.11.2019

LATE-MEDIEVAL CEMETERY IN THE AGROTOWN KAMEN OF LEPEL DISTRICT IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH 1999

T. BUBENKA, V. CHARAUKO

The article describes archaeological excavations at the ground cemetery near Kamen agrotown of Lepel district in Vitebsk region in 1999. The cemetery is located on the site of the hillfort, where a church was built in the 19th century. 20 burials (probably, 5 men, 3 women, 6 children, and others, whose sex could not be determined) were open. The heads of skeletons are oriented to the West (8 burials), to the West with deviation to the North (2 burials), and to the West with deviation to the South (10 burials). Remains of coffins have been found in the filling of grave pits of 12 burials. A ring, a brooch, a cross, and some costume details have been found in 3 burials. The cemetery dates back to the 14th–18th centuries.

Keywords: *Belarusian Dvina region, archaeological excavations, funerary monuments of the 14th–18th centuries, burials, grave goods.*

УДК 94 (476) “1639”

**“ПРЫ СКЛАДАННІ НІЖЭЙШАГА ПАКЛОНУ”:
НЕВЯДОМАЯ ІНСТРУКЦЫЯ ПОЛАЦКАЙ ШЛЯХТЫ
НА СОЙМ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ 1639 г.**

*канд. гіст. навук, дац. В. У. ГАЛУБОВІЧ
(Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт)*

У артыкуле разглядаюцца абставіны стварэння і аналізуецца змест інструкцыі полацкай шляхты, складзенай напярэдадні сойма Рэчы Паспалітай, праведзенага ў кастрычніку-лістападзе 1639 г. Пастулаты полацкага сойма, які адбыўся ў канцы жніўня 1639 г., упершыню з’яўляюцца прадметам асобнага даследавання. Да ўнікальнай, раней невядомай у гістарыяграфіі, інфармацыі з выяўленага ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі дакумента адносяцца імёны полацкіх паслоў на сойм. Звесткі інструкцыі дазваляюць скарэктаваць і ўдакладніць шэраг вядомых фактаў. Самі пункты інструкцыі дазваляюць вызначыць палітычныя прыярытэты, актуальныя для Полацкага ваяводства напярэдадні сойма. Забарона ўводзіць новыя падаткі і вялікая колькасць патрабаванняў, датычных лакальных праблем ваяводства, былі вынесены на першыя старонкі інструкцыі, што выразна сведчыць пра ігнараванне мясцовай шляхтай асноўных пажаданняў, выказаных у каралеўскім пасланні на сойм.

У дадатку да артыкула публікуецца тэкст інструкцыі.

Ключавыя словы: пасольская інструкцыя, полацкая шляхта, павятовы сойм, сойм 1639 г.

Уводзіны. Яшчэ ў 1972 г. польская даследчыца Соф’я Травіцкая, аўтар асобнай працы пра сойм Рэчы Паспалітай 1639 г., заўважыла, што далёка не ўсе пасольскія інструкцыі, складзеныя шляхтай перад гэтым форумам, захаваліся, а некаторыя яшчэ чакаюць свайго “*шчаслівага адкрыцця*” [1, s. 555]. Сама С. Травіцкая ведала і выкарыстала толькі дзве інструкцыі 1639 г. шляхты Вялікага Княства Літоўскага: ваўкавыскую і наваградскую [1, s. 556–558]. На сённяшні дзень да гэтага спіса трэба дадаць полацкую інструкцыю, якая захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [2, арк. 22–22 адв.]. Такім чынам, пазіцыі і прапановы прадстаўніцтва ВКЛ на сойме Рэчы Паспалітай можна рэканструіраваць дзякуючы пастулатам ужо трох беларускіх паведаў, у тым ліку і Полацкага.

Большая частка пасольскіх інструкцый полацкай шляхты на соймы Рэчы Паспалітай канца XVI – першай паловы XVII ст. да нашага часу не дайшла ні ў арыгіналах, ні ў копіях, а тыя з іх, што вядомы, зберагаюцца ў архівах Польшчы і Расіі [3, с. 92–164]. Дагэтуль фактычна ні водзін складзены да сярэдзіны XVII ст. наказ полацкай шляхты з беларускіх архіваў не быў уведзены ў навуковае абарачэнне даследчыкамі, хаця такія магчымасці існавалі. Так, вопіс, дзе ўтрымліваецца інфармацыя пра інструкцыю 1639 г., быў падрыхтаваны ў НГАБ яшчэ ў 1984 г. [4]. Лёс полацкай інструкцыі 1639 г. можна аднавіць толькі ў агульных рысах. Запісы на маргіналіях (паметка “№ 114 Fasc 24 Kiszczyn”) і сам змест інструкцыі дазваляюць дапускаць, што пачаткова дакумент знаходзіўся ў архіве магнацкай сям’і Кішкаў, а пазней апынуўся ў складзе архіва Радзівілаў: у структуры варшаўскай часткі якога маецца асобны адзел з паперамі Кішкаў [5]. Уласна ў радзівілаўскім фондзе НГАБ і зберагаецца полацкая інструкцыя. Яна з’яўляецца часткай не вельмі аб’ёмнай справы (27 аркушоў), асноўны змест, геаграфія і храналогія дакументаў якой (а гэта гаспадарчыя матэрыялы за 1629–1841 гг.) ніяк не звязаны з палітычнымі падзеямі 1639 г. [2]. Відавочна, што полацкая інструкцыя, а дакладней, яе фрагмент, была механічна ці выпадкова ўключана ў склад гэтай адзінкі захоўвання ў НГАБ па прычыне невялікага аб’ёму – аднаго аркуша, запісанага з двух бакоў. Сам дакумент складзены на польскай мове, што з’яўляецца на 1630-я гады нормай для справаводства полацкага павятовага сойма. Фармуляр інструкцыі стандартны і ўтрымлівае шаблонныя для такога віда дакументаў элементы [6, s. 134].

Акалічнасці стварэння інструкцыі. Пасольская інструкцыя полацкай шляхты была створана напярэдадні звычайнага сойма Рэчы Паспалітай, які адбываўся ў Варшаве на працягу 5 кастрычніка – 16 лістапада 1639 г. Соймавая кампанія стартвала яшчэ летам, а перадсоймавыя выбары і нарады шляхта павінна была правесці 25 жніўня 1639 г. [1, s. 552]. Так было ў Кароне, у ВКЛ соймкі адбыліся пазней: напрыклад, у Наваградку пасольская інструкцыя была складзена 27 жніўня [7]. Мемуарыст і ўдзельнік сойма, пасол ад наваградскага ваяводства, Піліп Казімір Абуховіч вельмі трапна ахарактарызаваў агульную атмасферу, якая панавала напярэдадні нарадаў: “*У тым жа годзе ў кастрычніку быў скліканы сойм ... пры незадаволенасці ўсіх станаў Рэчы Паспалітай ад частага звыш устаноўленага правам соймавання*” [8, s. 215]. Для ВКЛ гэты сойм меў асаблівую значнасць, паколькі прадстаўнікі княства на падставе дайшоўшай чаргі атрымлівалі права выбіраць свайго маршалка. Такім чынам, соймавым спікерам у 1639 г. у выніку пэўных маніпуляцый і пры падтрымцы палякаў-каталікоў, якія баяліся кандыдата-пратэстанта Пятра Кахлеўскага, быў абраны гарадзенскі земскі пісар Уладзіслаў Кердзей [1, s. 567–568].

Сойм 1639 г. быў першым сарваным форумам у гісторыі Рэчы Паспалітай, паколькі скончыўся без зацвярджэння канстытуцый. Фактычна гэта азначала змарнаванне ўсіх высілкауў, якія дзяржава і грамадства інвеставалі ў яго падрыхтоўку і правядзенне.

Паслы. Найбольш каштоўная інфармацыя, якая ўтрымліваецца ў інструкцыі, датычыцца абраных на перадсоймавым сойміке паслоў. *Па-першае*, іх імёны не згадваюцца ў ранейшых публікацыях, як замежных, так і айчынных [9]. Згодна з дакументам, пасламі ад полацкага соймакі былі абраны **Валерыян Яўгель** і **Аляксандр Віскоўскі**. *Па-другое*, першы з паслоў, Валерыян Яўгель, згаданы як ураднік, а дакладней, ён названы **полацкім гараднічым**, што дазваляе скарэктаваць дадзеныя, вядомыя ў гістарыяграфіі, і ўпэўнена сцвярджаць, што, прынамсі, да восені 1639 г. менавіта ён, а не іншая асоба, займаў гэтую пасаду: *на пасаду гараднічага В. Яўгель быў намінаваны 7 сакавіка 1631 г., але адносна таго, як доўга яе займаў дакладнай інфармацыі няма: яго пераемнікам, паводле некаторых крыніц, у 1634 г. называюць Мікалая Пётуха Кубліцкага, які, пазней, магчыма, у 1645 г., з'яўляўся гараднічым* [10, s. 97].

Некалькі слоў трэба сказаць пра саміх паслоў. Абодва яны не належалі да родаў генетычна полацкіх, паколькі ні Яўгелі, ні Віскоўскія не згадваюцца ў рэвізіі Полацкага ваяводства 1552 г. [11], а ў рээстрах XVII ст. звесткі пра прадстаўнікоў гэтых сем'яў вельмі абмежаваныя [12].

Пра слабую прывязку Яўгеля да Полаччыны ў XVII ст. сведчыць нязначнасць іх мясцовых уладанняў: толькі адзін прадстаўнік сям'і, Міхал Яўгель, згадваецца ў падатковым рээстры Полацкага ваяводства 1667 г. і толькі ў кантэксце “застаўных” адносінаў [12, s. 42]. Тым не менш, пра полацкіх Яўгеляў, у тым ліку гараднічага Валерыяна, які карыстаўся гербам “Лебедзь”, згадвае ў складзеным у сярэдзіне XVII ст. гербоўніку Войцех Віток Каяловіч [13, s. 120]. Валерыяна Яўгеля нельга назваць асобай вельмі ўплывовай, але заўважнай як у ВКЛ, так і не апошняй у мясцовым асяроддзі. Прамым паказнікам жыццёвых “поспехаў” Валерыяна з'яўляецца не толькі атрыманне ад Жыгімонта Вазы забяспечанай сталым прыбыткам пасады, але і яго сувязі з полацкай элітай. Сваяцкімі адносінамі Валерыян быў звязаны з уплывовым урадніцкім кланам Тышкевічаў, персанальна праз Міхала Тышкевіча, які прайшоў усе этапы кар'ернага росту ў межах полацкага земскага суда [10, s. 97, 150, 168, 194]. Не ў апошнюю чаргу праз сваяцтва з Тышкевічамі полацкі гараднічы апынуўся у ліку палітычнага актыву Полацкага ваяводства, соймакі якога абіраў Валерыяна паслом на элекцыйны сойм у 1632 г. [10, s. 97] і, як высвятляецца, яшчэ раз у 1639 г. Асобны эпізод з Яўгелем адбыўся ў 1638 г., калі полацкія абывацелі запатрабавалі ад сваіх соймавых паслоў, каб на ўзроўні парламента праз канстытуцыю было вызначана “*утрывіліяванае*” месца полацкаму гараднічаму на мясцовых соймаках. Цікава, што за ўзор належала ўзяць парадак засядання віцебскіх ураднікаў на соймаках, дзе гараднічаму належала займаць месца адразу пасля земскага пісара [14, с. 167 об.]. Пры гэтым нікога, відаць, асабліва не турбавала, што полацкая адміністрацыя ператвалася ў сямейнае прадпрыемства, суцэльную “сцяну” з сваякоў.

Аляксандр Віскоўскі на момант абрання паслом ужо меў пэўны вопыт публічнай працы. Невядома, ці абіраўся ён раней ці пазней 1639 г. паслом, але дакладна карыстаўся дастатковым аўтарытэтам у мясцовых абывацеляў, каб выконваць функцыі дэпутата Галоўнага суда ВКЛ: з'яўляўся суддзёй вышэйшай апеляцыйнай установы ВКЛ у 1642 г. [15, s. 239]. Грамадскі актывізм Віскоўскага грунтаваўся на тым, што можна назваць родавай салідарнасцю. Несумненна, што на соймаках у Полацку ён прадстаўляў інтарэсы сваёй сям'і, якая неаднаразова згадваецца ў петыцыях з просьбамі кампенсацыі за страчаныя ўладанні на тэрыторыі «Невельскага тракта». У 1640 г. прысутны на соймаке ў Полацку Аляксандр Віскоўскі не толькі знайшоў магчымасць інкарпараваць у пасольскую інструкцыю просьбу сваёй сям'і, але і атрымаў персанальную падтрымку ад прысутных абывацелей, якія адзначылі яго заслугі «*выяўленыя, як у розных экспедыцыях, так і ў нашым ваяводстве пры розных аказіях, з набыццём вялікіх шванкаў і калецтва на целе*» [16, s. 7]. На часы Уладзіслава Вазы прыпаў пік і фінал кар'еры Віскоўскага, які, «*пасля пагарэння полацкага замка*», атрымаў ад манарха 10 ліпеня 1645 г. прывілей на ўрад полацкага будаўнічага, праўда, пражыў пасля гэтага менш трох гадоў [10, s. 72].

Палітычныя пазіцыі полацкіх паслоў акрэсліць даволі складана без верагодных крыніц. На паслоў маглі ўплываць розныя абставіны, іх рэлігійная і палітычная арыентацыя, а таксама ўплывовыя асобы, пачынаючы з мясцовага ваяводы Януша Кішкі, асабістая ці апасродкаваная прысутнасць якога на соймаке ў 1639 г. не выклікае сумнення. Пры гэтым варта адзначыць, што паслам прыйшлося лабіраваць інтарэсы ваяводы, не толькі як урадніка. Справа ў тым, што Януш Кішка быў шчыльна звязаны з біржанскімі Радзівіламі, належаў да іх групойкі [17, s. 171–172]. Але гэта не азначала, што полацкія паслы належалі да дэсідэнцкай апазіцыі, лідар якой, Крыштап Радзівіл, перад соймам 1639 г. не здолеў свае пастулаты правесці ні ў Ваўкавыску, ні ў Наваградку [18, s. 468]. Хутчэй наадварот. Так, сыходзячы з таго, што В. Яўгель быў звязаны з «полацкімі» Тышкевічамі, якія былі каталікамі, а Міхал Тышкевіч увагуле ўдзельнічаў у працэсе беатыфікацыі Язафата Кунцэвіча [19, s. 37–38], можна дапусціць, што паслы былі настроены на супраць з каталіцкай фракцыяй сойма. Пра павольны трэнд полацкага соймакі ў бок падтрымкі каталіцызму сведчыць і яго пазнейшыя пастановы [16; 20, s. 194].

Нарэшце, асобнай праблемай у адносінах да абраных полацкім соймакам паслоў застаецца пытанне, ці ўдзельнічалі яны ў працы сойма. Пацвярджэння выканання В. Яўгелям і А. Віскоўскім пасольскіх паўнамоцтваў у раней вядомых крыніцах няма, зрэшты як і ў адносінах падаўляючай большасці паслоў ад ВКЛ. Па назіраннях саміх удзельнікаў сойма, у прыватнасці Альбрэхта Станіслава Радзівіла, канцле-

ра ВКЛ, да пачатку нарад прыбыла вельмі мала паслоў, «асабліва з Літвы» [21, s. 161]. Здзіўленне выклікае тое, што прадстаўнікі беларуска-літоўскіх павеатаў масава праігнаравалі пачатак сойма ведаючы, што выпадала іх чарга прапаноўваць кандыдатуру соймавага маршалка. Паводле сабранай С. Травіцкай з розных крыніц інфармацыі, вядомы імёны толькі дзевяці паслоў ад ВКЛ на сойм 1639 г. [1, s. 597]. Полацкія паслы маглі як прыехаць пазней, так і праігнараваць сойм, але, прынамсі, вядомыя іх імёны.

Змест пастулатаў. Захавалася сумарна дзевяць пастулатаў інструкцыі: чатыры на першым аркушы і пяць на другім. Выкананы ў традыцыйнай “патрыярхальнай” манеры, пачатковы пратакол інструкцыі нічым асаблівым не вылучаецца і плаўна праз спецыяльны сімвал (+) спалучаецца са стартавым пунктам:

– У першую чаргу, паслам належала падзякаваць Уладзіславу “за айцоўскі клопат-роздум пра цэласнасць Рэчы Паспалітай”, пасля чаго было адзначана, што на перадсоймавым сойміке каралеўскія легаты давалі да шляхты інфармацыю ад караля “як нашай айчыны, так і знешняй небяспекі датычную” і далі сваім паслам “поўную моц” на кансультацыі “шчырыя і сумленныя” з іншымі пасламі;

– Другі ўтрымліваў яшчэ раз падзяку манарху за заслугі перад Айчынай і патрабаваў ад паслоў абмеркаваць магчымасць “укантэнтаваць” ці аддзячыць манарху, але на гэты раз удакладнялася, што зрабіць гэта належала без шкоды для “публічнай справы”;

– Трэці пастулат змяшчаў патрабаванне разлікаў з войскамі, якія ахоўваюць межы, але з той умовай, каб Карона і ВКЛ асобна аплочвалі паслугі па ўтрыманні жаўнераў у сваіх замках;

– Чацверты пастулат у катэгарычнай манеры забараняў паслам прымаць удзел у соймавых пасяджэннях, якія б пралангіравалі вызначаны законам тэрмін соймавання: “ні на адзін дзень больш, чым права дазваляе”;

– Пятым пастулатам палачане нагадвалі, што належала аднавіць полацкі замак, са спасылкай на канстытуцыю 1607 г. Матывацыя была прапанавана бездакорная, але неэфектыўная: “каб той памежны замак, як брама ад Масквы да Княства Літоўскага, належным чынам быў адбудаваны”;

– Шосты пункт інструкцыі агаворваў актуальную для палачан праблему неразмежавання з Маскоўскай дзяржавай з боку Невеля і Себежа. Удзельнікі соймакі выказвалі незадаволенасць тым, што адпаведная камісія зацягвала працу, і ўбачылі ў гэтым жаданне камісараў атрымаць больш грошай з дзяржаўнага скарбу;

– Сёмы пастулат, самы аб’ёмны, па сутнасці з’яўляўся калектыўнай петыцыяй да караля з просьбай кампенсаваць выдаткі за “вядомыя ўсяму свету заслугі” полацкага ваяводы і гетмана Януша Кішкі;

– Восьмы пункт утрымліваў патрабаванне захаваць у моцы канстытуцыю 1638 г. і такім чынам гарантаваць нераздачу эканомій як ў ВКЛ, так і ў Кароне;

– Дзевяты пастулат, які таксама быў калектыўнай петыцыяй, змяшчаў патрабаванне аб вяртанні ці кампенсацыі панам Корсакам, Храпавіцкім, Віскоўскім, Невельскім, Юзафовічам і іншым маёмасных страт. Падставай такіх просьб была не толькі ідэя справядлівасці, але, як сцвярджалася, і прававыя нормы: “акт уніі і канстытуцыі” [2, арк. 22–22 адв.].

Ці былі пастулаты, уключаныя ў полацкую інструкцыю 1639 г., ва ўсім арыгінальнымі? Безумоўна, не. Большасць з гэтых пунктаў з’яўлялася фармальным адказам на прапановы каралеўскай інструкцыі, пачынаючы з пытанняў міжнародных адносін і скончваючы праблемай соймавай канклюдзіі [1, s. 554]. Але адказы палачан, зрэшты, як і абыякавей многіх іншых павеатаў “шляхецкай рэспублікі”, не вельмі адпавядалі густу манарха і ўтрымлівалі даволі жорсткія абмежаванні паслам. Так, пры ўсім патрыятычным і патрыярхальным пафасе, які скразіць з уступу і першых пунктаў, інструкцыя не ўтрымлівала прамой згоды на прапановы караля па самых прынцыповых пытаннях – фінансавых. Больш таго, паслы атрымалі “поўны дазвол” не на ўхваленне падаткаў, а на абмеркаванне з іншымі парламентарыямі прапанаваных каралём праблем. “Падзяку” каралю належала арганізаваць такім чынам, каб гэта не нанесла шкоды “публічнай справе”, г. зн., шляхце. Менавіта пастанова полацкага соймакі дазваляе падкарактаваць назіранне, зрэшты, зробленае толькі са спасылкай на ваўкавыскую інструкцыю, што соймакі ВКЛ у 1639 г. былі настроены больш “рэалістычна”, г. зн., праманархічна, чым каронныя [1, s. 558]. Змест пастулатаў з першых старонак полацкай інструкцыі дазваляе сумнявацца, што сярод палачан панавалі прыхільнікі двара, што відаць па парадку фіксацыі пастулатаў, значная частка якіх прама ці ўскосна была прывязана да патрэб Полацкага ваяводства. Дарэчы, гэтым полацкая інструкцыя выразна адрознівалася ад ваўкавыскай і наваградскай [22; 7].

З падобнай праграмай, як і ў 1639 г., палачане выязджалі на соймы і раней, і пазней. Патрабаванне забеспячэння замка полацкага запісана ў інструкцыі на каранацыйны сойм 1633 г. [3, с. 148]. У фрагментарна захаванай полацкай інструкцыі 1638 г. па сутнасці змест падобны па шостым, восьмым, дзевятым пастулаце інструкцыі 1639 г. [14]. У той ці іншай форме пункты інструкцыі 1639 г. карэлююцца і з пастулатамі полацкага соймакі на сойм 1640 г. (патрабаванне адбудовы замка, выплаты доўгу ваяводзе, размежаванне з Масквой, захаванне цэласнасці эканомій, петыцыі за полацкія шляхецкія роды) [16], што зрэшты зразумела, паколькі сойм 1639 г. скончыўся без зацвярджэння канстытуцыі.

Пастулаты манарха ўдзельнікі соймакі творча перапрацавалі з улікам сваіх патрэб. Цікава, што ў цэнтры ўвагі інструкцыі апынуліся, у першую чаргу, лакальныя праблемы, як ВКЛ, так і Полацкага ваяводства. Насуперак уніфікацыйным тэндэнцыям, якія навязвала каралеўская інструкцыя, полацкая шляхта імкнулася выразна абмежавацца ад Кароны, ідэнтыфікавала сябе як частку дзяржаўнай арганізацыі ВКЛ. Інструк-

цыя 1639 г. ужо з першай старонкі дэкларуе фінансавы сепаратызм княства, а на другой увогуле дамiнуюць справы рэгіянальныя. Асабліва варта звярнуць увагу на тое, што петыцыі ад шляхты трапілі ў першым дзясятку (!) пунктаў, чаго няма ў нiводнай раней вядомай полацкай iнструкцыі XVI – першай паловы XVII ст.

Невыпадкова сярод найбольш актуальных для полацкага соймака 1639 г. апынулася праблема размежавання з Маскоўскай дзяржавай. У хутчэйшым вырашэнні справы мясцовая шляхта была зацікаўлена не толькі з пункту гледжання стабілізацыі становішча на спрэчных тэрыторыях і ў ваяводстве ў цэлым, але і па прычыне высокіх выдаткаў на працу саміх камісараў. Так, за міжсоймавы сезон з 1635 г. па 1637 г. скарб ВКЛ выдаў на гэты артыкул 16 600 залатых, а з 1638 г. па 1639 г. – 13 300 залатых [23, s. 323–324]. Асобы, прызначаныя камісарамі, сапраўды атрымалі салідныя ганарары, якія дасягалі 2000 залатых. Як вынікае з соймавай справаздачы падскарбія ВКЛ, у складзе камісіі былі вядомыя на Полаччыне шляхціцы: Андрэй Канінскі і Ёзаф Кланюўскі, полацкі стольнік [24, арк. 543 адв. – 545]. Так што палачане мелі магчымасць атрымаць iнфармацыю з першых рук і спытаць са сваіх жа калег на павятовым соймаке, але выносілі гэта пытанне на публічны соймавы разгляд. Тым не менш, заўважных наступстваў патрабаванне аб хутчэйшым размежаванні не мела. Сканчэнне працы парламента Рэчы Паспалітай без зацвярджэння канстытуцый у 1639 г. і 1640 г. прывяло да таго, што наступная камісія па размежаванні з Масквой набыла легальны статус і адпаведнае фінансавое забеспячэнне толькі на моцы пастановаў сойма 1641 г. У склад гэтай камісіі ўвайшлі і вышэйзгаданыя асобы [25, s. 28].

На соймаке прысутнічала вельмі моцнае лобі полацкага ваяводы Януша Кішкі, якога шляхта цаніла за вайсковыя заслугі яшчэ з часоў Жыгімонта Вазы [26, s. 195–196, 226], але адначасова пры яго жыцці і, магчыма, спрыянні дамаглася пацверджанага соймам права праводзіць элекцыю ваяводы [3, с. 22–24]. На соймаке з падачы, а магчыма, і ў прысутнасці ваяводы абмяркоўвалася пытанне кампенсацыі яго вайсковых выдаткаў: для абароны Полацка зімой 1632 – 1633 гг. ваявода з уласных сродкаў завербаваў конную харугву са 100 казакамі, 60 пехацінцамі і татарамі на чале з Дзевялтоўскім [27, s. 509]. Справа вяртання Кішке выдаткаваных сродкаў за яго “перамогі” пад Полацкам мела доўгую гісторыю і абмяркоўвалася яшчэ падчас Віленскай канвакацыі 1634 г. [26, s. 265]. Актуальнай яна заставалася і ў наступныя гады, але прысутныя ў 1639 г. на полацкім соймаке мелі некаторыя канкрэтныя прапановы. Так, палачане ведалі адкуль належала ўзяць на гэта сродкі, што сведчыць не гэтаму пра іх абазнанасць у балансе дзяржаўнага скарбу, колькі пра зарыентаванасць самога ваяводы. Кампенсаваць фінансавыя страты Кішке на сойме не ўдалося, прынамсі выдаткі дзяржаўнага скарбу ВКЛ на 1639–1640 гг. такі артыкул не прадугледжвалі [24, арк. 546–547.]. Кампанія па “выбіванні” грошай з Уладзіслава Вазы праз уключэнне адпаведных петыцый у соймаковыя пастулаты працягвалася і перад соймам 1640 г. і ахоплівала розныя паветы, у тым ліку Ашмянскі і Менскі [28, s. 3; 29, s. 4]. Цікава, дзе браў Кішка аптымізм у гэтай справе, паколькі надзей на вяртанне наяўных грошай у ваяводу не было: шляхта не жадала плаціць падаткі, а ВКЛ з 1639 г. па 1643 г. іх увогуле не зацвярджала [23, s. 321–325]. Відавочна, ён часткова задаволіўся наданнямі ад Уладзіслава на сойме 1640 г., калі атрымаў Дрыскае староства і прыбыткі з мытных збораў [27, s. 509].

На соймаке ў Полацку без ўсялякага сумнення шляхта абмяркоўвала і іншыя актуальныя для таго часу пытанні, якія датычыліся як унутранага, так і знешняга становішча краіны, яе аўтарытэту [1, s. 554–560]. Так, несумненна, у цэнтры ўвагі жыхароў княства знаходзілася гісторыя з арыштам французскімі ўладамі брата Уладзіслава Вазы, каралевіча Казіміра. Скандал быў на слыху паўсюдна на Беларусі, на што звярнулі ўвагу і замежныя шпегі: па звестках маскоўскіх iнфарматараў, у беларускіх гарадах у 1639 г. па загадзе караля масава “набывалі залатыя” на выкуп Казіміра з палону [30, с. 164]. Праўда, факт iгнаравання гэтай тэмы ў першых пунктах iнструкцыі мог сведчыць пра панаванне ў полацкай шляхты негатыўнага стаўлення да каралеўскага брата. Ужо падчас соймавых пасяджэнняў двару прыйшлося фактычна выціснуць з Пасольскай iзбы публічныя спачуванні манарху. Прычынай такога стаўлення да Казіміра стала цыркуляцыя плётка пра ўяўныя, а магчыма, і праўдзiвыя выказванні, у якіх каралевіч з пагардай ставіўся да палякаў, аддаваў перавагу немцам ды скардзіўся на няўдзячнасць супляменнікаў [21, s. 167].

Вынікі. Знаходжанне такіх дакументаў, як iнструкцыя полацкай шляхты на сойм 1639 г., сведчыць пра вялікі нераскрыты патэнцыял беларускіх архіваў, якія дазваляюць iстотна дапоўніць і скарэктаваць наяўныя ў гістарыяграфіі факты.

Пастулаты полацкага соймака 1639 г. у значнай ступені трэба лічыць унікальнымі. З’яўляючыся фармальна адказам на каралеўскую iнструкцыю, якая фармуліравала актуальную соймавую праблематыку і на гэтай падставе iнтэгрвала iнтарэсы двара і шляхты, полацкая iнструкцыя 1639 г. была структуравана хутчэй у рэчышчы iнтарэсаў грамадства, пры чым лакальнага. Гэта асабліва добра відаць па тым, у якім парадку палачане расставалі свае прыярытэты: канешне, галоўным чынам іх непакоілі пытанні бяспекі і падаткаў, але тое, што ў першай дзясятцы пунктаў апынулася такая колькасць мясцовых пастулатаў, больш таго, петыцый, сведчыць пра жаданне дыстанцыянавацца ад навязаных манархам тэм ці мадыфікаваць іх пад свае патрэбы.

ЛІТАРАТУРА

1. Trawicka, Z. Sejm z roku 1639 / Z. Trawicka // Studia Historyczne. – 1972. – R. XV. – Z. 4 (59). – S. 551–597.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ). – Ф. 694. Воп. 2. Спр. 6450.

3. Галубовіч, В. Полацкая шляхта і дынастыя Вазаў / В. Галубовіч. – Мінск : А.М. Янушкевіч; 2016. – 224 с.
4. Радзивиллы, князья (фамильный фонд). – Ф. 694. Оп. 2. Т. III. 1569 – 1923. – Минск, 1984 // НГАБ. – Ф. 694. Воп. 2.
5. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział X.
6. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe; 2002. – 376 s.
7. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział II. Sygn. 1177. – S. 1–12.
8. Pamiętniki Filipa, Michała i Teodora Obuchowiczów (1630 – 1707) / Pod red. A. Rachuby. – Warszawa : DiG, 2003. – 640 s.
9. Галубовіч, В.У. Паслы Вялікага Княства Літоўскага на соймах Рэчы Паспалітай у 1633 – 1647 гг. у адлюстраванні гістарыяграфіі і крыніц / В.У. Галубовіч // Гіст.-археал. зб. – Мінск : “Беларуская навука”, 2018. – Вып. 33. – С. 165–177.
10. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV – XVIII wieku : spisy. – T. V. : Ziemia Połocka i województwo Połockie XIV – XVIII wiek. / Pod red. H. Lulewicz. – Warszawa : IH PAN, 2018. – 306 s.
11. Полюцкая ревізія 1552 года / Ред. И. И. Лаппо. – М. : Унив. Тип., 1905. – 237 +XXII с.
12. Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo połockie 1667 i 1690 r. / Opracowali H. Lulewicz i A. Rachuba. – Warszawa : In-t Hist. PAN, 2018. – 182 s.
13. Kojałowicz, W. W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli o klejnotach albo herbach których familie stanu rycerskiego w prowincjach Wielkiego Księstwa Litewskiego zażywają / W.W. Kojałowicz. – Kraków : Druk. “Czasu” Fr. Kluczyckiego i spółki, 1897. – 528 s.
14. Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге. Отдел рукописей. – Ф. 971. Авт. 124. Л. 166-168 об.
15. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696) : spis / Pod red. A. Rachuby. – Warszawa : DiG, 2007. – 470 s.
16. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział II. Sygn. 1197. S. 1–10.
17. Lulewicz, H. Elita polityczno-społeczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVII wieku: Praca doktorska napisana w Instytucie Historycznym Uniwersytetu Warszawskiego / H. Lulewicz. – Warszawa, 1984. – 488 s.
18. Kempa, T. Wobiec kontreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.
19. Akta męczeńskie unii // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. – Rok 1868. – Paryż : Księgarnia Luxemburska, 1869. – S. 1–63.
20. Augustyniak, U. W służbie hetmana i Rzeczypospolitej: Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła (1585 – 1640) / U. Augustyniak. – Warszawa : Semper, 2004 – 398 s.
21. Radziwiłł, A. S. Pamiętniki o dziejach w Polsce / A. S. Radziwiłł. – T. 2. – Warszawa : PIW; 1980. – 554 s.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział II. Sygn. 1174. S. 1–8.
23. Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Projekty-ustawy-realizacja. – Warszawa, 2006. – 440 s.
24. НГАБ. – Ф. 18. Воп. 1. Спр. 113.
25. Volumina legum. – T. IV. – Petersburg : Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1859. – 501+XVII s.
26. Akta Zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. II. : Okresy panowań królów elekcyjnych XVI – XVII wiek. – Warszawa : Neriton; In-t Historii PAN; 2009. – 452 s.
27. Wasilewski, T. Kiszka Janusz / T. Wasilewski // Polski słownik biograficzny. – T. XII. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966 – 1967. – S. 508–510.
28. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział II. Sygn. 1191. S. 1–4.
29. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział II. Sygn. 1188. S. 1–6.
30. Русско-белорусские связи : сб. док. (1570 – 1667 гг.). – Минск : Высшая школа, 1963. – 534 с.

Пастыі 29.11.2019

ДАДАТАК

27(?) жніўня 1639 г. Полацк.

Соймікавая інструкцыя паслам Полацкага ваяводства Валерыяну Яўгелю і Аляксандру Віскоўскаму на іашцітыднёвы сойм Рэчы Паспалітай, прызначаны на 5 кастрычніка 1639 г. у Варшаве.

|| [Арк. 22] JNSTRUCTIA od nas Urzędników Ziemi Grodzkich | Rycerstwo szlachty wojewódstwa Połockiego obywatelów: | dana Jch Mosciom Panom Posłom od nas zgodnie obranym Je(go) | Mosci Panu Waleryanowi Jawgielowi Horodniczemu Połockiemu j Jego M(i)osci Panu Alexandrowi Wiskowskiemu na seim | szesc niedzielny w Roku Tysiąc szesc set Trzydziestym dziełwiałym m(iesi)ca oktobra piątego dnia przypadający:

Naprzod

Przy oddaniu Unizonego pokłonu naszego z wiernym poddanstwem pod nogi Małiestatu Je(go) Kro(lewskiej) M(i)osci Pana naszego Miłosciwego za rozne o zamysłach nie|przyiacielskich przestrogi y za obmyślowanie oicowskie o całosci Rzeczypospolitej godne podziękowanie jch M(i)osc Panowie Posłowie naszy jego Krolewskiej m(i)osci Panu naszemu Miłosciwemu uczynic maia + Jz rozne jn prejętem deliberationem jego Krolewska Mosc Pan nasz Miłosciwy proponowac raczy iako naszey oiczyzny necesytatys tak rozne perykula Przeto | we wszystkich punctach przez posly jego Kr(olewskiej) M(i)osci na seimiku proponowalnych y na seim od jego Kr(olewskiej) M(i)osci podanych ych Mosc Panowie posłowie fildem et Constetiam namawiac będą z drugimi Jch Mosciami Pany | Posłami w czym jch mosciom plenariam potestatem daiemy.

Za odwazne jego Kro(lewskiej) M(i)osci Pana naszego Miłosciwego dzieła A wielkie podięte trudy iako wszelaką wierni poddani powinni my oddawac gratitudynem tak naszą zyczemy Curospadere wdzięcznością Co | jch

Mosciom Panom posłom poruczamy aby o uContentowaniu Kroła je(go) | M(iłosc) i z ynszemi jch mosciami Pany posłami tak Consulere Mieli | jako by jego Kro(lewska) M(iłosc) Pan nasz miłosc(i)wy bez wielko uimy Regi publice ucontentowany zastawał.

Zohnierzowi Ukrainnemu zapłata Aby iako bene merytis obmyszlona | była zyczemy salicis iednak jurybus nostrys iako my w Wielkim Xięstwie Lite(w)skim swemu tak ych m(iłosc) i Panowie Koronni swemu tesz zołnierzołwi skarbu Koranego zapłate obmyslic maia.

Jz to w zwyczaj weszło ze ConCluzyie seimowe nad prawo przedluzac | sie zwykły Co iest rei Publice pernicyozum jch mosc Panowie Posłowie postrzec tego maia aby ani iednym dniem nad prawo prolagatia seimu | nie była. || [Арк. 22 адв.]

Zamek Połocki iako ukrainny aby opatrzony y budowany był według: | Constytuty Roku 1607 ych Mosc Panowie Posłowie pracowite w tym staranie | przyłozyc maia gdyz na tym wiele Rzeczy pospolitey nalezy aby ten: | Zamek Ukrainny iako wrota od moskwy do Xięstwa Litewskiego skutecznym | budynkiem zamknione były.

Comisyia z moskwą o granice Newła y Siebieza yz dotąd Concluzyie nie w:ziela y ograniczenie przez jch Mosc Panow Comisarzow nie Cunclodowane | Co iest R(zeczy)p(ospoli)tey pernicyozum starac sie jch Mosc Panowie Posłowie będą | Aby jch Mosc Panowie Comisarze do tey fun(c)ctie naznaczenie Mieli redere | racionem dlaczego ta sie Comisyia w prolagatia pusciła poniewarz y styłpędum skarbu na to nie małą sum(m)e wzieni.

Jasnie Wielmoznego Je(go) M(iłosc) i Pana Janusza Kiszki Woiewody Połockiego Hetmałna Polnego W(ielkiego) X(ięstwa) Lit(ewskiego) wielkie przeciwa oiczyźnie Meryta przez | wszytek wiek oddowane wszytkiemu swiatu wiadome y Woiewodstwu naszemu | Połockiemu Czasu srogich ynCursy nieprzyiacielskich zawsze z odwagą | zdrowia stratą niemałą substanti z wielkim sum(p)tem oswiadczone | za co ze dotąd słuszney Jego Mosc nie odniósł nagrody starac sie jch mosc | Panowie Posłowie solicite będą Aby odwazne je(go) m(iłosci) dzieła y ten su(m)pt | z łaski je(go) Kro(lewskiej) M(iłosci) Pana naszego Miłosciwego nagrodzony był.

A ze Je(go) Kro(lewska) Mosc Maiąc w disposity swoiey reszcie poboru oszmianskiego | Jego M(iłosc) i Panu Woiewodzie Połockiemu Condenowac raczył starac sie ych | Mosc Panowie Posłowie będą aby za wzięciem tey sum(m)y od poborcy oszmianłskiego jego Mosc Pan Podskarbi W(ielkiego) X(ięstwa) Lit(ewskiego) Je(go) M(iłosci) Panu Woiewodzie List | Kwitacyny s tey sum(m)y dac raczył.

EConomiie tak w Koronie polskiej iako w Wielkim Xięstwie Litewskim aby | według Prawa w całosci zostawały Jch Mosc Panowie Posłowie starac sie | będą zeby o tym Constytutia Roku 1638 do excecuti przywiedziona była.

Dobra jch Mosci Panow Korsakow jch m(ił) o(s) c(i) Panow Chrapowickich jch M(ił) osc(i) Pałnow Wiskowskich ych m(iłosci) Panow Newelskich ych Mosci Panow Jozefowiczow | y innych ych m(ił) osc(i) Kturych ych mosc na kozdym seimie dochodzą aby według Praw dawnych Ktore pokaza według uni y Constytuty Kozdemu | z ych mosc Przywrocone były albo za to słuszną odmiane otrzymali | jch M(ił) osc Panowie Posłowie solicite starac sie będą y zeby nie zadworem: | Ale u sądu ziemskie(go) y za apelatia do trybunału o takowe dobra rosprawie mieli | dla pędzsey sprawiedliwosci. ||

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. Ф. 694. Воп. 2. Спр. 6450. Арк. 22-22 адв.

**“IN THE PREPARATION OF REVERENCE”:
UNKNOWN INSTRUCTIONS OF THE POLOTSK GENTRY
AT THE SEJM OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN 1639.**

V. GOLUBOVICH

The circumstances of Polatsk gentry instructions making are considered in the article, the contents of Polatsk gentry instructions that were worked out before the Seim of the Commonwealth held in October-November, 1639, are analysed. For the first time the subject of separate research is the postulates of Polatsk council, which took place in the end of August, 1639. The names of Polatsk ambassadors to the Seim is unique, previously unknown in historiography information from the document found in the National Historical Archives of Belarus. The instructions allow to correct and specify a number of well-known facts. The points of the instructions permit to determine the political priorities that were urgent for Polatsk province before the Sejm. The prohibition to bring into use new taxes and a great number of requests concerning the local problems of the province were entered in the first pages of the instructions. It is an obvious evidence of the local gentry disregarding the key wishes expressed in the Royal message to the council. The text of the instructions is published in the enclosure to the article.

Keywords: *the Embassy statement, Polatsk nobility, provincial diet, the Sejm of 1639.*

УДК 291.12"1928/1930"

МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ ПРОТИВ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В БССР В 1928 – 1930 гг.

*канд. ист. наук Н. В. ДОВГЯЛО
(Полоцкий государственный университет)*

Определены этапы, интенсивность и формы сопротивления верующих конфессиональной политике властей. Проанализированы проявления нелегитимных форм сопротивления, в частности открытые выступления против антирелигиозных мероприятий советской власти. Борьба верующих в основном была связана с массовой национализацией культовых зданий. Особо напряженным был период 1928–1930 гг., для которого характерны массовые выступления на религиозной почве.

Ключевые слова: *конфессиональная политика, нелегитимные формы сопротивления, национализация культовых зданий, массовые выступления.*

Введение. Существует несколько классификаций форм сопротивления верующих конфессиональной политике властей. Некоторые исследователи выделяют активные и пассивные формы сопротивления. По их мнению, к активным формам относятся выступления против закрытия храма, коллективные прошения об открытии религиозных зданий, прошения об освобождении из-под ареста священнослужителя, выполнение религиозных обрядов. К пассивным формам – призывы к бегству на территорию Польши от «власти безбожников» (в основном это касалось национальных меньшинств католического вероисповедания), коллективные невыходы на работу во время религиозных праздников, отказы от социальной помощи государства, уклонение от участия в общегосударственных мероприятиях (например, перепись населения). В рамках другой классификации выделяют легитимные (законные) и нелегитимные формы сопротивления верующих и духовенства. К легитимным историк относит всевозможные жалобы, добровольный сбор средств для поддержания храма, материальную помощь священнослужителям, строительство и ремонт молитвенных зданий, попытки выкупить религиозные святыни. К нелегитимным – утаивание доходов, антисоветскую деятельность, преподавание религии, открытые выступления против антирелигиозных мероприятий советской власти.

Интенсивность и формы сопротивления верующих в 1920 – 1930 гг. зависели от конкретных мероприятий государственной конфессиональной политики и проявлялись в рамках 5 этапов:

1) 1922 г. – сопротивление было связано с кампанией по изъятию церковных ценностей, проявлялось в массовых беспорядках, но в большинстве случаев не переросло в открытое столкновение с представителями органов государственной власти;

2) 1924 – 1928 гг. – сопротивление направлено на борьбу с экономическим давлением на церковь и защиту гражданских прав и свобод служителей культа. Преимущественно использовались правовые формы сопротивления, а именно – жалобы в вышестоящие инстанции. К нелегитимным формам сопротивления можно отнести только преподавание религии, которое было широко распространено особенно среди еврейского населения и коллективные невыходы на работу во время религиозных праздников;

3) 1928 – 1930 гг. – борьба верующих связана с массовой национализацией культовых зданий, характерно проявление нелегитимных форм сопротивления (массовых выступлений);

4) 1931 – 1935 гг. – репрессии в отношении духовенства и наиболее активных верующих привели к тому, что, основной формой борьбы вновь стали жалобы в вышестоящие инстанции, в частности, в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР;

5) 1936 – 1938 гг. – подъем религиозной активности населения вызвали принятие новой конституции и проведение переписи населения. Наибольшую активность проявляли верующие и церковнослужители в тех районах, где были закрыты все церкви или их закрытие не было оформлено в официальном порядке. Основная форма сопротивления – сбор подписей, средств, жалобы, связанные с борьбой за открытие церквей.

Основная часть. В 1928 – 1929 гг. началось существенное изменение политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию. Исходным документом становится Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Данное постановление содержало 68 статей, большая часть из которых была посвящена трем направлениям государственно-религиозных отношений в СССР: вопросам регистрации религиозных объединений, вопросам государственного контроля их деятельности, вопросам использования бывшего церковного имущества. По мнению историка Ю. А. Бирю-

ковой, постановление «О религиозных объединениях» не вносило ничего принципиально нового в сложившуюся систему взаимоотношений власти с верующими, но оно доводило до логического конца все прежние законодательные действия власти, еще более жестко очерчивало и сужало пределы существования церкви [1, с. 147].

Обозначенные тенденции повлияли на характер и формы сопротивления верующих. Для периода 1928 – 1930 гг. характерно проявление нелегитимных форм сопротивления, а именно массовые выступления верующих. Протест со стороны населения вызвала компания по закрытию храмов 1928 – 1930 гг. Информотдел ГПУ в особой записке в ЦК за январь 1929 г. отметил, что за истекший 1928 г. количество таких выступлений вместо «единичных случаев» в 1926 – 1927 гг. достигло цифры 44 (в целом по Советскому Союзу). ОГПУ признавало: «Основными причинами, непосредственно вызывавшими массовые выступления, являлись: закрытие церквей и монастырей – 17 случаев и отбор церковных зданий и домов священнослужителей для общественных нужд – 11» [2, с. 349]. В 1929 г. число массовых крестьянских выступлений против советской власти резко возросло по сравнению с 1928 г. – 1307 против 709. Среди причин первое место (50%) занимали хлебозаготовки, затем шли «перегибы» на религиозной почве [2, с. 349].

В архивных документах зафиксированы многочисленные требования верующего населения Беларуси вернуть закрытые храмы. Инициаторами этого движения в большинстве случаев являлись бывшие «церковники» (церковные старосты, сторожа, члены церковных советов и их родственники) и зажиточные крестьяне. Они, по мнению партийных работников, использовали религиозно настроенное население, в основном женщин, для своей антисоветской работы. В некоторых сельских советах проходил сбор подписей для регистрации церковно-приходских общин с целью последующего открытия церкви [3, л. 364]. Нередко сбор подписей организовывался непосредственно на базарной площади.

Удар власти по церкви и религии на фоне коллективизации и раскулачивания был прямо связан с тем, что церковь и религия составляли духовную опору ликвидируемой крестьянской прослойки, а духовные лица активно выступали в качестве защитников его интересов. Сводки информационного отдела ОГПУ за январь 1930 г. фиксировали многочисленные случаи выступлений духовенства в разных областях Союза «за веру и бога против колхозов» и т.д. Так, священнослужители в деревне Польшковичи Могилевского района во время исповеди убедили женщин, что «весной – война, и ваш скот используют на мясо». В результате женщины (около 50 человек) разобрали по домам 50 коров из колхозного хозяйства [4, л. 176].

По точному замечанию исследователя М. Ю. Крапивина «раскулачивание, сопровождавшееся уничтожением всех крепких крестьянских хозяйств, вело к фактической гибели церкви на селе, так как никто кроме зажиточных крестьян не мог материально помочь священнику, вынужденному уплачивать государственные налоги, превышающие его реальные доходы» [5, с. 191].

По данным информационных отделов ГПУ, основой массовых выступлений в 1928–1929 гг. являлось женское население. Женщины оставались членами религиозных общин, защитниками веры, оказывали влияние на детей и мужей. В 1929 г. из 1307 массовых выступлений на территории Советского Союза, в 486 случаях они были исключительно женскими по составу участников, а в 67 случаях – женщины преобладали [2, с. 418]. По БССР точные статистические данные отсутствуют, но данную тенденцию подтверждает выдержка из докладной записки об искривлениях, допущенных в церковном вопросе, от 14 мая 1930 г.: «зафиксированы неоднократные выступления с участием по 100 – 200 человек, особенно женщин, с требованием об освобождении попов» [6, л. 6].

Представители духовенства к происходящим событиям относились неоднозначно. Часть священнослужителей пыталась объединить верующих вокруг себя. Другие были заинтересованы главным образом в своей материальной обеспеченности. Действительно, средства для содержания духовенства были настолько мизерными, что обыкновенный деревенский пастух получал за лето больше, чем священнослужитель за целый год [7, л. 2].

В начале 1930 г. усилилось движение за возвращение культовых зданий. В январе – марте 1930 г. по Советскому Союзу было зафиксировано 7978 массовых выступлений, из них 776 – против закрытия церквей и снятия колоколов [2, с. 349].

В БССР наиболее массовые выступления верующих были зарегистрированы в Могилевском и Витебском округах [5, л. 7]. В Витебском округе (Лиозненский район) 500 чел. требовали предать суду виновников закрытия церквей [5, л. 7]. В деревне Сухоревка Могилевского округа, все население (170 домов) участвовало в вооруженном конфликте, причиной которого было закрытие церкви. В результате окружным отделом ГПУ было арестовано 10 чел. Органы ГПУ констатировали, что «в числе причин к выступлению крестьян лежат непродуманные действия секретаря партячейки и председателя сельсовета, которые до оформления изъятия церкви начали проводить работу по подготовке ее к клубу» [4, л. 231]. В Могилевском районе в выступлениях за открытие церкви принимало участие 1,5 тыс. чел. Среди недобровольных было большое количество колхозников (колхоз «Гигант»), которые «тут же разобрали обобщественный скот. Приехавшим на место двум членам райкома КПБ толпа заявила: «до тех пор, пока не возвратите нам церковь и изъятых вещей, мы скот не отдадим и работать в колхозе не будем. На работу

не вышли» [3, л. 110; 5, л. 7]. Всего на территории Могилевского округа в 1930 г. было зафиксировано 14 случаев сопротивления антирелигиозным мероприятиям властей [8, с. 31].

Массовые выступления фиксировались и в Гомельском округе. В январе 1930 г. в деревне Дворище Хойниковского района, члены колхоза «Красный борец» по распоряжению правления, потребовали ключи от часовни. Так как церковного старосты дома не оказалось, колхозники разбили окно в часовне, все иконы порубили топором, выбросили из часовни и сожгли. Эта акция вызвала протест местного населения: возле церкви собралось около 700 человек, которые стали угрожать членам колхоза. 20 человек подали заявления о выходе из колхоза [8, л. 250]. Всего в 1930 г. по Гомельскому округу было зафиксировано 3 конфликта и одно массовое выступление на религиозной почве [9, л. 116].

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О борьбе с искривлениями в колхозном движении», осуждавшее перегибы в отношении религии: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьянства. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности» [10, с. 120–121].

В докладной записке об искривлениях, допущенных в церковном вопросе по Белоруссии, от 14 апреля 1930 г., также, как и в выше указанном постановлении, вся вина за перегибы в церковном вопросе была возложена на местное партийное руководство. Ошибки, допущенные местными органами власти, сводились к следующему:

– закрытие молитвенных домов проводилось без подготовительной работы и прямого согласия верующих, на основании сфабрикованных фактов и без учета национальных особенностей. Были зафиксированы фальсификации количества голосов за закрытие храмов. Сбор подписей нередко проходил не среди взрослого населения, а среди школьников, кроме того, подписи за закрытие синагог собирали среди православных белорусов, и наоборот – за закрытие православных церквей – среди евреев и католиков. Закрытие большинства церквей производилось без утверждения центральными органами. Так, в Оршанском округе из 37 православных церквей и 27 синагог 21 церковь и 13 синагог были закрыты без утверждения центром. В Минском округе были зафиксированы случаи кражи культовых предметов, имеющих ценность. Культовые предметы на глазах верующих ломали, рвали, выбрасывали. Такие действия властей приводили к массовым выступлениям верующих. Так например, в Гомельском округе массовое выступление женщин (до 200 чел.) было спровоцировано поведением партийных работников при закрытии церкви, которые ломали, били, расстреливали из охотничьих ружей иконы [9, л. 114];

– неиспользование закрытых молитвенных домов. В Витебском округе из 141 закрытой церкви не использовалось 69, в Бобруйском округе соответственно из 16 – 9, из 24 синагог – 12. Этот факт, по мнению партийных руководителей, оставлял верующим надежду на возвращение храмов;

– аресты священнослужителей, которые производились без соответствующих санкций и разрешений лицами, не обладающими соответственными полномочиями: представителями сельсоветов, бригадами, отдельными партийцами. Особенно неблагоприятное впечатление на население производили аресты за неуплату налогов священнослужителями. Зафиксированы случаи, когда верующие требовали освободить того или иного священнослужителя с обязательствами немедленной выплаты налога [5, л. 4].

Учитывая ситуацию, окружные исполнительные комитеты и другие органы власти на местах обязаны были выполнять следующие указания центра:

1) к изъятию молитвенных домов подходить крайне осторожно, с предварительным изучением той обстановки, в которой находится та или иная группа верующих. Учитывая то противодействие, которое может иметь место, заблаговременно парализовать его подготовительной работой среди рабочих, профсоюзов, бедняцко-средняцкого крестьянства;

2) вплоть до разрешения изъятия в округе и центре ничего не производить;

3) временное закрытие молитвенных домов категорически запрещается.

Не допускалось даже малейшего издеательства над верующими. Лица, нарушившие закон и партийные директивы в отношении религии, должны были быть привлечены к судебной и партийной ответственности. Кроме этого, была запрещена ликвидация молитвенных домов по причине неисполнения распоряжений о регистрации и неуплаты налогов. Все закрытые церкви и другие молитвенные здания, неиспользуемые по каким-либо причинам, должны были немедленно подвергнуться рациональному использованию [11, л. 89].

Там, где церкви были возвращены, священнослужители предъявляли иски сельсоветам за повреждение церковного имущества. Не желая обострять ситуацию, руководством БССР было дано распоряжение местным властям не препятствовать верующим пользоваться теми церквями, о закрытии которых нет постановления ЦИК.

Проводимая политика властей принесла результаты. В апреле 1930 г. общее количество выступлений по Советскому Союзу составило 1992 (для сравнения, в марте – 6528), из них по религиозным при-

чинам 391 (в марте – 514). В августе 1930 г. было зафиксировано 25 массовых выступлений по религиозным причинам из общего числа 256 [2, с. 424].

Закключение. Несмотря на то, что, на протяжении 1920 – 1930 гг. верующие использовали преимущественно правовые формы сопротивления, требуя от власти соблюдения законодательства и принципов справедливости, период 1928 – 1930 гг., является исключением для которого было характерно наличие массовых выступлений против конфессиональной политики властей. Основные требования населения – возвращение закрытых религиозных зданий и освобождение священнослужителей. В БССР массовые выступления верующих были зафиксированы в Могилевском, Витебском и Гомельском округах. Активную роль в этих выступлениях играли женщины. В результате этих акций руководством БССР было дано распоряжение местным властям не препятствовать верующим пользоваться религиозными зданиями, о закрытии которых нет постановления ЦИК БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова, Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах / Ю. А. Бирюкова. – Ростов : Изд-во НМЦ «Логос», 2012. – 218 с.
2. Курляндский, И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства) / И. А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 701 с.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 747.
4. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 891.
5. Крапивин, М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917–1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин. – Волгоград : Перемена, 1997. – 366 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф.2786. Оп. 1. Д. 107.
8. Опиок, Т. В. Конфессиональная политика в БССР в 1920–1930-е годы : учеб.-метод. материалы / Т. В. Опиок. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 101 с.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАОГО). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 556.
10. Шкаровский, М. В. Русская Православная церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с. : ил.
11. ГАОМО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 747.

Поступила 13.12.2019

MASSIONAL SPEECHES BY BELIEVERS AGAINST ANTI-RELIGIOUS POLICY OF THE STATE IN THE BSSR IN 1928–1930

N. DAUHIALA

Stages, intensity and forms of opposition of the believers against the confessional politics have been defined in the article. The manifestations of illegitimate forms of resistance, in particular, open protests against anti-religious events of the Soviet government, are analyzed. The struggle of the faithful was mainly associated with the mass nationalization of religious buildings. The period 1928–1930 was especially stressful, for which mass religious performances were characteristic

Keywords: *confessional politics, illegitimate forms of resistance, nationalization of religious buildings, mass demonstrations.*

УДК 94+130.2(476)(410)

**БЕЛОРУСОВЕДЕНИЕ В МИРЕ СЛАВИСТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА:
(НАУЧНЫЕ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЦЕНТРЫ)**

канд. ист. наук, доц. А. Д. ДУДЬКО
(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

Системно рассматриваются место и удельный вес белорусоведческой проблематики в контексте британской славистики второй половины XX – начала XXI вв. Определены факторы социально-политического и социокультурного характера, оказавшие влияние на формирование традиций британского белорусоведения в указанный период. Обозначены ведущие научные институции и исследователи-гуманитарии, в деятельности и творческом наследии которых белорусоведческая проблематика заняла определенное, вполне значимое место.

Ключевые слова: белорусско-британские отношения, британская славистика, британская советология, британская полонистика, славистические научные и университетские центры, восточноевропейские источники в британских библиотеках.

Введение. Факторами, оказавшими существенное влияние на разработку белорусоведческой проблематики в британской славистике во второй половине XX – начале XXI вв., явились характер и специфика ее развития в новейший период истории Европы. Этот аспект рассмотрения проблемы практически не изучен в белорусской историографии и культурологии. Работ, посвященных истории белорусско-британских отношений второй половины XX в., в отечественной историографической традиции явно недостаточно. На сегодняшний день можно выделить лишь диссертационное исследование Л. Г. Короленок и цикл ее статей [1], в которых автор на основе изучения архивных комплексов Беларуси и опубликованных источников определяет этапы и характер формирования этих отношений с конца 60-х гг. XX в. до нач. XXI в. Отсутствуют работы, посвященные удельному весу белорусоведческой проблематики в контексте британской славистики указанного периода. Частично информацию по названной проблеме можно извлечь из работ тех российских историков, которые специально занимались исследованием состояния западной советологии, англо-американской русистики и полонистики или истории исторической науки в Великобритании [2; 3]. Современное поколение белорусских историков (В. И. Меньковский, М. А. Шабасова и др.), разрабатывая проблему англо-американской советологии, на основе электронных ресурсов дают краткую информацию обзорного характера об основных исследовательских институтах этих стран [4; 5]. Белорусоведческая проблематика в славистике Великобритании и США ими специально не выделяется. Нарботанная историографическая традиция и корпус доступных нам источников позволяют реконструировать процесс становления белорусоведческой тематики в контексте восточнославянского и польского векторов британской исторической науки.

Основная часть. Изученная информация свидетельствует о крайне редких контактах между белорусскими и британскими славистами до 60-х гг. XX в. Можно отметить 1960 г., когда в Минске проходил IV Международный съезд славистов. В подготовке данного мероприятия и среди участников активную роль играли известные британские слависты Э. Хилл, В. Мэтью, Р. Оти, Д. Уорд [6].

Вторым шагом в 60-х гг. XX в. в установлении белорусско-британских научных и культурных связей стали приезды в 1964 – 1966 гг. известного британского писателя и литературоведа Уолтера Мэя. Содействовал установлению этих контактов в 1964 г. председатель Президиума Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными связями В. Смирнов. По мнению У. Мэя, «он был первым, кто разбил фигуру молчания и пустил шарик в ход» [7, с. 170–171]. У. Мэй был одним из первых английских литераторов-переводчиков, который начал популяризировать белорусских поэтов (М. Танка, А. Кулешова, Я. Купалу и Я. Коласа, М. Богдановича, П. Бровку) в английском языковом пространстве Великобритании и мира. Итогом его контактов стало издание в 1971 г. в Лондоне на английском языке «Антологии белорусской поэзии» [8], а в 1977 г. – в Московском издательстве «Прогресс» – антологии белорусской поэзии «Моя прекрасная Белоруссия».

Такие контакты между представителями британско-белорусского научного сообщества оставались крайне редкими вплоть до 80-х гг. XX в. В фондах ведомственных архивов ведущих гуманитарных институтов АН БССР, отражающих их международные связи (Института истории, Института литературы АН БССР, Института языкознания, Института этнографии) нет ни одного дела о реальных англо-белорусских научных взаимоотношениях данного периода. Основной вектор научных интересов этих институтов был направлен на академические и научные учреждения стран социалистического содружества. В 1989 г. Президиум АН БССР

с достаточной степенью объективности и критичности отмечал: «эффективность международных связей учреждений АН БССР в настоящее время не отражает возможностей сотрудничающих сторон, в связи с тем, что сотрудничество находится на начальном этапе, а большинство работ входит составной частью в программы исследования, рассчитанных на несколько лет» [9, л. 395].

Ощутимый прогресс в белорусско-британских взаимоотношениях стал заметен только с 90-х гг. XX в., когда после распада СССР Беларусь открылась для всего мирового сообщества и для Великобритании, в частности, как новый политический и культурный феномен восточноевропейского пространства. Эти геополитические изменения определили значимость проблемы белорусско-британских взаимоотношений не только для исторической науки, но и для других гуманитарных ракурсов их изучения. В 90-е гг. XX в. – нач. XXI в. сформировались договорно-правовые основы отношений и установились стабильные дипломатические контакты между Беларусью и Великобританией. Были подписаны более 10 соглашений, регулирующих двухсторонние экономические, культурные и научные связи. Активизирует свою деятельность Белорусская библиотека-музей им. Ф. Скорины, Англо-белорусское общество [1, с. 4–5]. В последнее пятилетие XXI в. политические и культурные взаимосвязи между Республикой Беларусь и Великобританией характеризуются постепенным преодолением, хотя и неровным, последствий кризисов середины 1990-х гг. и 2010 г. и явной активизацией контактов на различных уровнях.

Знакомство с историографической традицией и источниками позволяет утверждать, что историческая славистика в Великобритании – явление сравнительно недавнего прошлого. Ее научное становление приходится на конец XIX – нач. XX вв. Поскольку белорусоведение в Великобритании является частью славистического комплекса, его прошлое и настоящее были органично связаны с процессом становления британской славистики и того общественно-политического контекста, в котором она развивалась на протяжении XX – нач. XXI вв. В частности, изучение истории британской полонистики показывает, что, как правило, белорусская проблематика в работах британских историков Польши была существенным сюжетом в трудах по истории I Речи Посполитой, польской эмиграции в Великобритании XIX – первой половины XX вв., белорусско-российских отношений XVIII – XX вв. (монографии и статьи С. Джонса, Дж. Флетчера, В. Красиньского, У. Дж. Роуза, А. Босуэлла, Ш. Аскинази, Р. Ситтона-Уотсона, А. Залеского, О. Халецкого, В. Завадского, П. Вандыча, Р. Лесли, Н. Дэйвиса). Переломным моментом в развитии британской славистики можно считать создание в 1915 г. в Лондонском университете Школы славянских исследований. Значительную роль в первые годы ее становления сыграли видные слависты Восточной Европы Т. Масарик (будущий президент Чехословакии – А. Д.), Я. Бодуэн де Куртенэ (Россия), М. Здзеховский, Ш. Аскинази, Р. Дмовский (Польша) [10, с. 40–51].

Не получая существенной поддержки со стороны своего правительства, британские слависты межвоенного периода активно укрепляли связи с американскими коллегами и исследователями стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Как итог этих усилий в 1935 – 1936 гг. при финансовой поддержке правительством Польши британской полонистики У. Дж. Роуз получил на десятилетний срок кафедру в Школе славянских исследований, а накануне Второй мировой войны в составе Школы наряду с русским и центральноевропейским, выделяется особое польское отделение [10, с. 39–56].

Вторая веха в истории британской славистики связана с окончанием Второй мировой войны и послевоенным периодом в ее развитии, когда согласно решениям Ялтинской и Потсдамской конференций народы восточноевропейского региона вошли в создаваемую социалистическую систему. В британские университеты пришло новое поколение молодых славистов (Э. Ротштейн, Э. Лесли, П. Вандыч, П. Брок). Их научная деятельность приходилась на годы «холодной войны», которая сыграла противоречивую роль. В это время наблюдался беспрецедентный рост интереса к славянским странам и республикам СССР и формировались значительные группы ученых-эмигрантов. В этом новом геополитическом контексте восточноевропейские исследования получают поддержку со стороны английского правительства, которое нацеливало их на решение задач идеологического противостояния с коммунизмом в рамках западной советологии. Решения, принятые по итогам работы комиссии Скарборо (1944 – 1947 гг.) гарантировали британской славистике благоприятные условия развития в конце 40 – 60-х гг. XX в. Парламентский подкомитет под руководством Р. Хейтора (1960 – 1961 гг.) подтвердил целесообразность развития славистических исследований в контексте британской советологии. На этой второй волне государственной поддержки в 60–70-е гг. XX в. центры британской славистики приходят новое поколение исследователей (Л. Блит, В. Завадский, Н. Дэйвис, О. Наркевич, А. Полонский и др.). Данный период характеризуется британскими исследователями как эпоха «исследовательского взрыва» в области славяноведения. Ведущее место в подготовке ведущих историков-славистов принадлежит Лондонскому (Школа славянских исследований, Колледж королевы Марии, Университетский колледж) и Оксфордскому университетам. В 70-е гг. XX в. расширяется география центров славистики. К Лондону и Оксфорду подключается Кембридж и университеты Шотландии [10, с. 46–49].

Из историков этого поколения в современной европейской славистике выделяется Норманн Дэйвис, который с начала 70-х гг. XX в. преподавал историю в Школе славянских и восточноевропейских исследо-

ваний Лондонского университета. Его научное становление формировалось в стенах Оксфордского и Ягеллонского университетов (в последнем в 1973 г. он защитил докторскую диссертацию). В своих работах 70–80-х гг. XX в. по истории Польши и Восточной Европы Н. Дэйвис выступал с позиций антикоммунизма, традиций советологии и польского «взгляда» на историю взаимоотношений России и СССР с Польшей [11]. Норман Дэйвис является Почетным членом Колледжа Святого Антония с 2011 года, почетным профессором Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, почетным членом Clare Hall, Кембриджа и пожизненным членом Петерхауса. Он является почетным доктором многих европейских университетов, почетным гражданином четырех польских городов. В 2012 г. он получил высшую награду Польши – орден Белого Орла. Европейскому и американскому читателю известны многие его работы, изданные как на английском, польском, так и на русском языках: «Белый Орел, Красная звезда: польско-советская война 1919–20» (“White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919–20”, 1972); «Божественная площадка: История Польши» (“God’s Playground. A History of Poland. Vol. 1: The Origins to 1795, Vol. 2: 1795 to the Present”, 1981), «Сердце Европы: краткая история Польши» (“Heart of Europe. A Short History of Poland”, 1984), «Сердце Европы: прошлое в настоящем Польши», (“Heart of Europe: The Past in Poland’s Present”, 2001); «Европа: история» (“Europe: A History”, 1996); «Британские острова: история» (“The Isles. A History”, 1999), «Восстание '44: Битва за Варшаву» (“Rising '44. The Battle for Warsaw”, 2004); «Европейский Восток и Запад: сборник эссе» (“Europe East and West: A Collection of Essays on European History”, 2006); «Европа в состоянии войны», 1939–45” (“Europe at War 1939–1945: No Simple Victory”, 2006), опубликованная в США под названием «Никакой простой победы», 2007), и «Исчезнувшие королевства: история полузабытой Европы» (2013) [12].

Наряду с исторической полонистикой, в рамках которой «вторым и третьим планом» содержались оценки и характеристики истории народов ВКЛ и Беларуси, к концу 60-х гг. XX в. достаточно полное развитие в славистике Великобритании получила и историческая «россика». После Второй мировой войны преподавание российской и советской истории приобрело в британской университетской традиции самостоятельное значение. Ускоренное развитие россиеведение и советология приобретают после решений комиссии лорда Хейтера в 1961 г. Курсы русской и советской истории в 60–70-е гг. XX в. в Кембридже и Оксфорде преподавались на факультетах новых и средневековых языков. В 60-е гг. XX в. научные центры по изучению СССР и соцстран создаются в шотландских университетах Эдинбурга и Глазго (1963 г.). В эти же годы в один из крупнейших советологических и россиеведческих центров Великобритании превращается Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, которая начинает издавать свой научный журнал “The Slavonic and East European Review”, публикует серию монографий по истории СССР и социалистических стран. Центры славистики и восточноевропейской истории появляются в эти годы в Бирмингемском и Манчестерском университетах. Поскольку для организационной структуры британской исторической науки характерно возникновение творческих объединений историков вокруг периодических изданий, эта традиция проникает и в британскую славистику [13, с. 13, 31, 32, 39, 50, 67, 68].

Создание институциональной основы академической и университетской славистики в Великобритании к 70-м гг. XX в., накопление значительной источниковой и историографической базы мотивировали в 1971 г. публикацию книги Грегори Уолкера «Источники по советским, восточноевропейским и славистическим исследованиям в библиотеках Великобритании» (“Resources for Soviet, East-European and Slavonic Studies in British Libraries”), которая являлась дополненным изданием Гросби Локвуда «Справочник по библиотекам и специальным собраниям по Восточной Европе и СССР» (“Direktory of Libraries and Special Collections on Eastern Europe and USSR”), вышедшей в 1971 г. под редакцией группы славяноведения и Восточной Европы при Ассоциации национальных и университетских библиотек (Standing Conference of National and University Libraries, SCONUL) [14]. Книга Г. Уолкера содержит описание библиотек Великобритании, но не включает сведения об отдельных публикациях – последние были собраны в каталоге Славянского союза (Slavonic Union Catalog) в Отделе хранения Британской библиотеки (British Library Deposit Division, BLDD). Издатель дает интересную и полезную информацию из истории развития славяноведения и славистических коллекций Великобритании. Если в конце XIX в. единственной в стране библиотекой, концентрировавшей источники по славяноведению стран Восточной Европы, была библиотека Британского музея, а университетские библиотеки Оксфорда и Кембриджа содержали очень небольшие коллекции, то к 70-м гг. XX в. представительные коллекции «россики» появляются в университетах Глазго, Ливерпуля, Лондона, в Королевском географическом обществе, Королевском антропологическом институте, Королевском институте международных отношений. Тематические коллекции были созданы в Бодлеанской библиотеке, университетских библиотеках Кембриджа, Бирмингема, Манчестера, Ноттингема и Шеффилда. В 50–70-е гг. XX в. интенсивно пополнялись фонды уже существующих библиотек, основывались новые институты с быстро растущими библиотеками: в Оксфорде – Колледж Св. Антония, в Бирмингеме и Глазго – Центры изучения России и Восточной Европы, Институт советских и восточноевропейских исследований. В Кембридже была создана отдельная славяноведческая библиотека [15, с. 309–312]. По богатству и представительности собранных коллекций источников по СССР, славистике и странам Восточной Евро-

пы и в те годы, и к началу XXI в., выделялись Британская библиотека и библиотека Школы славистических и восточноевропейских исследований Лондонского университета.

Представительную базу для проведения исследований по истории и культуре восточнославянского мира Восточной Европы имели к 70-м гг. XX в. британские государственные и частные архивы. В Национальном государственном архиве Великобритании были сконцентрированы 111 томов переписки с английскими посланцами в России (1579 – 1780 гг.). В фонде МИД – 1739 томов донесений из России английских дипломатических представителей (1781 – 1905 гг.), 1083 тома документов английских посольств в России и СССР (1801 – 1918 гг., 1941 – 1947 гг.), в разделе «Секретные и печатные издания» – 95 томов документов (1821 – 1954 гг.), касающихся политической истории России и СССР. В Британском музее в Лондоне хранятся коллекции Д. П. Бутурлина по Отечественной войне 1812 г., в частности, бумаги английского адмирала Р. Вильсона, коллекции писем из России французских солдат и офицеров с описанием сражения при переправе через р. Березину и др. В Библиотеке Объединенной великой ложи в Лондоне – документы о российских масонских ложах, в том числе и в западных губерниях Империи [16, с. 284–285].

На протяжении 80-х гг. XX в. – нач. XXI в. деятельность ведущих славистических центров Великобритании, основанных в предыдущий период, продолжала успешно развиваться. Усложнение масштабов и характера славистических и восточноевропейских исследований, новые геополитические вызовы определили необходимость координации деятельности британских славистов и экспертов-исследователей Восточной Европы. С этой целью в 1989 г. была создана Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований (British Association for Slavonic and East European Studies – BASEES). Она базировалась на основе объединения своих предшественников – Ассоциация славистов британских университетов (British University Association of Slavists) и Национальной ассоциации советских и восточноевропейских исследований (the National Association for Soviet and East European Studies), возникших еще в 50-е гг. XX в. В 1992 г. из названия Ассоциации исчезло слово «советский» и она приобрела новое модифицированное название – Британская ассоциация славянских и восточно-европейских исследований (BASEES). Официальное название ассоциации, отраженное в ее Уставе, остается прежним – Британская ассоциация советских, славянских и восточно-европейских исследований (BASSEES). В рамках BASEES работают комитеты и исследовательские группы, занимающиеся славянским и восточноевропейским средневековьем, Российской империей XVIII – нач. XX вв., историей культуры России (ее религии и духовности, литературы, науки, СМИ). BASEES инициировала создание Британской ассоциации исследователей российских архивов (BACCRA). Исследовательские группы, входящие в Ассоциацию, организуют свои малоформатные конференции и круглые столы [17].

В мае 2006 г. Центр российских и восточноевропейских исследований Оксфордского университета, Школа славянских и восточно-европейских исследований (UCL-SSEES) Лондонского университета, Центр российских и восточноевропейских исследований университета Бирмингема, получив грант от правительства Великобритании на сумму 5,6 млн фунтов стерлингов, создали новый центр исследований Восточной Европы на основе изучения языков этого субрегиона – Centre for East European Language-Based Area Studies – CEELBAS. Руководитель Центра – доктор Р. Айзелвуд – красноречиво признался: «одной из главных причин появления такой программы стало расширение Евросоюза – в один момент мы осознали, что британцам придется общаться со странами Восточной Европы не как со странами бывшего советского блока, а как с соседями по Европе, с партнерами. Затем заметными игроками на мировом рынке стали Россия и Китай – нужно было учиться общению с этими странами, а оказалось, что мы о них не так-то много знали» [18]. Основной задачей Центра стало развитие междисциплинарных, аналитических навыков в области российских и восточноевропейских исследований для использования в академических и неакадемических сферах. Другой целью консорциума была названа необходимость обмена исследовательским опытом и знаниями через различные программы (гранты на дополнительное последипломное образование, стипендии на исследование, проведение семинаров, конференций) [18].

Проводимые Ассоциацией в нач. XXI в. конференции и круглые столы, связанные со славянской проблематикой, ориентировались на широкий географический формат: вся Восточная Европа или государства, играющие доминирующую роль в этом субрегионе (Россия, Польша). Среди 55 исследовательских проектов 2009 – 2011 гг., реализуемых в формате докторских диссертаций, только 2 были посвящены непосредственно Беларуси: диссертация М. Конноли (Бирмингемский университет) «Политические изменения в независимой Беларуси» и Т. Дэйвиса (Бирмингемский университет) «Государство против общества: многоуровневое управление и Чернобыльский ландшафт». В трех диссертациях белорусская проблематика затрагивалась в более общем восточноевропейском ландшафте: Р. Конноли (Бирмингемский университет) «Секторальное объяснение политических и экономических изменений в Восточной Европе», А. Баранаускайте (Оксфордский университет) «Объяснение Балтийской внешней политики относительно России, 1994 – 2008», Э. Харрисон (Лондонский университетский колледж) «Отношение к католицизму в российской литературе, культуре XIX и XX вв.» [19]. В 2014 – 2015 гг. готовился только

один диссертационный проект К. Сайкс (Кембриджский университет) «Христианское «Я», христианское «другое»: конструирование ортодоксии на Руси с XI до XV вв.» [20].

Основная исследовательская работа в области изучения славянского мира Восточной Европы с конца 60-х гг. XX в. и до сегодняшнего дня концентрируется в университетских славистических исследовательских центрах Англии и Шотландии (Бирмингем, Лондон, Ноттингем, Эссекс, Лидс, Глазго, Эдинбург, Кембридж, Оксфорд).

Среди этих университетских центров выделяется Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета (School of Slavonic and East European Studies (SSEES), University of London), которая сегодня является ведущим центром британской славистики в Великобритании. Для нее характерен междисциплинарный подход к разработке этой проблематики (история, филология, литература, политология, социология, экономика, право). Располагая солидной библиотекой, этот старейший британский славистический центр сегодня выступает основной исследовательской платформой для молодого поколения славистов. Имея богатую коллекцию источников в электронном формате, представительный архив аудио и видеоматериалов, Школа готовит экспертов-славистов практически по всем основным аспектам истории культуры, экономики, политики, географии Центральной и Восточной Европы. Основные исследовательские направления в работе Школы реализуются через исследовательскую деятельность ее научных центров и, прежде всего, Центр российских исследований (Centre for Russian Studies), где особое внимание уделяется изучению Российской империи, СССР, Российской Федерации. Кроме того, в Школе читались курсы и проводилась специализация по «польско-литовской истории» (Р. Баттервик-Павликовский), истории Украины и Беларуси (Э. Уилсон), белорусскому языку и белорусской литературе (Дж. Дингли, А. Макмиллин). Широкий выход на международную арену Школе и ее центрам обеспечивает публикация авторитетных научных журналов «Славянское и восточноевропейское обозрение» (SEER) (с 1922 г.) и «Слово» – междисциплинарного журнала российских, евроазиатских и восточноевропейских исследований, редактируемого аспирантами школы [21].

Слависты университетов Шотландии и Северной Англии для координации научной работы по изучению Восточной Европы создали в 2006 г. Центр российских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований (CRCEES) как консорциум университетов Глазго, Ноттингема, Абердина, Эдинбурга, Ньюкасла, Пейсли, Страсклайда и университета Св. Эндрюса. Его ядром стал Университет Глазго. CRCEES проводит летние школы в регионе, регулярные научно-исследовательские семинары и дни государственной политики для более широкого сообщества. Исследовательскими доминантами Центра являются: идентичность и культура и их социально-экономические и политические последствия; социально-экономические и политические преобразования и их взаимосвязи с эволюцией системы международных отношений в Восточной Европе; культурное развитие и языковая политика. К сожалению, среди стран бывшего соцсодружества Центрально-Восточной Европы и постсоветских государств Беларусь не фигурирует. Однако в таких университетах Шотландии, как Глазго, Абердин сотрудничали такие британские слависты, как Р. Фрост, Б. Андерсон (историки ВКЛ – А. Д.), а также Д. Лейн и Е. Коростелева (специалисты в области современной истории постсоветского пространства, в том числе и Беларуси) [22].

В послевоенных традициях исследования славянского пространства Восточной Европы в Великобритании выделяются и такие наиболее авторитетные университетские центры, как Оксфорд и Кембридж. Созданный в 1953 г. в колледже Св. Антония Центр российских и восточноевропейских исследований, был преобразован в 2003 г. в Центр российских и евразийских исследований. В сфере его внимания из восточнославянских стран, прежде всего, находятся Россия и Украина. Белорусские сюжеты затрагиваются крайне редко и, как правило, в более широких контекстах (ВКЛ и Российская империя). Оксфорд располагает солидными библиотечными ресурсами российских, советских и восточноевропейских источников (около 24 000 печатных единиц только в Библиотеке колледжа Св. Антония) [23]. В структуре Университета Оксфорда находятся коллекции Бодлеанской библиотеки, богатые материалами с территорий бывшей Российской империи, СССР и Восточной Европы. Бодлеанская библиотека активно приобретала печатные и другие материалы, относящиеся к России и Восточной Европе, еще с момента ее создания сэром Томасом Бодли в начале XVII в. [24]. Приобретения были значительно расширены после Второй мировой войны с помощью специальных правительственных фондов, когда Оксфорд был определен в качестве ведущего центра славянских и восточноевропейских исследований страны. Они являются третьим по величине коллекционным собранием в Великобритании после Британской библиотеки и библиотеки Школы славянских и восточноевропейских исследований. Наряду с другими коллекциями в Оксфорде, собрания образуют самую большую базу ресурсов по славистике за пределами Лондона.

Заключение. Исследование истории становления белорусоведения в Великобритании, проведенное автором статьи в своем диссертационном исследовании [25] показало, что за период своего послевоенного развития в XX – нач. XXI вв. оно приобрело самостоятельный дисциплинарный статус, однако в университетской академической традиции еще не имеет структурно-организационной легитимации. Основные причины, которые обусловили его сегодняшнее состояние, объясняется не только отсутствием

традиций академического белорусоведения в предшествующий период (первая половина XX века), но и рядом факторов социально-политического и социокультурного характера. Как показывает изучение источниковой и исследовательской литературы, в представлениях британских управленческих элит и экспертного сообщества ученых-гуманитариев Беларусь не представлялась как самодостаточный субъект европейской геополитики и науки [26, с. 89–90].

Открытие Беларуси в британском послевоенном экспертном сообществе в значительной мере было связано как с резонансом, вызванным активным участием белорусов и БССР в антифашистской борьбе с нацистской Германией в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, так и той ролью, которую сыграла небольшая, но активная в творческом отношении белорусская эмиграционная диаспора. Большая часть ее, осевшая в южных графствах Англии и районе Лондона, сумела создать действенную сеть национально-культурных и религиозных объединений, а также свой научный центр – Библиотеку-музей им. Ф. Скорины, который стал связующим звеном между интеллектуальными лидерами белорусской диаспоры и первым послевоенным поколением университетских славистов-белословов (Р. Де Брей, П. Мэй, Ш. Акинер, А. Макмиллин, Д. Дингли, У. Мэй, В. Рич, Г. Пикарда, А. Цехановецкий, М. Гедройц и др.) [25].

Кардинальные трансформации, которые произошли в Европе и мире после распада СССР и образования суверенных постсоветских государств, заставили обратить внимание и политических элит, и экспертов-славистов на Беларусь как самодостаточный субъект не только славянского мира Восточной Европы, но и мировой политики. Однако и сегодня в большей части университетских славистических центров Великобритании Беларусь присутствует на «маргинезе» русской, польской или постсоветской истории и культуры. К нач. XXI в., пережив «инкубационный период», белорусоведение в этом государстве стало вполне ощутимой законной частью славянского культурного и научного контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленок, Л. Г. Беларусь и Великобритания: экономические, научно-технические и культурные связи в 1970–2003 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Л. Г. Короленок ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 19 с.
2. Зверева, Г. И. Организация исторической науки в Великобритании в Новое и Новейшее время : учеб. пособие по спецкурсу / Г. И. Зверева. – М. : МГИАИ, 1986. – 88 с.
3. Согрин, В. В. Современная историография Великобритании / В. В. Согрин, Г. И. Зверева, Л. П. Репина. – М. : Наука, 1991. – 223 с.
4. Меньковский, В. Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы / В. Меньковский. – Минск : Экоперспектива, 2000. – 160 с.
5. Шабасова, М. А. Англо-американская историография политической истории России 1991–1999 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М. А. Шабасова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 24 с.
6. Центральный научный архив НАНБ (ЦНА НАНБ). – Ф. 13. Оп. за 1960 г. Д. 200. – Л. 1–214.
7. Воробей, Н. С. Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50-е – 70-е годы) / Н. С. Воробей. – Минск : Наука и техника, 1981. – 227 с.
8. May, W. Fair Land of Byelorussia: An Anthology of Modern Byelorussian Poetry / W. May ; transl. W. May. – М. : Progress Publishers, 1976. – 368 p.
9. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 3683. – Л. 395.
10. Горизонтов, Л. Е. Изучение истории Польши в Великобритании: организация исследований и научные кадры / Л. Е. Горизонтов // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США : сб. ст. / отв. ред. А. С. Мыльников ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1989. – С. 39–56.
11. Davies, N. God's Playground. A History of Poland : in 2 vol. / N. Davies. – Oxford : Oxford University Press, 1981. – Vol. 1 : The Origins to 1795 ; Vol. 2 : 1795 to the Present. – 1210 p.
12. Официальный сайт Нормана Девиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.normandavies.com/?lang=en>. – Дата доступа: 26.08.2016.
13. Согрин, В. В. Современная историография Великобритании : сб. ст. / В. В. Согрин, Г. И. Зверева, Л. П. Репина ; АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1991. – 225 с.
14. Walker, G. Resources for Soviet, East-European and Slavonic Studies in British Libraries / G. Walker. – Birmingham, 1981. – 240 p.
15. Сычева, В. П. Материалы по славяноведению, СССР и странам Восточной Европы в библиотеках Великобритании / В. П. Сычева // Зарубежная историография славяноведения и балканистики : сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1986. – 319 с.
16. Старостин, Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии / Е. В. Старостин. – М. : Русский мир, 1997. – 332 с.
17. Официальный сайт Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:http://www.basees.org](http://www.basees.org). – Дата доступа: 26.08.2016.
18. Рагожина, Е. Наука о России. Интервью с директором Школы славистики и изучения стран Восточной Европы Лондонского университета доктором Р. Айзелвудом [Электронный ресурс] / Е. Рагожина // Официальный сайт газеты «Пулс УК». – Режим доступа: <http://pulse-uk.org.uk/interview/nauka-o-rossii/>. – Дата доступа: 02.08.2016.
19. Официальный сайт Британского центра по изучению восточноевропейских языков CEELBAS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ceelbas-cdt.ac.uk/students/cdt/other-scholarships>. – Дата доступа: 20.08.2010.

20. Официальный сайт Британского центра по изучению восточноевропейских языков CEELBAS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ceelbas-cdt.ac.uk/students/cdt/awards/2014-studentship-holders/katie-sykes>. – Дата доступа: 27.08.2016.
21. Официальный сайт Лондонского университета. Школа славянских и восточноевропейских исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssees.ucl.ac.uk>. – Дата доступа: 15.04.2015.
22. Официальный сайт Университета Глазго. Центр российских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gla.ac.uk/departments/centralandeasteuropeanstudies/aboutus/>. – Дата доступа: 15.08.2016.
23. Официальный сайт Колледжа Св. Антония Оксфордского университета. Центр российских и евразийских исследований Колледжа Св. Антония [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sant.ox.ac.uk/russian/about.html>. – Дата доступа: 15.08.2016.
24. Официальный сайт Бодлеанской библиотеки. Коллекция по славянским и восточноевропейским исследованиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bodleian.ox.uk/libraries/subjects/slavonic>. – Дата доступа: 15.08.2016.
25. Дудько, А. Д. Генезис и формирование белорусоведения в Великобритании (вторая половина XX – начало XXI века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / А. Д. Дудько / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно, 2018. – 26 с.
26. Дудько, А. Формирование белорусоведения в Великобритании в контексте белорусско-британских отношений (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. Дудько // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 1–2 (80–81). – С. 87–91.

Поступила 10.09.2019

**BELARUSIAN STUDIES IN THE WORLD OF SLAVONIC STUDIES IN GREAT BRITAIN
OF THE SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY:
(SCIENTIFIC AND UNIVERSITY CENTERS)**

A. DUD'KO

The place and ratio of the Belarusian theme in the context of the British Slavonic studies of the second half of the XX – beginning of the XXI centuries are being considered in a consistent manner. The factors of socio-political and socio-cultural nature, which influenced the formation of the traditions in British Belarusian studies during this period, are identified. The leading scientific institutions and humanities scholars, in whose works and creative legacy Belarusian problems have occupied a definite, quite a significant place, are designated.

Keywords: *Belarusian-British relations, British Slavonic studies, the British Sovietology, British Polish studies, scientific and university research centers majoring in Slavonic studies, East European sources in British libraries.*

УДК 929 Мамонько

ФАТАЛЬНАЯ ГЛУПОСТЬ ИОСИФА МАМОНЬКО (1889 – 1937)¹

канд. ист. наук О. Е. ЗУБКО

(Винницкий национальный аграрный университет)

Во введении указано, что белорусская межвоенная пражская эмиграция пока остается для исследователей "terra incognita", поэтому для восполнения «белых пятен» актуальной является историческая биографистика. Цель данного исследования – изложение не только жизни и деятельности Иосифа Алексеевича Мамонько – белорусского социалиста-революционера, но и раскрытие причин, по которым им совершались те или иные поступки. Стоит отметить, что литературных и архивных источников по данной проблеме не так уж и много. Авторитетами в этом вопросе являются материалы Энциклопедии истории Беларуси и исследования Анатолия Сидоревича.

В основной части материала изложен конфликт между Мамонько и украинскими студентами Подлебрадской Сельскохозяйственной Академии. Здесь также подчеркнута, что данный конфликт имел для Мамонько негативные последствия и, фактически, повернул его жизнь в совсем иное русло.

В выводах акцентировано: данный конфликт был поистине фатальной глупостью белорусского эсера.

Ключевые слова: ЧСР, белорусская межвоенная пражская эмиграция, белорусские эсеры, Украинская сельскохозяйственная академия в Подлебрадах, украинская межвоенная пражская эмиграция, повседневность, досуг, девиантное поведение.

Введение. Как известно, биографистика в исторической науке – одна из отраслей, которая изучает деятельность отдельных лиц в контексте соответствующей эпохи. Но мы больше склоняемся к точке зрения тех учёных, которые рассматривают биографистику как самостоятельный метод изучения истории. Почему? В нашем случае из-за того, что история белорусской межвоенной пражской эмиграции 1918-х – 1939-х годов, представителем которой является Иосиф Мамонько, пока так и остаётся «террой инкогнитой» в истории Беларуси. Уже давно вышли из печати книги о эмиграционной Белорусской Народной Республике 1947 – 1970 годов [1], 1970 – 1982 годов [2] и даже 1982 – 1997 годов [3]. Уже давно доступна информация о соратниках Иосифа Мамоньки – Полуте Бодуновой [4], Тамаше Грыбе [5] и других. В наличии даже воспоминания известной белорусской поэтессы, писательницы и общественного деятеля Ларисы Гениуш [6]. Но вот книг о БНР 1918-1939 годов и тех, кто стоял у её истоков, так и нет.

Разработка вопроса. Более-менее полная биография Иосифа Алексеевича Мамонько была представлена в Энциклопедии истории Беларуси ещё в 1999 году [7].

Новые детали из жизни Иосифа Алексеевича «всплыли» в 2004-м, когда вышла из печати книга гомельской исследовательницы Валентины Лебедевой о Полуте Бодуновой. Так, мы узнаём, что вместе с Бодуновой Мамонько создал в чехословацкой столице «Вольную грамаду» – своеобразный клуб, в котором встречались как «ветераны» белорусского национально-освободительного движения, так и национально-сознательная молодёжь, читались лекции и доклады, велись оживлённые дискуссии, проводились торжественные мероприятия, всё – «в социалистическом духе». Но со временем, позиции Мамонько и Бодуновой, как лидеров пражских белорусов, пошатнулись под напором амбиций Цвикиевича и Кричевского, перебравшихся из Ковно в Прагу. Хотя это обстоятельство, стоит отметить, лишь частично спровоцировало упадок политической карьеры Мамонько и его отъезд из Праги.

В книге о Полуте Бодуновой отмечается ещё одна интересная деталь из жизни Иосифа Алексеевича. В своих письмах к Вацлаву Ластовскому (1921 – 1923 гг.) Полута Александровна писала, что Мамонько снимает в Праге квартиру: «...Жыву ў Язэпа на хлябах. Б'еца ён тутака, як рыба аб лёд. Жонка слабая і хваравітая...» [4, с. 48].

В 2015 году на страницах «Tut.by» появляется материал Сергея Крапивина о взятии красными войсками Михаила Тухачевского 11 июля 1920 года Минска в ходе советско-польской войны 1919 – 1921 годов [8]. Материал интересен тем, что знакомит нас с точкой зрения Иосифа Мамонько касательно освобождения Минска в июле 1920 года. По его мнению (Мамоньки) – это заслуга белорусских эсеров.

Сергей Крапивин писал: «О подпольной и затем открытой боевой работе в оккупированном Минске в конце июня и начале июля 1920 года Мамонько, которого арестовывали польские оккупационные власти, отчитывался так (наш перевод с белорусского):

“Мы, объединив все наши силы, начали активную работу в направлении организации революционной власти. В самом Минске приступили к захвату складов оружия и провианта, а также вели борьбу с мародерством. На местах же в это время наши революционно-повстанческие крестьянские дружины вели активную борьбу с регулярной польской армией.

Польская армия под напором восставшего белорусского крестьянства, а вместе с тем и Красной армии, начала отходить от Березины, оставляя города Минск, Вильно, Гродно. Бежущая польская ар-

¹ Текст приводится в авторской редакции. Произведено техническое редактирование.

мия во главе с генералом Шептицким начала устраивать пожары по всей Беларуси, грабить крестьянство, уничтожать народное добро.

А что делалось в это время в Минске – страшно себе представить. Со всех концов города показался огонь. Весь город охватило пламя. Горели казармы, вокзалы, больницы, горели частные дома и целые кварталы. У пожарных, которые выезжали тушить пожары, лошади отбирались польскими солдатами. Озверелые толпы польских солдат грабили и уничтожали все магазины, частные квартиры, отбирали на улицах у прохожих личные вещи, одежду, снимали сапоги, врывались в дома и насиловали женщин. Запуганный обыватель спрятался как можно дальше в темные погреба и другие убежища.

Кем же и во имя чего все это делалось? Кому было нужно это насилие над беззащитным населением? Пусть дадут на это ответ генерал Шептицкий и ясновельможный пан Иосиф Пилсудский.

В это самое время наша партия руководит с одной стороны восстанием, а с другой – занялась организацией революционной власти на местах. Еще польские войска были в Минске, когда партия создала революционный комитет, во главе которого стоял я. Революционный комитет немедленно взял на себя руководство защитой граждан от грабежей и насилия польских банд. Немедленно были изданы приказы, в которых население города Минска призывалось бороться с всяким насилием и грабежом, откуда бы они ни исходили, а также призывалось к работе по тушению пожаров, которые охватили весь город. Немедленно приступили к организации местной милиции. Революционный комитет непрерывно заседал в помещении городской управы, руководил вооруженной борьбой повстанцев, которые, установив на главных улицах города пулеметы, разоружали и прогоняли остатки рассеянных польских банд. В этой революционной борьбе за свободу своего народа погиб от польской панской пули один из видных партийных наших работников т. Путихович”.

Этот революционный комитет всего просуществовал три дня – то есть, до приезда назначенного из Москвы коммуниста гр. А. Червякова... (Из выступления Мамонько на совещании заграничной группы Белорусской партии социалистов-революционеров 7 июля 1921 г. Публикуется по тексту «Пам’яць. Мінск. Кніга 2-я»).

«Не беремся судить, насколько Мамонько преувеличивал роль меньшевистских повстанцев в изгнании интервентов из Минска, – пишет далее Крапивин. – Знаем только, что большевики, вернувшиеся из-за Березины с Красной армией, жестоко расправились со своими бывшими товарищами по революционной борьбе. В феврале 1921 года чекисты приступили к тотальной ликвидации партии белорусских эсеров. В ночь с 16 на 17 марта были арестованы 860 социалистов-революционеров, в том числе полный состав Центрального и Минского комитетов».

В рамках проекта «Столетие БНР» 2 июля 2017 года самую свежую «биографическую версию» жизни и деятельности Иосифа Алексеевича Мамонько на страницах «Svaboda.org» представил Анатолий Сидоревич [9]. (К сожалению, на данное время, ссылка по неизвестным причинам не открывается в украинском сегменте интернета, хотя выходные данные скопированы автором правильно. – О. З.) И хотя Спадар Сидоревич очень подробно изложил биографию Иосифа Мамоньки, остаётся два вопроса. Во-первых, хотелось бы восполнить пробел касаясь того, в каком именно коммерческом институте Праги обучался три года эсер Мамонько? Украинские архивы сообщают о том, что Иосиф Алексеевич всего лишь год отучился на экономическом факультете Украинской Сельскохозяйственной Академии в Подебрадах, открытой в 1922 году [10, л. 23]. Да и как отмечал партийный соратник Иосифа Алексеевича – Тамаш Грыб – учиться Мамоньке было тяжело: «...Бо скажу вам, яму трудно быць студэнтам, не па нутру вучнёўская справа – гэта ясна...» [5, с. 349]. Во-вторых, почему не указаны причины отъезда Иосифа Алексеевича из Праги? Ведь еще в 2012 году, в первом издании «Ад гоманаўцаў да гайсакоў» белорусский исследователь Владимир Ляховкий писал: «Гэта быў не бязвусы юнак, а адзін з ветэранаў беларускага руху, сябра ЦК партыі беларускіх эсэраў і Прэзідыўму БНР, якога не аднойчы арыштоўваў бальшавіцкі ЧК, які прайшоў мінскі Пішчалаўскі замак і маскоўскія Бутыркі. Там ён вытрываў, а тут не здолеў адаптавацца да новых умоў, не змог змірыцца з лёсам палітычнага выгнанніка, зламаўся як асоба, і жыццё яго з гэтага моманту пакацілася ўніз» [11, с. 400].

Основная часть. 16 июля 1923 года Николай Галаган – член Совета Украинского Общественного Комитета (инициатора создания ряда украинских высших учебных заведений в ЧСР и, в целом, – координирующего центра всей украинской общины в ЧСР – О. З.) – отправил на рассмотрение Совета УОК и в Министерство финансов Чехословакии заявление Иосифа Алексеевича такого содержания (автор материала обращает внимание на то, что белорусскоязычные тексты, как и украинскоязычные, приведены в оригинале, то есть, как было написано или переписано для украинской стороны. – О. З.):

«Українскому Грамадзкаму Камітэту студэнта эканамічнага атдзела УСГА ў Падэбрадах Язэпа Мамонькі.

Заява

Гэтым маю [гонар] прасіць Украінскі Грамадзскі Камітэт звярнуць сваю грамадзкую увагу на тое насільства, якое робіцца украінскімі хлебарабамі-манархістамі над беларускім паступовым студэнтствам у Акадэміі і прашу узяць нас пад сваю апеку.

У дадаток майго вуснага дакладу аб пастанове Сената Акадэміі, каб я падаў заяву аб выхадзе з Акадэміі, пры гэтым прыкладаю ўсе адпаведныя дакумэнты, якія высветляюць гэтую справу.

Язэп Мамонька

Прага, 11. VII. 1923 г» [10, л. 23].

(В Министерство финансов ЧСР заявление Мамоньки было отправлено по той причине, что Иосиф Алексеевич получал стипендию, поэтому без министерского разрешения (резолюции) уволить его было невозможно – О. З.) Размер стипендии студента Мамоньки равнялся 500-м кронам или 14 долларам 80 центам (этот размер продержался до 1925 года, впоследствии сумма стипендий постепенно уменьшалась, а со временем, стипендии были и вовсе упразднены в 1928 году в связи с окончанием «Русской вспомогательной акции»), это с учётом того, что курс американского доллара по отношению к чехословацкой кроне в 1923 – 1933 годах равнялся 2,96:100 [12, с. 86]. Существенное, заметим, финансовое подспорье в то время. Ко всему прочему, благодаря Чешско-украинскому комитету помощи украинским и белорусским студентам, Иосиф Мамонько получал одежду. Полный комплект «комитетской» одежды включал: 1 пальто, 1 костюм, 1 пару обуви (в зависимости от сезона), 2 пары белья, 6 носков, 6 носовых платков [13, с. 84]).

А тем временем, маховик увольнения Иосифа Мамоньки раскручивался все быстрее и быстрее. 17 июля на стол ректора Академии – Ивана Шовгеньева – было положено заявление украинских студентов-участников драки:

«16 червня 1923 року в реставрації готелю «Централь» стався слідуочий випадок: о 20.30 вечора, ми, нижче підписані, прийшли до реставрації (реставрація – ресторан – О. З.) випити пива. За пігодини туди прийшла компанія чехів. Між ними був місцевий кравець Куберт. Незабаром до них приєднались студенти-білоруси Мамонько і Бусел, обидва напідпитку.

Студент Мамонько ще до нас тримався демонстративно, а студент Бусел напівголос радив чехам припинити з нами балачки, бо, мовляв, ми монархісти німецької орієнтації та ще щось, чого ми вже не чули. З боку чехів після того почалися ворожі випадки у наш бік і, коли залишали ми реставрацію, нас випроваджували співом «Deutschland, Deutschland über alles!». На вулиці ми вирішили викликати студента Бусла до нас для з'ясування його поведінки в реставрації, що і зробили.

Студент Бусел вийшов до нас, але пояснення не дав. Повертаючись до реставрації, він вигукував щось про зле відношення українців до білорусів. Ми вирішили чекати його і зробити з ним те, що роблять з провокаторами.

До першої години ночі ми чули співи московських пісень, які галакали п'яні Мамонько та Бусел. Нарешті вони вийшли. Ми дали їм відійти від реставрації й тоді вже розділалися з Буслом у відповідний спосіб. Мамонька не чіпали з огляду на його благання й запевняння, що він битися з товаришами українцями не хоче. А коли наблизилась якась чехи, Мамонько став кричати істеричним голосом, що українські бандити избивають білорусів. На цьому ми їх залишили.

*Студенти: Ковердинський, Ржевувцький, Кузнєцов, Чирський.
Липень 1923 року» [10, л. 24].*

Вчитаемся ещё раз документ. Сергей Бусел – студент кооперативного факультета УСА – сразу же вёл себя демонстративно и провоцировал драку, конец концов получил взбучку, ему бы писать жалобы; а вот Мамонько вначале объяснялся, что «драться с украинскими товарищами не желает, а потом кричал истерическим голосом о том «украинские бандиты избивают белорусов» и тут заявление? Тем же временем, 18 июля 1923 года на стол дирекции УСА были положены еще две объяснительные.

Студент экономического факультета черкес Гамид Бекух, член Кубанской студенческой общины, писал:

«...Пізніше сюди прийшли студенти-білоруси Мамонько та Бусел і сіли близько нашого столу. Пан Мамонько завів з нами загальні балачки, які ми підтримували зі свого боку. Згодом, прийшли до пивної 4-ри чехи, з котрими почав розмовляти Пан Бусел. Колега Ржевувцький, який сидів близько їхнього столу, почув як Пан Бусел почав казати чехам, що це тут сидять українські монархісти німецької орієнтації та що з ними не слід балакати. Після цього чехи почали співати пісні про «вагони» та інші, направлені проти українських студентів. А коли ми виходили, чехи заспівали «Deutschland, Deutschland über alles!» [10, л. 25].

Иван Котляров – студент инженерного факультета обращал внимание на иные детали:

«...Мамонько був «під мухою», почав з нами балакати та жартувати, а Бусел весь час сидів мовчки. Прийшли чехи, почали за гальбою балачки. Потім чехи почали співати пісень на адресу українців про що Мамонько та Бусел відповідали реготом та показували на нас пальцями та кричали «Браво!», просячи повторити. Потім почали хвастатися знаннями російської мови та російських босяцьких пісень. Замітивши, що нам це не подобається, один з чехів щось запитав у Бусла, котрий сидів разом з ним, а той нахилився до нього, та почав щось говорити, показуючи на нас. Я не прислухався до того, що він казав,

але товариш Ржевуцький зауважив, як чув, що Бусел назвав нас українськими монархістами з німецькою орієнтацією...» [10, л. 26].

Здесь, как видим, совсем иной расклад. И можно бы было просто отмахнуться, мол, чего с пьяных то возьмёшь, к чему вся эта история, если бы не несколько существенных моментов.

Во-первых, времяпровождение украинцев и белорусов в ресторациях было не столько формой досуга, столько формой своеобразной мужской психотерапии. Но в «господах» (чешских пабах – О. З.) и ресторанах лидировала отнюдь не водка, а пиво. (Водка, скорее, была досадным исключением). Здесь, за бокалами пенного пражские белорусы и украинцы забывали на некоторое время о горечи эмигрантского хлеба. Стоит отметить, что начиная с 1922-го года и, фактически, до 1938-го прочную нишу в ЧСР занял известный сорт пива «Starogramen». Именно эта марка пива была любимой у всех без исключения украинцев и белорусов.

Во-вторых, следует учесть, собственно, обозначенную горечь эмигрантского хлеба: неизвестность, необустроенность и зарабатывание куска хлеба в поте лица. Поэтому проблема межличностного общения и социализации вскрывала в эмигрантском обществе, как нарывы, различные аномалии, фобии, патологии и девиацию. Отсюда, столкновение интересов разных людей, как неизбежность. Увы, по мнению большинства эмигрантов, вся система отношений в обществе складывается через более или менее явные и более или менее ожесточенные конфликты. А примеров, было не счесть! Кто не способен конфликтовать, тот не сможет добыть и отстоять «место под солнцем». Стоит лишь только ослабить давление на окружающих или демонстрацию способности защищаться и атаковать, как тебя начнут оттеснять от тех или иных благ. Известно пражским белорусам было и то, что слово – сложное в применении, но довольно эффективное средство защиты и нападения. Словом, что немало важно, можно нанести ещё более мучительный удар, чем кулаком.

В-третьих, в данном конфликте сошлись как бы «равные с равными». В частности: Сергей Бусел (1901–1940) – участник Слуцкого вооружённого восстания 1920-х, комиссар [14]; Иосиф Мамонько – в прошлом младший унтер-офицер, в недавнем – организатор Центральной Белорусской войсковой рады; Пётр Ковердинский (1900-1966) – хорунжий пушечной бригады 6-й Сечевой дивизии Армии УНР [15, с. 330]; Иван Котляров и Николай Чирский (1902-1927) – хорунжие артиллерии Армии УНР [15, с. 372]. Предположительно и другие украинские участники конфликта имели те или иные воинские звания.

Выдержка из протокола заседания Совета Академического Общества при Украинской Сельскохозяйственной Академии гласила:

«18 липня 1923 року. Головував на зборах Пан Зибенко, заступником голови був Пан Сікора, писаром виступав Пан Гладій. Приймали участь в засіданні 23 члени Ради. Засідання було відкритим. В результаті його роботи 11 учасників проголосувало «за» і 6 – «утрималося».

Було УХВАЛЕНО: Рада Академічної громади не вбачає ніякої національної ворожнечі до білорусів в Академії і до білоруської нації загалом у вчинку з дня 17 червня 1923 с. р. Обговоривши після інформації Мамонько та Ржевуцького справу інциденту між студентами (не членами Громади – Мамоньком та Буслом) і студентами – членами Громади (українцями) констатує негативне явище кулачної розправи й осуджує його. Що ж торкається студентів Мамонька та Бусла, то їх діяльність підбурювання чеських громадян против студентів Академії немовби монархістів німецької орієнтації і потім скарга безпосередньо до поліції, а не до товариського суду і не до ректорату Академії є явищем недопустимим в академічному житті і поскільки студенти Мамонько та Бусел не визначають шкідливості свого вчинку та не забирають скарги від поліції назад і не дають академії урочистої обіцянки нічого подібного не робити, вважатиме їх перебування в Академії шкідливим, про що й повідомити Ректорат Академії.

Щодо ж українських студентів, то обговорити питання їх поступування на загальних зборах Громади для призначення найвищої міри кари» [10, л. 27].

19 июля 1923 года за соотечественников заступились пражские белорусы. Инициатором защиты стал Василь Русак (напоминаем, передан оригинал документа со всей орфографией, пунктуацией и грамматикой – О. З.):

«Пратакол № 6.

Агульнага Сходу беларускіх студэнтаў у Подэбрадах – 19/VII. – 23г.

Парадак дзенны:

1) Улічны выступ украінскіх студэнтаў п.п. Кузнецова, Ржевуцкага, Чырсакага, Кавердынскага.

2) Заява галавы Управы Украінскай Ак. Громады.

Заслухаўшы даклад сябра Бусла і сведку сябра Мамонько ў справе выступу укр. студэнтаў Сход констатуе:

1) Прычынаю інцидэнта была насъмешка вышэ адзначеных п.п. з чэхай, якіе съевалі расейску песьню «Волга», кепско вымоўляючы расейскія слава.

2) Размова т. Бусла са знаёмымі чэхамі была цалком прыватная, да якої неабавязкова кажнаму прыслушацца.

3) *Што ў наводжэнні т. Бусла нічога ображаючага для п. Кузнецова і ін. не было, бо абражацца за песню, якая ходзіць між чэхаў пра пэвных (можс і гетых) укр. студэнтаў – можна толькі на сябе, тым болей, што чэхі тэй песнею адказалі на насмешкі гэтых же студэнтаў.*

4) *Што сваім ганэбным учынкам (нападам чатырох чалавек на аднаго ў ногы) п. Кузнецов і ін., баронячы быццам нацыянальна ўкр. чэсць, абразілі ў такім разе ў ліцы т. Бусла чэсць бел. студэнства. А таму Сход ухваліў:*

1) *Зьвярнуцца да Укр. Гасп. Акадэміі с пратэстам проціў ганебных учынкаў 4 членаў грамады над беларускім студэнтам, надастойных годнасьці студэнта і прасіць аднаведнага рэшэння.*

2) *Зьвярнуцца да Сэната Акадэміі з прозьбаю пра аднаведнае распараджэньне, каб запабегты падобных выпадкаў і прасіць пра наложэньне на віновных аднаведанай кары.*

3) *Паведаміць Кубанскае Земляцтва пры Акадэміі, што да заявы галавы Укр. Акад. Грамады, дык яна была следуючая: «Киньте ви, 13 чоловік, гратися у Білорусь – і я вам кажу, що якщо ви будете роздувати цю справу, то ми теж будемо роздувати і лише вам буде гірше».*

Так заявіў галава Укр. Акад. Грамады т. Мамоньку на заяву [астальнога], што незалежна ад Укр. Акад. Грамады гэту справу будзе разбіраць і беларускае студэнства.

Сход выказвае найэнергічнашы партэст проціў заявы галавы грамады; а так сама стасоўна пратэстуе проціў фашисткага ведзеньня засяданья Рады Ака. Грамады 19/VII. – 23 г. і у великай колькасці, кінутых на адресу бел. студэнтаў на гэтым сходзе лаянок (провакацыі нізкай пробы і г.д.)

Сход даведаўшыся аб настановы Рады Грамады пра прозьбу да Сэната аб выключеньні з Акадэміі Бусла і Мамонько, з абурэньнем пратэстуе проціў такой настановы і лічэць не аднаведнаючай суці справы, таму што гэта не был трэцейскі суд, а рэшала адна старана і што галаўны паскарджэны т. Бусел не быў выслуханы і што т. Мамонько зьяўляецца у гэтай справе колькі сьведкаю, а не чынным [наводжэньнем].

Прапазыцію пра аднаведнае бел. студэнства у Празе і Укр. Грам. Камітэт Сход адхіліў, надаўшы при негатывным вырашэньню справы права прэзыдыуму к далейшаму наступаванью, аж да публічнай апініі.

Старшыня Сходу: Васіль Русак [10, л. 28–29].

Увы, пратэсты беларускіх студэнтаў не прывелі к жаелаемому результату. И Бусел, и Мамонько были исключены из состава студентов Украинской Сельскохозяйственной Академии в Подебрадах.

Тамаш Грыб – колега Мамонько по партии социалистов-революционеров – так писал по этому поводу Владимиру Жилке 30 июля 1923 года: «А з Язэпам такі не зусім добра. Яго звольнілі з Акадэміі. Былі ў Міністэстве, за гэта ўхапіўся Укр[аіскі] Гр[амадскі] К[амітэт] і хоча ўзноў узяць у свае рукі Акадэмію. Спачуцьцё міністэрства на старане Гр[амадскага] К[амітэта], такім чынам, гэны скандал толькі прычына, прычэпка, а там усё пойдзе на карысьць Гр[амадскага] К[амітэта]ту. Але што з Язэпам? Яму ўсётакі трудненька вучыцца.... Ехаць у Амэрыку? – Так сама мала надзеі, яго не разлучыш з жонкаю, а што рабіць? Трэба падумаць...» [5, с. 358].

Выводы. Не беремся судить касеаемо Сергея Бусла, но для Иосифа Мамонько такой расклад явно был негативным. Поистине, одна из фатальных глупостей в его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гардзіенка, Н. Рада БНР (1947–1970): Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. – Мінск : Кнігазбор, 2013, – 648 с. – (Бібліятэка Бацькаўшчыны; кн.22).
2. Гардзіенка, Н. Рада БНР (1970–1982): Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. – Мінск : Кнігазбор, 2014, – 309 с. – (Бібліятэка Бацькаўшчыны; кн.23).
3. Гардзіенка, Н. Рада БНР (1982–1997): Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. – Мінск : Кнігазбор, 2015, – 224 с. – (Бібліятэка Бацькаўшчыны; кн.28).
4. Лебедзева, В. Пуцявінамі змаганьня і пакутаў: Палута Бадунова / В. Лебедзева. – Мінск : Тэхналогія, 2004. – 71 с. (Нашы славуцыя землякі).
5. Грыб, Т. Выбранае / Т. Грыб. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 476 с. (Бібліятэка Бацькаўшчыны; кн.32).
6. Гениуш, Л. Исповедь [Электронный ресурс] / Л. Гениуш. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/bd/?b=591461&r=1>.
7. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.] – Мінск : БелЭн, 1999.– Т. 5: М-Пуд. – 592 с.
8. Крапивин, С. Демисезон – 1920. «Пошады нет буржуазии! Даёшь нам Минск!» [Электронный ресурс] / С. Крапивин. – 11 июля 2015 г. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/455668.html>.
9. Сідарэвіч, А. Яны былі першыя: Язэп Мамонька [Электронный ресурс] / А. Сідарэвіч – 2 ліпеня 2017 г. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28591030.html>.
10. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г. Киеве (ЦГАВОВУ). – Ф. 3801. Оп. 1. Д. 288.

11. Ляхоўскі, У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. / У. Ляхоўскі. – Беласток : Белар. гіст. тав-ва ; Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2012. – 483 с.
12. Зубко О. Є. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М. Драгоманова в Празі (1923–1933рр.) : дис. ... канд. істор. наук : 09.00.12 / О. Є. Зубко ; КНУТШ. – Київ, 2010. – 224 с.
13. Роговий В. В ім'я творення національної еліти. Матеріальна підтримка українського студентства на чужині в 1920-1991 роках. / В. Роговий. – Монографія. – К.: ПП Сергійчук М. І., 2008. – 448 с.
14. Наследие Слуцкого края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/3909/5031/>.
15. Коваль, Р. М. «Подєбрадський полк» Армії УНР: До історії Українських січових стрільців, Богданівського та Гордієвського полків військ Центральної Ради, 1-ї Сірої, 1-ї Запорозької, 2-ї Волинської, 3-ї Залізної, 4-ї Київської, 5-ї Херсонської, та 1-ї Кулеметної дивізії Армії УНР, Галицької армії, Вільного козацтва, повстансько-партизанського руху, Запорозької Січі Юхима Божка, окремого Чорноморського коша військ Директорії, ЛУН, УВО, ОУН, Карпатської Січі та дивізії «Галичина» / Р. М. Коваль, В. І. Моренець ; Бібл. Іст. клубу «Холодний Яр». – Київ : Іст. клуб «Холодний Яр»; «Український пріоритет», 2015. – 376 с. (Сер. «Видатні українці»). – Кн. 5).

Поступила 13.12.2019

THE FATAL STUPIDITY OF JOSEPH MAMONKO (1889 – 1937)

O. ZUBKO

In the introduction it is stated that the Belarusian inter-war Prague emigration remains for researchers "terra incognita", therefore, historical biography is relevant for replenishing "white spots". The purpose of this study is to describe not only the life and work of Joseph Alekseevich Mamonko, a Belarusian socialist revolutionary, but also the disclosure of the reasons for which he or she committed acts. It is worth noting that there are not so many literary and archival sources on this issue. Authorities in this matter are the materials of the Encyclopedia of the History of Belarus and the research of Anatoly Sidorevich.

The main part of the material describes the conflict between Mamonko and Ukrainian students of the Poděbrady Agricultural Academy. It is also emphasized here that this conflict had negative consequences for Mamonko and, in fact, turned his life into a completely different direction.

In the conclusions it is emphasized: the given conflict was truly fatal foolishness of the Belarusian SR.

Keywords: *Czechoslovakia, Belarusian inter-war Prague emigration, Belarusian Socialist Revolutionaries, Ukrainian Agricultural Academy in Podebrady, Ukrainian inter-war Prague emigration, everyday life, leisure, deviant behavior.*

УДК 930(476) “1991/2019”: 94(476–074) “1919/1991”

**АДЛЮСТРАВАННЕ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАГА ЖЫЦЦЯ
НА АКУПАВАНАЙ ЧАСТЦЫ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ
Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ (1991 – 2019 гг.).**

С. А. ІСАКАЎ

(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)

Разглядаюцца этапы вывучэння сучаснай беларускай гістарыяграфіяй праблемы грамадска-палітычнага жыцця падчас польска-савецкай вайны 1919 – 1921 гг. Паказаны пазіцыі і накірункі, з якіх беларускія даследчыкі разглядалі праблему на працягу амаль трох дзесяцігоддзяў. Адзначаецца адна з найбольш сталых асаблівасцяў, якая звязана з рознымі поглядамі на разгляд падзей польска-савецкай вайны.

Ключавыя словы: польска-савецкая вайна, гістарыяграфія, манаграфія, дысертацыя, даследчык.

Уводзіны. За апошнія дзесяцігоддзі ў сучаснай айчынай гістарыяграфіі ўзмацнілася цікавасць да вывучэння грамадска-палітычнага жыцця на працягу ўсёй беларускай гісторыі [1, 2, 3]. Важнае месца ў гэтым кантэксце займае перыяд польска-савецкай вайны і адлюстраванне ў ім грамадска-палітычнага жыцця ў 1919 – 1921 гг. Гэта можна патлумачыць тым, што ён стаў лёсавызначальным у беларускім дзяржаўным будаўніцтве, падчас якога востра стала праблема вызначэння беларускай дзяржаўнасці.

Беларускія гісторыкі савецкага перыяду па аб'ектыўных прычынах не звярталіся да разгляду пытанняў, звязаных з грамадска-палітычным жыццём на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Увага ў асноўным надавалася апісанню баявых дзеянняў. Пры такім падыходзе не стаяла пытанне разгляду становішча зямель, якія былі захоплены палякамі. У другой палове 1980-х гадоў пачала змяняцца палітычная сітуацыя з-за палітыкі “перабудовы”. У навуковы ўжытак трапілі новыя дакументы, не даступныя раней навукоўцам.

Асноўная частка. Аналіз прац сучасных беларускіх гісторыкаў дазваляе вылучыць наступныя этапы: 1) 1991 – 2000 гг. упершыню пачалі з'яўляцца артыкулы і манаграфіі, якія закраналі праблему грамадска-палітычнага жыцця падчас польска-савецкай вайны. 2) 2000 – 2010 гг. адзначыўся большай зацікаўленасцю ў вучэнні дадзенай праблемы, што мела вынікам абаронены кандыдацкія дысертацыі. Падзеі польска-савецкай вайны і грамадска-палітычнага жыцця разглядаюцца ў кантэксце гісторыі Беларусі; 3) 2010 г. – сённяшні час. Падзеі польска-савецкай вайны і грамадска-палітычнага жыцця ў гэты час пачалі разглядацца ў кантэксце развіцця беларускай дзяржаўнасці, з'яўляюцца манаграфіі, якія маюць больш навуковы характар, у адрозненне ад папярэдніх этапаў.

Адным з першых выданняў, якое было прысвечана польска-савецкай вайне, сталі “Нарысы гісторыі Беларусі” ў 2-х частках. У 2-й частцы акадэмік І. Ігнаценка падзеі вясны 1919 – вясны 1920 г. вызначыў як польскую інтэрвенцыю, якая праявілася ў наступленні польскіх войск на тэрыторыю Беларусі, а падзеі вясны – лета 1920 г. – як савецка-польскую вайну з наступленнем Чырвонай Арміі [4, с. 43–47]. Вучоны звярнуў увагу на дзейнасць беларускага нацыянальнага руху і яго дзеячоў. Прышоў да высновы, што БНР падтрымлівалі інтэрвенты, а ССРБ падтрымалі шырокія масы насельніцтва. Па-за межамі даследавання засталіся тэмы, звязаныя з дзейнасцю палітычных партый, арганізацый і інш. У працы падзеі польска-савецкай вайны асвятляюцца з пазіцыі савецкіх даследчыкаў.

Гэта прагледжваецца і ў працы В. Круталевіча, выдадзенай у 1995 г. [5]. Аўтар з юрыдычнага пункту гледжання звяртаецца да дзяржаўнага статусу БНР і БССР. У выніку прыходзіць да высновы, што БНР не была дзяржавай і кіравалася з Польшчы, а БССР з'яўлялася сувярэннай дзяржавай з самастойным кіраваннем.

У працы Л. Казлова і А. Цітова, ёсць адрозненне пры разглядзе падзей польска-савецкай вайны. Дзейнасць як польскіх, так і савецкіх войск на беларускіх землях разглядаецца як акупацыя [6, с. 42]. Погляд гісторыкаў з'яўляўся на той момант новым, аднак супярэчлівым у гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

Пытанні беларускага нацыянальнага руху і гісторыі развіцця беларускіх партый і арганізацый у XIX – XXI стст. займаўся І. Коўкель. Ён апублікаваў шэраг артыкулаў, адзін з якіх у зборніку Беларусістыка: “Польска-літоўскі канфлікт і роля ў ім беларускіх палітычных партыяў і арганізацыяў (1920–1923 гг.)” [7]. Навуковец разглядае праблему Сярэдняй Літвы, якая з'яўлялася спрэчнай тэрыторыяй у адносінах паміж Польшчай і Літвой. На думку даследчыка, абодва бакі выкарыстоўвалі беларускі нацыянальны рух у сваёй палітыцы як інструмент і пры гэтым не жадалі дапусціць яго кансалідацыі.

Значны ўклад у вывучэнне польска-савецкай вайны і беларускага нацыянальнага руху ўнёс А. Чарнякевіч, які адлюстравваў у шэрагу апублікаваных артыкулаў пытанні палітычнага жыцця падчас польскай акупацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі і ўплыву на яго афіцыйнай польскай палітыкі [8 – 10].

Станоўчым момантам у сучаснай гістарыяграфіі з'яўляецца зварот сучасных гісторыкаў, да малавядомых крыніц. У часопісе “Спадчына” за 1993 г. з'явіўся шэраг артыкулаў А. Луцкевіча, (пад псеўдані-

мамі А. Новіна, І. Мялешка), якія выйшлі пад рэдакцыяй В. Мазеца з уступным словам [11]. Каштоўнасць артыкулаў у тым, што на старонках беларускіх газет адлюстраваны погляд беларускага нацыянальнага лідара, прадстаўніка беларускага нацыянальнага руху на будучы палітычны лёс беларускіх зямель і дзяржаўнае будаўніцтва.

У 1998 г. быў выдадзены ў Мінску – Вільні дакументальны зборнік “Архівы БНР” (Т. 1 кнігі 1 [13] і 2 [14]), дзе былі апублікаваны дакументы з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Літвы ў Вільні па гісторыі беларускага нацыянальнага руху. Гэта было першае выданне, якое сабрала ўсе даступныя матэрыялы па гісторыі БНР, перапіскі палітычных дзеячаў, утварэнні і дзейнасці арганізацый і інш.

Да праблемы беларускага нацыянальнага руху падчас польска-савецкай вайны звярнуўся У. Ляхоўскі [12]. Аўтар ахарактарызаваў палітыку польскіх улад як акупацыю, якая была накіравана супраць беларускай культуры, дзе прыводзіў факты негатыўнага ўплыву паланізацыі.

Пытанне дзейнасці беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў на тэрыторыі Беларусі ў 1918 – 1924 гг. разглядае Н. Глушакова [15]. У сваёй працы даследчыца асвятляе дзейнасць, спробы перамоў з польскім і савецкім кіраўніцтвам Беларускай ПС-Р на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Каштоўнасць працы заключаецца ў тым, што даследчыца адна з першых працавала з расакрычанымі архіўнымі крыніцамі архіва Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі Рэспублікі Беларусь.

Для першага этапу развіцця беларускай гістарыяграфіі (1991 – 2000 гг.) характэрны паступовы адыход ад догм савецкай гістарычнай навукі і з’яўленне новых поглядаў на праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці [4 – 6], удасканалванне навуковага тэрміналагічнага апарата.

На другім этапе развіцця беларускай сучаснай гістарыяграфіі (2000 – 2010 гг.) па праблеме грамадска-палітычнага жыцця працягнулася вывучэнне пытанняў, звязаных з беларускім нацыянальным рухам. З’яўляюцца першыя манаграфіі, якія больш грунтоўна разглядаюць дадзенае пытанне.

У. Ладысеў у 2003 г. апублікаваў манаграфію “Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.)” [16]. Даследчыка можна аднесці да савецкай гістарычнай школы, бо ён працягнуў традыцыю вызначэння польска-савецкага ваеннага канфлікту як польскай інтэрвенцыі. Спрэчным пытаннем з’яўляецца пададзена інфармацыя наконт Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх Зямель, дзе адзначалася што: “Павятовымі старастамі прынцыпова назначаліся памешчыкі, войтамі ў гмінах – выключна палякі і католікі” [16, с. 119]. Аднак, да гэтага патрэбна адносіцца крытычна, бо не заўсёды павятовымі камісарамі назначаліся палякі, што датычылася і пасады войта [17].

У гэты перыяд надрукавана калектыўная манаграфія “Гісторыя Беларусі ў шасці тамах”, дзе часткова разглядаюцца падзеі польска-савецкай вайны 1919 – 1921 гг. У пятым томе (Беларусь у 1917 – 1945 гг.) [1] пазначанай праблеме прысвечана глава 2 – раздзелы пра інтэрвенцыю Польшчы і Беларусь у польска-савецкай вайне, у 3-й главе – раздзелы, якія датычыліся абвешчання БНР – пад аўтарствам акадэміка І. Ігнаценка. Раздзелам аб знешнепалітычнай дзейнасці займаўся У. Снапкоўскі, главу “Рыжскі мір і падзел Беларусі” адлюстравалі С. Трацяк. Пазіцыя І. Ігнаценка па праблеме даследавання адпавядала яго папярэднім поглядам, выкладзеным у “Нарысах гісторыі Беларусі” [4]. С. Трацяк звярнуўся да разгляду дзейнасці беларускай палітычнай эміграцыі на тэрыторыі іншых дзяржаў. Гэтая праблема ў беларускай гістарыяграфіі паўстала ўпершыню. Манаграфія змяшчае ў сабе савецкія і сучасныя беларускія погляды на гісторыю польска-савецкай вайны на прыкладзе І. Ігнаценка і С. Трацяка.

У гэты час у 6-м томе Энцыклапедыі Гісторыі Беларусі з’явіўся артыкул М. Сташкевіча “Савецка-польская вайна 1920” [18, с. 195–197]. Даследчык вылучыў 2 этапы польска-савецкай вайны. Першы этап вайны вызначаўся як наступальны, з боку Польшчы ў 1919–1920 гг., а другі этап савецка-польскай вайны звязаны з наступленнем Чырвонай Арміі летам 1920 г. і падпісаннем у далейшым Рыжскага мірнага дагавору.

Праблеме беларускай дзяржаўнасці сваю працу прысвяціў А. Райчонак “Станаўленне Беларускай дзяржаўнасці ў кантэксце розных ідэалогій і прыярытэтаў (1917–1927 гг.)” [19]. Аўтар аналізуе палітычную сітуацыю на тэрыторыі Беларусі ў 1917 – 1927 гг., параўноўвае беларускія партыі і арганізацыі падчас польска-савецкай вайны. У выніку чаго прыйшоў да высновы, што Польшча апелявала да міжнароднай супольнасці пра парушэнне права нацый на самавызначэнне наконт сябе, аднак не збіралася выконваць гэтыя права ў адносінах да суседніх народаў.

У сваім гістарыяграфічным даследаванні Т. Тахіян, прывяла аналіз вывучэння пытання беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1922 гг. па даступных на той момант манаграфіях, брашурах, успамінах і інш. У працы пададзена інфармацыя аб даследчыках, якія займаліся праблемай вывучэння БНР. Т. Тахіян прыйшла да высновы, што большасць гісторыкаў разглядаюць дзейнасць БНР як пачатковы этап беларускай дзяржаўнасці ў XX ст. [20].

Найбольш поўна адлюстроўвае грамадска-палітычнае жыццё на акупаваных беларускіх землях у перыяд польска-савецкай вайны (люты 1919 – сакавік 1921 года) праца А. Чарнякевіча [21]. На падставе

архіўных матэрыялаў аўтар разгледзеў структуру і асноўныя этапы фарміравання польскай адміністрацыі на акупаванай тэрыторыі, звярнуўшы асаблівую ўвагу на фарміраванне польскай ваеннай і грамадзянскай адміністрацыі, правёў аналіз дзейнасці органаў самакіравання, Грамадзянскага Упраўлення Усходніх Зямель і таварыства Стражы Крэсавой. Акрамя дысертацыі, навуковец апублікаваў шэраг артыкулаў, якія закранаюць розныя аспекты грамадска-палітычнага жыцця 1919 – 1921 гг. і інш. [22 – 24].

Міжнародную дзейнасць урада БНР у 1918 – 1920 гг. разглядае ў сваёй працы Т. Паўлава [25]. Таксама закранаюцца пытанні вызначэння дзяржаўных меж БНР, памер яе тэрыторыі і ўмовы міжнароднага прызнання. Аўтар разглядае супрацоўніцтва беларускіх партый і арганізацый з акупацыйнай польскай уладай, перамовы беларускіх палітычных дзеячоў з кіраўнікамі УНР па пытаннях акрэслення меж, перамовы А. Луцкевіча з кіраўнікамі краін Антанты і спробы пасланьня беларускімі арганізацыямі дэлегацый у Лігу Нацый.

А. Гецевіч [26] зрабіў аналіз дзейнасці асноўных польскіх партый, якія мелі дачыненне да акупаванай тэрыторыі Беларусі. Аўтар у асноўным звярнуў увагу на дзейнасць Польскай Партыі Сацыялістаў і нацыянал-дэмакратычнай партыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У працы параўноўваецца стаўленне партый да беларускіх зямель, разглядаюцца канцэпцыі ўваходжання беларускіх зямель у склад Рэчы Паспалітай Польскай.

Да пытання ўзаемаадносін беларускіх і ўкраінскіх арганізацый звярнуўся А. Кукса ў даследаванні: “Беларускія і ўкраінскія арганізацыі: ўзаемадзеянне і тактыка в перыяд станаўлення дзяржаўнасці ў Беларусі і Украіне (люты 1917 – снежань 1922 гг.)” [27]. Даследчык разглядае ход падзей пасля падпісання Брэсцкага мірнага дагавору, адлюстроўвае ход перамоў паміж дэлегацыяй БНР і УНР, разглядае стаўленне беларускіх партый да перамоў з украінскім урадам. У працы праведзены аналіз падзей польска-савецкай вайны і стаўленне ўкраінскіх, і беларускіх арганізацый да польскай улады і войска. Польскія палітыкі па рознаму адносіліся да беларускіх і ўкраінскіх зямель, што вызначала правядзенне рознай палітыкі ў адносінах да гэтых зямель.

У сваім даследаванні П. Стецкевіч закрануў праблему стварэння і дзейнасці яўрэйскіх партый і арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі [28], прааналізаваў іх дзейнасць падчас польска-савецкай вайны. Шматлікія яўрэйскія партыі спынілі сваю палітычную дзейнасць па прычыне рэпрэсій з боку кіраўніцтва абедзвюх дзяржаў. Да сённяшняга часу гэтая праца з’яўляецца адзіным даследаваннем па вывучэнні дзейнасці яўрэйскіх партый і арганізацый падчас польска-савецкай вайны.

Праблему, звязаную з этнапалітычным пытаннем, у сваёй працы закранула В. Рабышка [29]. Яна звярнулася да палітычных пытанняў, у рэчышчы якіх разгледзела нацыянальнае. На падставе статыстычных даных і перапісаў даецца аналіз нацыянальнага складу насельніцтва Заходняй Беларусі 1919 – 1921 гг. В. Рабышка прыйшла да высновы, што палітыка польскіх улад, пачынаючы з 1919 г., была скіравана на апалячванне мясцовае насельніцтва. Усё гэта адпавядала праграме “інкарпарацыі”, якая рэалізоўвалася праз выкарыстанне школы, царквы і войска. Даследчыца зрабіла крытычны аналіз праведзеных падчас польска-савецкай вайны перапісаў і статыстычных даных, канстатууючы пераважную колькасць палякаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Падчас другога этапа развіцця беларускай гістарыяграфіі па тэме артыкула большасць даследчыкаў звярнулася да разгляду польскай палітыкі ў дачыненні да беларускіх зямель [19, 26, 27, 22], а таксама дзейнасці польскіх, беларускіх, украінскіх і яўрэйскіх палітычных партый і арганізацый [27, 28].

Трэці этап, як пазначалася вышэй, пачаўся з 2010 г. Для яго характэрна з’яўленне манаграфій, прысвечаных беларускай дзяржаўнасці, правядзенне канферэнцый і выхад работ, прысвечаных юбілейным датам: 90-годдзе падпісання Рыжскага міру, 100-годдзе абвяшчэння БНР, 100-годдзе стварэння ССРБ і інш. Першым выданнем ў гэты перыяд стала калектыўная манаграфія “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.”, дзе ў першай кнізе разглядалася тэма польска-савецкай вайны, аднак у кантэксце толькі савецкай часткі Беларусі. У 5-м раздзеле “Беларуская дзяржаўнасць: формы самавызначэння і развіцця (1917 – 1939 гг.) [2] падаюцца падзеі, звязаныя з БНР (В. Мазец і М. Шашкевіч) і стварэнне ЛітБела (С. Хоміч), другое абвяшчэнне ССРБ і баявыя дзеянні падчас польска-савецкай вайны (У. Ладысеў). Незакранутымі засталіся пытанні, звязаныя з палітычнай дзейнасцю на тэрыторыі Беларусі арганізацый, гурткоў і інш.

У 2012 г. выдавецтва “Кнігазбор” выпусціла кнігу “Анатоль Грыцкевіч. Выбранае”, дзе змяшчаліся артыкулы даследчыка. У кнізе быў надрукаваны раздзел “Барацьба за Беларусь 1917–1921” [30], які быў прысвечаны баявым дзеянням і разгляду грамадска-палітычнага жыцця ў гады польска-савецкай вайны, аналізавалася дзейнасць беларускіх партый і арганізацый, стаўленне іх да польскай акупацыйнай улады і спробы кансалідацыі беларускага нацыянальнага руху.

Праблемамі беларускага нацыянальнага руху працягвае займацца А. Чарнякевіч, які напісаў некалькі навукова-папулярных кніг: “Чужы сярод чужых” [31], біяграфічнае выданне пра прадстаўніка “паланафілаў” у нацыянальным руху, П. Аляксюка, “БНР триумф победенных” [32] – аб дзейнасці

урадавых структур БНР у 1918–1925 гг., і “Нараджэнне Беларускай Гародні” [33] – пра развіццё беларускага нацыянальнага руху ў Гродна.

Палітыку ў сферы адукацыі падчас польска-савецкай вайны вывучае А. Трубчык [34]. У працы разглядаецца важны аспект, які тычыцца нацыянальнага школьніцтва ў сістэме Грамадзянскага Упраўлення Усходніх Зямель (ГУУЗ), звязаны з адносінамі беларускіх арганізацый і польскім кіраўніцтвам на акупаванай тэрыторыі. Аўтар займаецца пытаннямі дзейнасці польскай адміністрацыі і прысвяціла гэтаму шэраг артыкулаў [35, 36 і інш].

Маладзёвы рух падчас польска-савецкай вайны закрануў у манаграфіі “Ад гоманцаў да гайсакоў” У. Ляхоўскі [37]. Аўтар прасачыў развіццё маладзёвага руху падчас польска-савецкай вайны праз адпаведныя арганізацыі, што дзейнічалі ў той час. Даследчык адзначыў асаблівасці маладзёвых арганізацый на тэрыторыі Слуцкага павета. Выданне з’яўляецца навукова-папулярным, аднак распаўсюдае пра дзейнасць гуртка “Папараць-кветка”, які функцыянаваў падчас польска-савецкай вайны 1919–1921 гг.

У гэты час з’явілася калектыўная манаграфія “Рижский мир в судьбе белорусского народа 1921–1953 гг.” Інстытута гісторыі НАН Беларусі. У кнізе першай разгледжаны падзеі польска-савецкай вайны. У 2-м (“Польска-савецкая вайна і Беларусь”) і 3-м (“Беларускае пытанне на савецка-польскіх мірных перамовах 1920–1921 гг.”) раздзелах [38] увага скіравана на палітычныя пытанні на акупаванай тэрыторыі Беларусі падчас вайны.

Праблематычную тэму савецка-польскіх перамоў закранае В. Бароўская, якая падрыхтавала манаграфію “Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918 – 1921 гг.” [39]. Па гэтай жа тэме абараніла кандыдацкую дысертацыю [40]. Даследчыца на падставе архіўных матэрыялаў, прааналізавала этапы і ход перамоў паміж польскім і савецкім бокам, упершыню падняла пытанне ролі Беларусі на розных этапах Рыжскіх перамоў. Акрамя таго, даследчыца вывучае палітычныя пытанні, канцэпцыі і праблемы, звязаныя з польска-савецкай вайной [41 – 43].

Пытанне адносін Польшчы з Савецкай Расіяй у гістарыяграфічным кантэксце разгледзеў ў сваёй працы М. Мязга [44]. Даследчык прааналізаў міжваенную гістарыяграфію польска-савецкіх узаемаадносін, і зрабіў высновы па працах польскіх і савецкіх палітычных дзеячаў і палітыкаў. У польскай гістарыяграфіі даследчык вылучыў два лагера: “федэралізма” і “інкарпарацыі”, якія ў асноўным і аказвалі ціск на развіццё гістарыяграфіі міжваеннага перыяду. Гэта ж датычыцца і савецкай гістарыяграфіі.

У манаграфіі У. Снапкоўскага “Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг.” [45] аўтар разгледзеў этапы ўзаемаадносін польскага і беларускага народа. У раздзеле аб падзеях 1919–1921 гг. прышоў да высновы, што ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі трэба адыходзіць ад савецкіх догм, якія тычацца тэрмінаў “інтэрвенцыі” і “акупацыі” беларускіх зямель падчас польска-савецкай вайны. Аднак востра паўстае пытанне, як ставіцца да палітыкі польскіх улад і войск на тэрыторыі Беларусі з-за пастаянных рэквізіцый і гвалту.

Адметнай падзеяй у сучаснай гістарыяграфіі стала калектыўнае выданне “История белорусской государственности” у 5-і тамах. Трэці том мае назву “Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.)”. Вучоныя з прыцягненнем шырокага кола матэрыялаў даследавалі перыяд польска-савецкай вайны. Даследчыкі С. Хоміч і В. Бароўская далі апісанне ходу вайны і палітычнай сітуацыі, якая склалася на беларускіх землях, адноставалі ход і ўмовы падпісання Рыжскага міру. Іншую акалічнасць закранулі В. Даніловіч, В. Крывуць і А. Горны, якія ў 4 главе прааналізавалі грамадска-палітычнае жыццё Заходняй Беларусі праз прызму развіцця польскіх, яўрэйскіх і інш. партый [3]. Аднак у кнізе было абмінута грамадска-палітычнае жыццё на акупаваных тэрыторыях Беларусі, у выніку гэты прабел застаўся да сённяшняга часу.

Заклучэнне. Такім чынам, аналіз гістарыяграфіі па тэме артыкула дазваляе вылучыць тры этапы.

Першаму этапу (1991 – 2000 гг.) былі характэрны адыходжанні ад савецкай гістарыяграфіі (апісанні баявых дзеянняў) і пераход да вызначэння перадумоў і асмыслення падзей у гістарычным значэнні. З атрыманнем рэспублікай незалежнасці змянілася гістарычная канцэпцыя, якая пачала глядзець на існаванне БНР як на адзін з этапаў беларускай дзяржаўнасці. Большасць матэрыялаў па дадзенай праблематыцы змяшчалася на старонках часопісаў, выйшла некалькі выданняў, прысвечаных падзеям польска-савецкай вайны, абаронена кандыдацкая дысертацыя. Тым не менш, некаторыя гісторыкі засталіся на савецкіх пазіцыях пры разгляданні гэтага пытання.

На другім этапе (2000 – 2010 гг.) даследчыкі звярнуліся да разгляду палітычных пытанняў, дзе галоўнае месца займаў аналіз канцэпцый, партый і арганізацый польскага, беларускага і іншых рухаў. Адзначаецца большая зацікаўленасць у вывучэнні падзей польска-савецкай вайны, якая выявілася ў абароне 10 кандыдацкіх дысертацый, з’яўленні калектыўнай манаграфіі “Гісторыя Беларусі ў шасці тамах”. У пятым томе раздзел быў прысвечаны польска-савецкай вайне. Асаблівасць гэтага выдання ў тым, што там прадстаўлены не толькі погляд “савецкіх гісторыкаў”, але і беларускіх.

Трэці этап (2010 г. – сённяшні час) прысвечаны вывучэнню і асэнсаванню палітыкі Польшчы ў адносінах да беларускіх зямель, месцу і ролі польскіх урадавых структур ва ўзаемаадносінах з беларускім

нацыянальным рухам, дзеячамі і інш. За перыяд 2010 – 2019 гг. па тэме было абаронена 2 кандыдацкія і доктарская дысертацыя. Даследчыкі сталі адыходзіць ад абагульняльных прац і заняліся выданнем аўтарскіх манаграфій, дзе больш грунтоўна разглядаецца адзін з аспектаў праблемы.

Разгляд беларускай гістарыяграфіі паказвае, што негледзячы на напісаных манаграфіі, абароненых дысертацыяў і інш., тэма грамадска-палітычнага жыцця падчас вайны застаецца мала даследаванай. На гэта ёсць шэраг акалічнасцей, адна з якіх, – аднабаковае стаўленне гісторыкаў да польска-савецкай вайны. Яно праяўляецца ў займанні савецкай пазіцыі або польскай. Да сённяшняга часу не вызначана, як ставіцца да праблемы існавання БНР падчас польска-савецкай вайны, як да ўрада якім кіравала Польшча, або не. Беларускія гісторыкі не прышлі да адзінага погляду, як вызначаць вайну 1919–1921 гг. савецка-польскую або польска-савецкую. Для садзейнічання аб'ектыўнаму разгляду падзей, на нашу думку, трэба расправаць адзіную канцэпцыю і весці супрацоўніцтва з польскімі гісторыкамі.

ЛІТАРАТУРА

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. А. Вабішчэвіч [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2013 / рэдкал.: М. Касцюк. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – 2007. – 613 с.
2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
3. История белорусской государственности : в 5 т. – Т. 3.: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.) / А.А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 639 с.
4. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. – Ч. 2. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі АНБ. – Мінск : Беларусь, 1995. – 560 с.
5. Круталевич, В. А. На путях национального самоопределения БНР–БССР–РБ / В. А. Круталевич. – Минск : Право и Экономика, 1995. – 138 с.
6. Казлоў, Л. Р. Беларусь на сямі рубяжах / Л. Р. Казлоў, А. К. Цітоў. – Мінск : Беларусь, 1993. – 71 с.
7. Коўкель, І. Польска-літоўскі канфлікт і роля ў ім беларускіх палітычных партыяў і арганізацыяў (1920–1923 гг.) / І. Коўкель // Беларусіка. – 1994. – Кн. 3. – С. 259–269.
8. Чарнякевіч, А. Гарадзенскія апосталы. Беларускі нацыянальны рух у Гродна ў 1918–1920 гг. / А. Чарнякевіч. – Гродна : Грамадскае аб'яднанне "Ратуша", 1999. – 82 с.
9. Чарнякевіч, А. Н. Гродно. 19–23 июля 1920 года / А. Н. Чарнякевіч // Шлях у навуку: матэрыялы 7-й рэсп. нав.-практ. канф., прысв. 40-годдзю студэнцкага нав.-краязн. гуртка Гродз. Дзярж. ун-та імя Я. Купалы. – Мінск : БелНДЦДАС, 1996. – С. 187–191.
10. Чарнякевіч, А. К истории установления польской власти в Бресте / А. Чарнякевіч // Берасцейскі хранограф : зб. нав. пр.– Брэст : Выдавецтва С. Лаўрова, 1999. – Вып. 2. – С. 101–107.
11. Мазец, В. Публіцыстыка з часоў БНР / В. Мазец // Спадчына. – 1993. – №3. – С. 11 – 15.
12. Ляхоўскі, У. Беларуская справа пад час польскай акупацыі 1919–1920 г. / У. Ляхоўскі // Спадчына. – 1994. – № 6. – С. 50 – 87.
13. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 кн.: склад. С. Шупа. – Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. – Ч. 1 : 1917–1920. – 870 с.
14. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 кн.: склад. С. Шупа. – Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. – Ч. 2 : 1920–1925. – 871 – 1721 с.
15. Глушакова, Н. А. Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў: станаўленне і палітычная дзейнасць (1918 – 1924) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Н. А. Глушакова ; Бел. дзярж ун-т. – Мінск, 1999. – 22 с.
16. Ладыеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладыеў. П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
17. Gierowska-Kałużur, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego –9 września 1920) / J. Gierowska-Kałużur. – Warszawa : Neriton, Instytut Historii PAN, 2003. – 431 s.
18. Энциклопедия гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 6. Кніга 1: Пузыны – Усяя / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2001. – 591 с.
19. Райчонак, А. А. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці ў кантэксце розных ідэалагічных прыярытэтаў (1917–1927 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. А. Райчонак ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2004. – 20 с.
20. Тохиян, Т. М. Становление белорусской государственности в 1917 – 1922 гг. в оценке отечественной историографии : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. М. Тохиян ; Бел. гос. ун-т. – Мінск, 2007. – 21 с.
21. Чарнякевіч, А. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 года) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Чарнякевіч ; Бел. гос. ун-т. – Мінск, 2001. – 22 с.
22. Чарнякевіч, А. Конфессиональная политика польских властей на оккупированной территории Беларуси в 1919–1920 г.г. / А. Чарнякевіч // Работа з адоранай студэнцкай і вучнёўскай моладзю: стан, формы і метады, перспектывы развіцця : матэрыялы рэсп. нав.-практ. канф. ; ГрГУ ім. Я. Купалы. – Гродно : ГрГУ, 2001. – С. 315–321.
23. Чарнякевіч, А. Да гісторыі фармавання паланаяфільскага крыла ў беларускім нацыянальным руху летам 1919 года / А. Чарнякевіч // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., 30 сент. 2004 г., Гродно / Под ред. Е.А.Ровбы. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 355–361.

24. Чернякевич, А. Гродненская еврейская община в годы польско–советской войны 1919–1920 гг. / А. Чернякевич // Евреи Беларуси: История и культура: сб. науч. тр. – Минск : Четыре четверти, 2001. – Вып. 6 / Сост.– ред. И. Герасимова. – С. 96–111.
25. Павлова, Т. Я. Внешнеполитическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1920 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Т. Я. Павлова ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 20 с.
26. Гецевич, А. К. Деятельность польских политических партий и организаций в Западной Беларуси (1918 – 1926 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. К. Гецевич ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 21 с.
27. Кукса, А. Н. Белорусские и украинские общественно-политические организации : взаимодействие и тактика в период становления государственности в Беларуси и Украине (февраль 1917 – декабрь 1922 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Кукса ; Бел. гос. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2007. – 23 с.
28. Стецкевич, П. Т. Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Западной Беларуси (1918–1926 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. Т. Стецкевич ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2008. – 23 с.
29. Рабышка, В. Э. Этнапалітычныя працэсы ў Заходняй Беларусі ў 1919 – 1939 гадах : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / В. Э. Рабышка ; Бел. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2004. – 22 с.
30. Грыцкевіч, А. Барацьба за Беларусь 1917–1921 / А. Грыцкевіч // Выбранае. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 608 с.
31. Чарнякевіч, А. Чужы сярод чужых / А. Чарнякевіч. – Мінск : Выдавец А.М. Янушкевіч, 2017. – 317 с.
32. Чернякевич, А. БНР триумф побежденных / А. Чернякевич. – Минск : Издатель А.Н. Янушкевич, 2018. – 302 с.
33. Чарнякевіч, А. Нараджэнне беларускай Гародні / А. Чарнякевіч. – Мінск : Выдавец А.М. Янушкевіч, 2015. – 172 с.
34. Трубочык, А. Г. Палітыка польскай улады ў сферы школьнай адукацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1919–1921 гг. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. Г. Трубочык ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2017. – 23 с.
35. Трубочык, А. Г. Асноўныя кірункі і асаблівасці дзейнасці польскай грамадзянскай адміністрацыі на беларускай тэрыторыі ў час польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.) / А. Г. Трубочык // Матэрыялы Респ. науч. конф., Барановічы, 21 апр. 2016 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Никишова [и др.]. – Баранович : РИО БарГУ, 2016. – С. 62–66.
36. Трубочык, А. Асноўныя накірункі адукацыйнай палітыкі на беларускай тэрыторыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель / А. Трубочык // *Wiatoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2012. – № 37. – С. 70–90.
37. Ляхоўскі, У. В. Ад гоманцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.) / У.В. Ляхоўскі. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 479 с.
38. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Кн. 1. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 593 с.
39. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. / В. М. Бароўская ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2015. – 23 с.
40. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 269 с.
41. Бароўская, В. М. Плебісцыт як форма вырашэння спрэчных пытанняў падчас польска-савецкіх перагавораў 1919 – 1921 гг. / В. М. Бароўская // Науч. тр. Респ. ин-та высшей школы. – 2013. – С. 22–28.
42. Бароўская, В. Інстытут інструктарства на акупіраваных польскімі войскамі беларускіх землях у 1919–1920 гг. / В. Бароўская // Сб. работ 68-й науч. конф. студентов и аспирантов Белгосуниверситета : в 3 ч., Минск, 11 мая 2011 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: И. А. Фурманов [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – Ч. 3. – С. 133–136.
43. Бароўская, В. М. Эвалюцыя ідэі краёвасці на тэрыторыі Беларусі ў 1918–1921 гадах. / В. М. Бароўская // Беларуская думка. – 2018. – № 9. – С. 88–93.
44. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918 – 1941 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Н. Н. Мезга ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2016. – 46 с.
45. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2017. – 285 с.

Паступіў 11.12.2019

**REFLECTION OF SOCIAL AND POLITICAL LIFE IN THE OCCUPIED PART
OF BELARUS DURING THE POLISH–SOVIET WAR
IN MODERN BELARUSIAN HISTIRIOGRAPCHY (1991–2019).**

S. ISAKAU

The stages of the formation of modern Belarusian historiography on the problem of studying social and political life during the Polish–Soviet war of 1919–1921 are considered. Shown are the positions and directions from which Belarusian researchers considered the problem for almost three decades. One of the most permanent features is noted, which is associated with a different view of the events of the Polish–Soviet war.

Keywords: Polish–Soviet war, historiography, social and political life.

УДК 94(4)''04/14''+94(4)''15/18''(05)

**ГОНЕНИЯ НА ВЕДЬМ И ПРОЦЕССЫ НАД НИМИ В ЕВРОПЕ
В ПЕРИОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ¹**

д-р ист. наук, проф. О. Б. КЕЛЛЕР
(Белорусский государственный университет, Минск)

Статья посвящена одной из весьма интересных страниц европейской истории периода Средневековья и Раннего Нового времени – теме ведьм и их преследования в различных частях Европы. Она представляет собой своего рода попытку ответить на ряд вопросов: 1) кто такие ведьмы и в каких регионах они были налицо?; 2) когда они оставили свой след и на какие конкретно временные отрезки приходится расцвет и падение гонений на ведьм?; 3) где их преследовали и насколько серьезно/сильно?; 4) почему мы говорим о массовых гонениях на ведьм? и 5) как нам следует интерпретировать так называемые процессы гонения на ведьм с сегодняшней точки зрения?

Ключевые слова: ведьмы, хронологические рамки преследования ведьм, пространственные рамки гонения на ведьм, массовые судебные процессы над ведьмами, генезис событий и явлений, связанных с ведьмами.

Введение. Данная проблематика занимала умы учёных уже давно. Существует масса статей и публикаций в самых разных странах и на самых разных языках мира. Однако, по причине того, что до сих пор многие акты, хранящиеся в архивах, по тем либо иным причинам продолжают оставаться неисследованными, немаловажно периодически бросать свой взор в этом направлении, дабы презентировать заинтересованному кругу людей всё новые и новые факты об «охоте на ведьм», о судебных процессах над ними и пр.

Первой российской работой можно считать монографию Н. Ф. Сумцова, изданную в Харькове в 1878 г. [1]. Через пять лет в седьмом томе «Киевской старины» печатается статья П. Ефименко, в которой рассматриваются различия ведовских процессов в Западной Европе и в среде славянских народов на примере Малороссии [2]. Затем ещё через год в журнале «Исторический вестник» была опубликована статья Б. Зотова, которая содержит масштабную картину преследования ведьм в средневековой Европе [3]. За последующие 30 лет в России издан ещё ряд работ, имеющих самое прямое и непосредственное отношение к этой теме [4 – 14].

Первой советской работой, напрямую затрагивавшей тему ведовских процессов, была монография М. М. Шейнмана «Огнём и кровью во имя бога» [15]. В 1927 г. российский историк С. Г. Лозинский издал труд «Святая инквизиция» [16], а в 1930 г. им же был издан труд «История папства» [17]. Наиболее заметной работой периода 1950-х – 1970-х стала монография И. Р. Григулевича «Инквизиция» [18]. Ну и, наконец, в 1980-е гг. появились интересные работы Е. Б. Черняка [19] и А. Я. Гуревича [20; 21]. Кроме того, среди авторов, посвятивших свои публикации ведьмам, шабашу ведьм, обвинениям в колдовстве и иным аспектам сней проблематики на русском языке следует отметить исследование Г. Шверхоффа [22], а также работу известного итальянского историка Карло Гинзбурга, напечатанную в 1990 г. на русском языке [23], и др.

Среди современных научных работ российских исследователей можно выделить исследование и докторскую диссертацию Юлии Евгеньевны Арнаутовой [24 – 26], монографию Ю. Сандулова [27], кандидатскую диссертацию Д. С. Занкова [28], сборник «Колдовство в Средние века. Подлинная история магии» [29], кандидатскую диссертацию Игиной Юлии Федоровны [30] и пр.

Что касается отечественной историографии, то в последнее время появилось несколько работ, посвящённых рассмотрению данного аспекта на белорусских землях ВКЛ и Речи Посполитой. Это работы Игоря Александровича Марзалюка [31], Натальи Василюк [32], Владимира Александровича Лобача [33; 34] и т.д.

Исследователей же в других странах более, чем предостаточно. В Германии, например, первоначально подобная тема считалась прерогативой исключительно историков права. Однако, в 1985 г., в ходе одной из конференций религиозной направленности, которая проводилась с 27 по 28 апреля в Вайнгартене (Обершвабен) и была посвящена преследованию ведьм в Германии [35], а позднее и на проходившем в том же 1985 г. международном симпозиуме историков, появилась и была поддержана идея создания рабочей группы междисциплинарной направленности под названием «Arbeitskreis Interdisziplinäre Hexenforschung (АКИН)». Предполагалось, что эта рабочая группа займётся непосредственно изучением и анализом ведьмовства специалистами из самых разных областей науки. В 1986 г. в Штутгарте рабочая группа была основана. На сегодняшний день членами этой группы является порядка 300 ученых из Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции, Великобритании, Ирландии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии,

¹ Текст приводится в авторской редакции. Произведено техническое редактирование.

России, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Сербии, Италии, Испании, Израиля, США, Бразилии. Японии, Кореи и Австралии. Учёные, входящие в группу, являются специалистами в самых различных областях науки – в сфере истории, теологии, этнологии, социологии, психологии, педагогики, медицины и истории медицины, фармакологии, юриспруденции и истории права, ориенталистики, германистики, англистики, романистики, славистики и многих других областей.

Основная часть. Свои истоки большие «процессы над ведьмами» («Hexenprozesse») берут в XIV в. в Южной Франции, затем их следы можно обнаружить в Швейцарии и Северной Италии, прежде чем «безумие, связанное с ведьмами» («Hexenwahn») перешло на Тироль, немецкие земли, а позднее Англию, Шотландию и Скандинавию. Весьма умеренную роль в данном процессе следует отнести Испании и Ирландии. Многие историки-евангелисты объясняют последний момент тем, что Испания, к примеру, в то время была полностью занята и вовлечена в такие процессы, как «ненависть к евреям» («Judenhaß»), «ненависть к морискам» («Moriskenhaß»), а также «чистота крови» («limpieza de sangre») [36, с. 14].

На сегодняшний день достоверно известно, что по предполагаемым массовым судебным процессам над ведьмами XIV в. во Франции источниковая база отсутствует. Поэтому, с точки зрения исследователей и специалистов в этом отношении более релевантной надлежит считать Германию (Священную Римскую Империю). И тут же следует добавить, что самые большие/массовые и жестокие судебные процессы над ведьмами приходятся либо на Германию, либо на граничащие с ней регионы – Польшу, Восточную Францию и Северную Италию. **Если исходить из того, что во всей Европе между 1400 и 1800 гг. зафиксировано около 70 000 казней над ведьмами, то примерно 40 000 из них приходится именно на Германию** [37, с. 175–206].

Почему так? Почему именно Германия, а не, например, Испания или Дания концентрировали своё внимание на «охоте на ведьм»? Вполне возможно потому, что с 1520-х гг. испанская инквизиция очень тревожно подошла к «процессам над ведьмами» [38]. Они считали, что, во-первых, деликт колдовства очень сложно доказать, а, во-вторых, обвинения уже казнённых или ещё только подозреваемых ведьм, в большинстве своём, были безосновательны и не имели большого значения. Что касается Дании [39], то в 1547 г. там были введены 2 следующих «Положения». Первое, что уже обвинённый преступник не мог давать показания против другого, то есть цепочки от одной ведьмы к другим уже быть не могло. А второе: что пытка могла применяться не ко всем обвинённым, а только к тому, кто уже реально был осуждён и кому был вынесен приговор. Этот второй фактор также послужил тормозом в цепной реакции, касательно ведьм [39, с. 144].

Ещё один пример. Россия и Восточная Европа. Конечно же, так же, как и в других частях Европы, здесь преследовали ведьм, но такого сильного страха, как в Европе, в России к ведьмам не испытывали [40; 41].

Учёные из самых разных стран пытаются установить верхние и нижние временные рамки процесса «гонения на ведьм», а также пик охоты за ними.

Так, в частности, Герхард Шорманн утверждает, что для большей части Северной Германии характерна следующая классификация: обширные преследования ведьм приходятся на 1590-е гг., на 1627 – 1633 гг. и на 1660-е гг., то есть фактически через поколение [42]. Наряду с этим следует подчеркнуть, что периодизация в Германии ни в коей мере не обязана соответствовать периодизации «гонений на ведьм» в других странах Европы. Так, в Нидерландах последняя расправа над ведьмами приходится на XVI век, а в Швеции и Польше, напротив, расцвет гонений датируется более поздним временем и ещё только приходится на XVII век [36, с. 18].

В большинстве своём, учёные придерживаются мнения, что пик преследования ведьм приходится на период с 1560 по 1720 гг., и является феноменом именно Нового времени, а не периода Средневековья [43].

Необходимо отметить, что новейшие исследования уделяют больше всего внимания именно вопросу: кого же всё-таки можно причислять к «ведьмам» в периоды Средневековья и Раннего Нового времени? Одним из самых дискутируемых вопросов, безусловно, является, то, что верно ли утверждение, что Контрреформация причисляла сторонников евангелистской церкви к разряду «ведьм»? И практически все исследователи отвечают: «Нет, это не так» [36, с. 21].

Вторым, весьма обсуждаемым среди историков моментом было то, что некоторые учёные считали ведьм представителями, или даже членами одной из так называемых «доевропейских религий» [36, с. 21].

Третий часто обсуждаемый аспект, что «ведьмы» принадлежат к бедным нижним слоям деревенского населения [36, с. 21].

И, наконец, четвертые учёные утверждают, что «охота на ведьм» представляет собой своего рода нападки на мудрых женщин, повивальных бабок и ведуний женского рода, чтобы поддержать профессиональную медицинскую практику лиц мужского пола [44; 45].

Конечно же, все эти вышеперечисленные тезисы не претендуют на стопроцентное адекватное их восприятие. Они либо частично доказуемы, либо здесь первоначально налицо слабая их доказуемость, то есть они мало правдоподобны.

Тем не менее, нечто общее у исследователей из самых разных стран имеется. Многие из них склоняются к мнению, что, в большинстве своём, к «ведьмам» надлежит относить именно женщин. В немецкоязычных регионах, а также в Англии, Шотландии и Скандинавии соотношение женщин к мужчинам составляло примерно 4:1, то есть 80% приговорённых к смерти и казнённых «ведьм» были женщины. Более того, многие из этих женщин были либо вдовы, либо незамужние. Однако, опять же тут мы сталкиваемся с определёнными сложностями, ибо, выдвигая такой тезис, мы, тем не менее, не имеем достаточного количества демографических фактов. Что касается возрастных критериев, то по мнению исследователя Джона Демоса, ведьмами были необязательно старухи, а могли быть и женщины в возрасте от 35 до 55 лет [46]. Безусловно, подобные попытки учёных идентифицировать «ведьм» намного больше, чем раньше, – огромное достижение [47].

Ранее все учёные довольствовались тезисом, что большие «процессы над ведьмами» являются выражением «темных суеверий» («des finsternen Aberglaubens»). В последние же годы наконец-то появились попытки интерпретировать «процессы над ведьмами» в более тесной связи с большими историческими процессами и развитием в Новое время.

Так, на сегодня, самыми актуальными попытками объяснения следует считать, что «процессы над ведьмами»: 1) это часть конфессионализации Европы в XVI в. [48]; 2) это выражение контрреформации [49]; 3) это нежелательный побочный продукт распространённой протестантской этики [50; 51]. Есть ещё одна точка зрения среди историков, что «безумие, связанное с ведьмами» («Hexenwahn») – часть политического процесса, в котором выкристаллизовалось национальное государство [52 – 54].

Интересен такой момент. Несмотря на то, что историки-специалисты в области экономики редко уделяли своё внимание «процессам над ведьмами», в последнее время можно обозначить четкую тенденцию их мнения, что «безумие, связанное с ведьмами» («Hexenwahn») является побочным продуктом капитализма. Так, например, два американских исследователя Пауль Бойер и Стефан Ниссенбаум установили, что приговорённые ведьмы из Салема в Массачусете относились вовсе не к бедному слою населения, а являлись выходцами из обеспеченных, связанных с торговым капитализмом, купеческих слоёв. А вот истцы в этом процессе происходили, напротив, из деревенского круга «des Salem Village» [55].

Но самое главное объяснение «процессов», связанных с ведьмами, – это своего рода столкновение двух культур: учёной и исконно народной [56]. Самые ярые представители этой теории считают, что мировоззрение большинства населения Европы в 1500 г. было ещё «языческим», и что христианское вероучение в деревнях не играло большой роли. Посему с этой точки зрения можно трактовать Реформацию и Контрреформацию как массовое стремление христианизировать народные массы [57]. Из-за испуга и страха учёные и высшие (правящие) слои общества делают нападки на культуру простого народа, означая грубые практики терминами «колдовство» и «чародейство», и, соответственно, казнить подозреваемых в сельских общинах, например, повивальных бабок, как ведьм. В подобных ситуациях, утверждают учёные, в борьбе с народной культурой «процессы над ведьмами» – инструмент социальной дисциплинированности.

И, наконец, хотелось бы указать на такой аспект, как «внушающую ужас боязнь» самих преследователей, то есть преследование ведьм можно истрактывать как своего рода стратегию преследователей к подавлению и истреблению жалких и презренных индивидуумов каким-либо способом [58; 59].

Особую роль в ведовских процессах периода Средневековья и Раннего Нового времени надлежит отнести детям. В качестве источников того, какую роль и участие принимали подростки и дети в «процессах над ведьмами», следует упомянуть «Акты детских ведовских процессов» [60, с. 31; 61, с. 4].

В «Актах детских ведовских процессов» отражены протоколы допроса детей, их точка зрения и их мнение касательно «процессов над ведьмами». Нельзя не упомянуть, что, как правило, детские заявления делались под принуждением. Кроме того, они могли быть сфальсифицированы или записывались не полностью. Посему правомерен вопрос о том, а можем ли мы, вообще, принимать высказывания детей в подобных актах за истинные? «Акты детских ведовских процессов» содержат свидетельства детей, которые появились в ходе их опроса взрослыми экспертами-специалистами в области «охоты на ведьм». Вопросы детям задавались в рамках уже сформированного представления о ведьмах. Причём иногда, подростки и дети даже поражали и удивляли спрашивающих их экспертов-специалистов огромным багажом знаний в сфере магии, ритуалов и пр. [62, с. 13].

Примерно с XVI в. можно констатировать факт массового появления перед судом молодых людей и детей, которых считали ведьмами и обвиняли в колдовстве [62, С. 11].

В многочисленных судебных процессах над ведьмами дети выступали, в первую очередь, в качестве свидетелей: они обвиняли соседей и друзей, родственников, братьев и сестёр, даже своих матерей и отцов. Кроме того, некоторые часто обвиняли и себя лично в том, что являются настоящими ведьмами. Иногда дело даже доходило до того, что трёхлетние дети выступали в суде, утверждая, что у них был сексуальный контакт с демонами или другими детьми [62, С. 11].

Судебные процессы над «детьми-ведьмами» известны практически во всех странах Европы: во Франции и Испании, в Швейцарии и Италии, в Германии и Шотландии, в Англии и Швеции, и даже в так называемом Новом Свете.

С детьми в возрасте трёх, пяти, семи и двенадцати лет, подозреваемыми в колдовстве, сперва беседовали взрослые: их родители, пасторы, учителя; а затем они допрашивались в судах; их бросали в тюрьмы и заковывали в цепи; они подвергались угрозам и пыткам, в ходе которых погибали многие маленькие дети [62, с. 11]. Детей, подозреваемых в магии, разлучали со своими сверстниками и не давали им возможности общаться с ними, подвергали строгому контролю и принуждали заниматься благочестивыми делами. След многих «детей-ведьм» теряется. Велико число маленьких ведьм, которые закончили свою жизнь на костре или под мечом палача [62, с. 11].

Суды над «детьми-ведьмами» не были случайными явлениями или просто частью судебных процессов над взрослыми ведьмами, а ведовские фантазии детей были не просто образами, отражавшими официальную и санкционированную со стороны церкви демонологию. Нет никаких сомнений в том, что «дети-ведьмы» участвовали в общей вере в колдовство; но, при этом, они как бы очертили новые контуры данного процесса: его содержания, изображения и функции [62, с. 13]. Кроме того, следует подчеркнуть, что в доносах и фантазиях о ведьмах, безусловно, отражались судьбы детей, повседневный опыт и детские отношения.

Итак, как уже указано выше, дети являлись не только получателями, но и носителями ведьмовской веры. Они были не только жертвами колдовства других, но могли и сами совершать магические действия либо ритуалы. Дети и подростки, безусловно, могли подвергаться опасности из-за колдовства. Но в тот же момент могли и сами представлять собой угрозу для окружающих их людей [62, с. 14]. С их агрессивными и клеветническими обвинениями, с желанием смерти, убийств и оскорбительных сексуальных сцен, «дети-ведьмы» вызвали большой переполох и даже шок среди окружающих их взрослых.

Некоторые исследователи полагают, что так называемые «дети-ведьмы» были обязаны своим появлением в начале Раннего Нового времени принудительной политике церкви относительно воспитания и христианизации, а, кроме того, тем мерам, которые церковь принимала для своего спасения и сохранения [62, с. 15].

Заключение. Таким образом, ещё раз следует подчеркнуть, что данная тема, вне всякого сомнения, представляет особый интерес учёных из самых разных областей и требует дополнительных источников информации, а, возможно, и внедрение более новых и эффективных методов для её рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумцов, Н. Ф. Очерки истории колдовства в Западной Европе: Отрывок из студ. соч.: "Очерк истории христианской демонологии" / Н. Ф. Сумцов. – Харьков : Унив. тип., 1878. – 34 с.
2. Ефименко, П. Суд над ведьмами / П. Ефименко. – Киевская старина. – Т. 7. – 1883.
3. Зотов, Б. Документальная история чёрта / Б. Зотов. – Исторический вестник. – 1884.
4. Белогриц-Котляревский, Л. С. Преступления против религии в важнейших государствах Запады / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1886. – 351 с.
5. Канторович, Я. А. Средневековые процессы о ведьмах / Я. А. Канторович. – Изд. 2-е. – СПб., 1899. – 42 с.
6. Орлов, М. А. История сношений человека с дьяволом / М. А. Орлов. – СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1904. – 344 с.
7. Очерки истории инквизиции / [Соч.] В. М. Величкиной. – Кн. 1. – М. : Посредник, 1906. – 304 с.
8. Гусев, Н. Н. Рассказы об инквизиции / Н. Н. Гусев. – М., 1906.
9. Сперанский, Н. Ведьмы и ведовство / Н. Сперанский. – М. : Типо-литогр. Т-ва Н. Н. Кушнерев и Ко, 1906. – 54 с.
10. Тухолка, С. Процессы о колдовстве в Западной Европе в XV–XVII веках / С. Тухолка. – СПб. : Тип. А. Суворина, 1909. – 73 с.
11. Амфитеатров, А. В. Дьявол в быту, легенде и литературе Средних веков / А. В. Амфитеатров. – М., 1911. – 67 с.
12. Лебедева, А. Тайны инквизиции / А. Лебедева. – М., 1912. – 78 с.
13. Кадмин, Н. Философия убийства. Очерки средневековья Италии и Лангедока / Н. Кадмин. – М. : Заря, 1913. – 162 с.
14. Лозинский, С. Г. История инквизиции в Испании / С. Г. Лозинский. – М., 1914. – 508 с.
15. Шейнман, М. М. Огнём и кровью во имя бога / М. М. Шейнман. – М. : Главполитпросвет. Изд-во «Красная новь», 1924. – 71 с.
16. Лозинский, С. Г. Святая инквизиция / С. Г. Лозинский. – М. : Атеист, 1927. – 302 с.
17. Лозинский, С. Г. История папства / С. Г. Лозинский. – М., 1930. – 382 с.
18. Григулевич, И. Р. Инквизиция / И. Р. Григулевич. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1976. – 463 с.
19. Черняк, Е. Б. Судьи и заговорщики / Е. Б. Черняк. – М. : Мысль, 1984. – 339 с.
20. Гуревич, А. Я. Ведьма в деревне и перед судом // Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М., 1990. – С. 308–375.
21. Гуревич, А. Я. Ведьма // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – С. 62–66.
22. Шверхофф, Г. От повседневных подозрений к массовым гонениям. Новейшие германские исследования по истории ведовства в начале Нового времени / Г. Шверхофф // Одиссей. Человек в истории. 1996 г. – М. : «Наука», 1996. – С. 306–330.
23. Гинзбург, К. Образ шабаша ведьм и его истоки / К. Гинзбург // Одиссей. Человек в истории. 1990 г. – М. : «Наука», 1990. – С. 132–146.

24. Арнаутова, Ю. Е. Западноевропейские средневековые оборотни / Ю. Е. Арнаутова // Вопросы истории. – 1997. – № 6. – С. 125–139.
25. Арнаутова, Ю. Е. Колдовство и колдовские болезни в средние века / Ю. Е. Арнаутова // Вопросы истории. – 1994. – № 11. – С. 131–145.
26. Арнаутова, Ю. Е. Взаимодействие христианской этики и архаической традиции в повседневной жизни средневекового общества Западной Европы (на материале представлений о болезни и целительных практик в VI–XIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Ю. Е. Арнаутова. – М., 2005. – 44 с.
27. Сандулов, Ю. Дьявол. Исторический и культурный феномен / Ю. Сандулов. – СПб., 1998.
28. Занков, Д. С. Ведовские процессы в Западной Европе (конец XV – начало XVIII веков) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д. С. Занков. – СПб., 2006. – 22 с.
29. Колдовство в Средние века. Подлинная история магии / Сост. Н. Горелов. – СПб., 2009.
30. Игина, Ю. Ф. Ведовство и его восприятие в английском обществе в конце XVI – первой половине XVII веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ю. Ф. Игина. – СПб., 2008. – 17 с.
31. Марзалюк, І. А. Ведаўскія працэсы ў Беларусі XVI–XVII стагоддзяў / І. А. Марзалюк // БГЧ. – 2003. – № 8. – С. 32–37.
32. Васілюк, Н. Вядзьмарства часоў Рэчы Паспалітай / Н. Васілюк // Маладосць. – 2018. – № 10. – С. 105–110.
33. Лобач, У. А. Уяўленне пра чараўнікоў, варажбітоў і ведзьмаў беларускага Сярэднявечча // Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. – Т. 3.: Культура сяла XIV – пачатку XX ст. – Кн. 2.: духоўная культура / Пад рад. А. І. Лакоткі [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – С. 33–59.
34. Лобач, У. А. Вобраз чараўніка ў традыцыйнай карціне свету беларусаў Падзвіння XX – пач. XXI ст. (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый ПДУ) / У. А. Лобач // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў. – С. 213–219.
35. Lorenz, S. Hexenverfolgung. Beiträge zur Forschung – unter besonderer Berücksichtigung des südwestdeutschen Raumes / S. Lorenz; Dieter R. Bauer. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1995. – 434 S.
36. Midelfort, H. C. Erik. Alte Fragen und neue Methoden in der Geschichte des Hexenwahns / H. C. Erik Midelfort // Hexenverfolgung. Beiträge zur Forschung – unter besonderer Berücksichtigung des südwestdeutschen Raumes / S. Lorenz; Dieter R. Bauer. – Würzburg : Königshausen und Neumann, 1995. – 434 S. – S. 13–30.
37. Levacks, B. The Witch Hunt in Early Modern Europe / B. Levacks. – London, 1987. – 360 p.
38. Lea, H. C. A History of the Inquisition of Spain / H. C. Lea. – 4 Bde. – New York. – 1906–1907.
39. Henning, G. Hexenverfolgungen und Hexenprozesse in Dänemark / G. Henning // Hexenprozesse. Deutsche und skandinavische Beiträge / Hrsg. von C. Degn [u.a.]. – Neumünster, 1983. – S. 143–149.
40. Kovacs, Z. Die Hexen in Russland / Z. Kovacs // Acta Ethnographica Academiae Scientiae Hungaricae. – 22 (1973). – S. 51–87.
41. Zguta, R. Witch-craft and Medicine in Pre-Petrine Russia / R. Zguta // Russian Review. – 37 (1978). – P. 438–448.
42. Schormann, G. Hexenprozesse in Deutschland / G. Schormann. – Hexenprozesse in Deutschland. – Göttingen, 1981. – S. 52–63.
43. Midelfort, H. C. Erik. Geschichte der abendländischen Hexenverfolgung / H. C. Erik Midelfort // Hexen und Hexenverfolgung im deutschen Südwesten. Aufsatzband. Hrsg. von Sönke Lorenz im Auftrag des Badischen Landesmuseums in Zusammenarbeit mit dem Institut für Geschichtliche Landeskunde der Universität Tübingen. 17. September bis 11. Dezember 1994. Karlsruhe, Schloß. – Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 1994. – S. 49–58.
44. Donegan, Jane B. Women and Men Midwives: Medicine, Morality and Misogyny in Early America / Jane B. Donegan. – Westport (Connecticut), 1978. – VIII, 316 p.
45. Heinsohn, G. Die Vernichtung der weisen Frauen. Beiträge zur Theorie und Geschichte von Bevölkerung und Kindheit / G. Heinsohn, O. Steiger. – Herstein, 1985. – 366 S.
46. Demos, J. Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England / J. Demos. – New York, 1982. – XIV, 543 p. – P. 63–72; 155–156.
47. Clark, S. Inversion, Misrule and the Meaning of Witchcraft / S. Clark. – Past and Present 87 (1980). – P. 98–127.
48. Burke, P. Popular Culture in Early Modern Europe / P. Burke. – London, 1978. – 365 p.
49. Trevor-Roper, Hugh R. The European Witch Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries and Other Essays / Hugh R. Trevor-Roper. – New York, 1969. – VI, 246 p.
50. Thomas, K. Religion and the Decline of Magic: studies in popular beliefs in sixteenth and seventeenth century England / K. Thomas. – London, 1971. – XVIII, 716 p.
51. Macfarlane, Alan D. J. Witchcraft in Tudor and Stuart England / Alan D. J. Macfarlane. – London, 1970. – XXI, 334 p.
52. Lerner, C. Witch Beliefs and Witch Hunting in England and Scotland / C. Lerner. – History Today 31 (Feb. 1981). – P. 32–36.
53. Muchembled, R. The Witches of the Cambresis: The Acculturation of the Rural World in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / R. Muchembled // Religion and the People, 800–1700 ; Hrsg. von J. Obelkevich. – Chapel Hill, 1979. – P. 221–276.
54. Parker, G. The European Witch Craze Revisited / G. Parker // History Today – 30 (Nov. 1980). – P. 23–24.
55. Boyer, P. Salem Possessed. The Social Origins of Witchcraft / P. Boyer, S. Nissenbaum. – Cambridge (Massachusetts), 1974. – XXI, 231 p.
56. Holmes, C. Popular Culture? Witches, Magistrates and Divines in Early Modern England / C. Holmes // Understanding Popular Culture: Europe from the Middle Ages to the Nineteenth Century ; edited by S. Kaplan. – Berlin, 1984. – P. 85–111.
57. Greenleaf, Richard E. Zumarraga and the Mexican Inquisition, 1536–1543 / Richard E. Greenleaf. – Washington, 1961. – 155 p.
58. Delumeau, J. La peur en occident, XIVe – XVIIe siècles / J. Delumeau. – Paris, 1978. – 485 p.
59. Lehmann, H. Hexenglaube und Hexenprozesse in Europa um 1600 / H. Lehmann // Hexenprozesse. Deutsche und skandinavische Beiträge ; Hrsg. von C. Degn [u.a.]. – Neumünster, 1983. – S. 14–27.

60. Honegger, C. Die Hexen der Neuzeit. Studien zur Sozialgeschichte eines kulturellen Deutungsmusters / C. Honegger. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1978. – Neuausgabe 2015. – 393 s.
61. Beyer, C. „Hexen-Leut, so zu Würzburg gerichtet“. Der Umgang mit Sprache und Wirklichkeit in Inquisitionsprozessen wegen Hexerei / C. Beyer. – Frankfurt am Main/Bern/New York : Lang, 1986. – 206 s.
62. Weber, H. Kinderhexenprozesse / H. Weber. – Frankfurt am Main und Leipzig : Insel Verlag, 1991. – 354 s.

Поступила 13.12.2019

WITCH PERSECUTION AND TRIALS IN EUROPE DURING THE MIDDLE AGES AND EARLY NEW AGE

O. KELLER

An article is dedicated to one of the most interesting pages of European history of the Middle Ages and the Early New Age, the subject of witches and their persecution in various parts of Europe. It is a kind of attempt to answer a number of questions: 1) Who are such witches and in what regions were they evident?; 2) When have they left their mark and on what specific time segments are the heyday and fall of witch-esclaims?; 3) Where were they persecuted and how serious (strongly)?; 4) Why are we talking about mass witch-ing persecution? and 5) How should we interpret the so-called witch-chasing processes from today's point of view?

Keywords: *Witches, the chronological framework of witch persecution, the spatial framework of witch-hunts, mass witch trials, the genesis of events and witch-related phenomena.*

УДК 94(4)“15”

**ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ:
МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ***канд. ист. наук, доц. Л. Я. КЛИМУТЬ**(Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова)*

XVI век – это период глубоких трансформаций в европейском обществе. Изменения затронули политическую, экономическую и духовную жизнь людей. Это время стало переходным периодом между Средневековьем и Новым временем. Основным аспектам этого перехода уделено внимание в статье. Рассматриваются демографический, политический, экономический и религиозный аспекты XVI века как переходного периода от Средневековья к Раннему Новому времени. Уделяется внимание изменениям в военном деле и развитии культуры, началу европейской экспансии и колонизации недавно открытых земель. Затрагиваются некоторые аспекты социальной структуры общества. Подчеркивается сложность и противоречивость трансформаций, происходивших в XVI веке, и приверженность прежним моделям во многих сферах жизни, что делало процесс изменений в этих сферах достаточно болезненным.

Ключевые слова: XVI век, Раннее Новое время, Ренессанс, религия, Реформация, трансформация общества

Введение. Датировка окончания Средневековья в Западной Европе – спорная и не решенная до конца на сегодняшний день проблема. Этот вопрос относится к разряду тех дискуссионных вопросов, споры по которым до сих пор не утратили актуальности. Можно было бы привести ряд аргументов в пользу той или иной точки зрения, однако цель данной статьи не в этом. Нами не ставится задача установить хронологические рамки Средневековья или Нового времени. Скорее, это попытка понять, что собой представлял переход от мира Средневековья к миру Нового времени, несмотря на все разногласия среди ученых в отношении датировок этих периодов. В любом случае это был сложный процесс, повлекший за собой изменения в менталитете, образе жизни, отношении к миру и государству, во взаимоотношениях в обществе. Поэтому в данном исследовании уделяется внимание тем материальным и интеллектуальным изменениям, которые свидетельствовали о том, что общество переживает кардинальные перемены, в общем-то, и повлекшие за собой переход к новой исторической эпохе.

XVI век можно рассматривать как поворотный пункт в истории Европы. Европа конца XV в. все еще ориентировалась на политическое, интеллектуальное и духовное наследие Средневековья. К XVIII в. все ориентиры изменились. Европейцы пережили первую волну технологической массовой коммуникации и первый период идеологически мотивированных изменений и конфликтов. Они столкнулись с увеличившимся в размерах миром, который был им незнаком и которому они попытались навязать свои культурные ценности. Поначалу в историографии эта трансформация европейской культуры от регионального феномена к доминирующей мировой силе рассматривалась как неоспоримое свидетельство неизбежности триумфа Европы над остальным миром, благодаря ее прогрессивному развитию. Однако сегодня историки по-другому подходят к трактовке этого периода. XVI век можно считать эпохой приспособления, временем, когда люди были вынуждены размышлять о таких вещах, которые ранее считались немислимыми. С такими радикальными изменениями в ментальной жизни пришли разного рода травмы и конфликты как для самих европейцев, так и для тех, с кем они столкнулись, поэтому возможно рассматривать XVI век как отдельный переломный период, или переход от одной эпохи к другой.

Основная часть. Фундаментальные демографические, экономические и культурные изменения происходили уже в середине XV века. Эти изменения сопровождались укреплением и усилением государственной власти и, можно так сказать, формированием по-настоящему суверенных государств. Уже в XV в. из уст монархов раздаются идеи о верховенстве королевских прерогатив над местными законами и обычаями. Они могли оставаться только словами, не воплощенными в дело, но это был важный знак в изменении восприятия отношений между государством и подданными. Реальная власть, тем не менее, по-прежнему оставалась в руках знати, городских советов и пр. Изменения в этом отношении займут не одно столетие. Однако именно сейчас появляются «первые ростки» этих изменений.

В течение столетия, последовавшего за спадом интенсивности эпидемий бубонной чумы, население Европы восстанавливалось до прежнего уровня. К 1500 г. число европейских жителей составляло около 90 млн. [1, с. 93]. Естественным образом прирост населения вел к конкуренции за землю и рабочие места. В результате, большое количество населения покидало сельскую местность и отправлялось в города, которые стали местом формирования новых ценностей и нового взгляда на жизнь. Поначалу в Северной Италии, а затем и по всей Европе торговые, культурные и политические процессы определяли

повседневную жизнь людей и их мировоззрение. Средневековый феодализм с его общинными ценностями уступал дорогу конкурентному капитализму с его индивидуалистической этикой.

Торговля приносила новое богатство, благодаря чему меняется состав заказчиков искусства. Теперь зажиточные купцы становятся покровителями искусства и образования и поддерживают тех правителей, которые, на их взгляд, способны были обеспечить им внутреннюю безопасность, необходимую для роста экономики.

Наблюдался рост в развитии военных технологий. Использование пороха и артиллерии с ее разрушительной силой вело к введению новых налогов; а это, в свою очередь, – ко все большим затратам на военную мощь. Повсеместным явлением становится набор и обучение тяжело вооруженной армии, состоящей из людей простого звания. Армию начинают использовать и в мирное время для подавления бунтов и преследования инакомыслящих. Она становится настоящим инструментом власти. Государства продолжают прибегать к войне для того, чтобы распутать сложные клубки противоречий, унаследованные из Средневековья, но эти войны становятся более масштабными, дорогостоящими и сильнее влияют на жизни граждан, не участвующих в них напрямую. Этому аспекту уделяет внимание Ф. Бродель в своем исследовании *Capitalism and Material Life, 1400–1800*. [2; см. также Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. – М.: Весь мир, 2006. – 3 т.].

Многие исследователи используют термины «военная революция» или «революция в военном деле», чтобы подчеркнуть, насколько менялась тактика и технология ведения войны в переходный между Средневековьем и Новым временем период. И хотя с таким определением согласны не все, бесспорным является то, что в Раннее Новое время война служила в том числе делу изменений и распространения культурных ценностей. Война порождала передвижение людей по континенту, и эти люди приносили с собой новые взгляды или открытия в те местности, куда они устремлялись. Безусловно, это не было добровольным переселением, скорее наоборот, разрушение сложившегося уклада жизни сотен семей, но данный процесс способствовал распространению идей в Европе. Нельзя забывать и о профессиональных солдатах – наемниках, которые могли служить разным государствам и внесли свой вклад в распространение по континенту культурных и ментальных установок, не говоря уже о распространении технологий. Вместе с тем, войны сопровождалась перемещением текстов и образов. Изобретение печатного станка позволило профессиональным солдатам перевести свой опыт в печатную форму. Конечно же, распространение военной литературы – это часть более всеобъемлющей революции в книгопечатании, но оно вносило свой вклад в формирование в начале XVII в. активной публичной сферы, т.е. общественности в нашем понимании, в таких странах, как Англия. Таким образом, менялась как технология войны, так и ее роль в косвенном распространении новых идей, хотя эту роль не стоит излишне преувеличивать, поскольку главными итогами войн на территориях, где они велись, были разрушения и экономическая и культурная стагнация.

Развитие военной технологии частично объясняет и многочисленные успехи европейцев в освоении новых территорий, т.е. в открытии, эксплуатации и колонизации новых земель. Рубеж XV – XVI вв. был, бесспорно, ключевым моментом в изменении представлений европейцев об окружающем мире. На протяжении Средневековья эти представления были ограниченными и неполными, определявшимися как точной информацией, так и сведениями из сказок и легенд.

Проблема накануне открытия Америки заключалась не в том, что эти места и люди считались новыми и странными. Скорее, европейцы воспринимали их, как и все экзотическое и незнакомое, в рамках аналогий тем вещам, которые они уже знали и понимали. Кроме того, просто немислимо было, чтобы классические космологи и географы, не говоря уже о Священном Писании, могли упустить такую важную информацию и представить неверную картину мира. В мире, где можно было найти гигантов и чудовищ и прочитать их детальное описание в литературе, вполне возможно было оспорить принадлежность к человеческой расе тех, кого обнаружили в Америке. Средневековые европейцы были не готовы в интеллектуальном, культурном и моральном смысле к роли колониальных правителей мира.

Открытие Америки столкнуло европейцев с целым рядом нехристианских верований и социальных практик, а возросший интерес к интеллектуальному и художественному наследию дохристианских Греции и Рима ставил под вопрос гегемонию христианского мировоззрения. Радикально менялись представления о физическом мире, в котором жили люди. Ученые рисовали новую картину природы, более механистическую и имперсональную, не такую, которая была знакома предыдущим поколениям по Библии. Весьма значимым фактором является раскол Европы в начале XVI в. на различные религиозные сообщества. Начинают возникать национальные церкви, а государство стремится установить свой контроль над этими институтами. Фактически рушилась средневековая концепция единого христианского сообщества под руководством и духовным лидерством Папы Римского.

В политической и военной сфере временем постепенного завершения определенного периода европейской истории стала середина XV в. Англичане были окончательно изгнаны из Гаскони в 1453 г. Наступил сорокалетний период внутреннего мира в Центральной Италии. В остальной Европе конец XV в. был последним вздохом традиционной феодальной и рыцарской войны, которая быстро устаревала.

Крупные изменения и инновации, предвещавшие окончание Средневековья, стимулировали восхищение давним прошлым и подражание ему. Конкретным проявлением этой тенденции стало движение, получившее название «Возрождение», или «Ренессанс». Уже в конце XIV в. были европейцы, которые обращались к греческой и римской Античности в поисках художественного и философского совершенства. Но непосредственно то негативное отношение к Средневековью, с которым ассоциируется Ренессанс, в различимой и выраженной форме появилось в середине XV в.

Важным фактором было взятие турками Константинополя 29 мая 1453 г. Многие византийские ученые бежали на Запад, в частности, в Италию, захватив с собой манускрипты античных текстов, хранившихся в византийских библиотеках. Эти документы произвели настоящую революцию.

В начале XVI в. культура итальянского Возрождения начала оказывать мощное влияние на Европу. Итальянский гуманизм передал на север Европы множество своих достижений. Одно из них было лингвистическим: более классическая латынь и знание греческого и иврита, практически неизвестных в Средневековье. Языки открыли доступ к классической литературе. Было издано большое количество сначала латинских авторов, а затем и классической греческой литературы. Кроме того, большое количество классической литературы было издано на народных языках. Еще большее значение имела сама концепция Ренессанса, т.е. культурного возрождения, поскольку гуманисты вырабатывали свой взгляд на Европу и свое место в ней. Они проповедовали возвышенную уверенность в том, что античную цивилизацию можно восстановить, если гуманисты смогут снова открыть наследие Античности. Эти тенденции привели к требованиям реформировать школы и университеты, чтобы в них меньше внимания уделялось некоторым предметам, доминировавшим в Средневековье, а больше – классическим языкам и литературе. Хотя средневековая программа образования сохранялась и в XVII в., гуманистическое влияние на него росло на протяжении всего XVI в.

Ренессанс характеризуется вниманием к мирским проблемам и светской власти, прославлением творчества и индивидуальности человека. Художники, ученые и мыслители Ренессанса стремились воспроизвести антропоцентричное восприятие мира, которое лежало в основе Античности. В целом Ренессанс обычно ассоциируется с городской культурой. Европейцы видели в античных ценностях, особенно приоритете образования и этических принципах, вечные стандарты, от которых в Средневековье непоследовательно отказались «эгоистичные» священники и правители.

Важной составляющей гуманистической культуры была идея активной жизни (*vita activa*) в противоположность созерцательному опыту Средневековья с его устремлением в жизнь иную. С появлением печатного станка в конце XV в. гуманистические идеалы стали быстро распространяться, проникая в университеты, и ко дворам государей.

Тем не менее, Европа к XVI веку еще только приходила к пониманию литературного, художественного и философского феномена под названием Ренессанс. Небольшие группы ученых, образованных людей и художников уже в течение ста лет утверждали, что они решительно порвали с тем, что они сами называли «средние века» – промежуточный период между греко-римской античностью и их собственным временем. В Италии конца XV в. люди Ренессанса уже были на культурном подъеме: они представляли моду и вкусы времени.

Ситуация к северу от Альп была гораздо более сложной. Ренессанс представлял собой иностранное, даже экзотическое вторжение в утонченную и хорошо сформулированную литературную и художественную культуру. Горстка французских, немецких и английских ученых восприняла этот стиль к середине XV в., но они не представляли собой большинство, и нельзя даже сказать, что они были самыми мощными силами в искусстве и культуре. Иногда местные представители Ренессанса претенциозно преувеличивали свою борьбу с «варварами» и «клеветниками», приписывая себе воображаемую или добровольную изоляцию, не отражавшую в реальности их положение в академических или культурных кругах [3, с. 6]. Но вопрос их интеграции в более широкий культурный мир Европы находится вне темы данного исследования.

Все эти трансформации внесли свой уникальный вклад как в политическую, так и в культурную жизнь Европы. Соответственно, они же повлияли и на изменения в восприятии людьми мира и собственного места в нем, предопределив рождение самосознания Нового времени. Этот период отмечен ростом централизованной государственной власти и упадком власти земельной аристократии и духовенства. Наблюдается постепенная секуляризация политической власти, что станет важным фактором перехода к ментальности Нового времени.

Безусловно, нельзя упустить и значение религиозных перемен. Реформация занимает двойственное место в интеллектуальной истории Европы Раннего Нового времени. С одной стороны, она способствовала развитию и признанию индивидуального самосознания, с другой стороны, ее идеи возвращали к средневековому миру теократического правления и эмоциональной религиозности. Несмотря на сотни различий между отдельными направлениями протестантизма, почти все они верили в необходимость цивилизации, управляемой церковью, где моральные принципы и кодекс поведения определяет церковь,

а внедряет государство, используя методы убеждения и принуждения. По словам Р. Бейнтон, Реформация сделала религию главным вопросом, в том числе и в политике, на следующие 150 лет [4, с. 12]. Как и в средневековом католицизме, беспокойство протестантов о душе вело к необходимости дисциплинировать земных грешников. Достаточно вспомнить, что две ведущие фигуры ранней Реформации – Мартин Лютер (1483 – 1546) и Жан Кальвин (1509 – 1564) – были глубоко консервативными христианами. Они рассматривали человеческую природу с пессимизмом, ни один из них не выступал за социальные изменения и наделение политической властью формировавшегося торгового класса. Они были преданы идее реставрации изначального христианства и отвергали все формы примирения с миром [5, с. 126]. Но стремление основателей протестантизма оспорить абсолютную власть Папы Римского и легитимность иерархической структуры церкви наряду с их идеей о равенстве всех христиан в их отношениях с Богом послужили мощным, хотя и ненамеренным, ударом по установившемуся порядку во всех аспектах жизни. Здесь уместно привести слова Фрэнклина Ван Баумера: «Реформаторы внесли свой вклад в индивидуализм, хотя ни один из них не был индивидуалистом в современном смысле этого слова; в национализм, хотя они надеялись восстановить христианское единство; в демократию, хотя вряд ли кто-то из них был демократом; в «капиталистический дух», хотя они крайне подозрительно относились к капитализму; и, на самом деле, в секуляризацию общества, хотя их целью было как раз обратное» [6, с. 169].

XVI век был самым сложным веком для европейского христианства. В 1500 г. население Западной Европы принадлежало к международной церкви, теоретически служившей всем. Ересь в целом, при наличии небольшого количества вальденсов и других еретиков, была только бледным подобием того, что было раньше. И совершенно противоположная ситуация наблюдается к 1600 г., когда многие европейские народы начали осознавать, что они католики, лютеране и т.п. Не обладавшие достаточным образованием люди чувствовали необходимость знать, почему они те, кем они являются. Принадлежность к той или иной крупной или мелкой конфессии на Западе определяла не только сознание человека, но и его политические взгляды.

Европа накануне Реформации была, на внешний взгляд, не просто очень религиозной культурой, но также очень конформистской культурой. Есть множество свидетельств энтузиазма европейцев в отношении церковной жизни. Соборы и приходские церкви перестраивались и украшались по самой последней моде. В больших количествах заказывали алтари. На всех уровнях общества христиане переживали физический контакт со священным в форме реликвий и чудотворных образов. Другими словами, ничто не предвещало европейцам крупных изменений в религиозной жизни. С другой стороны, критика моральных и дисциплинарных недостатков многих священников, недовольство юридическим иммунитетом и политическим вмешательством в определенном смысле были усвоены. Это значит, что лидеры самого духовенства признавали необходимость улучшений и серьезно боролись за то, чтобы их провести.

Интеллектуалы Северного Возрождения по большей части были традиционно преданы христианству, но некоторые из этих утонченных душ, включая многих высших сановников церкви, находили затруднительным верить в то, что спасение души в буквальном смысле зависит от количества отслуженных месс, совершенных паломничеств и проведенных ритуалов раскаяния. В XIII в. такие представления о спасении души были свежими и жизненными. К концу XV в. они все еще были сильны и официально не оспорены, но элита Европы начала уже разочаровываться в претензиях не элегантно изложенной теологии в сочетании с завышенным количеством месс и прочих ритуалов, она задавалась вопросом: неужели это единственный путь к божественному? Однако это еще не была сформулированная критика.

Реформация подняла ряд вопросов, но эра конфессиональной ортодоксии и в протестантских, и в католических странах снова закрыла их. Попытки провести четкую разделительную линию между периодом Реформации и периодом конфессионализма часто не дают результата. Современных исследователей нередко привлекает ранняя Реформация из-за ее расплывчатости, открытости и потенциальных возможностей. Однако эта расплывчатость не могла существовать постоянно. Это был побочный продукт поисков высшей истины, а не цель. Религиозные люди XVI в. верили, что абсолютную истину можно найти в текстах Писания, а найдя, ее следует провозглашать и защищать. Суровость и воинственность периода конфессионализма была естественным следствием Реформации, а не предательством ее идеалов. Трагедия XVII в. была в том, что понадобилось очень много времени, чтобы понять, что ни один набор догм не может претендовать на право истины в высшей инстанции.

В социальном отношении XVI век также является определенным рубежом. В социальной структуре Позднего Средневековья все еще доминировал класс военной аристократии. Но около 1500 г. начали появляться знаки того, что будущее будет принадлежать политической служащей элите. Книги советов придворным уже предвещали рождение более культурного и утонченного человека. Все более на управление политическими делами, а со временем и на формулирование политики, будет влиять светский административный класс, члены которого происходили не из традиционной военной знати и не из духовенства (хотя эти слои сохраняют значение).

Медленный и постепенный рост административного слоя сопровождался едва различимым, но глубоким изменением в том, как работали управление и политика. XV век был периодом постепенного роста использования бумаги. Бумага не только сделала возможным производство более дешевых и доступных книг, но и способствовала развитию административной и повседневной корреспонденции. Правительство могло фиксировать свои решения и споры. Но был и риск для отдельных людей в записи своих мыслей на бумаге. Множество дошедших до нас писем времен Реформации имеют пометку «после прочтения сжечь» [3, с. 4]. В XVI в. масштаб и разнообразие письменных свидетельств деятельности европейцев будут нарастать.

Ниже уровня правящей элиты изменения происходили не так резко. Следует помнить, что в это время стабильность и постоянство социального порядка представляли собой идеал. Изменения в лучшем случае были неизбежной и нежеланной необходимостью. Общественная иерархия была достаточно четкой. Кроме того, наряду с мирянами внутри Европы существовало сложное параллельное общество духовенства. В определенном смысле духовенство было выше остального общества благодаря своему привилегированному статусу, своему освобождению (иногда теоретическому) от фискальных и военных требований, наложенных государством, и благодаря своей священной власти. Это было параллельное общество также и потому, что оно состояло из собственной знати, среднего класса и низов, подвергавшихся такому же политическому давлению, хотя и в несколько иной форме.

Описание общества в терминах классов отдает приоритет экономическим факторам, управляющим отношениями между людьми, в основном в области контроля над средствами производства. Стронники сословного деления утверждали, что общество XVI – XVII вв. было намного более иерархически структурировано в отношении статуса и сословий, чем в феодальном прошлом. При этом рождение, престижная роль в обществе, степень зависимости от вышестоящего, честь, военная доблесть могли быть более важными, чем экономические и финансовые отношения и контроль над ресурсами и трудом. В последнее время историки начинают подчеркивать сложность, с которой европейцы Раннего Нового времени воспринимали и описывали собственное общество. Они также включают намного больше факторов в отношения между людьми, идя дальше простых властных, юридических, семейных и экономических отношений и заимствуя социально-антропологические концепции и подходы.

В анализ общества следовало бы включать рассмотрение в целом того, как человек и его/ее семья взаимодействовали с другими. Уместно было бы рассмотреть физическое пространство, экономические отношения нанимателя и наемного работника, институциональные рамки, ощущение общности или отчуждения, ментальные отношения друг к другу от уважения до страха, средства коммуникации (жесты, пространственные отношения, язык). XVI век дает нам материал для изучения того, как могли меняться социальные отношения. При этом, исследуя всю Европу, мы должны учитывать, насколько велик был разрыв между Западной и Восточной Европой или между Севером и Югом. Однако изучение этих вопросов потребовало бы отдельного исследования, не ограниченного рамками статьи.

Нельзя обойти вниманием и экономическое развитие. В экономике Европы XVI века традиционно выделяют три черты. Во-первых, земли Западного Средиземноморья – Италия и Иберия, когда-то центр средневековой экономики, были в состоянии застоя, так как центр экономической тяжести переместился на северо-запад к Атлантике вслед за географическими открытиями. Во-вторых, в экономическом смысле границы XVI века можно условно обозначить с 1470 г. до 1650-х гг. Во время так называемого «длинного XVI века» совершился цикл экономического развития, который проявился в восстановлении уровня населения до того момента, когда давление на ресурсы – землю и продукты, которые она давала – снова привело к голоду, смертям и экономическому упадку. Это сопровождалось беспрецедентным ростом цен («революция цен») и обеднением широких слоев населения. В-третьих, «длинный XVI век» отмечают как начало капитализма. И. Валлерстайн выделяет раннекапиталистическую мир-экономику, в которой прежде процветающие центры стали полупериферией и начали доминировать периферийные экономики как в самой Европе, так и в заморских территориях, включенных в эксплуататорские колониальные отношения [7].

В свою очередь, этот подход подвергается критике, по крайней мере в отношении периода до 1600 г. Влияние Нового Света на экономику Европы в смысле инфляционного и дестабилизирующего воздействия ввоза большого количества слитков драгоценных металлов не ощущалось до 1580-х гг., а решительный поворот от средиземноморской к атлантической экономике произошел за период примерно в 30 лет (с 1590 по 1620 г.). Кроме того, дисбаланс между населением, землей и ресурсами уже наблюдался во многих частях Европы до 1600 г. Также в анализе И. Валлерстайна не учитывается роль восточно-европейских земель, экономика которых в XVI в. впервые была интегрирована (не важно, с каким итогом) в европейскую экономику. Вклад же Нового Света в валовой внутренний продукт европейской экономики XVI в., по-видимому, был еще незначительным.

В Раннее Новое время происходят значительные экономические изменения. Возникновение сельскохозяйственного капитализма прежде всего порождает несколько спорных проблем. Можно ли торго-

вую, экспортную экономику Северо-Восточной Европы, основанную на латифундиях во владении дворян, сравнить с расширением аристократического землевладения в Англии? Многие ученые указывают на очевидную схожесть между поместьями, обрабатываемыми крепостными крестьянами, и плантационной экономикой Нового Света с ее рабским трудом. Но экономику германских земель нельзя назвать в полном смысле слова капиталистической, поскольку у помещиков было немного затрат на производство, и они были мене подвержены колебанию цен на рынке. В данных условиях падение цен не обязательно вело к сокращению производства, так как доступность принудительного труда могла породить рост производительности в виде компенсации. Сегодня некоторые историки используют в отношении экономики Восточной Европы термин «рыночно ориентированный феодализм» [8, с. 78].

Предвестником современных методов зарабатывания капитала было возникновение акционерных компаний. Впервые они появились в Северных Нидерландах в XV в., когда нужен был капитал для кораблестроения и торговли. К концу XVI в. акционерные компании контролировали заморскую торговлю Англии.

Для экономики XVI в. характерно использование кредита и кредитных инструментов. Всем известна история Антверпена как центра финансов и торговли. Но можно привести в пример и Базель как финансовую столицу Швейцарской конфедерации.

Происходит процесс переноса технологий, поскольку спасающиеся от религиозных преследований приносят с собой в Голландию свои знания и умения. Этот процесс не ограничивался Нидерландами: из Франции и Италии в Женеву бежали кальвинисты. Можно также вспомнить изгнание морисков из Испании в начале XVII в., но, конечно, самая крупная экономическая диаспора – это беженцы из габсбургских Нидерландов.

Торговцы и финансисты были выскочками в мире феодально-аристократических ценностей и стремились получить знатные титулы и поместья. Классический пример такой тенденции возврата к феодализму или, как называл Бродель, «предательства буржуазии», – это Фугтеры, которые в XVII в. владели поместьями стоимостью в 2 млн. флоринов (такую же сумму они потеряют из-за банкротства испанской короны в 1607 г.) [3, с. 56]. Все же к XVII в. стремление жить на ренту перевесило возможные прибыли от предпринимательских инвестиций, а Англия и Голландия – это лишь исключения, подтверждающие правило.

Заключение. Историки традиционно размещают XVI век в Раннее Новое время. Сам этот термин несколько противоречив, тем не менее, таково официальное название. XVI – XVIII вв., взятые в целом, демонстрируют некоторую траекторию развития, которая приведет Европу к разнообразной и нерегулируемой мировой потребительской экономике, свободному перемещению идей, освобождению естественных наук от метафизики, к религиозной толерантности и политической системе, основанной на прагматизме, коллективной суверенности и общей ответственности. Безусловно, ни одна из этих тенденций еще не сложилась полностью даже к XIX в., не говоря уже о XVII в. Более того, мало кто из европейцев тогда считал эти результаты желанными или в принципе возможными. Это был итог того, что называют логикой развития событий.

Политика – та область, где наименее всего можно искать некую модель или четкую линию развития, ведь падение и возвышение династий не несет в себе очевидной логической необходимости. Вместе с тем, в теории, в основных правилах политики можно различить некоторые тенденции. Можно отметить, что политика больше не являлась подразделением религиозной этики. XVI век поставил вопрос о том, что такое суверенность, а XVII век приложил много усилий в попытках ответить на этот вопрос. Но меняющиеся теории могли очень слабо отражаться на практике. Самые авторитарные правители XVII в., например, Фердинанд II или Людовик XIV, постоянно обращали внимание на советы своих духовников. Оба были абсолютно готовы к тому, чтобы принимать политические решения (1629 и 1685 гг. соответственно), противоречащие их материальным и прагматическим интересам, явно по религиозным соображениям.

В случае же военного дела и военных технологий изменения весьма заметны. Наблюдается четкое прогрессивное развитие. Военные тенденции XVII в. показывают значительные расхождения с XVI в. в частности, размер армий и следующее из этого значение их надлежащего снабжения росли в XVII в.

Можно утверждать, что самой яркой тенденцией Раннего Нового времени является то, что европейцы, у которых были средства, все больше и больше денег тратили на все виды товаров и все виды деятельности. Возросло количество ресурсов и труда, затраченных на изготовление всех этих потребительских товаров, в том числе товаров роскоши. Появилась декоративная мода, которая менялась с возрастающей скоростью. Количественная значимость товаров роскоши (сахар, специи, шелк), ввозимых из далеких уголков мира, может преувеличиваться, особенно в высказываниях моралистов, но, без сомнения, торговля дорогими товарами постоянно расширялась на протяжении XVII в.

В области натурфилософии непосредственная связь между XVI и XVII веками сложна и проблематична. С одной стороны, историки науки могут указать на развитие математической и механической космологий и утверждать, что имеет значение только тенденция «механической философии». С другой стороны, мы видим оккультизм, эзотерику, поиски античной теологии в герметизме и каббализме. Поэтому на сегодняшний день распространенным становится мнение о том, что многие оккультные модели мышления содержали в себе зародыши экспериментальной мысли, особенно учитывая тот факт, что мно-

гие представители так называемой «механической философии» от Иоганна Кеплера до Исаака Ньютона интересовались эзотерикой. Следует отметить, что мыслители Раннего Нового времени не знали, какое направление исследований окажется плодотворным, поэтому использовали множество возможностей, которые сегодня могут показаться странными. Не было ясного пути, чтобы лучше объяснить, что удерживает единство вселенной – магнетизм или сила притяжения. Мыслители Возрождения нащупывали путь к новой эпистемологии. В Средневековье истину преимущественно определял авторитет и «правильное размышление», что на практике означало правила академической логики. На протяжении XVI в. некоторые формы текстовых авторитетов теряли значение, а другие, наоборот, приобретали, как это было с текстами обретенных античных авторов.

Переход от XVI к XVII в. особенно очевиден в области христианской истории. Период приблизительно с 1560 г. до конца XVII в. называют «конфессиональной эпохой». С разных точек зрения этот период может представляться либо воплощением, либо предательством, Реформации. Если считать, что Реформация и Контрреформация предложили свои «правильные» версии христианского учения, то конфессиональная эра их укрепила. Если же Реформация – это разнообразие идей и взглядов, свобода человека выражать свои мысли, то тогда конфессиональная эпоха – это отказ от передовых идей. Немецкие историки определяют это время как систематический и догматический контроль над населением со стороны религиозного правителя, что можно видеть и на протестантских, и на католических территориях.

И все же необходимо повторить, что нет четкого разделения по целям и намерениям между первым и вторым поколениями реформаторов и дальнейшими теологами. Во-первых, религиозные лидеры XVI в. уже не признавали плюрализма. Их проблема состояла в том, что они не могли прийти к согласию по вопросу того, в чем заключается истина. Они ни придерживались идеи сосуществования религий, а выступали за единственно возможную истину. Во-вторых, и в конфессиональный период при сопутствующих обстоятельствах мог начаться хаос. Так, в Англии в 1640-х – 1650-х гг. религиозная власть государственной церкви и епископата пошатнулась, в результате чего наблюдались те же последствия: появилось огромное количество печатных мастерских, выпускавших разнообразную литературу; возникли разнообразные секты; миряне писали и проповедовали во всех контекстах, ранее считавшихся неприемлемыми. После того, как все закончилось, в Англии наблюдалась та же реакция, направленная на внедрение дисциплины в массы, как и в Германии после 1525 г. Ни одной конфессии так и не удалось уничтожить соперников. В конце концов, правители отказались от попыток принудить своих подданных подчиняться своему выбору веры. И, пока Бог позволял существовать различным проявлениям христианства, все более и более открывалась вероятность того, что может существовать не одна истинная вера. В 1699 г. лютеранский пиетист Готфрид Арнольд писал: «Неразделимая вселенская церковь... не связана с конкретным видимым обществом, она распространена и рассыпана по всему миру среди всех народов и конгрегаций... И очень тяжело сказать, которую из конгрегаций можно назвать истинной церковью» [3, с. 206].

XVI век был не только веком открытий и столкновения с неизвестным. Это был период торговой эксплуатации и империалистического расширения Европы. Безусловно, первый период этого развития отличался некоторой экономической наивностью. Но было бы ошибочным противопоставлять XVI век как период разграбления сокровищ XVII веку как периоду плантаций и торговли. Испанский флот, перевозивший драгоценности, плавал и в XVII в., а англичане и голландцы приступили к тому же типу колониализма, который характеризовал Испанию XVI в. Они воссоздавали европейские общества за океаном, торговали предметами роскоши с экзотическими народами и создали эксплуататорские плантации, основанные на принудительном или рабском труде для обеспечения метрополии сырьем. Для европейцев было нечто особенное в том, чтобы иметь удаленные колонии. Можно было вести мелкие колониальные войны друг с другом на относительно низком уровне интенсивности так, что это не портило отношений между метрополиями в Европе.

Каждый век ставит проблемы, которые предстоит решить следующему веку. Но это клише, как никогда, применимо к связи между XVI и XVII веками. XVI век был эпохой быстрого и болезненного приспособления к прежде невиданным неопределенности и дилеммам. Экономическая экспансия для сельскохозяйственной и торговой сфер стала проверкой, которую они не выдержали. Политическая суверенность перестала ограничиваться средневековыми установлениями параллельных иерархий папства и империи. Схоластический синтез метафизики и натурфилософии лишился своей исключительной привлекательности для интеллектуалов. Становилось все более ясно, что в некоторых областях знания авторитет древних нужно оставить позади. Прежде всего, европейцы больше не могли быть уверены в том, как воспринимать творца всего земного, в которого верило абсолютное большинство. Две конфликтующие и конкурирующие системы – спасение через очищение таинствами и праведность через веру – включились в структуры церкви и общества. И, наконец, европейцам пришлось принять и осознать те возможности, которые предоставлял им огромный мир других континентов и чужих народов. Единственным способом им казалось навязывание европейской точки зрения и понимания жизни всем тем народам, которые открывали европейцы. Конечно же, XVII веку предстояло найти новые ответы на эти вопросы. Вполне предсказуемо таким отве-

том могло быть стремление к большему контролю, внедрению дисциплины, регулированию, кодификации и систематизации новых явлений жизни. Это поставит новые проблемы и новые трудные задачи, которые предстоит решать будущим эпохам. Европейским народам придется в корне менять представление о своем месте в мире, в процессе чего и рождалось Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риер, Я. Г. Историческая демография : учеб. пособие для студентов исторических специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / Я. Г. Риер. – 2-е изд. доп. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. – 160 с.
2. Braudel, F. Capitalism and Material Life, 1400–1800 / F. Braudel. – New York : HarperCollins, 1973. – 478 p.
3. The Sixteenth Century / E. Cameron [ed.]. – Oxford University Press, 2006. – 276 p.
4. Bainton, R. The Age of the Reformation / R. Bainton. – Krieger Pub Co, 1983. – 192 p.
5. Berki, R. N. The History of Political Thought: A Short Introduction / R.N. Berki. – London : Rowman and Littlefield, 1977. – 216 p.
6. Main Currents of Western Thought / Franklin Le Van Baumer [ed.]. – New Haven : Yale University Press, 1978. – 808 p.
7. Валлерстайн, И. Мир-системный анализ [Электронный ресурс] / И. Валлерстайн. – Режим доступа: <https://nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm#topic2>. – Дата доступа: 04.11.2018.
8. Duplessis, R. S. Transitions to Capitalism in Early Modern Europe / R. S. Duplessis. – Cambridge University Press, 1997. – 348 p.

Поступила 28.06.2019

**TRANSITION FROM THE MIDDLE AGES TO THE NEW TIME:
MATERIAL AND SPIRITUAL COMPONENTS**

L. KLIMOUT

The 16th century was a period of profound transformations in European society. The transformations affected political, economic, and spiritual life. This was a period of transition from the Middle Ages to modernity. The article deals with main aspects of this transition. The article concentrates on demographic, political, economic and religious aspects of the 16th century as a transition period from the Middle Ages to modernity. Military and cultural changes, beginning of European expansion and colonization of newly discovered territories are stressed. Several aspects of the social organization of the period are touched upon. The article states complexity and inconsistency of the transformations occurring in the XVI century and adherence to previous modes of life, which makes the process of transformation more painful.

Keywords: 16th century, early-modern time, Renaissance, religion, Reformation, transformation of society.

УДК 947.084.8

ЗАХОРОНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)

Представлены результаты первичного исследования документальных источников, на основе которых определено наличие различных подходов к типологизации мест захоронений на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны в процессе послевоенного увековечения, в том числе и на этапе суверенитета Республики Беларусь.

Ключевые слова: воинские захоронения, Великая Отечественная война, воинское кладбище, братская могила, массовые захоронения граждан.

Вступление. Обращение к проблеме типологизации терминов определяется необходимостью систематизации научных знаний о захоронениях на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны, установления адекватности мест воинских захоронений и массового уничтожения мирного населения, т.е. проверки достоверности фактов исторической действительности и их типологизации на основе научных требований.

Актуальным на сегодняшний момент является выявление нормативно-правовых противоречий, отсутствие реестра кодификации разных мест захоронений на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны в целом и на территории каждого района в частности, что влечет за собой проблемы в идентификации мест памяти о погибших воинах Красной Армии, партизанах и мирном населении Беларуси, уничтоженных в ходе карательной политики нацистского оккупационного режима.

Данное исследование основано на документах периода Великой Отечественной войны [15; 26; 27], архивных документах советского периода [13; 14; 18; 19; 20; 21; 22], а также на документальных источниках суверенной Республики Беларусь [17; 23; 24; 25; 29; 30], которые представляют собой нормативно-правовые акты (указы, постановления, распоряжения и т.д.) высших и местных исполнительных и распорядительных органов власти.

Основная часть. Анализ архивного материала, нормативно-правовых документов и научных публикаций по изучаемой проблеме позволяет выделить две основные типологии захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Первая из них основана на типах первичных захоронений, производимых в годы Великой Отечественной войны, на территории Беларуси в том числе, вторая – на типах вторичных захоронений, которые возникли в итоге послевоенного процесса переноса коллективных и индивидуальных мест захоронений воинов Красной Армии, погибших на белорусской территории в период 1941 – 1944 гг.

Следует отметить, что данная типология в разные периоды времени имела свои вариации. Остановимся на них более подробно.

Рассмотрим типологию первичных мест воинских захоронений на территории Беларуси, принятую в годы Великой Отечественной войны, основанную на видах безвозвратных потерь среди состава Красной Армии в период боевых действий, которая различала боевые и санитарные воинские захоронения [15]. **Боевые воинские захоронения** – это захоронения погибшего в ходе боевых операций офицерского, сержантского и рядового состава, произведенные назначенной командиром полка командой. **Санитарные воинские захоронения** – это захоронения погибшего или умершего в военно-медицинских учреждениях офицерского, сержантского и рядового состава, осуществляемые на освобождаемой или освобожденной территории. В свою очередь санитарные воинские захоронения можно условно разделить на госпитальные захоронения умерших от ран или полученных на фронте болезней офицерского, сержантского и рядового состава, производимые непосредственно санитарными тыловыми учреждениями и госпиталями, а также на захоронения, осуществляемые специальными командами из числа местных граждан, организованные местными Советами депутатов трудящихся.

Таким образом, взятые за основу виды безвозвратных потерь среди военного состава Красной Армии периода Великой Отечественной войны определяют и типологию первичных воинских захоронений, представленную боевыми и санитарными воинскими захоронениями.

В любом случае, данная типология применима только к воинским захоронениям, не затрагивая первичные места массового уничтожения военнопленных и гражданского населения на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны.

В основе второй типологии захоронений периода Великой Отечественной войны лежит *критерий вторичности захоронений*, возникших в ходе плановых мероприятий руководства Беларуси по перенесе-

нию первичных мест захоронения в укрупненные, как правило, братские могилы, проводимых в массовом порядке в несколько этапов – с 1946 по 1949 гг. и с 1953 по 1956 гг.

В документах советского периода не имеется юридически зафиксированной классификации захоронений периода Великой Отечественной войны, а также терминов, которые бы раскрывали сущность понятий по данной проблеме.

Анализ постановлений СНК СССР [19], ЦК КП(б)Б и Совета Министров БССР [13; 14; 18; 20; 21; 22] за 1944 – 1970 гг. позволяет автору публикации выделить **типологию мест захоронений периода Великой Отечественной войны** (в послевоенный советский период речь шла только об увековечении событий Великой Отечественной войны) в следующей редакции:

- воинское (военное) кладбище,
- братская могила,
- одиночная (индивидуальная) могила
- с 1961 г. появляется еще один тип – место массового захоронения граждан.

Следует отметить, что в Постановлении Совета Министров БССР № 936 от 14 июля 1948 г. «О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в период Великой Отечественной войны на территории БССР» появляется категория жертв из числа мирного населения [21, с. 57–59]. До этого момента к захоронениям периода 1941 – 1945 гг. относили только могилы воинов Красной (Советской) Армии и партизан, т.е. подпольщики как участники Сопrotивления, военнопленные и жертвы среди мирного населения не учитывались, и соответственно места их захоронения не имели статуса захоронения, имевшего право на увековечение памяти жертв.

Во второй половине 1980-х гг. была издана серия Сводов памятников истории и культуры Беларуси (далее – Сводов), созданная на основе данных местных исполнительных органов власти БССР. Среди значимых памятников, посвященных различным историческим событиям, обозначены и места захоронений периода Великой Отечественной войны. Систематизация и анализ опубликованных данных позволяет автору выделить следующую **типологию захоронений 1941 – 1945 гг.:**

- воинское (братское) кладбище;
- братская могила;
- индивидуальная могила;
- могила жертв фашизма.

При этом воинское кладбище может включать в себя места захоронений как воинов Красной (Советской) Армии, так и партизан. Братская могила имеет отношение и к захоронениям воинов Красной (Советской) Армии, партизан, а также военнопленных. Понятие «могила жертв фашизма», в большинстве случаев, имеет отношение к местам сожжения деревень вместе с жителями и геноцида еврейского населения в ходе реализации карательной политики нацистов. По причине того, что в советский период на законодательном уровне не была выработана терминология в отношении мест захоронения жертв Великой Отечественной войны, то при подаче соответствующих сведений местные органы исполнительной власти по-своему интерпретировали те или иные понятия.

Обратим внимание на выявленные автором особенности в процессе сопоставления данных Сводов 1980-х гг. [1 – 5; 28] и паспортизированных воинских захоронений 2012 – 2017 гг. [6 – 11]. Для определения места захоронения гражданского населения в 1985 – 1990 гг. использовались понятия «место сожженной деревни» (уничтоженный населенный пункт без жертв среди мирного населения – авт.) и «могила жертв фашизма», а в 2012 – 2017 гг. – понятия «братская могила» и «место массового уничтожения». При анализе данных, представленных в Сборах и верифицированных по электронной базе данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» [32], было выявлено, что во многих случаях «место сожженной деревни» не в полной мере соответствует данному понятию. К примеру, из 146-ти мест сожженных деревень Витебской области, зафиксированных по опубликованным данным 1985 г., в 120-ти случаях указано о сожжении деревни с наличием жертв (4 655 человек), из них на момент 2013 г. имеет статус «братской могилы» – 5 мест [1; 6; 32]; из 11-ти мест сожженных деревень Гомельской области по данным 1985 г. с общим количеством уничтоженного населения в 595 человек ни одно из них не имеет статуса захоронения периода Великой Отечественной войны [2; 11; 32]; из 10-ти по Брестской области в одном случае придан статус братской могилы, поставленной на учет местными органами власти после 2005 г. [10; 28; 32].

С обретением независимости в Республике Беларусь произошли изменения в нормативно-правовой базе. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 763 от 21.12.1992 г. «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн» [25] и Указ Президента Республики Беларусь № 231 от 30.11.1994 г. «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь» [30] не содержат в себе типологизации захоронений и терминологии, будучи направленными на решение других важных задач, связанных с вопросами увековечения памяти. Но

однозначно можно сказать, что в фокусе внимания упомянутых документов находятся и захоронения воинов и участников Сопротивления, а также жертв периода Великой Отечественной войны.

В 2003 г., согласно Постановлению № 60 от 22. 10. 2003 г. Министерства обороны Республики Беларусь, была утверждена Инструкция о порядке государственного учета воинских захоронений в Республике Беларусь [17], которая содержит **классификацию воинских захоронений**:

– *воинское кладбище* – захоронение, состоящее из нескольких братских и (или) одиночных могил (захоронений), где захоронены военнослужащие, павшие на поле боя или умершие от ран и болезней, и участники сопротивления;

– *братская могила* – компактное захоронение, имеющее общий памятный знак;

– *индивидуальная могила* (захоронение) – место, где захоронен один погибший (умерший);

– *место массового уничтожения* – место, где захоронены военнослужащие и другие жертвы войн, захоронения которых проводились многократно без соблюдения каких-либо правил в местах принудительного содержания [17].

Исходя из этого, под «воинскими захоронениями», согласно употребляемому термину доктором юридических наук, профессором И. Мартыненко, понимаются «места захоронения защитников Отечества и жертв войн с находящимися на них надгробиями, элементами ограждения и техническим оборудованием, а также без них» [цит. по 12, с. 202].

В статье «Знать и помнить» ведущего научного сотрудника Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, В. Шумского, приуроченной к 70-летию Победы, особо подчеркнуто, что «к воинским захоронениям в Беларуси относятся не только захоронения военнослужащих и участников сопротивления, но и могилы гражданского населения, погибшего в результате действий воюющих сторон» [цит. по 31, с. 5], подразумевая при этом, что все захоронения были произведены во время Великой Отечественной войны.

Таким образом, в период с 1991 по 2016 гг. впервые была выработана типологизация и новая терминология в отношении к захоронениям периода Великой Отечественной войны, согласно которой воинские захоронения делятся на четыре типа: воинское кладбище, братская и индивидуальная могилы, место массового уничтожения.

Видоизмененная классификация захоронений периода 1941 – 1945 гг. появилась в результате издания Указа Президента Республики Беларусь № 109 от 24 марта 2016 г. «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» [29].

Непосредственно в пункте 6 Главы 2 данного нормативно-правового акта представлена следующая классификация воинских захоронений, к которым относятся:

«6.1. *воинские кладбища* – воинские захоронения, состоящие из нескольких братских и (или) индивидуальных могил; 6.2. *воинские участки кладбищ* – воинские захоронения на специально выделенных участках кладбищ; 6.3. *братские могилы* – компактные воинские захоронения, имеющие общее надмогильное сооружение; 6.4. *индивидуальные могилы* – одиночные воинские захоронения» [цит. по 29].

В приведённой классификации типологизированы захоронения погибших при защите Отечества, т.е. участников боевых действий периода Великой Отечественной войны, к которым можно отнести воинов Красной (Советской) Армии, а также участников Сопротивления.

В Главе 3 данного Указа, регламентирующей сохранение памяти о жертвах войн, к перечню которых относятся лица из числа гражданского населения, погибшие насильственной или преждевременной смертью в результате военных действий воюющих сторон, карательных и иных акций, осуществляемых в ходе войн и вооруженных конфликтов (в нашем случае Великая Отечественная война – А.К.) среди прочего основной формой сохранения памяти указан государственный учет, обустройство и содержание захоронений жертв войн [29], без указания их классификации.

Так, к примеру, в каталогах воинских захоронений, изданных Министерством обороны Республики Беларусь на протяжении 2012 – 2017 гг. по областям [6 – 11], до подписания Указа 2016 г., была представлена следующая типология захоронений: воинское кладбище, братская могила, индивидуальная могила и место массового уничтожения; после 2016 г. термин «место массового уничтожения» исчезает.

Выходит, если рассматривать данную проблему с точки зрения терминологии, согласно нормативно-правовой базе к воинским захоронениям относятся только места погребения военнослужащих Красной (Советской) Армии и партизан. Закономерным является вопрос: куда отнести места захоронения военнопленных, являющиеся масштабными и по количеству жертв, и по площади захоронения, так как понятие «место массового уничтожения», ранее применяемого в том числе и для идентификации захоронений военнопленных, не нашло своего отражения. Исходя из практики, в обновляемых паспортах захоронений ранее указанные как «место массового захоронения» приобретают статус «братской могилы», что на наш взгляд, нивелируют масштабность трагедии и её потерь.

Далее, 17 сентября 2018 г. было издано Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 675 «Об утверждении Правил благоустройства мемориалов, памятников воинской славы, воинских

захоронений и захоронений жертв войн» [23], в котором использована терминология, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г.

Но к данному документу 30 января 2019 г. было принято новое Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 69 «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 сентября 2018 г. № 675» [24]. Внесенные изменения носят конкретизирующий характер. Согласно новой редакции «*воинские захоронения или захоронения жертв войн*» следует заменить словами «*одиночные и братские могилы воинов, погибших в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн, воинские кладбища, отдельные воинские участки общих кладбищ, места массового захоронения гражданского населения (далее – места захоронения)*», т.е. термин «воинские захоронения» заменяется их типами, ранее представленными в классификации воинских захоронений, а термин «захоронение жертв войн» на «место массового захоронения гражданского населения».

Необходимо отметить, что места массового захоронения периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси в большинстве своем носят смешанный характер. Примером тому служит место массового захоронения № 6807 (по классификации 2003 г.) г. Полоцка. Оно фиксирует цифру в 38 000 человек. Согласно данным широкого круга источников на территории урочища «Пески» нацисты на протяжении 1941 – 1944 гг. осуществляли планомерное уничтожение военнопленных дулага-125, партизан и подпольщиков, а также гражданского населения, подозреваемого в пособничестве участникам Сопротивления. На сегодняшний момент, согласно нормативно-правовым документам 2016 г., данное захоронение переведено в статус «братской могилы» [16]. Так же ситуацию иллюстрирует захоронение № 5538, расположенное в г. Барановичи Брестской области с общим количеством увековеченных имен – 31 000 человек, которое имеет смешанный характер – место гибели советских военнопленных и мирных граждан [28; 10]. Исключением являются места массового уничтожения еврейского населения, которое планомерно и системно истребляли в ходе реализации «окончательного решения еврейского вопроса» на территории Беларуси на протяжении 1941 – 1943 гг.

Заключение. В ходе первичного исследования документальных источников, нормативно-правовых актов и научной литературы были сделаны следующие выводы.

Во-первых, определены основные хронологические периоды процесса решения вопросов захоронения и дальнейшего увековечения памяти погибших воинов Красной (Советской) Армии и мирного населения в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси, в рамках которых выделены исторически сложившаяся и современная типологии захоронений 1941 – 1945 гг. на территории Беларуси:

1941 – 1944 гг. – период осуществления первичного захоронения командами воинских подразделений, санитарными тыловыми учреждениями и госпиталями. Отсюда вытекает и типология воинских захоронений – *боевые и санитарные воинские захоронения*.

1944 – 1991 гг. – период постановки на учет первичных мест захоронения с последующим их «укрупнением» в отведенных для этого местах. В это время осуществляются первые попытки типологизации захоронений на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны, исходя из реалий своего времени – *воинское (братское) кладбище, братская могила, индивидуальная могила, могила жертв фашизма*.

1991 – 2016 гг. – с обретением независимости Республики Беларусь на законодательном уровне была выработана современная типология захоронений, имеющая отношение ко всем военным конфликтам, происходившим на территории Беларуси: *воинское кладбище, братская могила, индивидуальная могила и место массового уничтожения*. Непосредственно ею и руководствовались военные комиссариаты и местные органы власти при составлении паспортов захоронений.

С подписанием Указа Президента Республики Беларусь 2016 г. была введена в оборот новая типологизация захоронений: *воинские кладбища, воинские участки кладбищ, братские могилы, индивидуальные могилы*, тем самым нивелируя число жертв среди мирного населения.

Во-вторых, спецификой захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси является их смешанный характер, который был приобретен как в ходе оккупационной политики нацистских органов власти (имеет отношение к местам массового уничтожения военнопленных и мирного населения за связь с участниками Сопротивления), так и в период реализации политики увековечения памяти погибших воинов Красной (Советской) Армии, в процессе «укрупнения» первичных мест захоронений военнослужащих и партизан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; Рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 496 с.
2. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; Рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 383 с.

3. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; Рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 371 с.
4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; Рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 408 с.
5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; Рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1987. – 284 с.
6. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Витебская область. – Минск : «Рекхауз», 2013.
7. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Гродненская область. – Минск : «Рекхауз», 2015. – 500 с.
8. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Минская область. – Минск : СтройМедиа-Проект, 2016. – 576 с.
9. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Могилевская область. – Минск : СтройМедиаПроект, 2017. – 500 с.
10. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Брестская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск : Рекхаус, 2012. – 255 с.
11. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Гомельская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск : Рекхаус, 2014. – 312 с.
12. Мартыненко, И. Э. Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия / И. Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 343 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 46.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3189.
15. Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/>. – Дата доступа: 18.07.2019.
16. Паспорт захоронения № 6807 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
17. Об утверждении Инструкции о порядке государственного учета воинских захоронений в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Мин-ва обороны Респ. Беларусь от 22 окт. 2003 г. № 60. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2004-21/2004-21\(054-067\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2004-21/2004-21(054-067).pdf). – Дата доступа: 12.07.2019.
18. О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны : постановление Президиума ЦК КПБ от 17 янв. 1966 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 150–152.
19. О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., и о надзоре за их состоянием : постановление СНК СССР № 405-165с от 18 февраля 1946 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 41.
20. О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории БССР : постановление Сов. Мин-в БССР № 280 от 3 мая 1955 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 99–100.
21. О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в период Великой Отечественной войны на территории БССР : постановление Сов. Мин-в БССР № 936 от 14 июля 1948 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 57–59.
22. О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан и увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР : постановление Сов. Мин-в БССР и ЦК КП(б)Б № 827-333/7 от 14 мая 1946 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 46–47.
23. Об утверждении Правил благоустройства мемориалов, памятников воинской славы, воинских захоронений и захоронений жертв войн : постановление Сов. Мин-в Респ. Беларусь № 675 от 17.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type-Постановление/675-17.09.2018.htm. – Дата доступа: 13.08.2019.
24. О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 сентября 2018 г. № 675 : постановление Сов. Мин-в Респ. Беларусь № 69 от 30.01.2019 г. [Электрон-

- ный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type-Постановление/69-30.01.2019.htm. – Дата доступа: 13.08.2019.
25. Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн : постановление Сов. Мин-в Респ. Беларусь № 763 от 21.12.1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://belzakon.net/ Законодательство/Постановление_Совета_Министров_РБ/20/95951](https://belzakon.net/Законодательство/Постановление_Совета_Министров_РБ/20/95951). – Дата доступа: 13.08.2019.
 26. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 106 с объявлением Постановления ГКО СССР «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника» и о введении инструкции по уборке бывших полей сражения // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 24–28.
 27. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 138 с объявлением положения о персональном учете потерь и погребения погибшего личного состава Красной Армии в военное время от 15 марта 1941 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / Редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 17–24.
 28. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белор. Сов. Энцикл.; Редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 424 с.
 29. Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь № 109 от 24.03.2016. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type-Указ/109-24.03.2016.htm/. – Дата доступа: 16.09.2019.
 30. Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь № 231 от 30.11.1994 г. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законодательство/Указ_Президента_РБ/1994/6629. – Дата доступа: 29.09.2019.
 31. Шумский, В. Знать и помнить / В. Шумский // Лесное и охотничье хозяйство. – № 5. – 2015. – С. 3 – 7.
 32. Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Электронная база данных. – Режим доступа: <http://db.narb.by/>. – Дата доступа: 21.06.2019.

Поступила 13.12.2019

**BURIAL SITES IN BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

A. KORSAK

The article presents the results of primary research of new documentary sources on the basis of which it is determined that there are different approaches to typologization of burial sites in the territory of Belarus during the Great Patriotic War in the process of postwar immortalization, including the stage of sovereignty of the Republic of Belarus.

Keywords: *military graves, Great Patriotic war, military cemetery, mass grave, mass graves of citizens.*

УДК 94 (4 Бел): 351.74

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

А. А. КОСЕНКО

(Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь)

Рассматриваются вопросы об организации деятельности полиции Российской Империи в крупных населенных пунктах Беларуси в период с 1862 по 1917 г.г., в которых имелось городское полицейское управление. Анализируется вопрос организации, эффективности работы полиции и основных критериев её оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова: полиция, эффективность, Российская Империя, Беларусь, организация работы, город.

Введение. Министерство внутренних дел и его структурные подразделения должны на высоком профессиональном уровне осуществлять свою деятельность, обращаясь, по возможности, к опыту своих предшественников, примерам ведомственной истории, страницы которой полны бескорыстных примеров служения Родине и народу. На протяжении всей человеческой истории государственные правоохранительные органы (дружина, полиция, милиция, органы внутренних дел и т.п.) выступали государственным органом, который осуществлял функции по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В связи с глубокими преобразованиями всех сфер общественной деятельности, вызванных крестьянской реформой 1861 года, полиция, как один из основных государственных органов управления, также должна была быть подвергнута серьезным изменениям.

Реформа полиции 1862 года подразумевала глубокую реорганизацию всех органов полиции, в том числе создание отдельных управлений полиции в городах, а также отдельных посадах и местечках, где она была необходима. Как считал профессор полицейского права И. Т. Тарасов, город «всегда и неизменно шел впереди при поступательном учреждении в вопросе развития органов полиции» [цит. по 1, с. 39].

Основная часть. Согласно «Временным правилам об устройстве полиции в городе и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 года, являющимся основным нормативным правовым актом, регламентирующим проведение реформы полиции, во всех «губернских и некоторых наиболее значительных городах, посадах и местечках» организовывалась отдельная от уездов городская полиция. Правила организации городской полиции не распространялись на «столичные полиции С.-Петербурга и Москвы, устроенные по особым учреждениям, и на полицию некоторых городов, военных портов и местечек, неподведомственных местному губернскому начальству...». Городская полиция должна была финансироваться за счет средств государственного бюджета. [2, с.589].

В соответствии с положениями «Временных правил об устройстве полиции в городе и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» 1862 года на территории современной Республики Беларусь городская полиция должна была быть создана в губернских городах Витебск, Гродно, Минск, Могилев, а также в определенных уездных городах: г. Бобруйск Минской губернии и г. Брест-Литовск (в настоящее время – г. Брест) Гродненской губернии [3, с. 543].

В соответствии с действующим законодательством городские полицейские управления были разделены на 3 разряда [3, с.544].

Должность	Число лиц	Оклад (руб.)	Классы и разряды		
			По должности	По пенсии	По шитью на мундир
1 разряд					
Полицмейстер	1	1500	VII (гражданский классный чин – надворный советник; в армии – подполковник пехоты).	V (гражданский классный чин – статский советник; в армии – нет).	–
Помощник полицмейстера	1	1000	VIII (гражданский классный чин – коллежский асессор; в армии – майор в пехоте (до 1884 года), капитан в пехоте (с 1884 года), ротмистр в кавалерии (с 1884 года).	VI (гражданский классный чин – коллежский советник; в армии – полковник в пехоте).	–
Секретарь	1	600	X (гражданский классный чин – коллежский секретарь; в армии – штабс-капитан в пехоте (до 1884 года), поручик (с 1884 года).	VII (гражданский классный чин – надворный советник; в армии – подполковник пехоты).	IX (гражданский классный чин – титулярный советник; в армии – штабс-капитан пехоты).
2 разряд					
Полицмейстер	1	1200	VII	V	–
Секретарь	1	500	X	VII	IX
3 разряд					
Полицмейстер	1	1000	VII	V	–
Секретарь	1	400	X	VII	IX

Процесс создания городских полицейских управлений в губернских городах шел достаточно быстро. К примеру, в г. Могилев городское полицейское управление было создано уже в 1863 году [4, с. 112]. Вместе

с тем, городские полицейские управления в других городах были основаны позже. Дореформенные городские полицейские учреждения, т.е. городничие управления, в Могилевской губернии оставались в 1863 году еще в г. Быхове, г. Гомеле, г. Горки, заштатном г. Копысь, г. Климовичи, г. Мстиславле, г. Орша, заштатном г. Бабиновичи, г. Рогачеве, г. Сенно, г. Чаусы, г. Черикове [4, с. 125, 136, 149, 157, 167, 172, 184, 195, 197, 209, 219, 227]. Однако уже в 1864 году городские органы внутренних дел нового образца были созданы в г. Гомеле, г. Мстиславле и г. Рогачеве [5; С.102, 140, 169], в остальных уездных городах уездная полиция, в соответствии с «Временным правилам об устройстве полиции в городе и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», включила в свой состав и городскую полицию.

Штатная численность городского полицейского управления состояла из полицмейстера, его помощника, общего присутствия городского полицейского управления, в состав входили полицмейстер в качестве председателя, его помощник и два заседателя от городских сословий, канцелярия под руководством секретаря, а также иных полицейских чинов (частных приставов, их помощников, околоточных и городовых) [2, с. 590–593].

Однако дальнейшее социально-экономическое развитие страны ставило перед правительством новые задачи. В связи с этим в 1887 году было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для которых не издано особых штатов полиции». Данным документом был установлен порядок образования городских полицейских управлений в относительно небольших населенных пунктах, их штатная численность (пять городовых на две тысячи населения), а также устанавливалось финансирование вышеуказанных полицейских команд за счет средств местного бюджета [6, с. 171]. Вопрос финансирования городских полицейских команд за счет местного бюджета вызвало определенные опасения полицейских чиновников. К примеру, в рапорте станового пристава 2-го стана Гродненской губернии об организации полицейских команд в городских поселениях Индура, Кринки и Великая Берестовица указано, что «5-м пунктом Закона 14 апреля сего года содержание городовых отнесено на средства городских поселений. На практике я убедился горьким опытом, что надобность в усилении охраны общественного порядка и безопасности вызывается исключительной деятельностью и характером ... (населения), которые всеми силами стараются не нести на это никаких расходов; поэтому городовые в случае их назначения не будут получать содержание... Посему полагаю бы: 1) на содержание городовых дорожную, подводную и другие повинности обратив выдаваемым еврейским обществом из коробочного сбора суммы на общественные надобности предоставив обществу на покрытие расходов на содержание школ и молитвенных домов, пособие бедным и погребения умершим, собирать деньги по раскладке; и 2) при недостаточности выдаваемого обществом сумм недостающую сумму покрывать из запасного капитала коробочного сбора» [7, л. 4–5].

Организация работы полиции в городах, где имелось городское полицейское управление, закреплялась ежедневным письменным приказом полицмейстера. Структурно данный приказ состоял из нескольких разделов.

Первый раздел являлся своеобразной патрульно-постовой ведомостью и включал в себя пофамильный перечень сотрудников полиции, заступающих на службу в текущие сутки, с указанием дежурного по городу (аналог сегодняшнего ответственного дежурного по отделу внутренних дел), чиновника при управлении, приставов, дежурных по частям с их указанием и постовых, с указанием конкретной территории несения службы (аналог маршрута патрулирования). Всего ежедневно в губернском городе для охраны общественного порядка в среднем задействовалось около 45 сотрудников полиции [8].

Главной задачей дежурных приставов и постовых являлось выявление и пресечение преступлений и противоправных проступков, составление соответствующих протоколов, задержание лиц, совершивших наказуемые деяния. При этом можно констатировать, что эффективность несения службы была достаточно невелика. К примеру, в 1916 году в г. Минске, в период с 9 по 16 января, сотрудниками полиции был составлен 41 протокол и задержано 107 лиц (не только правонарушителей, но и различных категорий разыскиваемых), с 16 по 23 января – составлено 78 протоколов и задержано 52 человека [9, л. 24, 35].

В дальнейшем рассматриваемые показатели составляли:

- с 23 по 30 января – 93 протокола и 113 задержанных;
- с 31 января по 06 февраля – 86 протоколов и 117 задержанных;
- с 07 по 14 февраля – 54 протокола и 107 задержанных;
- с 15 по 21 февраля – 34 протокола и 109 задержанных;
- с 22 по 27 февраля – 48 протоколов и 73 задержанных [8, л. 44, 51, 62, 70, 78].

При дальнейшем ознакомлении с отчетными документами полицейских городских управлений вышеуказанные показатели результативности работы полиции в целом не отличаются от вышеприведенных цифр. Т.е. можно рассчитать, что ежедневно в губернском городе около 45 дежурными сотрудниками ежедневно составлялось 8,86 протоколов и задерживалось 13,84 человека. Хотелось отметить, что речь идет об эффективности работы губернского города в условиях нахождения фактически в прифронтовой зоне в военное время, т.е. в условиях усиленного варианта несения службы, когда все сотрудники полиции должны нести службу крайне внимательно и наиболее прилежно.

Основными преступлениями были кражи, среди составов правонарушений выделялись нарушения санитарного состояния, продажа спиртных напитков и появление в нетрезвом виде, недоставление подвод в часть, нарушение обязательных постановлений. Чаще всего, за исключением лиц, совершивших преступления, задерживались дезертиры, лица, уклоняющиеся от воинской повинности, а также «за бесписьменность» [9, л. 11].

Второй раздел приказа уточнял порядок несения службы в общественных местах и местах проведения массовых мероприятий. К примеру, в приказе от 05 января 1916 года было отмечено, что «по случаю крестного хода по пути следования процессии все магазины, лавки, ворота и калитки домов, а также балконы должны быть закрыты, собрание публики как на балконах, так равно и на тротуарах, в воротах и около магазинов не допускать» [9, л. 7]. Также в данном разделе указывалось время и порядок временного, в течение дежурных суток, передислоцирования нарядов при запланированных мероприятиях, к примеру «на время представления в театре», «охранение порядка во время разбора дел в уездном суде» и т.п. [8, л. 56, 58, 61, 66].

Третий раздел приказа представлял собой различные распоряжения по личному составу, т.е. информацию о сотрудниках, откомандированных для решения служебных задач, назначений, перемещениях по службе, увольнении, поощрениях и взысканиях, с указанием конкретных обстоятельств, послуживших их причинами. В частности, можно привести несколько выдержек из приказов по Витебскому городскому полицейскому управлению:

«На Смоленском базаре в мясных рядах 4 сего Октября найдены были неочищенные от кала внутренности убитого скота, за что участкового городского Сидорова штрафую 2 рублями» [8, л. 17] или «Городовой 3 части Дубровин, как неоднократно замеченный спящим на посту увольняется от службы, а на его место зачисляется запасной ефрейтор Доминик Казулин, оба с 18 сего Октября» [8, л. 23].

Четвертый раздел приказа содержал ориентировки на разыскиваемых лиц, а также требования по исполнению текущих вопросов и указание на выявленные недостатки, причем характер замечаний и наставлений был достаточно разнообразным. Если при выявлении недостатков они просто констатировались и иногда высказывались возможные меры воздействия к провинившимся, то некоторые наставления являлись по своей сути желаемым алгоритмом действий подчиненных сотрудников и представляли собой своеобразные методические рекомендации.

Так, в приказе Витебского городского полицейского управления № 263 от 29 марта 1896 года полицмейстер констатирует следующее: «При объезде города мною не были найдены на своих участках как Чиновники Полиции так и участковые городские, из чего видно, что как те так и другие редко обходят вверенные им участки и вообще мало заботятся о благоустройстве их, как то не обращают внимания на тротуары и мостовую, чистоту дворов, помойных ям и отхожих мест, на бродяжий скот и освещение уличных фонарей, о чем уже неоднократно замечалось мною лично, а также и в приказах. Напоминая вновь об этом г. Приставам предлагаю иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы как Чиновники, так и городские ежедневно посещали свои участки для вышеуказанной цели, дежурные же обходные Чиновники чтобы аккуратно обходили часть и кончали обход не ранее 5 часов утра, причем объявить всем Чиновникам, а также и городским, что на будущее время за подобные упущения по службе они будут представляться к увольнению от службы» [8, л. 6].

Совсем другой характер имело распоряжение полицмейстера г. Витебска, изложенное в приказе № 361 от 29 декабря 1904 года. В нем говорилось: «В последнее время участились случаи конокрадства в г. Витебске, причем по характеру краж можно судить, что таковые совершаются одними и теми же лицами, но лошади остаются не розысканными, а виновные не обнаруженными. Вменяю в обязанности Приставов немедленно, по получению заявлений, по горячим следам принимать все зависящие меры к обнаружению похищенного и задержанию похитителей, надзирая для сего за людьми подозрительными и проверяя время от времени их пристанища. Ночному обходу из помощников приставов и городских, а также ночным сторожам, надлежит неупустительно следить за всеми проезжающими в ночное время, в особенности верхом на лошади, таких лиц задерживать и доставлять в часть для удостоверения личности и проверки принадлежащих им лошадей. Участковые городские и ночные сторожа обязаны требовать у коневладельцев, чтобы с наступлением вечера, ворота у дворов их были на запоре. Участковым чиновникам и городским следует находиться на своих районах возможно чаще, также с наступлением темени, задерживать всех лиц, шатающихся по улице и у чужих дворов без определенных целей и доставлять их в часть до соответствующих распоряжений. Проследить в течении дня за поведением людей на базарах, в трактирах, харчевнях и т.п. местах, где негласно убеждаться не продается ли или не отдается ли на сохранение кем-либо краденое. Вообще на деятельность по предупреждению и пресечению конокрадства обращаю особое внимание чинов вверенной мне полиции» [8, л. 107].

Исполнительные органы власти и руководство полиции, а также чиновники губернского правления, безусловно, видели данную проблему. Как уже отмечалось ранее, все предпринятые меры по различным причинам, прежде всего объективного характера, не привели к ожидаемому властями и населением эффекту.

В 1909 году в своих приказах и распоряжениях губернатор Могилевской губернии, генерал-майор, барон К.С. Нолекен отмечал, что «некоторые из господ начальников полиции, возбуждая ходатайства о наложении административных взысканий... не сообщают при этом заключений своих о роде и размере взыскания... При отсутствии необходимых заключений... губернское начальство... вынуждено требовать дополнительные справки... что отдалает момент подвержения наказанию... что имеет, для порядка и спокойствия, столь существенное значение» [10, с. 499]. Он же отмечал также следующие недостатки: обнаружение неисполнения судебных приговоров в течение нескольких месяцев, небрежное отношение к делам частных лиц, волокита материалов при производстве дознания, неподдержание обвинения в суде по составленным протоколам о правонарушениях и т.п. [10, с. 516–517].

Оставляла желать лучшего исполнительская и регистрационно-учетная дисциплина. Имеется возможность проанализировать деятельность полиции по вопросу приема, регистрации, рассмотрения и раз-

решения заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, информации о происшествиях, а также обращениях граждан и юридических лиц (бумаг) на примере г. Минска. К примеру, с 16.01.1905 в пять частей города поступило 941 заявление. На момент их поступления нерассмотренными оставались 2093 заявления [11, л. 27]. При этом на момент 23.01.1905 остались неисполненными только в г. Минске в течении недели 726 заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, информации о происшествиях, а также обращениях граждан и юридических лиц из 3034, что составило 23,93% от общего количества поступивших заявлений, сообщений и обращений. При этом можно констатировать, что результаты эффективности деятельности полиции были очень далеки от показателей, которые предусматриваются в настоящее время.

Для того, чтобы дать объективную картину работы полиции того времени по вопросам регистрационно-учетной дисциплины можно привести показатели работы полиции г. Минска за 1916 год. В период с 26.04.1916 по 03.05.1916 в городское полицейское управление поступило 1710 заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, информации о происшествиях, остаток нерассмотренных составил 3252, а остались неисполненными 1846, что составило 37,2%. [9, л. 189].

Подобные сведения можно приводить и далее. Неисполнительность и волокита, которую просто невозможно представить в настоящее время, распространялась не только на нижние чины полиции. К примеру, согласно приказу № 122 от 30.04.1916 года «Его Превосходительством Губернатором Помощнику Пристава Чешко за допущенную медленность в деле исполнения поручения канцелярии Его Превосходительства от 26 февраля сего года за № 45686 относительно производства дознания о пользовании Васильем Михайловичем Терещенко номерным знаком на принадлежащем ему самоходе неустановленного образца, объявлен выговор» [9, л. 390].

Заключение. На основании вышеизложенного необходимо отметить, что организация деятельности городских управлений полиции являлась одним из приоритетов работы правительства, направленным на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности данных подразделений. Создание отдельных городских полицейских управлений, безусловно, способствовало организации, исполнению и контролю за исполнением принятых непосредственно Императором, Сенатом и действующими губернаторами законов и распоряжений. Вместе с тем, несмотря на все меры, предпринятые правительством страны и руководством Министерства внутренних дел Российской империи, обязанности чинов полиции, в том числе городской, оставались весьма широкими и многогранными, требующими значительной подготовки сотрудников полиции. Кадровое обеспечение полиции, в том числе городской, оставляло желать лучшего. Представители власти понимали, что без оказания кадровой, материальной и технической помощи регулярной полиции они не в силах изменить сложившуюся социальную и политическую ситуацию. Вместе с тем, необходимость дальнейшего проведения реформы, что подразумевало под собой принятие ряда мер материального и технического обеспечения, повышения качества комплектования, повышения квалификации уже имеющихся кадров, была осознана только к концу 1880-х годов, и уже не смогло реально повлиять на ситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов, И. Т. Полиция в эпоху реформ / И. Т. Тарасов. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К, 1885. – 164 с.
2. Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825 – 1881). – Т. 37. – Ч. 2 : Законы. – № 39087. – С. 588–593.
3. Высочайше утвержденное Приложение к 1-ой статье Временных Правил об устройстве полиции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825 – 1881). – Т. 37. – Ч. 3 : Штаты и таблицы. – № 39087. – С. 543–544.
4. Памятная книжка Могилевской губернии на 1863 год / сост. Могил. губ. стат. комитет. – Могилев. : Губ. тип., 1862. – 355 с.
5. Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 год / сост. Могил. губ. стат. комитет. – Могилев. : Губ. тип., 1862. – 378 с.
6. О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для которых не издано особых штатов полиции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (1881 – 1913). – Т. 7. – Ч. 1 : Законы. – № 4351. – с. 171.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі у г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 77. Оп. 1. Д. 112.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2631. Оп. 1. Д. 9.
9. НГАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 113.
10. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / сост. Могил. губ. стат. комитет. – Могилев. : Губ. тип., 1909. – 633 с.
11. НГАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 13.

Поступила 01.07.2019

ORGANIZING THE ACTIVITIES OF THE CITY POLICE IN THE BELARUSIAN PROVINCES

A. KOSENKO

This article examines work organization of Russian Empire police in the Belarussian settlements with city police department sins 1862-1917. The effectiveness of the police work and the main criteria of operational activities are analyzed.

Keywords: police, efficiency, Russian Empire, Belarus, work organization, city.

УДК 355.233.11

**СИСТЕМА ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СБОРНЫХ ПУНКТАХ ССРБ
В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА**

канд. ист. наук, доц. В. Д. КРЮКОВСКИЙ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Анализируется работа волостных и городских сборных пунктов всеобщего военного обучения молодого поколения республики в январе – феврале 1919 года. Раскрывается накопленный в ряде мест успешный опыт. Отмечается, что абсолютное большинство проходивших начальный военный курс составляла молодежь. Рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием оружия, боеприпасов, недостатком денежных средств. Указывается, что обучению мешали дополнительная отчетность по запросам органов власти, безответственность и халатность в работе отдельных инструкторов, некоторые юноши уклонялись от прохождения обязательной подготовки, но в целом государственная политика военного обучения была глубоко продуманной и в основном выполнила свои задачи.

Ключевые слова: *военное обучение, организационная структура, система, военкоматы, сборные пункты, оборудование, инструкторы, призывники, молодежь.*

Введение. Деятельность государственных органов по военному строительству, патриотическому воспитанию трудящихся, молодежи изучаемого периода привлекала к себе внимание многих исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют труды П. А. Селиванова [1; 2]. В монографии и докторской диссертации на основе архивных документов анализируется политическая и организационная деятельность партийных органов, исполкомов Советов и военных комиссариатов по укреплению Красной Армии в 1917 – 1920 гг. Рассматривается их работа по привлечению трудящихся к вооруженной защите молодого Советского государства, формированию красноармейских частей и подразделений, организации всеобщего военного обучения. Вместе с тем, в вопросах военного строительства автор исследует главным образом деятельность исполкомов и военкоматов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, входивших с февраля 1919 года в состав РСФСР. Работа же большинства военных органов власти Минской губернии, все уезды Гродненской, юго-восточные уезды Виленской губерний (после взятия польскими легионерами в апреле 1919 г. города Вильно решением руководства ЛитБелССР вошли в состав Минской губернии) не анализируются вообще.

Большое научное и практическое значение имеют работы П.Г.Чигринова [3; 4]. В монографии и диссертационном исследовании анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, деятельность партийных организаций по воспитанию морально-политической готовности трудящихся к защите социалистического Отечества, партийное руководство оборонно-массовой работой, формы и методы военно-спортивной подготовки населения, шефские связи трудовых коллективов и воинских частей. Однако вопросы создания и совершенствования организационной структуры руководства подготовкой молодежи к защите Родины, улучшения материально-технической базы, воспитания организаторских и инструкторских кадров всеобщего военного обучения, деятельности территориальных дивизий и других частей по военно-спортивной подготовке детей, допризывников и призывников, средств массовой информации и пропаганды, учреждений культуры ограничиваются лишь рядом примеров и фактов.

Формы и методы деятельности партийных, комсомольских, других общественных организаций, средств массовой информации и пропаганды по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования П.Е. Пикульского, В.Ф. Кушнера, Н.Е. Семенчика [5 – 7]. Они написаны на основе обширного фактического материала. Авторы раскрывают накопленный опыт партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки трудящихся и молодежи к защите Отечества, приводят примеры из практики государственных и общественных структур по военно-спортивной работе с юношами и девушками, шефские связи трудовых коллективов и частей Красной армии, показывают роль периодической печати в патриотическом воспитании молодого поколения. Однако комплексно государственная политика подготовки молодежи к защите Родины в БССР в диссертациях не рассматривалась.

Отдельные аспекты военного обучения молодого поколения на территории ССРБ и ЛитБелССР демонстрируются в книгах белорусских историков [8; 9]. В монографии Д. Н. Хромченко раскрывается оборонно-массовая деятельность общественных организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы [10].

Научный интерес для исследования проблем воспитания подрастающего поколения, истории и методики патриотической работы с молодежью представляют труды белорусских педагогов. В докторской диссертации К. А. Кулинковича [11] освещается история и педагогические приемы спортивной

практики с юношами и девушками Беларуси в предвоенные годы. В кандидатских диссертациях В. И. Шаврука, Г. П. Коваленко [12; 13] раскрываются педагогические приемы воспитания, опыт военно-патриотической работы со школьниками накануне Великой Отечественной войны.

Характерные формы и методы патриотической деятельности Комсомола республики в 1919 – 1930 гг. освещаются в сборниках очерков и научных статей [14; 15]. Отдельные вопросы военной и физической подготовки, воспитания подростков и молодежи в исследуемый период рассматриваются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании анализа научных исследований и литературы по заявленной теме можно констатировать, что государственная политика военного обучения молодежи ССРБ остается малоисследованной.

Цель данной статьи – проанализировать в масштабах ССРБ эффективность работы волостных и городских призывных пунктов военного обучения молодого поколения, изучить накопленный опыт, приемлемый для использования в современное время, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Источниковой базой статьи выступили фонды государственных архивов Республики Беларусь, публикации прессы. Изучены материалы ЦБ КП(б)Б, ЦИК, СНК, ЦК Комсомола республики, губернских, уездных парткомов и исполкомов советов, доклады, отчеты, справки работников военных комиссариатов ССРБ. Это позволило получить сведения о деятельности организационной структуры низового звена по руководству военным обучением молодежи. Практически все использованные материалы впервые вводятся в научный оборот. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Основная часть. Система руководства подготовкой молодежи к защите Родины в Социалистической Советской Республике Белоруссия складывалась на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа, ленинского учения о защите социалистического Отечества, решений VII экстренного съезда РКП(б), IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов (март 1918), декретов СНК Российской республики «О создании Красной армии» (январь 1918), ВЦИК и СНК Российской Советской Республики «Об обязательном обучении военному искусству» (апрель 1918) и уже накопленном опыте работы в Западной области. В декабре 1918 года на втором Всероссийском съезде по всеобщему военному обучению утверждена базовая программа всеобщего [16, с. 25–35].

Проблемы военного строительства и всеобщего обучения обсуждались 30 и 31 декабря 1918 года на первом съезде КП(б)Б, заседаниях ЦБ КП(б)Б 10 и 20 января 1919 года. Была поставлена задача создать в республике эффективную систему военного обучения трудящихся и молодежи [17, лл. 13; 18, лл. 22, 33а]. Основываясь на решениях партийных органов временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии 22.01.1919 г. приняло декрет «О всеобщем военном обучении и мобилизации». Обязательному военному обучению подлежали граждане Белорусской советской республики в возрасте: а) школьном, низшая ступень которого определялась комиссариатом просвещения; б) подготовительном, от 16 до 18 лет и в) призывном от 18 до 40 лет. Обучение подготовительного и призывного возрастов возлагалось на все местные комиссариаты по военным делам; школьного – на комиссариат просвещения при ближайшем участии комиссариата по военным делам.

К обучению привлекались рабочие заводов, фабрик и мастерских, экономий и крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд. За организацию обязательного обучения на местах отвечали губернские, уездные и волостные военные комиссариаты. Обучение должно было производиться непрерывно в течение 8 недель, не менее 12 часов в неделю, итого – 96 часов [19]. В местах непосредственного обучения программа корректировалась применительно к местным условиям. Контролирующая функция возлагалась на военный комиссариат правительства ССРБ, отделы всеобщего обучения Западного фронта и военного округа, военкоматы; общее руководство всеобщим обучением осуществлялось комиссариатом по военным делам и Реввоенсоветом РСФСР.

Обучение военному искусству складывалось на территории республики не одновременно. В не занятых немецкими войсками восточных уездах Витебской, Могилевской и всей Смоленской губерний военное обучение уже проводилось с лета 1918 года, в освобождаемых от кайзеровских частей волостях Беларуси занятия по всеобщему обучению стали проводиться после формирования местных органов советской власти. В Минской и Гродненской губерниях налаживание процесса обучения граждан осуществлялось с января, практические занятия по изучению военного дела с населением (главным образом с молодежью) в сборных пунктах волостей, уездных центров и крупных городов – с февраля-марта 1919 года.

Формирующаяся организационная структура управления военной подготовкой молодежи Беларуси включала несколько уровней: от волостных пунктов до республиканского народного комиссариата по военным делам. Низовое звено составляли сборные пункты отделов всеобщего обучения волостных военкоматов, пункты и бюро обучения уездных и губернских городов. В связи с острой нехваткой квалифицированных кадров на первичном уровне государственного управления в условиях Гражданской войны, приказом РВСР № 484 от 28.12.1918 г. должности председателя волысполкома и волостного военного комиссара совмещались [20, л. 18].

Задачи по военному обучению молодежи успешно решались на сборном пункте имения Соколище, 1. Бюро и пункт всевобуча были созданы решением Ефросиньевского волостного комиссариата Полоцкого уезда в декабре 1918 года. В соответствии с Берлинским дополнительным договором от 27.08.1918 г. войска неприятеля в ноябре покинули уезд. Вслед за уходящей кайзеровской армией пришли красноармейцы, на освобожденных территориях установилась советская власть.

Для занятий с населением уездный военный комиссариат совместно с волостными партийной ячейкой и исполкомом подобрали пять отделенных, двух взводных и одного сотенного (заведующего бюро и пунктом обучения) инструкторов из младших офицеров и унтер-офицеров старой армии. Все они имели боевой опыт и определенное образование: сотенный инструктор окончил школу прапорщиков, остальные инструктора – учебные команды воинских частей. Все инструктора сочувствовали партии большевиков. Налаживанию военного обучения в волости способствовало ее близкое расположение от уездного центра. Инспектор военного обучения уездного военкомата, Губерт Ипполитович Адамович, еженедельно посещал Ефросиньевские бюро и призывной пункт, проверял выполнение ранее поставленных задач, высказывал соображения по улучшению работы.

Коллектив бюро совместно с военкоматом, волисполкомом, руководством школ, партийными и комсомольскими активистами вели строгий учет лиц, необученных военному делу. Волисполком выделил помещения для занятий, участки земли для стрельбища, строевой, тактической, инженерной подготовки. Уездный военный комиссариат на призывной пункт передал 10 винтовок, учебные и боевые патроны, станки для прицеливания, уставы, наставления, другую документацию. 13 января губернский военкомат перевел средства на погашение задолженности по зарплате инструкторам, приобретение и изготовление наглядных пособий (плакатов по устройству оружия, мишеней, чучел солдат противника и др.). По просьбе бюро всевобуча волостной отдел лесного хозяйства выделил без оплаты поваленный лес на дрова для обогрева помещений. Под руководством работников всевобуча местные активисты и призывники оборудовали возле пункта обучения простейшие спортивные сооружения: турники, брусья, бревно, спортивную лестницу.

Призванные для прохождения начальной военной подготовки делились на звенья (3-4 чел.), отделения (12-13 чел.) и взводы (30-40 чел.), по социальному составу все были крестьянами близлежащих деревень. Прошедшим службу в старой армии и уволенным в бессрочный отпуск предоставлялось право сдавать итоговое испытание без прохождения курса всевобуча. Призывники со 2 по 30 января ежедневно (исключая праздники и выходные) занимались по 4 часа 6 дней в неделю (96 часов), посещаемость военного дела строго контролировалась и отмечалась в журнале, пропускавшие занятия без уважительных причин решением комиссии волостного совета подвергались административному наказанию. Уточненная в уездном военном комиссариате программа обучения разумно сочетала теоретическую и практическую части. Ставка делалась на изучение строевого устава пехотной службы, описания 3-х линейной винтовки, наставлений по стрельбе из винтовки и карабина, самоокапыванию, обучению войск гимнастике, о действиях пехоты в бою. Теоретические знания закреплялись на практических занятиях.

Системная работа давала результаты. Призывники проявляли интерес и сознательное отношение к военному обучению, количество случаев неявки на занятия без уважительных причин было минимальным. Из 126 призванных на обучение в Ефросиньевской волости – все успешно прошли итоговое испытание, возраст обучающихся составлял от 18 до 20 лет. Всего на призывных пунктах Артейковичской, Домниковской, Ефросиньевской и Юровичской волостей, присоединившихся к Полоцкому уезду в конце ноября 1918 года (после ухода немецкой армии), сдали итоговое испытание и получили удостоверения 518 человек. Все они были в возрасте 18 – 20 лет [21, лл. 14–16, 41, 189–196, 213].

Эффективно строилась патриотическая работа с молодым поколением на пункте военного обучения Городка. Уезд не был оккупирован немецкими войсками, занятия по всевобучу в плановом порядке на волостных сборных пунктах стали налаживаться с лета – осени 1918 года. Первоочередное внимание уделялось базе обучения. По предложению военкомата уездный исполком выделил необходимые помещения для хранения и обслуживания оружия, учебные классы, строевой плац, участки пересеченной местности для тактических занятий и стрельбища. Специальная комиссия уездного исполкома приобрела у населения значительное количество имевшегося на руках оружия, другого военного имущества, часть которого была передана отделу военного обучения.

Подъем всевобуча пришелся на январь. Непосредственное руководство организацией обучения на центральном уездном пункте взяли на себя военный комиссар Никитин, инспектор Кибирев, заведующий отделом всевобуча Емельянов, руководитель городского сборного пункта Рыбаков. Сотенный инструктор Рыбаков совместно с сотрудниками учетного отдела подобрал на городской сборный пункт из числа бывших офицеров предусмотренное количество отделенных и взводных инструкторов, технических работников, разработал программу, составил план и расписание учебного процесса.

Изучение военного дела проходило в классах и открытом поле. Силами уездного партийно-комсомольского актива с призывниками проводились беседы по политическим и идеологическим вопро-

сам, изучались основы военного законодательства. Особое внимание уделялось физической подготовке молодежи. Под руководством работников военкомата и сборного пункта обучающиеся соорудили несколько простейших спортивных сооружений (турник, брусья, канат, учебный конь и др.), переоборудовали самое большое помещение под спортзал, на базе которого в феврале открылся спортивный клуб для допризывной и призывной молодежи.

Занятия проводились с 1 января по 1 февраля в течение 24 дней ежедневно по 4 часа, 6 дней в неделю, итого – 96 часов. С молодежью работали 4 отделенных, 4 взводных и 2 сотенных инструкторов из числа офицеров и унтер-офицеров старой армии, имеющих специальное военное образование (сокращенный курс военного училища, школы прапорщиков и подпрапорщиков, учебные команды воинских частей, инструкторские курсы всевобуча). По партийной принадлежности все инструктора были коммунистами или сочувствующими советской власти. На занятиях поддерживалась воинская дисциплина, ход учебного процесса ежедневно контролировался уездным инспектором, заведующим отделом всевобуча, инструктором-организатором, итоги работы еженедельно вдумчиво анализировались на совещании в пункте всевобуча и уездном военкомате.

Главное внимание уделялось индивидуальной подготовке будущих красноармейцев и коллективным действиям в составе боевого звена. При изучении оружия использовались плакаты, классная доска, учебные винтовки и патроны, материал излагался методом рассказа, затем проходила практическая отработка порядка прицеливания с использованием 3-х линейных винтовок, закрепленных на специальных станках. Учебный процесс подразделялся на три стадии: изучение материальной части оружия и его наведение на цель, отработка учащимися подготовительного упражнения прицеливания, практическая стрельба из винтовки и пулемета. В дни ясной погоды занятия продолжались на местном стрельбище. Тактические действия индивидуально и в составе боевого звена также отрабатывались в классе на специальном макете местности, затем полученные знания закреплялись в ходе практических полевых занятий. Призывники учились эффективно действовать в дозоре, разведке, передвигаться на поле боя шагом и бегом, проводить штыковую атаку.

Преподавание проходило интересно, пропуски учебного процесса были, как правило, по уважительным причинам. Февральская итоговая проверка знаний обучающихся показала, что почти все они хорошо разбираются в разборке и сборке оружия, имеют хорошие навыки в стрельбе, умело передвигаются на местности индивидуально и в составе звена, быстро разворачиваются в боевую цепь, имеют удовлетворительную физическую подготовку. На сборном пункте Городка в январе прошли военную подготовку 107 человек в возрасте 18 – 20 лет, всего по уезду на волостных пунктах всевобуча в январе – начале февраля 1919 года прошли начальную подготовку 3470 призванных для обучения, все они были молодыми парнями от 16 до 21 года [21, лл. 22, 25, 43, 274, 275 (об.); 22, л. 1 (об.)].

Результативно работали с молодежью в январе-феврале 1919 года военные инструкторы совместно с партийным и советским активом на сборных пунктах Старосельской, Жеребычской волостей Витебского, Войханской, Болецкой Городокского, Замшанской, Бононской Полоцкого, 1, 4 и 5 Лобановской волости Чериковского, местечек Клецк, Погост Слуцкого уезда, 1 – 4 Витебска, 1, 2 Борисова, 1 – 3, 5 Минска [21, лл. 68, 275, 189; 23. лл. 83–88; 24. л. 159 об.; 17. л. 16; 25. лл. 1, 78; 26] и другие.

Военному обучению мешали экономическая разруха, нехватка оружия, крайняя бедность населения. Например, сборные пункты Барановской, Будницкой, Вязменской, Ильинской, Маклоковской, Сертейской, Церковищенской Велижского, Бобиничской, Несинской, Тяпинской, Ульской, Ушачской, Черствятской волостей Лепельского уезда не были обеспечены боевым оружием. Изучение винтовок, пулеметов происходило по рисункам самодельно сделанных плакатов, тактические занятия на пересеченной местности проводились с использованием неисправных или деревянных винтовок. Все это придавало несерьезность процессу обучения, снижало интерес молодых людей к военной подготовке и не позволяло в полном объеме выполнить программу обучения. Боевые винтовки и патроны для проведения итоговых стрельб по пройденному курсу приходилось доставлять со значительным опозданием из уездных военкоматов по разбитым дорогам. В период больших морозов, особенно с 15 по 29 января, некоторые призывники деревень и городов Невельского и Полоцкого уездов пропускали занятия только по причине отсутствия теплой одежды, главным образом обуви [21, лл. 11, 11об., 171, 175, 178, 189, 197–199, 202, 204, 206].

Остро стояла проблема с нехваткой военных инструкторов для сельской местности, на эти должности часто назначались совершенно неподготовленные люди. На призывных пунктах Вайвоводской, Велионской, Ковнатской, Ружинской волостей Режицкого уезда для работы с призывниками в качестве взводных и отделенных инструкторов привлекались унтер-офицеры и солдаты старой армии, не имеющие не только никакого военного или педагогического образования, но и боевого опыта. Изучение показало, что в этих волостях точный учет населения, подлежащего обучению, так и не был наведен, явка обучающихся, как и качество самих занятий были низкими. Из-за нехватки инструкторов на сборный пункт дер. Ровны Казьянской волости Городокского уезда молодежь должна была ежедневно ходить до семи верст, вместо положенных трех – четырех. Не случайно в период сильных морозов января 1919 года

на занятиях этого пункта всеобща присутствовало не более 1/4 от общего списочного состава подлежащих обучению [21, лл.3, 216, 274, 275, 275об.].

В отдельных уездах проведению военного обучения мешали бюрократизм, перестраховка местных чиновников на случай проверок руководящих инстанций. Из пунктов всеобща местные органы власти часто запрашивали сведения второстепенного характера. Например, вместо проведения дополнительных занятий с отстающими в учебе призывниками, инструкторам городского пункта всеобща г. Невеля часто приходилось заниматься составлением малозначимых отчетов в «усовершенствование» часто отменяющих одно другое распоряжений уездного исполкома. Имели место случаи безответственного отношения к своей работе со стороны некоторых инструкторов. Проведенная в начале февраля 1919 года инспектором Городокского уезда Киберевым проверка хода военного обучения на центральном сборном пункте Мишневичской волости показала, что занятия посещают не более 1/4 от количества подлежащих обучению, винтовки хранятся не в оружейной комнате в пирамидах, а кучей приставлены в углу за столом волостного военного комиссара. Оружие содержится в ужасном состоянии, все поржавело снаружи и изнутри, так как ни разу не смазывалось [21., лл. 11, 11об., 274, 275, 275об.].

Заключение. Проанализированные автором материалы свидетельствуют о том, что в начале 1919 г. в ССРБ складывались основы системы подготовки молодежи к защите Родины. В селах, деревнях и городах под руководством партийных ячеек и местных советов создавались бюро и пункты военного обучения населения. Непосредственно этим процессом занимались уездные, волостные военные комиссариаты, сотенные инструкторы, партийные и комсомольские активисты. В ряде сборных пунктов обучение населения военному делу проводилось на высоком уровне. Исследование показало, что абсолютное большинство из числа проходивших военную подготовку составляли подростки и молодежь от 16 до 30 лет. Накопленный опыт организации оборонно-массовой работы требует обстоятельного осмысления и возможен, по мнению автора, для использования на современном этапе.

В ходе изучения военного дела имели место проблемы объективного и субъективного характера. Всеобщу мешали экономическая разруха, разбитые дороги, отсутствие финансовых средств на закупку оборудования и снаряжения, нехватка квалифицированных кадров инструкторов, крайняя бедность части населения. Инструкторам всеобща часто приходилось отвлекаться от основной деятельности для составления малозначимых отчетов «в усовершенствование» часто отменяющих одно другое распоряжений уездных властей, предоставления большого количества второстепенной информации. Имели место случаи халатного и даже безответственного отношения к своей работе со стороны отдельных инструкторов, уклонения некоторых призывников от посещения военных занятий.

Исследование показало, что складывающаяся в ССРБ система всеобщего военного обучения, несмотря на непродолжительный срок функционирования, обеспечила в основном потребности Красной армии в обученном резерве. Большинство прошедших систему всеобща получили хорошие основы военных знаний и успешно защищали территорию Беларуси от польских легионеров в 1919 – 1920 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиванов, П. А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П. А. Селиванов. – Минск: Наука и техника, 1973. – 208 с.
2. Селиванов, П. А. Деятельность партийных и государственных органов Белоруссии по созданию и укреплению советской военной организации (октябрь 1917 – 1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / П. А. Селиванов ; АН БССР, Отд-ние обществ. наук. – Минск, 1974. – 58 с.
3. Чигринов, П. Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926 – 1941 гг.) / П. Г. Чигринов. – Минск : Беларусь, 1981. – 207 с.
4. Чигринов, П. Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01 / П. Г. Чигринов ; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
5. Пикульский, Е. В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926 – 1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Е. В. Пикульский ; М-во высш. и сред. спец. образования БССР [и др.]. – Минск, 1975. – 26 с.
6. Кушнер, В. Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Ф. Кушнер ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
7. Семенчик, Н. Е. Печать советской Белоруссии в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Е. Семенчик ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 24 с.

8. Грицкевич, А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А. П. Грицкевич. – Минск : Харвест, 2010. – 496 с.
9. Резник, А. Н. От БССР к СССР. Исследования по истории формирования и развития белорусской государственности на Советской основе (Вторая половина 1918 – конец 1922 гг.) / А. Н. Резник. – Минск : Энциклопедикс, 2011. – 412 с.
10. Хромченко, Д. Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы / Д. Н. Хромченко. – Минск : БНТУ, 2017. – 204 с.
11. Кулинкович, К. А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945 – 1970 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / К. А. Кулинкович ; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.
12. Шаврук, В. И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920 – 1965 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / В. И. Шаврук ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.
13. Коваленко, Г. П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917 – 1941) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Г. П. Коваленко; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972. – 21 с.
14. Комсомол – нашей доблестной партии сын: из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / Редкол.: А. К. Зинин, А. А. Маркевич. – Минск : Госиздат БССР, 1960. – 492 с.
15. Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: содерж., формы и методы работы по обучению и ком. воспитанию молодежи (1941 – 1980 гг.) / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.
16. Всеобщее военное обучение. Основы агитации и популяризации идей милиционной системы по 2-му Всероссийскому съезду в Москве: [сб. статей] / Марьясин [и др.]. – Петербург : Б-ка журн. «Военно-революционная мысль», 1919. – 63 с.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 38.
19. Звезда. 1919. – 24 янв.
20. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 3.
21. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203.
22. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 47.
23. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 202.
24. Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18.
25. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 6.
26. Звезда. – 1919. – 26 февр., 27 февр.

Поступила 24.05.2019

SYSTEM OF MILITARY TRAINING OF YOUNG PEOPLE AT THE MILITARY RECRUITING STATIONS OF THE SSRB IN EARLY 1919

U. KRUKOUSKI

The functioning of volost and urban military recruiting stations of general military training of the younger generation of the Republic in January-February 1919 has been analyzed. Successful experience gained in a number of places has been revealed. It has been pointed out that the absolute majority of those who took the initial military course were young people. The issues connected with the absence of weapons, ammunition and the lack of funds have been considered. It has been indicated that additional reporting on requests from the authorities, irresponsibility and negligence in the work of individual instructors prevented the training, some young men opted out of undergoing mandatory training. But in general, the state policy of military training was well-considered and it basically fulfilled its objectives.

Keywords: *military training, organizational structure, system, military registration and enlistment of fices, recruiting stations, equipment, instructors, conscripts, young people.*

УДК 930.001.5

**РАЗВІЦЦЁ ШЛЯХЕЦКАГА САМАКІРАВАННЯ І СТАНАЎЛЕННЕ
ГАСПАДАРЧАГА СОЙМІКА Ў ВКЛ У КАНЦЫ XVII СТ. – ПАЧАТКУ XVIII СТ.****А. У. МАЦУК****(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)**

На падставе новых рукапісных дакументаў даследуецца развіццё шляхецкага самакіравання і станаўленне гаспадарчага сойма ў канцы XVII ст. – пачатку XVIII ст. у розных паветах ВКЛ. Удалося ўстанавіць, што свайму з'яўленню гаспадарчы сойма абавязаны руху “рэспубліканцаў”, які адным з пунктаў сваёй праграмы “ўраўнавання правоў” (каэквацыі) бачыў увядзення скарбовых судаў і перамяненне фінансавання войска ў паветы. На гаспадарчым сойміку меў адбыцца выбар: паборцаў чопавага і шэлезнага, гіберны, габрэйскага і татарскага пагалоўнага, тытунёвай манаполіі, камісараў па зборы падаткаў, а таксама павятовых палкоўніка і ротмістраў, складу скарбовага (фіскальнага) суда.

Ключавыя словы: *гаспадарчы сойма, каэквацыя, рэспубліканцы, шляхта, магнаты, паборцы, скарбовы суд, парламентарызм.*

Уводзіны. Згодна пастановам “ўраўнавання правоў” (каэквацыі) 1697 г. уводзіўся новы сойма для ВКЛ – гаспадарчы. Яго паходжанне звязана з эканамічна-самакіроўчымі ініцыятывамі шляхты ў рамках свайго павета, адною з формаў выяўлення якіх былі напачатку прыманья на соймах рэзальцыі адносна, галоўным чынам, падаткаў і бяспекі. Гаспадарчы сойма прымаў пастановы па справах павета, размеркаванні падаткаў, ухваленых соймам, выбіраў падатковых паборцаў і кантраляваў іх дзейнасць, вызначаў ваяводскія падаткі, прымаў рашэнні пра выдаткі з ваяводскага скарбу, ухваляў вярбоўку павятовых жаўнераў і вызначаў іх начальнікаў [1, с. 617]. Гаспадарчы сойма значна пашыраў правы шляхты ў сферы самакіравання. Як заўважае Анджэй Рахуба гаспадарчы сойма быў уведзены ў ВКЛ у 1698 г. на mocy пастановы аб каэквацыі, а збіраўся ён назаўтра пасля грамнічнага [2, с. 228–230]. Упершыню Генеральная пастанова шляхты ВКЛ паміж Лаўнам і Пузевічамі 21 снежня 1698 г. сярод іншага вызначыла тэрмін і кампетэнцыю гаспадарчага сойма ў ВКЛ (працэдуру збору падаткаў і абрання адказных за гэта асоб) [3, р. 142–179]. Паводле гэтай пастановы ўсе справы, звязаныя з падаткамі, адносіліся цяпер да кампетэнцыі грамнічнага сойма. Згодна яе: “Адрозу ж на соймаку, які мае адбыцца неўзабаве [грамнічным], пасля абрання дэпутатаў і вырашэння справаў, звязаных з ганьбаю, іх міласці панове грамадзяне ВКЛ у сваіх ваяводствах і паветах маюць учыніць сабе парадак – згодна з законам каэквацыі – абіраць новых судзюў скарбовага трыбунала, таксама паборцаў падаткаў – гіберны, чопавага, шэлезнага, тытунёвай манаполіі, пагалоўнага габрэйскага і татарскага – будучы абіраць сабе ротмістраў і падзеляць паміж імі парафіі, каб праз іх выкананне трыбунальскіх скарбовых дэкрэтаў ішло з большым плёнам, і плату ротмістру абмяркуюць, каб дарма не працаваў – на тым жа соймаку ранейшых паборцаў заслухоўваць і рашэнні па дыспенсаваным падаткам Рэчы Паспалітай прымаць будучы і ўсё, што тычыцца парадку і платы войска, усё гэта на тым з'ездзе маюць вырашаць” [2, с. 230]. Больш таго на гэтым соймаку шляхта мела “абраць камісара з немалымі спадчыннымі маёнткамі – аднаго або двух, каму паборцы ўсіх падаткаў будучы уносіць сумы, ад якіх будучы збіраць грошы ўсе дэпутаты ад харугвы. Той жа камісар або два маюць рабіць справаздачу, здаючы сваё чопаве і шэлезнае камісарства ў ваяводствах і паветах” [2, с. 230]. Нягледзячы на тое, што гэтая пастанова не была зацверджана соймам, менавіта яна становіцца ўзорам для рэалізацыі каэквацыі на практыцы.

У сваю чаргу акт “ўраўнавання правоў” (каэквацыі) 1697 г. ніяк не рэгламентаваў гэтае пытанне. У ім знаходзім толькі ўзгадку пра павятовыя скарбовыя суды, якія “па ваяводствам і паветах маюць судзіць згодна парадку Польскай Кароны” [4, с. 867]. Гэта паўтаралася ў пастановах сойма 1699 г. [5, с. 75–76]. Галоўнай мэтай “рэспубліканцаў” такімі дзеяннямі па ўніфікацыі скарбовай сістэмы Кароны і Княства было паменшыць уплывы магнатаў. Увядзенне гаспадарчага сойма і аддача пад яго ўладу новаствораных скарбовых судаў павялічвала уплывы шляхты за кошт магнатаў, якія займалі ўрад падскарбія і мелі моцныя уплывы ў Скарбовым Трыбунале [6, с. 197–198]. Фактычна акт “ўраўнавання правоў” (каэквацыя) і Генеральная пастанова шляхты ВКЛ ад 21 снежня 1698 г. і складаюць заканадаўчую аснову для гаспадарчага сойма, які павінен быў адбыцца ў Княстве на другі дзень пасля грамнічнага. Часам размежаванне паміж грамнічным і гаспадарчым соймамі адсутнічае і абодва соймакі выступаюць пад агульнай назвай (“грамнічны”), часта соймакі фігуруе ўвогуле без назвы. Пры гэтым даследчык лічыць прававой нормай у дадзеным выпадку каронныя ўзоры, а менавіта, канстытуцыю сойма 1685 г., якая вызначала наступны пасля грамнічнага сойма дзень для правядзення сойма гаспадарчага [7, с. 179]. Пасля ажыццяўлення “ўраўнавання правоў” (каэквацыі) такая практыка павінна была аўтаматычна замацавацца і ў ВКЛ. Мэтай гэтага артыкула з'яўляецца даследванне развіцця шляхецкага самакіравання і станаўлення гаспадарчага сойма ў канцы XVII ст. – пачатку XVIII ст.

Асноўная частка. На першых, пасля прыняцця каэквацыі, грамнічных соймаках у 1698 г. толькі ў некаторых паветах былі спробы ўвесці гаспадарчыя соймакі. У Вільне, напрыклад, скарбовыя суддзі, паборцы падаткаў і камісары былі абраныя на грамнічным соймаку 3 лютага 1698 г., пасля прызнання каэквацыі вялікім гетманам ВКЛ, Казімірам Янам Сапегам, што фактычна азначала прызнанне каэквацыі ўсёй магнацкай групоўкай Сапегі. Выконваючым абавязкі харужага замест віленскага падстоля і падваяводы Міхала Шумскага быў абраны ковенскі маршалковіч Ян Скарульскі. Ротмістрамі былі абраны Ян Скарульскі, Мальхер Пяткевіч, Ян Крыштаф Жаба і віленскі харужыч Ян Хаецкі. Ротмістрам над татарамі стаў рэчыцкі скарбнік Уладзіслаў Красоўскі. Адміністратарамі чопавага і шэлезнага, а таксама тытунёвай манаполіі былі абраны Якуб Пяткевіч і Уладзіслаў Красоўскі. Паборцамі габрэйскага і татарскага пагалоўнага былі абраны рэчыцкі падчашы Самуэль Манкевіч і Станіслаў Жухоўскі, а гіберны – Мальхер Пяткевіч і Ян Крыштаф Жаба. Падаткі мелі выплачвацца паборцамі харугвам на падставе асігнацый гетманаў. Было абрана 10 скарбовых суддзяў, сярод якіх і ўраднікі земскага суда [8, к. 29 – 20; 9, с. 86]. Як бачым, на віленскім соймаку не было абрана камісараў, якія згодна каэквацыі мелі збіраць усе падаткі ад паборцаў і аддаваць войску. Магчыма, што пад імі разумеліся паборцы гіберны, названыя ў пастанове камісарамі, альбо так было зроблена па ініцыятыве Сапегі.

У той жа час, нічога не вядома пра правядзенне гаспадарчага соймака ў размешчаных побач з Вільняй Ашмянах. Тут, на грамнічным соймаку 3 лютага 1698 г., былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ, а назаўтра, 4 лютага 1698 г., адбыўся соймак прызначаны пастановай ашмянскага рэляцыйнага соймака і дэкрэтам скарбовага суда ў пытанні запазычанасці па падатках. Было вырашана правесці эгэкуцыю падаткаў з дапамогай узначаленых ротмістрамі атрадаў. Збор быў прызначаны на 25 лютага 1698 г. На соймаку перамаглі прыхільнікі “рэспубліканцаў” і таму на ім адсутнічаў прыхільнік Сапегі, ашмянскі харужы Станіслаў Пазняк. Нягледзячы на гэта патрабавалася, каб Станіслаў Пазняк, згодна прэрагатывы свайго ўрада, прыбыў з харугвай на гэты з’езд [9, с. 86–87; 10, s. 126]. Хутчэй за ўсё, і тут адбыўся не толькі грамнічны, а і гаспадарчы соймак, бо ў Ашмянах перамаглі “рэспубліканцы”. Як вядома, яны выступалі за ўвядзенне “каэквацыі”, а гаспадарчы соймак быў адным з галоўных яе элементаў.

У Вількаміры 3 лютага 1698 г. прайшоў дэпутацкі соймак, а на другі дзень – рэляцыйны соймак, дзе сваю рэляцыю склалі паслы з сойма. Соймакавым дырэктарам быў абраны вількамірскі гродскі староста і мінскі ваявода Міхал Сясіцкі. У першы дзень былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ, а назаўтра заслухалі справаздачы паслоў і была прынята пастанова, якая датычылася гаспадарчага соймака. Хоць гэты соймак быў названы рэляцыйным. Вількамірскім палкоўнікам быў абраны соймакавы дырэктар, вышэйзгаданы Міхал Сясіцкі, якому было даручана прызначыць адміністратара падаткаў на аплату войска. Ротмістрамі былі абраны вількамірскі земскі суддзя Андрэй Шырвіньскі, вількамірскі стольнік Юзаф Азямблоўскі, вількамірскі падчашы Канстанцін Падлецкі, вількамірскі стражнік Юрый Касцялкоўскі, вількамірскі харужыч Крыштаф Сясіцкі і вількамірскі падкаморыч Станіслаў Белазор. Акрамя таго былі абраны скарбовыя суддзі “згодна з духам новага закону каэквацыі і канстытуцыі каранавыянага сойма, якая хоча, каб па ваяводствах і паветах з’явіліся скарбовыя, або фіскальныя, суды”. Было абрана 6 суддзяў пры земскіх і гродскіх урадніках. Кіраваць гэтым судом абралі вышэйзгаданага Міхала Сясіцкага. Паборцамі гіберны былі абраны вількамірскі будаўнічы Францішак Ямант і мінскі стольнік Мікалай Касцялкоўскі. На гэтым жа соймаку былі вызначаны адміністратар чопавага, шэлезнага, тытунёвай манаполіі і габрэйскага пагалоўнага, якім стаў троцкі скарбнік Рафал Ішора. Прычым апошні быў вызначаны соймакавым дырэктарам. Узнагароджанне паборцам вызначалася “згодна старадаўнім звычаям” па адным грошы ад кожнага сабранага златага [2, с. 229; 9, с. 87–88; 11, р. 28–31v, 32–33v, 35–37v].

Як бачна, у Вількаміры гаспадарчы соймак меў пэўныя адрозненні ў тым, што фактычна быў спалучаны з рэляцыйным соймакам. Аднак, што асабліва важна, частка рашэнняў па абранню паборцаў падаткаў і складу скарбовага суда адбылася на наступны дзень. Цікавай практыкай было і вызначэнне адміністратара чопавага, шэлезнага, тытунёвай манаполіі і габрэйскага пагалоўнага не самім соймакам, а дэлеганне гэтага права соймакаваму дырэктару, вількамірскаму гродскаму старосце і мінскаму ваяводзе Міхалу Сясіцкаму.

У Троках абранне скарбовых суддзяў, адміністратараў падаткаў (гіберны, чопавага і шэлезнага) вядома толькі з 1699 г., калі грамнічны соймак склікаўся не толькі як грамнічны, але і для “іншых пасяджэнняў”. Пасля выбару дэпутатаў на Трыбунал ВКЛ троцкая шляхта прыступіла да разгляду пытанняў, якія датычыліся прэрагатывы гаспадарчага соймака. Адміністратарамі чопавага і шэлезнага абралі троцкага падстоля Андрэя Турлая і віцебскага падчашага Канстанціна Укоўскага. Паборцамі гіберны былі абраны Кароль Таруса, троцкі гараднічы Ян Івашкевіч, троцкі чашнік Рафал Войдаг, троцкі канюшы Юрый Танскі і Самуэль Войзбун. Узнагароджанне ім вызначалася па адным грошу з кожнага сабранага златага. Гэты падатак меў збірацца паводле апошняй абюраты 1690 г. Таксама былі абраны паборцы габрэйскага і татарскага пагалоўнага (хто канкрэтна – нажаль невядома з-за пашкоджання соймакавай пастановай). Камісарамі былі абраны троцкі цівун і троцкі земскі пісар Міхал Ян Шчука і троцкі падкаморы Ян Уладзіслаў Укоўскі. Было абрана 6 скарбовых суддзяў, якія разам з судовымі і несудовымі земскімі і гродскімі ўраднікамі сфармавалі склад скарбовага суда [7, s. 179; 12, с. 172; 13, р. 1255–1256].

У Гародні ў 1698 г. адбыўся падзел грамнічнага сойма на два альтэрнатыўных сойма. Прыхільнікі Сапегаў сабраліся на замку, а прыхільнікі “рэспубліканцаў” – у кляштары францышканцаў, за Нёманам. На абодвух соймах былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ і паслы да караля Аўгуста II. Дакладна вядома толькі, што “рэспубліканцы” правялі і гаспадарчы сойм. Адміністратарам чопавага і шэлезнага быў абраны Ян Масальскі. Паборцамі гіберны сталі полацкі падстолі Міхал Жывульт і вількамірскі чашнік Траян Львовіч. Паборцам татарскага і габрэйскага пагалоўнага былі абраны Станіслаў Кміта і Юзаф Пачобут. Камісарам на гэтым жа сойміку стаў інстыгатар ВКЛ і гарадзенскі войскі Станіслаў Рукевіч [9, с. 88–89; 14, с. 203]. Магчыма, што зрабілі так і на сойміку прыхільнікаў Сапегаў. На карысьць гэтага кажа сітуацыя ў наступным 1699 годзе, калі зноў дайшло да падзелу грамнічнага сойма і правядзення двух альтэрнатыўных. Тады і прыхільнікі “рэспубліканцаў” і прыхільнікі Сапегаў абралі скарбовых суддзяў, павятовых ротмістраў і паборцаў падаткаў [12, с. 173; 14, с. 205–206].

На ковенскім дэпутацкім сойміку 1698 г. соймавым дырэктарам быў абраны прыхільнік Сапегаў, ковенскі земскі суддзя, Адам Прозар, а пад яго кіраўніцтвам адбыўся выбар дэпутатаў на Трыбунал ВКЛ. Перавагу атрымалі прыхільнікі Сапегаў, але яны не перашкаджалі ўвядзенню “згодна каэквацыі” гаспадарчага сойма. Камісарамі былі абраны ковенскі харужы Мікалай Корф і ковенскі земскі суддзя Адам Прозар. Адміністратарамі чопавага і шэлезнага сталі ковенскі падкаморы Мікалай Забела і ковенскі земскі пісар Ян Прозар. Паборцамі гіберны былі абраны два Шымона Забелы. Першы з іх быў ковенскім падсудкам, а другі – ковенскім падчашым. Паборцамі татарскага і габрэйскага пагалоўнага, а таксама тыгунёвай манаполіі былі абраны ковенскі мечнік Караль Прозар і брэсцкі стольнік Аляксандр Мядэкша [9, с. 89–90].

На полацкім грамнічным сойміку 1698 г. перамаглі “рэспубліканцы”. Былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ і камісар для перамоў з войскам аб прычыненых шкодах (полацкі падкаморы Януш Зяновіч). Як устанавіў Зміцер Віцько, не забылася полацкая шляхта і пра пытанні, якія належалі да кампетэнцыі гаспадарчага сойма. Паборцамі гіберны былі абраны Юзаф Корсак Удзельскі і Аляксандр Рыпінскі. Дакладна быў абраны скарбовы суд на чале з полацкім земскім суддзёй Самуэлем Пжысецкім. Былі абраны адміністратары чопавага і шэлезнага. Імі сталі (хоць, магчыма, гэта былі адміністратары з 1699 г.) полацкі стольнік Ян Пакаш і полацкі земскі пісар Даміян Рыпінскі. Верагодна тады ж паборцам габрэйскага пагалоўнага стаў Уладзіслаў Баратынскі (хоць магчыма быў ім у 1699 г.) [9, с. 90–91; 15, с. 23–24].

У Мінску грамнічны сойм 1698 г. працягваўся 4 дні. Былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ. Камісарамі для перамоў з войскам былі абраны мінскі войскі Пётр Пратасовіч і Цадроўскі. Мінская шляхта разгледзела не толькі палітычныя пытанні, але і гаспадарчыя (хутчэй усяго на гаспадарчым сойміку). Зміцер Віцько ўстанавіў абраных на гэтым сойміку ўраднікаў на падставе розных дакументаў. Адміністратарамі чопавага і шэлезнага на 2 гады былі абраны мінскі чашнік Ян Матушэвіч і смаленскі мечнік Крыштаф Мацкевіч. Паборцамі гіберны, татарскага і габрэйскага пагалоўнага сталі мінскі лоўчы Рыгор Няміра і мінскі канюшы Станіслаў Гудзьеўскі. Абраны былі ротмістры па парафіях. Цікавым было іншае – было вырашана, каб заставаўся дзейнічаць скарбовы суд, які быў абраны яшчэ на рэляцыйным сойміку паслоў з элекцыйнага сойма 1697 г. [9, с. 93; 12, с. 187–188].

У некаторых паведах з’яўленне гаспадарчых соймаў адбылося са спазненнем. Брэсцкая шляхта сабралася на сойм з адкладу 2 верасня 1698 г. згодна пастановам каэквацыі і каранацыйнага сойма. На гэтым сойміку былі абраны адміністратары для збору падаткаў чопавага і шэлезнага – брэсцкі кашталініч Станіслаў Русецкі і брэсцкі падстолі Станіслаў Тышкоўскі. За год на войска яны мелі сабраць 25 тысяч злотых, за збор якіх мелі разлічыцца перад скарбовымі судамі. Прычым грошы за 5 месяцаў паборныя мусілі аддаць да наступнага гаспадарчага сойма. Для збору гіберны былі абраны брэсцкі падстолі Францішак Шуйскі і брэсцкі чашнік Жыгімонт Хшанстоўскі. Габрэйскае і татарскае пагалоўнае абралі збіраць брэсцкаму стражніку Казіміру Непакайчыцкаму і брэсцкаму скарбніку Яну Бухавецкаму. Таксама быў абраны склад скарбовага суда ў колькасці 10 суддзяў [16, арк. 315–318; 17, с. 253–255]. Як бачым, гаспадарчы сойм адбыўся ў Брэсцкім павеце, але не ў вызначаны тэрмін.

Ужо 10 лютага 1699 г., у вызначаны законам тэрмін, брэсцкая шляхта сабралася на наступны падобны сойм “згодна прынятага права каэквацыі”, а таксама “на падставе прынятай Генеральнай паставы ўсіх ваяводстваў ВКЛ у полі быўшых паміж Каменкай і Пузевічамі”. На гэтым сойміку паборцы падаткаў склалі справаздачу са сваёй функцыі перад скарбовымі суддзямі. Было прынята рашэнне: каб паборцы гіберны, габрэйскага і татарскага пагалоўнага не рабілі шкодаў ва ўладаннях падаткаплацельшчыкаў, то ўсе хто меў плаціць гэтыя падаткі абавязаны былі іх прывесці да Брэста і аддаць паборцам на працягу 3 тыдняў ад дня Святога Міхала (29 верасня). На тых, хто гэтага не зробіць, то ўжо пасля рашэння скарбовага суда мусіць быць праведзена эгзекуцыя. Было вырашана, што паборцы падатку тыгунёвай манаполіі маюць мець сваіх мясцовых прадстаўнікоў у месцах, дзе ёсць скарбовыя каморы, якія і павінны пільнаваць, каб выплочвалася скарбу мыта па 3 грошы. На ўзнагароджанне паборцам гэтага падатку меў ісці чацвёрты грош гэтага мыта. Мясцовая шляхта ня ведала памераў усіх гэтых падаткаў (габрэйскага і татарскага пагалоўнага, тыгунёвай манаполіі) і таму хацела, каб іх паборцы прысягнулі на сабранную суму перад скарбовым судом ці на будучым гаспадарчым сойміку. Для лепшага разумення колькасці сабранных падаткаў было вырашана правесці люстрацыю, а люстратарамі

былі абраны Лукаш Трэмбіцкі і Міхал Касцюшка. Тэрмін ім даваўся ў 11 тыдняў і складзены імі тарыф меў быць зацверджаны на сойміку з адкладу 30 красавіка 1699 г. Для правядзення эгзэкуцыяў і абароны ад “свольных купаў” быў абраны павятовы палкоўнік, брэсцкі падкаморы, Людвік Пацей, якому вызначаліся за выкананне яго абавязкаў брэсцкі і забужскі тракты. На іншыя тракты былі абраны ротмістры: камянецкі і высоцкі – брэсцкі харужы Дамінік Шуйскі, кобрыньскі і дывінскі – брэсцкі падчашы Бенедыкт Бухавецкі, пружанскі і шэрашоўскі – Ян Бухавецкі, мялейчыцкі – Бранікоўскі. Усе сабраныя падаткі аддаваліся камісарам, якімі былі абраныя брэсцкі падсудак Мікалай Махвіц і аршанскі стольнік Пётр Галінскі. Яны мелі выдаваць грошы толькі на войска на падставе законных асігнацый з пазначэннем скарбовага суда. Разлічыцца яны мусілі перад скарбовым судом. Паборцамі падаткаў абіраліся: гіберны – брэсцкі лоўчы Францішак Хшанстоўскі і Казімір Касцюшка; тыгунёвай манаполіі, габрэйскага і татарскага пагалоўнага – брэсцкі земскі рэгент Міхал Непакайчыцкі і Міхал Багуслаўскі. Адначасова адміністратарамі чопавага і шэлезнага заставаліся абраныя на прошлым сойміку, бо былі абраны тэрмінам на год. Таксама заставаўся нязменным склад скарбовага суда, у які ўваходзілі ўраднікі гродскага суда, бо былі абраны на прошлым сойміку на год. Як памятаем, гэта быў соймак 2 верасня 1698 г. і значыцца адміністратары чопавага і шэлезнага, а таксама скарбовы суд меў дзейнічаць да 2 верасня 1699 г. Забаранялася выдаваць грошы на падставе асігнацый віленскага ваяводы і вялікага гетмана ВКЛ Казіміра Яна Сапегі, якія не былі прызнаны ўладамі “рэспубліканцаў”, што меў пільнаваць скарбовы суд. Як бачым, новаствораныя органы павінны былі дапамагчы “рэспубліканцам” у іх змаганні з Сапегамі. Адміністратарам чопавага і шэлезнага за 5 месяцаў іх працы згодна прошлай пастанова было сабрана 6 тысяч злотых [12, с. 185–186; 16, арк. 1056–1063; 17, с. 286–290].

Гэты гаспадарчы соймак 1699 г. цікавы яшчэ тым, што згодна Генеральнай пастанова шляхты ВКЛ 1698 г. дзейнічала забарона зрыву соймака на стадыі разгляду падатковых пытанняў [2, с. 230]. Менавіта таму соймак адбыўся, нягледзячы на тое, што дзень перад гэтым быў сарваны брэсцкі грамічны соймак [16, арк. 1056–1063; 17, с. 286]. Фактычна аказалася, што гэта ўжо два розныя соймакі, хоць часова і звязаныя паміж сабой. Гаспадарчы соймак аказаўся па-за барацьбой за Трыбунал ВКЛ і адпаведна вакол выбараў на грамічных соймаках.

У той жа час былі паветы, дзе ўвядзенне гаспадарчага соймака адбывалася з вялікімі складанасцямі і зацягнулася на некалькі год. У інструкцыі Пінскага павета паслам на сойм 1698 г. заяўлялася, што з-за перашкоды скарбу “паводле каэквацыі надзвычайных падаткаў павет наш яшчэ да гэтага часу не атрымаў у сваё распараджэнне” [18, арк. 256адв; 19, с. 23–24]. Аднак, напэўна, атрымалася перамяніць гэтую сітуацыю. Пінская шляхта 11 жніўня 1698 г. сабралася на свой соймак для слухання рэляцыі пасла на сойм 1698 г. Міхала Вішнявецкага. Акрамя таго, на гэтым соймаку “згодна каэквацыі” абралі паборцамі чопавага, шэлезнага і шосавага троецага скарбніка Каспера Парысовіча і Юзафа Пласкавіцкага. Прычым яны павінны былі быць гэтымі паборцамі ад 16 жніўня 1698 г. да 14 жніўня 1699 г. Узнагароджанне паборцам вызначалася па тысячы злотых [18, арк. 547–547адв]. У сваю чаргу толькі на наступным пінскім соймаку (элекцыйны 18 – 19 лістапада 1698 г.) быў абраны скарбовы суд, які меў складацца з гродскага суда, і два земскія ўраднікі: пінскі стольнік Лявона Война і пінскі земскі пісар Самуэль Орда [18, арк. 651–652; 19, с. 25].

У наступным, 1699 г. на пінскім грамічным соймаку было ўжо дакладна вызначана “колькі і адкуль павінна збірацца чопавага і шэлезнага”. Прычым адміністратарамі гэтага падатку былі зацверджаны тыя самыя, што і ў папярэднім 1698 г.: Каспер Парысовіч і Юзаф Пласкавіцкі. Іх выбар адбыўся пад дырэкцыяй Міхала Вішнявецкага і ўжо пасля папярэдня адбыўшага грамічнага соймака, дзе дэпутатамі былі абраны дружылавіцкі староста Міхал Цехановіч і пінскі стольнік Казімір Друцкі Любецкі [12, с. 186–187; 18, арк. 1055–1056; 19, с. 25].

На пінскім грамічным соймаку 1700 г. асудзілі дзейнасць Скарбовага Трыбунала ВКЛ 1700 г. і падтрымалі дзейнасць свайго дэпутата, які не ўвайшоў у лік суддзяў на ім. Павятовым палкоўнікам быў абраны Януш Вішнявецкі, які меў права сваімі ўніверсаламі па парафіях склікаць паспалітае рушанне. Калі будуць якія перашкоды для кіравання Януша Вішнявецкага, то тады замест яго палкоўнікам меў стаць яго брат Міхал. Мясцовая шляхта хацела, каб пяхота войска ВКЛ пакінула месца сваёй дыслакацыі ў Пінскім павеце, у праціўным выпадку патрабавала ад палкоўніка накіравацца на яе паспалітым рушаннем [19, с. 26; 20, арк. 288–289адв]. Як бачым, ніякіх пастановаў, якія датычыліся абрання паборцаў ці скарбовага суда, ад пінскага гаспадарчага соймака 1700 г. не дайшло. Амаль усе пастановы гэтага соймака датычыліся цяжкай палітычнай сітуацыі. Магчыма ўплыў на гэтае мела тое, што пінскі соймак у гэты час знаходзіўся пад уплывам магнатаў Вішнявецкіх, якія хоць і былі сярод лідараў “рэспубліканцаў”, але праяўлялі слабую зацікаўленасць ва ўвядзенні гаспадарчага соймака згодна пастановам “ураўнавання правоў” (каэквацыі).

На грамічным соймаку 1701 г. высветлілася, што немагчыма выплаціць заробак “рэспубліканскаму” войску ВКЛ, бо да гэтага часу павятовыя паборцы не абіраліся і не збіралі адпаведныя падаткі. Толькі на грамічным соймаку 9 лютага 1699 г. паборцам была дадзена адпаведная інструкцыя, але атрымаўся вялікі недабор. Верагодна таму, яны не склалі ніякай справаздачы на наступны год. Зараз было вырашана, каб паборцы збіралі ўсе падаткі ў падвойным памеры, прычым абранне іх адбылося яшчэ на з’ездзе

“рэспубліканцаў” пад Алькенікамі, а зараз толькі падцвярджалася [19, с. 26, 28; 20, арк. 1018адв]. Акрамя таго, было ўстаноўлена, што арэнда ўладанняў епіскапа Тураў прыносіла толькі 100 злотых і таму падатак меў быць не некалькі соцен злотых як раней, а толькі падвойны, гэта значыць 20 злотых. З габрэйскага пагалоўнага на трыбунальскую харугву з Пінскага паведа мелі выплаціць 2000 злотых. Прычым габрэі яго павінны былі самі адвозіць да ротмістра трыбунальскай харугвы. Не быў вядомы памер “новага падатку на плебеяў” і таму для яго збора і люстрацыі былі абраны чарнігаўскі стольнік і пінскі гродскі пісар Міхал Казімір Кулікоўскі, а таксама пінскі гараднічы Каспер Парысовіч. Таксама былі абраны суддзі скарбовага суда. Як, і ў 1698 г., было абрана іх чамусці толькі два: пінскі гараднічы Каспер Парысовіч і пінскі падкаморыч Геранім Цехановіч. Яны разам з ураднікамі гродскага суда і мелі скласці скарбовы суд. Прычым з-за вялікай колькасці справаў пасяджэнні скарбовага суда павінны ўжо былі пачацца на наступны дзень пасля гаспадарчага сойма [19, с. 28; 20, арк. 1018–1019адв].

На пінскім гаспадарчым соймаку 1702 г. пад дырэкцыяй віленскага кашталяна Януша Вішнявецкага спачатку былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ, а потым паборцы гіберны – пінскі гродскі суддзя Ян Казімір Парысовіч і пінскі падчашы Міхал Кердзей. Адміністратарамі чопавага, шэлезнага, шосавага і тыгунёвай манаполіі абралі пінскага каморніка Міхала Галаўню і Аляксандра Скірмунта. Таксама быў абраны скарбовы (фіскальны) суд ужо ў значна большай колькасці, у параўнанні з папярэднімі гадамі, 10 суддзяў. З пінскага кагалу ўстанаўліваўся падатак у 2000 злотых. Узнагароджанне паборцам падаткаў вызначалася па 3 грошы ад кожнага сабранага златага [19, с. 29; 21, арк. 60–62]. Такім чынам, гаспадарчы соймак дакладна ўсталяваўся ў Пінскім павеце толькі ў пачатку XVIII ст.

Адной з першых узятая за ажыццяўленне казквацыі наваградская шляхта. На наваградскім соймаку, які адбыўся 26 лістапада 1697 г. пад дырэкцыяй Станіслава Незабітоўскага, былі абраныя скарбовыя суддзі, адміністратары чопавага і шэлезнага, але на наступны дзень было вырашана ўсе пытанні, звязаныя з казквацыяй, адкласці [22, s. 174]. Станіслаў Маляўскі паведамляў Каралю Станіславу Радзівілу аб гэтым: “соймак пасля ўчыненай справаздачы паноў паслоў адклалі да паслясоймавага або грамнічнага, які наперад будзе назаўтра па [грамнічным – А.М.] соймаку абіраць контрагентаў, паборцаў і суддзяў, на што і пастанову прынялі” [22, s. 183]. Такім чынам, у Наваградку таксама адбылося выдзяленне асобнага соймака, які прайшоў паспяхова ўжо 4–5 лютага 1698 г., абраўшы на год паборцаў і скарбовых суддзяў.

Тое ж самае адбылося праз год, 10 лютага 1699 г. Згодна першага пункта пастановы гэтага соймака было вырашана цалкам падтрымаць Генеральную пастанову шляхты ВКЛ пад Пузевічамі ад 21 лістапада 1698 г., якая ўжо была зацверджана каралём Аўгустам II. Больш таго, наваградская шляхта абяцала абараняць гэтую пастанову не шануючы “здараўя, жыцця і фартуны нашай”. Пасля наваградская шляхта пазбавіла выканання абавязкаў харужага шмяльтынскага старосту Міхала Тызенгаўза і абрала на яго месца калішскага падчашага Станіслава Незабітоўскага. Далей у пастанове гэтага соймака інфармавалася пра праціўнікаў сярод наваградскай шляхты, якія пакінулі соймак. Прычым наваградская шляхта імкнулася пазбегнуць гэтага рознымі спосабамі і яшчэ за некалькі дзён да соймакаў праводзіла шматлікія нарады для захавання адзінства. Ужо нават падчас соймака сабраўшыся на замку шляхта двойчы дасылала сваіх прадстаўнікоў да праціўнай групы, запрашаючы на соймак, але тыя не пагадзіліся далучыцца. Наваградскім палкоўнікам быў абраны кухмістр ВКЛ, Крыштаф Камароўскі. Згодна Генеральнай пастанове ВКЛ камісарамі былі абраны наваградскі чашнік Станіслаў Корсак і месіслаўскі войскі Станіслаў Маляўскі. Пасля, “згодна казквацыі”, адміністратарамі чопавага, шосавага і шэлезнага былі абраны кухмістр ВКЛ, Крыштаф Камароўскі, і наваградскі падчашы, Казімір Маляўскі. Габрэйскае і татарскае пагалоўнае сабіраць былі абраны Станіслаў Пратасовіч, Томаш Мінкоўскі, Станіслаў Палонскі, старадубскі падстолі Юрый Рымша, Міхал Чаркоўскі, Канстанцін Міладоўскі, Лукаш Мінкоўскі, Геранім Рымша і Шымон Зубоўскі. Таксама былі абраны эгэкутары падаткаў: люблінскі стольнік Павел Звяртоўскі, Тэадор Палонскі, Хаціскі, Крыштаф Чаркоўскі, Ян Улаховіч, Дамінік Магільніцкі, Марцін Зубоўскі, Ян Вірловіч, Юрый Бародзіч, Малушыцкі, Адам Міладоўскі і Багуслаў Ліхадзееўскі. Для разлікаў былых паборцаў і правядзення люстрацыі былі абраны наваградскі стражнік Уладзіслаў Вольскі, полацкі скарбнік Караль Рудаміна, Адам Корсак і Ян Воўк. У склад скарбовага (фіскальнага) суда было абрана 24 шляхцічы. Прычым сярод іх змяшчаліся прадстаўнікі наваградскага гродскага суда: суддзя Гедэон Воўк і пісар Ігнат Пшэрадоўскі. Былі вялікія запазычанасці па выдачы падатку на войска, згодна Генеральнай пастановы ВКЛ 1698 г., і таму даваўся тэрмін у 2 тыдні для іх выдачы, пасля чаго наваградскі палкоўнік мае выдаць адпаведныя ўніверсалы на збор падаткаў павятовымі ротмістрамі з дапамогай эгэкуцый. Таксама наваградскі палкоўнік і ротмістры мусілі са сваімі атрадамі знішчаць свавольныя жаўнерскія атрады, калі яны з’явіцца ў Наваградскім ваяводстве. Ротмістрамі былі абраны наваградскі падчашы Казімір Маляўскі, наваградскі чашнік Станіслаў Корсак, вендэнскі харужы Леў Троска, месіслаўскі стольнік Геранім Жаба, наваградскі стражнік Уладзіслаў Вольскі, лідскі падчашы Станіслаў Межэўскі, браслаўскі падчашы Андрэй Мірскі, брэсцкі чашнік Ян Незабітоўскі, аршанскі падстолі Юрый Пласкавіцкі і Аляксандр Макавецкі. Над татарами ротмістрам быў прызначаны Аляксандр Бародзіч [12, с. 179–181; 23, к. 1–15]. Гэта быў соймак прыхільнікаў “рэспубліканцаў”. З дыярыюша Станіслава Незабітоўскага становіцца вядомым, што адбыўся і альтэрнатыўны наваградскі грамнічны і гаспадарчы соймак прыхільнікаў Сапегаў. На ім у касцёле іезуітаў пад дырэкцыяй парнаўскага падстоля Яна Вяжэйскага абралі дэпутатамі наваградскага мечніка Казіміра

Кандратовіча і Мікалая Вайніловіча і яшчэ абрана там і альтэрнатыўных суддзяў скарбовага суда і паборцаў чопавага і шэлезнага, а таксама іншых падаткаў [12, с. 180; 22, с. 223]. Як бачым, ужо ў 1699 г. наваградскі гаспадарчы соймак добра функцыянаваў і прыняў усе патэбныя рашэнні, якія ўваходзілі ў яго кампетэнцыю, хоць і на двух альтэрнатыўных соймаках. З часам атрымалася дамовіцца і 13-14 сакавіка 1699 г. правесці аб'яднаўчы соймак. На ім пад дырэкцыяй кухмістра ВКЛ, Крыштафа Кандратовіча, прыхільнікі Сапегаў адмовіліся ад сваіх ранейшых пастанаў і прызналі пастановы “рэспубліканскага” грамнічнага і гаспадарчага соймака. Адзінае, да складу скарбовага суда быў далучаны наваградскі падсудак Уладзіслаў Ян Вольскі. Была прызнана Генеральная пастанова ВКЛ ад 21 снежня 1698 г., за выключэннем палажэнняў аб пакаранні адсутных на паспалітым рушанні [12, с. 182–183; 22, с. 227; 24, к. 1–2].

Наваградская шляхта сабралася на свой соймак 9 лютага 1700 г. Пасяджэнні распачаў наваградскі падсудак Уладзіслаў Вольскі, а соймакавым дырэктарам быў абраны дырэктар грамнічнага соймака, мсціслаўскі войскі Станіслаў Маляўскі. Як і ў прошлым годдзе, выконваемым абавязкі харужага быў абраны калішкі падчашы Станіслаў Незабітоўскі. Ротмістрамі абралі наваградскага падчашага Казіміра Маляўскага, мсціслаўскага стольня Гераніма Жабу, наваградскага чашніка Станіслава Корсака, браслаўскага падчашага Андрэя Мірскага, вэндэнскага харужага Лева Троску, лідскага падчашага Станіслава Межэўскага, наваградскага падсудковіча Юзафа Вайніловіча. Ротмістрам над татарамі мусіў быць Станіслаў Вайніловіч. Таксама быў абраны скарбовы суд пры ўрадніках земскага і гродскага суда ў колькасці 16 суддзяў. Паборцамі татарскага і габрэйскага пагалоўнага былі абраны Станіслаў Пратасовіч, Станіслаў Мезін, Міхал Астрэйка, Людвік Малушыцкі, Стэфан Чаркоўскі. Сабраныя грошы яны мелі аддаць ротмістру трыбунальскай пяхоты, Кіяноўскаму [25, к. 1–8; 26, р. 1–3].

Таксама распаўсюдзіўся гаспадарчы соймак і ў іншым павеце гэтага ваяводства – Слоніміскім. Вядома пра такі соймак у 1699 г. Таксама, вядома, што на ім адміністратарамі чопавага і шэлезнага, татарскага і габрэйскага пагалоўнага былі абраны віцебскі падстолі Ян Юрэвіч, слоніміскі скарбнік Ян Камаровіч і браслаўскі гараднічы Ігнат Талаконскі [27, л. 104–105об]. Аднак, незаўжды слоніміскія гаспадарчыя соймакі дзейнічалі згодна ўстаноўленым кампетэнцыям. Слоніміская шляхта сабралася на соймак з адкладу 27 лютага 1703 г. на падставе ўніверсала караля. Шляхта звярнула ўвагу, што на мінулым соймаку, 6 лютага 1703 г., былі абраны скарбовыя суддзі (4 суддзі), але не былі абраны адміністратары падатку чопавага і шэлезнага, якіх абралі зараз (слоніміскі земскі пісар Міхал Есман і слоніміскі гродскі суддзя Андрэй Булгак). Узнагароджанне ім вызначалася згодна пастановы 1701 г. у 6 грошаў ад кожнага сабранага златага. Таксама зацвердзілі дэпутатаў для збору гіберны – слонімскага войскага Міхала Жабку і рэчыцкага скарбніка Войцаха Бучынскага. Асабліва падкрэслівалася, што гэта яны маюць збіраць гіберну, а не, насуперак пастановам “каэквачы”, вайскоўцы [28, арк. 116–117адв].

На аршанскім грамнічным соймаку 1701 г. спачатку былі абраны дэпутаты на Трыбунал ВКЛ. Ужо потым на соймаку прыступілі да гаспадарчых спраў. Павятовым палкоўнікам быў абраны Шымон Друцкі Любецкі. Ротмістрамі былі абраны аршанскі скарбнік Самуэль Цеханавецкі, Казімір Стэткевіч, смаленскі стольнік Мікалай Шэмет і віцебскі падчашы Францішак Лукомскі. Было абрана 8 скарбовых суддзяў, якія разам з ураднікамі земскага і гродскага суда мелі сфарміраваць склад скарбовага суда. Паборцамі гіберны, падымнага, габрэйскага і татарскага пагалоўнага і тытунёвай манаполіі зацвердзілі тых, што былі абраны на з'ездзе “рэспубліканцаў” у Алькеніках. Таксама ім пакідаўся збор шосавага. У той жа час, адміністратарам чопавага і шэлезнага за 40 тысяч злотых стаў троцкі кашталян Міхал Казімір Коцел. Аршанская шляхта скардзілася, што шмат розных уладанняў не выдавалі падаткі на заробак войску і таму патрабавалася, каб аршанскі палкоўнік як мага хутчэй правёў эгэкуцыі, згодна рашэнням скарбовага суда па атрыманні запазычанасці гэтых падаткаў [29, арк. 120–123адв; 30, с. 16].

На наступным аршанскім гаспадарчым соймаку 1702 г. дайшло да канфлікту падчас выбару павятовага палкоўніка [29, арк. 880–882адв.]. Згодна адной з пратэстацый, Казімір Стэткевіч і яго прыхільнікі (дырэктар гаспадарчага соймака Стэфан Кіркор, Міхал Баратынскі, Чарэйскія і Бяліцкія) перашкаджалі законнаму правядзенню аршанскага грамнічнага соймака 1702 г. На ім, невядома з якіх прычын, абралі 2 соймакавых дырэктары – брэсцкага ваяводзіча Яна Курча і Яна Кіркора. Пад іх соймакавай дырэкцыяй на двух соймаках было абрана 4 дэпутаты на Трыбунал ВКЛ. На першым – Шымона Друцкага Любецкага і аршанскага лоўчага Стэфана Александровіча, а на другім – Станіслава Катоўскага і Антонія Галінскага. Ужо 7 лютага 1702 г. на гаспадарчым соймаку быў абраны трэці дырэктар, Стэфан Кіркор. На гэтым соймаку Стэткевіч і яго прыхільнікі не дапускалі заслужаную шляхту да выбара скарбовымі суддзямі, паборцамі падаткаў і ротмістрамі. Больш таго, Стэткевіч і яго прыхільнікі былі абвінавачаны ў спрыянні стольнікаўне ВКЛ, Ізабэле Сапеге¹. Як бачым, з гэтых пратэстацый, аршанскі гаспадарчы соймак 1702 г. адбыўся на другі дзень пасля грамнічнага. Соймакавым дырэктарам на ім быў абраны не адзін з двух соймакавых дырэктароў альтэрнатыўных аршанскіх грамнічных соймакаў, а трэці соймакавы дырэктар. На гаспадарчым соймаку разгарнулася барацьба паміж двума шляхецкімі групамі за выбар павятовым

¹ Напэўна звязана з тым, што Ізабэла з Палубінскіх Сапега ў гэты час аб'явіла аб сваіх правах на ўладанні, якія вывіла з пад улады свайго мужа стольніка ВКЛ Юрыя Станіслава Сапегі, што вызваліла іх ад захопу “рэспубліканцамі”. – [30, с. 16].

палкоўнікам, ротмістрамі, паборцамі. Гэта сведчыць пра папулярнасць гэтых павятовых функцый сярод мясцовай шляхты. Адначасова бачна, што палітычныя падзелы сярод мясцовай шляхты на дзве групыкі не перашкодзілі правядзенню гаспадарчага сойма, што, напэўна, было выклікана разуменнем мясцовай шляхтай важнасці прымаемых гэтым соймакам пастаноў для функцыянавання скарбова-вайскавай сістэмы ў павеце і забеспячэння бяспекі ў час супрацьстаяння з прыхільнікамі Сапегаў.

Мсціслаўскі грамнічны соймак 1701 г. не толькі абраў дэпутатаў, але і разгледзеў пытанні, якія тычыліся кампетэнцыі гаспадарчага сойма. Былі пацверджаны абраныя на прошлых соймаках ротмістры: мсціслаўскі падкаморы Вінцэнт Валовіч і мазырскі скарбнік і мсціслаўскі гродскі пісар Францішак Война Ясянецкі. Да іх яшчэ быў абраны ротмістрам мсціслаўскі крайчы Казімір Маскевіч. Камісарам быў абраны мсціслаўскі гараднічы і мсціслаўскі падстароста Стэфан Галынскі. Пасля на соймаку была прачытана пастанова, якую прынялі пад Алькенікамі. Патрабавалася выплаціць даўгі ў падатках, што збіраліся на паспалітае рушанне. Устанаўліваліся падаткі быўшай пад Алькенікамі харугве пад кіраўніцтвам Марціна Валовіча, а таксама для забітых і параненых у гэтай бітве. Пацвярджаліся адміністратары чопавага і шэлезнага, а таксама паборцы гіберны і іншых падаткаў, што былі абраны на соймаку 3 студзеня 1701 г., пасля вяртання мсціслаўскай шляхты з-пад Алькенік. Гэтымі зборшчыкамі былі: па даўгам на падаткі на паспалітае рушанне – полацкі мечны Глеб Казанскі, оўруцкі падстолі Юзаф Сурын і харужы харугвы Мсціслаўскага ваяводства, Антоній Панятоўскі; гіберны – мсціслаўскі канюшы Уладзіслаў Панятоўскі і Ян Асмалоўскі; чопавага, шэлезнага і шосавага – мсціслаўскі гараднічы і мсціслаўскі падстароста Стэфан Галынскі. Паборцам гіберны дазвалялася ўзяць вызначанае законам узнагароджанне. Калі хто не выдаў устаноўленых падаткаў, то праз 3 тыдні павятовыя ротмістры мелі правесці эгзэкуцыю. Быў абраны скарбовы суд у колькасці 8 суддзяў [30, с. 16–17; 31, арк. 85–89адв.].

Усталяваўся гаспадарчы соймак і на паўднёвым усходзе ВКЛ, хоць аб гэтым маецца мала крыніц. Мазырская шляхта сабралася на грамнічны соймак 1703 г., дзе абрала 6 скарбовых суддзяў. Аднак, як не было земскага суда, то да ліку скарбовых суддзяў абралі яшчэ смаленскага мечніка Міхала Ясянецкага [32, арк. 411]. Яшчэ ў 1698 г. гаспадарчы соймак пачаў дзейнічаць і ў Рэчыцкім павеце [9, с. 94; 12, с. 190]. У 1706 г. спачатку адбыўся 7 лютага 1706 г. рэчыцкі элекцыйны соймак па выбару падкаморыя. Цікава, што ўжо на ім былі абраны і дэпутаты Трыбунала ВКЛ. Аналізаваўшы дакументы гэтага сойма, Робертас Юргайціс лічыць гэта за памылку пісара і дэпутаты былі абраны 8 лютага 1706 г. на грамнічным соймаку. Ужо потым былі абраны паборцы гіберны Уланкоўскі і Вербша, а таксама чопавага і шэлезнага – Кельчэўскі і Андрэй Белы [33, с. 287–291; 34, арк. 239; 35, арк. 585–586].

Высновы. Такім чынам, свайму з’яўленню гаспадарчы соймак абавязаны руху “рэспубліканцаў”, які адным з пунктаў сваёй праграмы “ўраўнавання правоў” (кажвацы) бачыў увядзення скарбовых судаў і перанясенне фінансавання войска ў паветы. Часам правядзення гаспадарчага сойма становіцца наступны дзень пасля грамнічнага сойма. Прычынай вызначэння такога часу быў сталы тэрмін правядзення апошняга і адсутнасць неабходнасці склікання гаспадарчага сойма каралеўскім універсалам. Вельмі часта гэтыя соймакі выступалі пад адной назвай “грамнічны” і нават адбываліся ў адзін дзень. Ужо ў перыяд 1697 – 1717 гг. гаспадарчы соймак цалкам адлучыўся ад грамнічнага, хоць у нека-тых паведах і захоўваў агульную соймакавую дакументацыю ў выглядзе соймакавай пастановы і нават аднаго соймакавага дырэктара. Звычайна ў 1697 – 1717 гг. на гаспадарчым соймаку адбываўся выбар: паборцаў чопавага і шэлезнага, гіберны, габрэйскага і татарскага пагалоўнага, тытунёвай манаполіі, камісараў па зборы падаткаў, а таксама павятовых палкоўніка і ротмістраў, складу скарбовага (фіскальнага) суда. У сітуацыі Паўночнай вайны і вайны паміж “рэспубліканцамі” і Сапегамі значныя шкоды мелі ўладанні ў павеце і таму частым была практыка выбара люстратараў, якія мелі складаць новы тарыф, каб колькасць збіраемых падаткаў адпавядала рэальнаму стану. Увядзенне асобнага гаспадарчага сойма было рацыянальным крокам, паколькі давала магчымасць у выпадку зрыву грамнічнага сойма разгледзець скарбовыя і іншыя эканамічныя пытанні, а таксама праз абранне палкоўніка і ротмістраў пастарацца аб выкананне судовых дэкрэтаў і грамадскай бяспекі.

ЛІТАРАТУРА

1. Радаман, А. Соймак / А. Радаман // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. С. 615 – 617.
2. Рахуба, А. Вялікае княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай (1569 – 1763) / А. Рахуба. – Мінск, 2008.
3. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. – F 17. B. 177.
4. Volumina legum. T. V. – Petersburg, 1860.
5. Volumina legum. T. VI. – Petersburg, 1860.
6. Sliatoriūnas, G. Sejm Niemy a rewizja reform ustrojowych, zainspirowanych przez litewskich republikantów na przełomie XVII i XVIII w. / G. Sliatoriūnas // Sejm Niemy. Między mitem a reformą państwa / red. M. Zwierzynkowski. – Warszawa, 2019. – S. 189 – 201.

7. Zakrzewski, A. Sejmiki Wielkiego Księstwa Lit. XVI-XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki / A. Zakrzewski. – Warszawa, 2000.
8. Biblioteka Czartoryskich. – Rkps. 192.
9. Віцько, Д. Галоўны Трыбунал ВКЛ 1698 г.: судовая расправа над Сапегамі / Д. Віцько // Архэ. – 2016. – № 3. – С. 84 – 139.
10. Biblioteka Jagiellońska. – Sygn. 6357.
11. Vilniaus universiteto biblioteka (далее VUB). – F. 7. Sign. 32/13909.
12. Віцько, Д. Дэпутацкія соймкі ВКЛ 1699 г. / Д. Віцько // Архэ. 2015. – № 12. – С. 164 – 193.
13. VUB. – F. 7. Sign. 4/6145.
14. Віцько, Д. Супрацьстаянне палітычных групак у Гарадзенскім павеце ў 1696 – 1700 гг. / Д. Віцько // Гарадзенскі палімпсест. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё. XVI – XX ст. – С. 204 – 223.
15. Мацук, А. Полацкае ваяводства ў XVIII ст.: ваявода, шляхецкая эліта, соймкі / А. Мацук. – Мінск, 2014.
16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (далее НГАБ). – Ф. 1705. Воп. 1. Спр. 27.
17. Акты Виленской археологической комиссии. Т. 4. Акты Брестского городского суда. – Вильно, 1870.
18. НГАБ. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 14.
19. Віцько, Д. Пінскі соймкі у канцы XVII – пачатку XVIII ст.: функцыянаванне і палітычнае жыццё / Д. Віцько // Беларускі гістарычны часопіс. 2011. № 2. – С. 22 – 30.
20. НГАБ. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 15.
21. НГАБ. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 16.
22. Niezabitowski, S. Dzienniki, 1695 – 1700 / S. Niezabitowski. – Poznań, 1998.
23. Archiwum Główne Akt Dawnych (далее AGAD). – AR. – Dz. II. Sygn. 1869.
24. AGAD. – AR. – Dz. II. Sygn. 1870.
25. AGAD. – AR. – Dz. II. Sygn. 1882.
26. VUB. – F. 13. Sign. 178.
27. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 356. Д. 34.
28. НГАБ. – Ф. 1737. Воп. 1. Спр. 26.
29. НГАБ. – Ф. 1731. Воп. 1. Спр. 2.
30. Віцько, Д. Паўстанне на ўсходзе Беларусі ў 1701–1702 гг. / Д. Віцько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 4. – С. 15 – 21.
31. НГАБ. – Ф. 1729. Воп. 1. Спр. 5.
32. НГАБ. – Ф. 1728. Воп. 1. Спр. 4.
33. Юргайтис, Р. Как голосовала шляхта Речицкого повета 7 февраля 1706 г., выбирая депутатов Главного Литовского Трибунала / Р. Юргайтис // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у стагоддзях. – Мінск, 2008. – С. 285 – 295.
34. НГАБ. – Ф. 1736. Воп. 1. Спр. 1.
35. НГАБ. – Ф. 1736. Воп. 1. Спр. 3.

Паступіў 13.12.2019

THE DEVELOPMENT OF GENTRY SELF-GOVERNMENT AND THE FORMATION OF THE ECONOMIC SEJMIK IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURY

A. MACUK

On the basis of new handwritten documents, the author investigates the development of the gentry self-government and the formation of the economic sejmik in the late 17th - early 18th century in various povets of the Grand Duchy of Lithuania. It was possible to establish that the economic sejmik owed its appearance to the “Republicans” movement, which saw as one of the points of its “equalization of rights” (koekwacja) program introducing of the skarb courts and transferring of the army funding in povets. On the economic sejmik should have elected: poborts (collectors) of czopove and sheleznoe, hibernoe, Jewish and Tatar pogolovnoe (capitation), tobacco monopoly, tax collection commissioners, as well as povet colonel and rittmeisters, composition of a skarb (fiscal) court.

Keywords: *economic sejmik, koekwacja, republicans, gentry, nobleman, collectors, skarb court, parliamentarism.*

УДК 329.14(470.25)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 – 1918 гг.)****А. С. МЕЛЬНИКОВА***(Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова)*

Статья посвящена деятельности на территории Псковской губернии общероссийской умеренной неонароднической Трудовой народно-социалистической партии, созданной в конце июня 1917 г. в результате объединения Трудовой социалистической партии (Трудовая группа, трудовики) и Народно-социалистической партии (народные социалисты, энесы). Дана характеристика количественного и социального составов, территориального функционирования региональных структур Трудовой народно-социалистической партии, выделены особенности ее программных установок и установлена ответная реакция на них со стороны ряда социальных слоев населения региона. Освещены место и роль представителей Трудовой народно-социалистической партии в общественно-политической жизни Псковской губернии, показаны основные направления их партийной работы летом-осенью 1917 г., а также раскрываются причины постепенного ухода партии с региональной политической арены в начале 1918 г.

Ключевые слова: *Трудовая народно-социалистическая партия, трудовики, народные социалисты, энесы, программа, партийная деятельность, общественно-политическая жизнь, Псковская губерния, региональные партийные структуры, Февральская революция, Октябрьская революция, большевики.*

Введение. Проблема политических партий и организаций Российской империи начала XX в. занимала и продолжает занимать важное место в исторической науке. Актуальность исследований по данной проблематике обусловлена в первую очередь тем, что поднимает вопрос о роли политических партий в общественно-политической жизни, соотношении партийных интересов и задач общества, позволяет осмыслить содержание различных проектов преобразования общественного строя в переломные периоды истории. Несмотря на наличие серьезных научных работ в отечественной и зарубежной историографии по данной проблеме, многие невторостепенные аспекты требуют переосмысления и дополнительного изучения. Трудовая группа (трудовики), Народно-социалистическая партия (НСП, народные социалисты, энесы) и созданная на их основе Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП) принадлежали к неонародничеству – общественно-политическому течению, которое оказывало влияние на мировоззренческие позиции различных слоев населения (интеллигенции, крестьянства, пролетариата, служащих земских и городских органов самоуправления, военнотрудовых, студенческой и учащейся молодежи). Умеренная социалистическая доктрина трудовиков и энесов, их мирные легальные тактические принципы представляют научный интерес с точки зрения рассмотрения альтернативного проекта реформирования России начала XX столетия, основанного на эклектическом смешении идеалов неонародничества с идеями социализма. Кроме того, изучение истории Трудовой группы и НСП, имевших значительное сходство в содержании идейно-практической деятельности, обоснованно тем, что они могут служить примером интеграции близким по программе и тактике партиям современности.

Первыми обстоятельными работами по деятельности НСП и Трудовой группы в советский период стали труды Н.Д. Ерофеева и Д.А. Колесниченко [1 – 3]. С 1990-х гг. отмечается повышение интереса к политическим процессам начала XX в., места и роли в них политических партий и организаций. Попыткой переосмысления программы, стратегии и тактики НСП явились статьи Г.С. Аноприевой и Н.Д. Ерофеева, Л.Г. Протасова и О.Л. Протасовой, кандидатская диссертация А.А. Панюкова [4 – 6]. Продолжил исследовательскую работу по проблеме НСП историк Н.Д. Ерофеев [7]. Наиболее плодотворно в области изучения истории энесов работает А.В. Сыпченко, которая уделяет значимое внимание и региональным аспектам их партийной деятельности [8; 9]. Идеология и политическая практика трудовиков на общегосударственном и региональном уровнях изучаются Е.В. Белоглазовым, О.Л. Кияшко, В.В. Мельниковым [10 – 12].

Основная часть. Появление на политической арене Российской империи Трудовой группы и НСП непосредственно связано с событиями первой российской революции и последовавшими в связи с ней изменениями в общественно-политической жизни страны. Определяющую роль в разработке программных положений Трудовой группы, особенно по аграрному вопросу, сыграли публицисты легального неонароднического журнала «Русское богатство» А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин. Весомый вклад в создание программы трудовиков внесли лидеры социалистов-революционеров и Всероссийского крестьянского союза.

Программа Трудовой группы предусматривала равенство всех граждан перед законом; отмену всех сословных, религиозных и национальных ограничений; предоставление населению свободы совести, религии, слова, собраний, союзов, стачек и передвижений; демократизацию органов местного само-

управления и совершенствование судебной системы. Также в программе содержались требования отмены ограничений полномочий Государственной думы, упразднения Государственного совета, создания ответственного министерства из депутатов Думы, издания закона о всеобщем избирательном праве на основе прямого, равного и тайного голосования. В рабочем вопросе представители Трудовой группы выступали за установление 8-ми часового рабочего дня, минимальной заработной платы и 42-часового еженедельного отдыха. Ими затрагивалась проблема страхования рабочих. Расходы на страхование предполагалось возложить на предпринимателей. Для разрешения спорных вопросов между работодателями и рабочими предусматривалось учреждение примирительных камер [13].

Программа партии представляла собой своеобразную модель синтеза неонароднических, либеральных идей с идеалами западноевропейского эволюционного социализма. Конечную цель – установление социалистического строя – теоретики партии считали далекой перспективой, достигнуть которую необходимо посредством поступательных демократических преобразований в обществе, то есть мирным, эволюционным путем. Осуществление политических, социальных и экономических реформ народными социалистами не мыслили вне рамок государственной организации. Они были убежденными государственниками и считали, что только при помощи государства можно удовлетворить разнообразные, подчас весьма противоположные интересы в обществе. Стремясь приобрести широкую социальную базу, народные социалисты подчеркивали внеклассовый, народный характер своей партии. При этом роль идейного вдохновителя народных масс в соответствии с неонароднической парадигмой отводилась интеллигенции. При разработке партийной программы энесы уделили приоритетное внимание пути решения аграрного вопроса. Согласно их проекту, нашедшему отражение в программной платформе трудовиков, предусматривалось огосударствление земельного фонда с последующей передачей земли в пользование трудящемуся народу по трудовой норме, при которой за основу брался учет возможностей крестьянской семьи обработать полученный надел самостоятельно, без применения наемной рабочей силы. Народные социалисты делали упор на государственное регулирование земельным сектором с целью достижения стабильности в области развития аграрных отношений. Отдавая приоритет крупным формам хозяйствования, они не считали нужным отказываться от мелких форм до тех пор, пока преимущество первых не будет очевидно и крестьянство добровольно не перейдет к ним [8].

Таким образом, вступившие на политическую арену Российской империи в 1906 г. в качестве самостоятельных политических организаций Трудовая группа и НСП имели много общих черт в идейно-теоретической доктрине, основу которой составили принципы и идеалы неонародничества. В своих политических воззрениях и тактике трудовики и народные социалисты ориентировались на широкие слои трудящегося населения. Уже в период первой российской революции, благодаря усилиям депутатов-трудовиков, а также ряда печатных органов, в общественное сознание стали проникать идеи общественно-политического и социально-экономического переустройства, разработанные публицистами журнала «Русское богатство» и лидерами Трудовой группы. Тем самым закладывались основы идейно-практической деятельности трудовиков и энесов на территории губерний, в том числе Псковской губернии.

Февральская революция 1917 г. содействовала переходу трудовиков и народных социалистов на легальные позиции. Вместе с тем, она поставила насущные задачи, главной из которых являлась задача партийного строительства в центре и на местах. 23–25 марта 1917 г. состоялась общепартийная конференция энесов, на которой были обсуждены вопросы, связанные как с внутренней организацией партии, так и с ее деятельностью среди широких масс населения.

С 7 по 11 апреля 1917 г. в Петрограде проходил V съезд Трудовой группы, на котором была проведена работа по пересмотру и дополнению ее программы. По решению съезда Трудовая группа была объявлена социалистической партией. Одним из важнейших моментов работы съезда явилось обсуждение вопроса о взаимодействии Трудовой социалистической партии с населением. Накануне созыва съезда ЦК трудовиков разослал на места воззвания с призывом к лицам, сочувствующим программе трудовиков, вступать в уже существующие местные организации, а там, где они отсутствуют, содействовать их образованию [14, л. 1].

Строительство партийной вертикали обеих партий тормозилось попыткой их центрального руководства добиться объединения эсеров, энесов и трудовиков в единую партию. Однако наметившаяся интеграция так и не состоялась по причине слабой заинтересованности в ней лидеров эсеровской партии. Итоги работы по партийному строительству на местах были подведены на I Всероссийском съезде НСП (17–21 июня 1917 г., Петроград) и VI Всероссийском съезде Трудовой группы (19–21 июня 1917 г., Петроград). Сообщения региональных деятелей свидетельствовали о кратковременном существовании местных партийных отделов, отсутствии их связи с центром, недостатке материальных средств для издания пропагандистской литературы. Псковская организация НСП была создана в начале июня 1917 г. Она вела совместную работу с трудовиками еще до объединения обеих партий [15, с. 3].

Основным вопросом обоих съездов являлся вопрос о создании единой партии трудовиков и энесов. К объединению подталкивали близость идейных взглядов, а также взаимное стремление с помощью данного шага усилить влияние на народные массы [16, с. 240].

Следует отметить, что процесс слияния не внес существенных изменений в географию деятельности трудовиков и энесов: объединенные организации создавались, как правило, в губернских и уездных городах. В организационном отношении наиболее значимыми были отделы, созданные в губернских центрах. Они имели четкую структуру, вели регулярную партийную работу. Социальное ядро таких организаций составляли преимущественно представители интеллигенции, земские служащие, представители кооперативов, военнослужащие. Доля рабочих в них была незначительной. Общее название для членов партии было «народные социалисты», «энесы», «трудовики» же встречалось значительно реже. Численность губернских партийных организаций обычно составляла 150–250 членов, уездных – от 50 до 100. Одним из важнейших направлений пропагандистской работы народных социалистов являлась организация собраний членов партии с приглашением сочувствующих лиц, на которых разъяснялись основные положения программы партии и освещалось ее отношение к различным вопросам политической жизни страны. В рамках собраний производилась запись в члены партии и продажа партийной литературы. Финансирование деятельности партийных организаций производилось за счет членских взносов, размеры которых устанавливались самими рядовыми деятелями. Изредка на нужды партии поступали пожертвования со стороны сочувствующих лиц. Так, в губернской газете «Псковская жизнь» был обнародован факт поступления в фонд партии золотых и серебряных медалей, а также ордена [17, с. 3].

Псковская губернская организация ТНСП в июле 1917 г. насчитывала 200 членов. Одним из лидеров организации стал член ЦК партии С.Я. Елпатьевский. К числу наиболее активных деятелей организации относились Акацатов, Савицкий, Владимиров, Раузе и др. По их инициативе проводилась целенаправленная работа по привлечению населения в партийные ряды (лекции, митинги и беседы), результаты которой обсуждались на еженедельных собраниях членов партии. В работе собраний также принимали участие представители ЦК ТНСП П.Б. Шаскольский и В.В. Водовозов. Так, 4 июня собрание открыл программной речью В.В. Водовозов [18, с. 4]. Партийная организация в качестве приоритетных задач ставила поддержание морального и поведенческого облика своих членов. В партийные ряды в Псковской губернии принимались лица, которые получили положительные рекомендации со стороны партийных работников и только после соответствующей баллотировки [19, с. 3].

Летом 1917 г. представители ТНСП играли в общественно-политической жизни губернии заметную роль. Об этом свидетельствует широкое представительство партийных функционеров в Псковском Совете солдатских и рабочих депутатов: 85 членов из 300 [20, с. 4]. Кандидатуры энесов избирались на руководящие должности. Так, 15 июня 1917 г. на должность губернского комиссара был избран представитель ТНСП И.Н. Никитин. Местная пресса сообщала его биографические данные: из крестьян Московской губернии, москвич. В Москве закончил гимназию, затем университет. Состоял московским присяжным поверенным. К партии народных социалистов принадлежал с 1906 г., но выходил из нее по тактическим разногласиям. В начале Первой мировой войны поступил на службу в Красный Крест, служил на Западном фронте, а с сентября 1916 г. был переведен в Псков, где состоял помощником главноуполномоченного Красного Креста при армии Северного фронта. В первые дни Февральской революции 1917 г. И.Н. Никитин вошел в Псковский комитет общественной безопасности, был избран товарищем председателя исполнительного бюро комитета, а затем председателем того же комитета. Он получил высокое признание своих качеств. Местная пресса так прокомментировала его избрание: «Все, кто близко знаком с администрацией и общественной деятельностью нового губернского комиссара, находят, что это, как говорят англичане, человек на надлежащем месте», «новый губернский комиссар оправдает возлагаемые на него надежды в это тяжелое время, требующее от комиссара таланта и недюжинной работоспособности» [21, с. 3].

Анализ повесток работы и резолюций собраний энесов показывает, что в своей работе они руководствовались решениями, принятыми партийным съездом и закрепленными в партийной программе. Народные социалисты поддерживали Временное правительство, считая его законной властью в стране до созыва Учредительного собрания. Энесы призывали население к единению с правительством и считали своим долгом вести пропагандистскую борьбу против тех элементов общества, которые подрывали авторитет государственной власти. К последним народные социалисты относили, в первую очередь, большевиков, рост влияния которых они объясняли отсутствием единства в среде революционных сил, усталостью народных масс от государственной разрухи. Они подчеркивали, что необходимо бороться против действий большевиков, не отрицая права на жизнь за идейным большевизмом как одним из течений социалистической мысли.

По вопросу о войне представители ТНСП стояли на активной оборонительной позиции. Они с горечью писали о поражениях русских войск, выступали с осуждением попыток братания, деморализации армии, дезертирства. Так, на одном из собраний энес Д.В. Савицкий заявил, что война должна продолжаться до тех пор, пока враг не откажется от своих завоевательных стремлений. При этом, по мнению докладчика, русская армия должна употребить все усилия для укрепления фронта и усиления мощи русской армии, а мир должен быть заключен без завоеваний и контрибуций [22, с. 3].

В аграрной сфере энесы пропагандировали идею национализации. При этом деятели Псковской организации ТНСП разошлись в мнениях относительно партийной аграрной программы: одни считали ее

слишком сжатой и неконкретной, создающей сложности при ответе на детальные вопросы со стороны крестьянства, другие, наоборот, считали это преимуществом, которое дает возможность агитаторам руководствоваться «местными условиями и бытом крестьян» [23, с. 3]. В июле 1917 г. на общем собрании представителей Псковской организации ТНСП был заслушан доклад по аграрному вопросу, который вызвал оживленные прения. Большинство ораторов признало необходимым немедленно приступить к разработке ответов на практические вопросы, которые не получили освещения в программе партии [24, с. 3].

В уездах и волостях создание партийных отделов требовало длительного времени и продолжало осуществляться вплоть до событий Октябрьской революции 1917 г. Губернскими партийными деятелями был разработан план построения уездных и волостных структурных подразделений, осуществлялась подготовка института разъездных лекторов для освещения программы и организационных вопросов. Руководство губернской организации ТНСП координировало рассылку партийной литературы в уезды губернии [25, с. 2]. В сопроводительных письмах выражалась надежда на то, что энесы «встретят полное сочувствие среди местного трудового населения (крестьянства, рабочих, служащих, учителей и других категорий трудящегося народа)» [26, с. 4]. Следует отметить, что предпосылки для оптимизма у членов губернской организации летом 1917 г. действительно были. Партийные структуры функционировали в уездных городах: Великие Луки, Опочки, Печеры, Порхов и др. [27, с. 2]. В г. Печеры Псковской губернии представитель ТНСП О.И. Варин был избран на должность городского старосты [28, с. 3]. В Порхове социальную основу организации ТНСП составили учителя, рабочие [29, с. 3]. Партийные ячейки создавались и в сельской местности: д. Махново Аксеновской волости Новоржевского уезда, селе Дно Дновской волости Порховского уезда и др. Председателем партийной организации в селе Дно был член волостного правления В.И. Васильев. Организация насчитывала 50 человек, также имелись лица, сочувствующие партии, количество которых в документах не уточнено. Следует отметить, что социальную основу организации составили крестьяне, которые отдали предпочтение аграрной программе энесов [30, с. 4]. Членский взнос был установлен в размере 20 копеек [31, стб. 34].

Летом-осенью 1917 г. пристальное внимание представителями ТНСП уделялось вопросам подготовки и участия в избирательных кампаниях в местные органы власти и Учредительное собрание. Народные социалисты считали, что выборы в демократические органы местного самоуправления являются актом чрезвычайной важности. Руководствуясь данным убеждением, народные социалисты проводили агитационно-пропагандистскую работу среди избирателей. Представители ТНСП устраивали митинги, собрания. Так, 10 сентября губернской организацией партии был созван митинг, который, по данным местной прессы, привлек многочисленную аудиторию и прошел очень оживленно [32, стб. 48]. На губернском партийном совещании ТНСП из докладов делегатов выяснилось, что программа партии встречает большое сочувствие со стороны населения, а образовавшиеся местные организации на выборах в органы местного самоуправления получили достаточное количество мест для своих представителей [33, с. 2]. В Пскове представители ТНСП вошли в состав социалистического блока (список № 2), который составили кандидатуры трех партий: народных социалистов, социал-демократов и социалистов-революционеров [34, с. 2]. Список набрал 7180 голосов избирателей, одержав убедительную победу. Так, следующий по популярности список № 4 (кадетов) набрал 2876 голосов. Социалистический блок получил 29 мест в городской думе, из которых большинство принадлежало представителям ТНСП [35, с. 2]. Энес А.В. Владимиров в составе четырех представителей от социалистического блока вошел в состав городской управы, опередив своих конкурентов по числу набранных голосов [36, с. 3]. Однако самой значимой победой представителей ТНСП на муниципальных выборах стало избрание члена партии Н.С. Арбузова на пост городского головы. Уроженец Псковской губернии (Великие Луки), Н.С. Арбузов заслужил доверие со стороны общественности, благодаря организаторским способностям и активной деятельности в земском союзе. При избрании данной кандидатуры было отмечено, что «он сумеет направить деятельность городского самоуправления по верному пути и при деятельной поддержке думы найдет способы и средства к удовлетворительному ведению городского хозяйства» [37, с. 2]. В ведении городского главы Н.С. Арбузова и члена управы А.В. Владимирова оказался широкий спектр вопросов: от финансовых до проблем обеспечения текущей деятельности городских учреждений и предприятий [38, с. 2].

В ходе избирательной кампании в городскую думу активно проявили себя энесы Порхова. Помимо представительства в составе думы, энесы смогли получить весомые посты: председателем думы был избран Б.И. Бувеский, членом городской управы стал член партии А.Т. Зайцев [39, с. 3]. Энесы были представлены в составе городской думы г. Опочки [40, с. 4].

Таким образом, в ряде городов Псковской губернии энесам удалось одержать победу на муниципальных выборах. Однако члены партии не были уверены в том, что городские думы будут отдавать приоритет выполнению насущных задач, а не заниматься политикой. Их опасение вскоре подтвердилось. Большинство депутатов выдвигали на первый план партийные интересы, не желая идти на компромиссы, что отрицательно сказывалось на функционировании органов городской власти. При анализе сложившейся ситуации, энесы отмечали общий политический кризис в стране, неспособность партийных и обществен-

ных сил наладить конструктивный диалог и, как следствие, обеспечить порядок в центре и на местах. Так, народный социалист Н.С. Арбузов поделился впечатлениями о Демократическом совещании на страницах газеты «Псковская жизнь», отметив, что «совещание являлось последней попыткой для революционной демократии координировать свою работу, последним усилием договориться... Совещание – последний акт, переживаемой трагедии, достаточно одного шага, чтобы безвозвратно погубить родину...» [41, с. 2].

Большое внимание народные социалисты уделяли выборам в Учредительное собрание, которое, как они считали, должно решить следующие вопросы: о форме государственного правления, о войне, земле, налоговой системе и другие. Важную роль в определении партийной тактической линии накануне выборов сыграл II Всероссийский съезд ТНСП, который состоялся в Москве 26–28 сентября 1917 г. В резолюции, принятой съездом, говорилось о том, что партия должна направить все усилия на защиту Родины от внешнего врага, создание демократической государственности, опирающейся на свободную волю народа, вести борьбу с посягательствами на неприкосновенность личности, откуда бы посягательства не шли, бороться с анархией, добиваться организации общенародной власти, противодействовать попыткам разрешать социально-политические вопросы путем насилия, хранить государственное единство, которому угрожает не только внешний враг, но и максимализм некоторых крайних партий, настаивать на подчинении классовых интересов общенародным, требовать от всех, в том числе от трудящихся, самоограничений и жертв для спасения Родины. По вопросу о предстоящих выборах в Учредительное собрание в резолюции было указано, что партия должна вести избирательную кампанию самостоятельно, однако допускались соглашения с эсерами, если они не будут проводить в своих списках максималистов, а также с меньшевиками-оборонцами и группой «Единство» [42, с. 1–2].

После съезда представители ТНСП усилили пропагандистско-разъяснительную работу среди населения Псковской губернии. Председателем Отдела по подготовке выборов в Учредительное собрание стал энес Д.В. Савицкий [43, с. 3]. К участию в работе с избирателями партийцы привлекли интеллигенцию, которая, по их мнению, должна была быть «на высоте своего призвания и помочь массе сознательно пойти к избирательным урнам» [44, с. 3]. Обучение лекторов осуществлялось на специальных курсах, открытых представителями губернской организации энесов [45, с. 3]. На курсах подробно анализировались программы действующих политических партий, пути решения аграрного вопроса, задачи органов местного самоуправления и т.д. При этом псковские народные социалисты не идеализировали Учредительное собрание, считая, что оно «не спасет страну без единения граждан, без финансов, без опытных, преданных делу спасения родины и завоеваний революции людей» [44, с. 3].

Представители ТНСП Псковской губернии на выборах в Учредительное собрание выступили со списком № 1, включавшим 12 кандидатов. Также был выставлен партийный список № 2 по Северному фронту [46, с. 2]. Однако избирательная кампания в Учредительное собрание не принесла успеха народным социалистам. Всего по стране партия получила 0,8% голосов. На выборах за энесов голосовали преимущественно средние городские слои, интеллигенция, кооператоры [47, с. 139]. ТНСП по количеству набранных голосов уступила эсерам и большевикам. В Псковской губернии, как отмечала пресса, гражданское население отдало предпочтение партии «Народной свободы», по военным участкам избиратели в основном голосовали за большевиков, в сельской местности – за эсеров [48, с. 3].

Октябрьские события в Петрограде и приход к власти представителей РСДРП(б) были встречены народными социалистами отрицательно. 26 октября 1917 г. состоялось чрезвычайное заседание городской думы, на котором единогласно была принята резолюция, предложенная эсерами, социал-демократами и энесами, в которой действия большевиков были осуждены, а сами они названы «мятежниками» [49, с. 3]. Члены партии энесов вошли в состав Псковского комитета спасения родины и революции [50, с. 3].

В ноябре 1917 г. энесы еще пытались вести партийную работу в губернии. Губернская организация партии проводила собрания с рассмотрением вопросов о выборах в Учредительное собрание и текущем политическом моменте [51, с. 3].

Существенным ударом по партийной деятельности народных социалистов явилось закрытие ряда региональных печатных органов, являвшихся проводниками их воззрений. В Псковской губернии к таким изданиям относилась газета «Псковская жизнь». Ее закрытие объяснялось «травлей» со стороны печатного органа большевиков, революционной армии и рабочего класса [52, с. 3]. Запрещена была продажа газет меньшевистского направления в г. Великие Луки и других городах губернии [53, с. 8]. В тюрьму по обвинению в контрреволюционной деятельности попал Н.С. Арбузов. На допросе он отметил: «Я признаю власть только Учредительного собрания и признаю, что только оно может дать реальную народную власть. Власть же народных комиссаров не признаю и не желаю признавать» [54, с. 3]. У членов партии проводились обыски, партийные собрания разгонялись [55, с. 2].

В начале 1918 г. партийная жизнь ТНСП в Пскове стала угасать. Факт ослабления партийной деятельности как в центре, так и на местах руководство партии вынуждено было констатировать на заседаниях, проходивших с 31 января по 4 февраля 1918 г. в Петрограде. С целью выяснения состояния региональных организаций 24 марта 1918 г. на места была разослана анкета, включавшая в себя восемь вопро-

сов [56, л. 228]. На основании количества присланных ответов ЦК партии пришлось признать, что достаточное число местных организаций не откликнулось на его призыв.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что совместная деятельность трудовиков и народных социалистов в Псковской губернии началась еще до создания единой Трудовой народно-социалистической партии в конце июня 1917 г. Программа партии, ее поведенческий облик импонировали части интеллигенции, земских служащих, членов кооперативных организаций, небольшой доле пролетариата и крестьянства, представителям военнослужащих с умеренными социалистическими воззрениями, составившими социальную основу партийных структур в регионе. Энесы отстаивали умеренный реформистский путь переустройства страны, оказывая содействие мероприятиям, проводимым Временным правительством. Активное участие в решении насущных проблем губернской жизни способствовало завоеванию энесами доверия со стороны населения, о котором свидетельствует избрание их в состав, а также на руководящие должности органов местного самоуправления.

После Октябрьской революции 1917 г. ТНСП оказалась на стороне оппозиции установленной в Петрограде власти, способной, по их мнению, лишь на усугубление дестабилизации в стране. Проигранная партией избирательная кампания в Учредительное собрание, усложнение внутривластной обстановки, разрыв связи региональных отделов с центральным партийным руководством, закрытие печатных органов и преследование наиболее активных функционеров со стороны большевиков способствовали постепенному угасанию партийной деятельности в регионе в начале 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерофеев, Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции / Н. Д. Ерофеев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 192 с.
2. Колесниченко, Д. А. Трудовики в период первой российской революции / Д. А. Колесниченко ; отв. ред. С. В. Тютюкин. – М. : Наука, 1985. – 320 с.
3. Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах : сводная таблица членов фракции / авт.-сост. Д. А. Колесниченко ; отв. ред. В. В. Шелохаев ; АН СССР, Ин-т ист. СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1988. – 123 с.
4. Аноприева, Г. С. Народные социалисты / Г. С. Аноприева // Кентавр. – 1995. – № 1. – С. 20–34.
5. Протасов, Л. Народные социалисты / Л. Протасов, О. Протасова // Родина. – 1994. – № 10. – С. 76–81.
6. Панюков, А. А. Народно-социалистическая партия России и ее роль в борьбе за решение аграрного вопроса. 1905–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Панюков. – Орел, 1999. – 211 с.
7. Ерофеев, Н. Д. Народные социалисты / Н. Д. Ерофеев // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев (рук.), Н. Д. Ерофеев, И. Е. Задорожнюк [и др.]. – М., 1994. – С. 74–92.
8. Сыпченко, А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. / А. В. Сыпченко. – М. : РОССПЭН, 1999. – 247 с.
9. Сыпченко, А. В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика / А. В. Сыпченко. – Самара : Изд-во СГПУ, 2004. – 516 с.
10. Белоглазов, Е. В. Трудовая группа и ее деятельность в условиях Февральской революции в России : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. В. Белоглазов. – М., 1994. – 207 с.
11. Кияшко, О. Л. Трудовая группа в Государственной думе (1906–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. Л. Кияшко ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 1999. – 20 с.
12. Мельников, В. В. Партия эсеров и трудовики на этапе буржуазно-демократических революций 1905–1907 и 1917 г. в Ставропольской губернии и Терской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Мельников ; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь, 1999. – 19 с.
13. Что такое Трудовая группа. – [б. м.]. – 16 с.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 539. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.
15. От Трудовой группы // Псковская жизнь. – 1917. – 15 июня. – С. 3
16. Трудовая народно-социалистическая партия : документы и материалы / сост. А. В. Сыпченко, К. Н. Морозов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 624 с.
17. От Псковской группы Трудовой народно-социалистической партии // Псковская жизнь. – 1917. – 29 июня. – С. 3.
18. Партийная жизнь // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. – 1917. – 7 июня. – С. 4.
19. От Трудовой группы // Псковская жизнь. – 1917. – 15 июня. – С. 3.
20. Провинциальные группы. Псковская губерния // Народное слово. – 1917. – 25 июля (7 авг.). – С. 4.
21. Новый губернский комиссар // Псковская жизнь. – 1917. – 25 июля. – С. 3.
22. Первое общее собрание делегатов вновь избранного Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. – 1917. – 18 июня. – С. 3.
23. Партийная жизнь // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. – 1917. – 16 июля. – С. 3.
24. Общее собрание Псковской группы Трудовой народно-социалистической партии // Псковская жизнь. – 1917. – 13 июля. – С. 3.
25. От комитета Псковской группы Трудовой народно-социалистической партии // Псковская жизнь. – 1917. – 22 июля. – С. 2.
26. Партийная жизнь // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. – 1917. – 18 июня. – С. 4.
27. К выборам в Учредительное собрание // Псковская жизнь. – 1917. – 24 окт. – С. 2.
28. Печеры, Псковской губернии // Псковская жизнь. – 1917. – 22 июня. – С. 3.

29. Порхов. Выборы в городскую думу // Псковская жизнь. – 1917. – 8 авг. – С. 3.
30. Партийная жизнь // Народное слово. – 1917. – 13(31) авг. – С. 4.
31. Из жизни партии // Трудовая мысль. – 1917. – № 6. – Стб. 27–34.
32. Партийная жизнь провинции // Трудовая мысль. – 1917. – № 8–9. – Стб. 45–52.
33. Губернское совещание трудовой партии // Псковская жизнь. – 1917. – 5 авг. – С. 2.
34. Перед городскими выборами // Псковская жизнь. – 1917. – 24 авг. – С. 2.
35. Выборы в городскую думу // Псковская жизнь. – 1917. – 12 сент. – С. 2.
36. Заседание Думы // Псковская жизнь. – 1917. – 28 сент. – С. 3.
37. Заседание думы // Псковская жизнь. – 1917. – 5 окт. – С. 2.
38. В городской управе // Псковская жизнь. – 1917. – 10 окт. – С. 2.
39. Порхов. Выборы в городскую думу // Псковская жизнь. – 1917. – 8 авг. – С. 3.
40. Список № 1. Трудовая народно-социалистическая партия // Псковская жизнь. – 1917. – 7 нояб. – С. 4.
41. Н. Арбузов. Последняя ставка (впечатления о Демократическом совещании) / Н. Арбузов // Псковская жизнь. – 1917. – 23 сент. – С. 2.
42. Второй всероссийский съезд Трудовой народно-социалистической партии // Народное слово. – 1917. – 30 сент. – С. 1–2.
43. От Отдела по подготовке выборов в Учредительное собрание // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. – 1917. – 18 июня. – С. 3.
44. Доклад приват-доцента П.Б. Шаскольского // Псковская жизнь. – 1917. – 24 авг. – С. 3.
45. Агитаторские курсы // Псковская жизнь. – 1917. – 24 окт. – С. 3.
46. К выборам в Учредительное собрание // Псковская жизнь. – 1917. – 28 окт. – С. 2.
47. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л. Г. Протасов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 368 с.
48. Результаты выборов в Учредительное собрание // Псковская жизнь. – 1917. – 16 нояб. – С. 3.
49. В Пскове. Городская дума и текущий момент // Псковская жизнь. – 1917. – 28 окт. – С. 3.
50. Воззвание Псковского комитета спасения родины и революции // Псковская жизнь. – 1917. – 31 окт. – С. 3.
51. Народно-социалистическая партия // Псковская жизнь. – 1917. – 14 нояб. – С. 3.
52. В Пскове. Закрытие газет // Псковский набат. – 1917. – 2 дек. – С. 3.
53. Великие Луки (Псковская губерния) // Народное слово. – 1918. – 14 апр. – С. 8.
54. В Пскове. Об Арбузове // Псковский набат. – 1917. – 9 дек. – С. 3.
55. Партийная работа на местах // Известия Трудовой народно-социалистической партии. Непериодический сборник. – 1918. – № 2. – С. 2.
56. ГАРФ. – Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 228.

Поступила 03.10.2019

ACTIVITY OF THE LABOR PEOPLE'S SOCIALIST PARTY IN THE TERRITORY OF THE PSKOV PROVINCE (1917–1918)

A. MELNIKOVA

The article is devoted to the activities in the Pskov province of the all-Russian moderate neo-Narodnik People's Labor Socialist Party, created in late June 1917 as a result of the unification of the Labor Socialist Party (Labor Group, Trudoviks) and the People's Socialist Party (People's Socialists, Enesi). The article gives a description of the quantitative and social composition, the territorial functioning of the regional structures of the People's Socialist Labor Party, highlights the features of its program settings and establishes a response to them from a number of social layers of the region's population. The place and role of the representatives of the Labor People's Socialist Party in the social and political life of the Pskov province are highlighted, the main directions of their party work in the summer and autumn of 1917 are shown, and the reasons for the party's gradual departure from the regional political arena in early 1918 are revealed.

Keywords: Labor People's Socialist Party, Trudoviks, People's Socialists, Enes, program, party activity, social and political life, Pskov province, regional party structures, February Revolution, October Revolution, Bolsheviks.

УДК 368.10+364.652:614.8](476)(091)«1861/1914»

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ, ПОСТРАДАВШЕМУ ОТ ПОЖАРОВ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1861–1914 гг.)****канд. ист. наук, доц. Н. С. МОТОРОВА
(Белорусский государственный университет, Минск)**

Охарактеризованы правовые, организационные и финансовые условия оказания помощи населению, пострадавшему от пожаров на территории белорусских губерний. На основании анализа законодательных актов определены механизмы ее реализации, указано, что приоритет был отдан развитию системы взаимного страхования. В городах оно носило добровольный характер, а в сельской местности – обязательный. Однако введение взаимного страхования кардинально не решило проблему организации эффективной помощи погорельцам. На протяжении пореформенного периода количество пожаров и сумма причиненных ими убытков на территории белорусских губерний увеличились в шесть раз. В наибольшей степени от этого стихийного бедствия страдали городские жители. Оказание помощи погорельцам находилось под контролем губернаторов и напрямую зависело от размеров добровольных пожертвований. Основные препятствия для организации эффективной деятельности в этом направлении заключались в отсутствии устойчивых источников финансирования и устаревшей нормативно-правовой базе.

Ключевые слова. Белорусские губернии, пожары, погорельцы, помощь, взаимно страхование.

Введение. В пореформенный период население белорусских губерний, как и других регионов Российской империи, постоянно сталкивалось с проблемой пожаров. Это стихийное бедствие уничтожало целые поселения и ставило людей на грань выживания. От пожаров одинаково страдали жители городов и сельской местности. На протяжении 1861 – 1914 гг. увеличились их общее количество и размеры причиненного ущерба. Во многом этому способствовало то, что в населенных пунктах здания обычно возводились из древесины, наиболее доступного материала того времени, а жилые постройки располагались близко друг к другу. В деревнях и местечках крыши продолжали крыть соломой, жечь и черепица были доступны лишь зажиточным жителям. Дополнительным фактором, провоцировавшим возникновение пожаров, являлось печное отопление, особенно в сельской местности, где печи часто топили «по-черному».

До сих пор организация помощи лицам, пострадавшим от пожаров, не получала подробного освещения как в отечественной, так и зарубежной историографии. В качестве исключения можно указать лишь работу белорусского исследователя В.И. Яковчука «Пожарная служба Беларуси: история развития» [1], в которой косвенно затрагивается этот вопрос. Однако организация помощи лицам, пострадавшим от пожаров, и повышение ее эффективности имело большое значение для местного населения, так как не только влияла на его повседневную жизнь, но и на развитие населенных пунктов в целом, их экономическое благосостояние.

Цель настоящей статьи заключается во всестороннем анализе комплекса мероприятий по оказанию помощи населению белорусских губерний, пострадавшему от пожаров, и в оценке степени их эффективности. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: охарактеризовать законодательную базу, которая регулировала организацию помощи погорельцам, выделить основные формы и методы ее оказания, оценить степень эффективности принимаемых мер.

Статья подготовлена на базе анализа законодательных актов, делопроизводственных и статистических материалов. При проведении исследования широко использовались общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный). Благодаря этому удалось охарактеризовать правовые, организационные и финансовые условия организации помощи погорельцам на территории белорусских губерний в пореформенный период.

Основная часть. Накануне отмены крепостного права в Российской империи организация помощи лицам, пострадавшим от пожаров, законодательно не регулировалась. Как правило, она осуществлялась силами правительства или местной администрации, на что указывал П.А. Валуев в «Объяснительной записке к проектам Положения о земских учреждениях и Временных правил для сих учреждений». В отношении государственных крестьян этот вопрос был частично разрешен в результате введения в 1853 г. принципов взаимного страхования в сельской местности. Оказание помощи частновладельческим крестьянам целиком зависело от их владельцев [2, с. 14]. После отмены крепостного права предполагалась распространить практику обязательного страхования на все крестьянское сословие. Проект соответствующего устава разрабатывался Особой комиссией при Земском отделе Министерства внутренних дел [3, с. 103–104].

Однако еще до его одобрения Главный комитет об устройстве сельского состояния подготовил законопроект о порядке выдачи пособий временно-обязанным крестьянам, пострадавшим от пожаров, который Александра II утвердил 1 ноября 1861 г. В соответствии с ним предусматривалось оказание мате-

риальной помощи крестьянам в размере до 45 руб. серебром на каждый пострадавший двор. Выделение казенных пособий должно было осуществляться через мирового посредника, а распределяться сельским сходом. Предполагалось, что данная практика будет временной и прекратится после введения взаимного страхования, средства же, затраченные на указанные цели из казны, будут возвращены из страховых платежей [4, с. 407–408]. Данные нормы свидетельствовали о стремлении правительства возложить основные расходы по оказанию помощи крестьянам, пострадавшим от пожаров, на сельское сословие в целом через введение механизмов взаимного страхования.

Организация помощи жителям городов и местечек, пострадавшим от пожаров, регулировалась статьями Пожарного устава, утвержденного еще в дореформенный период. В соответствии со статьей 92 причиненные им убытки должны были компенсироваться страховыми обществами. Предусматривалась возможность выделения пособий из казны на основании высочайшего разрешения, но только в тех случаях, когда от пожарных бедствий страдали целые города и селения. Оказание первой помощи погорельцам (обеспечение их временным жильем и питанием) вменялось в обязанности местной администрации. На эти цели предусматривалось выделение ссуд из казны. В тех случаях, когда общий размер ссуды не превышал 300 руб., не требовалось получать высочайшее разрешение, было достаточно совместного решения министерств внутренних дел и финансов [5, с. 20–21]. Важным дополнением к Пожарному уставу стало введение в городах и местечках принципов взаимного страхования на основании закона от 10 октября 1861 г. Однако оно носило добровольный характер и должно было осуществляться силами страховых обществ [4, с. 352–353]. В то же время, в сельской местности взаимное страхование получило обязательный характер. В центральных регионах Российской империи его дальнейшее развитие было связано с деятельностью земских учреждений, которым были переданы соответствующие обязанности [6, с. 1–2]. На территории белорусских губерний взаимное страхование было введено в 1867 г., а заведование им входило в круг обязанностей губернаторов и губернских по крестьянским делам присутствий [7, с. 1004–1005].

Создание системы взаимного страхования концептуально не разрешило саму проблему пожаров, от которых в наибольшей степени страдали горожане, чье имущество не было застраховано. На территории пяти белорусских губерний на протяжении всего пореформенного периода наблюдалось увеличение числа пожаров и размеров причиненного ими ущерба. Так, в 1861 г. общее количество пожаров составило 729, из которых 90%, приходилось на сельскую местность. Совокупная сумма нанесенного ими ущерба превысила 1,7 млн. руб., из которых 46% приходилось на долю городов, 54% – на долю сельской местности [подсчитано по: 8, с. 4–5, 8–9, 16–17]. К 1881 г. общее количество пожаров по пяти белорусским губерниям увеличилось в четыре раза и составило 2955. По-прежнему большая часть пожаров (порядка 95%) регистрировалась в сельской местности. По сравнению с 1861 г. совокупная сумма нанесенного ими ущерба возросла в восемь раз и превысила 14 млн. руб. При этом на долю городов приходилось 59%, уездов – 41% [подсчитано по: 9, таблицы, с. 8, 10, 22, 42, 44]. Данные тенденции сохранялись на протяжении последующих 20 лет. Так, в 1901 г. по пяти белорусским губерниям было зарегистрировано 3979 пожаров, из которых 92% произошли в сельской местности. Общая сумма причиненного ими ущерба составляла 9,9 млн. руб., из которых на долю городов приходилось 57%, уездов – 43% [подсчитано по: 10, с. 8, 10, 22, 42, 44]. Как видно из приведенных данных, за сорок лет количество пожаров и совокупная сумма принесенных ими убытков увеличились в равных размерах – почти в шесть раз.

В наибольшей степени от пожаров страдали городские жители. Практически все города, в той или иной степени, сталкивались с этой проблемой на протяжении пореформенного периода. Среди наиболее значительных пожарных бедствий на территории белорусских губерний можно отметить пожары 29 мая 1885 г. в Гродно, 4 мая 1895 г. в Бресте, 24 июля 1901 г. в Витебске и пр. Во всех случаях тысячи городских жителей не просто теряли свое имущество, а оставались без крова. Суммы ущерба исчислялись в миллионах [11, с. 7; 12, л. 41об., 52; 13, л. 13, 14]. В равной степени от пожаров страдало население небольших местечек и уездных городов. Например, в Сморгони пожар 5 августа 1897 г. уничтожил 150 жилых построек [14, с. 170].

В таких экстренных случаях первую помощь пострадавшим должны были оказывать органы местного управления, однако их ресурсов было недостаточно, чтобы обеспечить помощью всех нуждавшихся. Для сбора средств в их пользу и решения текущих бытовых нужд создавались специальные комитеты. В губернских городах создаваемые структуры обычно возглавляли губернаторы. Например, в Витебске в 1901 г. председателем Комитета помощи погорельцам являлся губернатор Б.Б. Гершау-Флотов [13, л. 104]. В уездных городах их обычно возглавляли городские головы. Например, в Полоцке в 1912 г. такой комитет функционировал под председательством городского головы Н.О. Лосковича [15, л. 31].

На помощь погорельцам приходили местные городские власти и соседние города. Например, Виленская дума направила пособие в размере 1 тыс. руб. на оказание помощи жителям Свенцяна в 1887 г., в 1901 г. – жителям Бреста [16, с. 1, 4; 17, с. 95, 103–104]. Для привлечения ресурсов частной благотворительности широко практиковался сбор пожертвований по подписным листам. Например, в Могилеве это позволило к марту 1911 г. собрать почти 68 тыс. руб. [18, с. 3]. В Полоцке, к концу 1912 г., Комитет помощи погорельцам смог собрать добровольные пожертвования на общую сумму более 12 тыс. руб. [15, л. 150].

В случае крайней необходимости пожертвования собирались по всей Российской империи. Например, в 1885 г. для оказания помощи жителям Гродно Санкт-Петербургская дума выделила 5 тыс. руб., а по инициативе редакции газеты «Новости» было собрано почти 8 тыс. руб. [19, л. 235–235об.]. По высочайшему разрешению в 1892 г. была открыта подписка по всей Российской империи для сбора средств в пользу погорельцев Борисова и Мозыря, а также местечка Мир [20, л. 6об.].

Однако местных средств и ресурсов частной благотворительности зачастую было недостаточно для оказания помощи всем нуждавшимся, особенно в случаях масштабных бедствий. В этих условиях органы местного управления и самоуправления обращались к правительству или императору за предоставлением материальной поддержки. Например, в 1881 г. Минская дума приняла решение ходатайствовать перед правительством о выделении ссуды в размере от 200 до 300 тыс. руб. сроком на 30 лет под 6% годовых для оказания помощи горожанам, пострадавшим от пожара, при восстановлении жилого фонда [21, л. 136–136об.]. Иногда предложения о назначении правительственных ссуд поступали от представителей центральных учреждений. Например, гродненский губернатор А.Н. Потемкин, во время своего визита в Санкт-Петербург, обсудил с министром финансов Н.Х. Бунге и министром внутренних дел Д.А. Толстым тяжелое положение, в котором оказались жители Гродно после пожара 29 мая 1885 г. Главы ведомств предложили выделить городу ссуду в размере 350 тыс. руб. сроком на 28 лет под 6% годовых. Эти средства предлагалось направить на восстановление жилого фонда. Данное предложение было принято городскими властями, которые выразили при этом свою благодарность [19, л. 250–251]. Брестская дума обратилась за выделением правительственной ссуды в размере 300 тыс. руб. для оказания помощи жителям, пострадавшим от опустошительного пожара 4 мая 1895 г. [12, л. 51, 52об.]. Городские власти Витебска в 1901 г. возбудили ходатайство о выделении правительственной ссуды в размере 200 тыс. руб., которую планировалось направить на восстановление домов жителей, пострадавших от пожара [22, л. 291–292об.]. Она была предоставлена на основании высочайшего повеления от 30 ноября 1901 г. Для погашения ссуды был установлен срок в 20 лет с уплатой 4% годовых [23, л. 238об.]. Городские власти Полоцка, пострадавшего от двух пожаров – 29 и 31 июля 1912 г., ходатайствовали о выделении беспроцентной правительственной ссуды в размере 100 тыс. руб. [24, л. 201, 223об.]. Однако 14 февраля 1914 г. Николай II дал разрешение на выделение 75 тыс. руб. Ссуда должна была быть возвращена в течение 25 лет с уплатой 4% годовых [25, л. 45–45об.].

Пожертвования в пользу пострадавших от пожаров поступали и по личным распоряжениям императоров. Например, для погорельцев Невеля Александр III в 1888 г. распорядился выделить 3 тыс. руб., а Николай II в 1897 г. – 1 тыс. [26, л. 81–81об.; 27, л. 142]. Так же было выделено 25 тыс. руб. на оказание помощи жителям Витебска, пострадавшим от пожара 13 апреля 1904 г., и 5 тыс. руб. для населения Полоцка, пострадавшего от пожара, произошедшего в ночь с 28 на 29 июля 1912 г. [28, л. 31; 15, л. 82].

Все перечисленные примеры демонстрируют то, в каком тяжелом положении оказывались жители городов и местечек в случае пожаров. Оказание помощи им зависело от наличия свободных финансовых средств, находившихся в распоряжении органов местного управления и самоуправления, добровольных пожертвований и готовности центральных правительственных учреждений и лично императора пойти им навстречу. В принципе, в Российской империи отсутствовал устойчивый источник финансирования для поддержки городских жителей, лишившихся своего имущества из-за пожаров.

Заключение. Таким образом, проблема оказания помощи погорельцам требовала коренного пересмотра. В первую очередь было необходимо обеспечить устойчивые источники финансирования на экстренные случаи. Ощущалась острая потребность в разработке новых правовых норм, определявших организацию помощи пострадавшим от пожаров. В соответствии с этим нужно было пересмотреть базовые принципы Пожарного и Строительного уставов, которые регулировали городскую застройку. Как неоднократно отмечалось в делопроизводственных материалах органов центрального и местного управления, последние давно устарели и не исполнялись жителями. Постоянное увеличение количества пожаров на территории белорусских губерний обусловило необходимость разработки новых подходов к организации противопожарной охраны городов, что предполагало расширение штатов пожарных команд и их изъятие из ведения полиции. Реализация перечисленных мер требовала значительных вложений, которые были обременительны для органов местного управления и самоуправления. Соответственно, ощущалась потребность в более активной финансовой поддержке со стороны государства. В городах актуальным оставался вопрос введения обязательного страхования имущества, что могло бы обеспечить пострадавшим от пожаров жителям хотя бы минимальную компенсацию в случае бедствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковчук, В. И. Пожарная служба Беларуси: история развития / В. И. Яковчук. – Минск : БГПУ, 2005. – 419 с.
2. Объяснительная записка к проектам Положения о земских учреждениях и Временных правил для сих учреждений // Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях: в 2 ч. – Б/м, 1860–1863. – Ч. 2.: Земские учреждения. – Кн. I.: Проекты и объяснительная записка. – 1863. – С. 1–91.

3. Комиссия о губернских и уездных учреждениях. Отдел для начертания начал преобразования губернских учреждений. Доклад. 10 марта 1862 года. №2. Об устройстве хозяйственно-распорядительного управления в губерниях и уездах. // Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях : в 2 ч. – Б/м, 1860–1863. – Ч. 2.: Земские учреждения. – Кн. II.: Материалы к проектам земских учреждений. – 1863. – С. 1–109.
4. ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XXXVI: 1861. Отделение 2. От № 37191–37826. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1863. – 673, 355 с.
5. Устав пожарный // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 12, ч. I.: Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. – С. 1–41.
6. ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XXXIX: 1864. Отделение 1. От № 40457–41318. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – 973, [2] с.
7. ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XLII: 1867. Отделение 1. От № 44078–44894. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. – 1206 с.
8. Статистический временник Российской империи. Сер. II : в 25 вып. / Центр. стат. ком-т Мин-ва внутр. дел. – СПб., 1871–1884. – Вып. 5.: Общий обзор почтовой деятельности в Империи за 10 лет (с 1857 по 1866 гг.) по пятилетиям. Общий обзор телеграфной деятельности с 1860 по 1866 г. Ярмарки в Европейской России. Статистика пожаров и состояние пожарных команд. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1872. – 372 с.
9. Статистический временник Российской империи. Сер. III : в 25 вып. / Центр. стат. ком-т Мин-ва внутр. дел. – СПб., 1884–1890. – Вып. 17.: Пожары в Российской Империи в 1875–1882 годах. – СПб. : Тип. Этингера, 1887. – 31, 201 с.
10. Статистика Российской империи : в 95 т. / Центр. стат. ком-т Мин-ва внутр. дел. – СПб., 1887–1918. – LXXVI. Статистика пожаров в Российской Империи за 1895–1910 годы : в 2 ч. – СПб. : Тип.-лит. Н. Л. Ныркина, 1912. – Ч. 1. 63 губернии Европейской России. – [2], LXIX, 276 с.; диагр.
11. Всеподданнейший отчет гродненского губернатора за 1885 год. – Без тит. л. – 33 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ) в Гродно. – Ф. 1492. Оп. 1. Д. 1.
13. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 44552.
14. Протоколы Виленской городской думы за 1897 год. – Вильна : Тип. М. Б. Жирмунского, 1898. – 13, 312 с.
15. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48260.
16. Протокол заседания Виленской городской думы от 16 июля 1887 г. – №17.
17. Протоколы Виленской городской думы за первое полугодие 1901 года. – Вильна: Тип. М. Б. Жирмунского, 1901. – 4, 130 с.
18. Могилевский вестник. – 1911. – № 60. – 16 (29) марта.
19. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 17. Д. 609.
20. НИАБ в Гродно. – Ф. 1564. Оп. 1. Д. 11.
21. НИАБ. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 3584.
22. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 612.
23. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 185.
24. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5233.
25. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5773.
26. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39486.
27. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 43519.
28. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46375.

Поступила 06.11.2019

THE ORGANIZATION OF ASSISTANCE TO THE POPULATION AFFECTED BY FIRES ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN PROVINCES (1861–1914)

N. MOTOROVA

The article describes the legal, organizational and financial conditions for the provision of assistance to the population affected by fires on the territory of Belarus provinces. Based on the analysis of legislative acts, mechanisms for its implementation are identified and it is indicated that priority was given to the development of mutual insurance. In towns it was voluntary, and in the countryside – mandatory. However, the introduction of mutual insurance did not solve the problem of the organization of assistance to the fire victims. During the post-reform period, the number of fires and the amount of losses caused by them on the territory of the Belarusian provinces increased six times. Urban residents suffered the most from this disaster. Assistance to the fire victims was under the control of the governors and was directly dependent on the size of voluntary donations. In the article it was concluded that the main obstacles for the organization of effective activities in this direction were the lack of sustainable sources of funding and an outdated regulatory framework.

Keywords: *Belarusian provinces, fires, fire victims, assistance, mutual insurance.*

УДК 344.3

**ДЕЛО УРОЖЕНЦА ЛЕПЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ СУДЕ Г. ГРОДНО (ПО МАТЕРИАЛАМ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ В г. ГРОДНО)**

В. В. ОЛЕЙНИК

(Военная академия Республики Беларусь, Минск)

На основе архивных данных раскрывается роль и значение органов военной юстиции Виленского военного округа начала прошлого столетия в судьбах уроженцев белорусских земель, проходивших службу в Российской императорской армии. Предметом анализа выступают документы временного военного суда в г. Гродно, рассмотревшего уголовное дело о рядовом 102 пехотного Вятского полка Григории Оводне по обвинению его в неисполнении служебных обязанностей. При этом обращается внимание на отдельные биографические данные участников этого процесса, изучаются положения Воинского устава о наказаниях 1867 года и практика применения его третьего издания. Отмечается, что находящиеся на хранении в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно документы по исследуемому вопросу хоть и немногочисленны, но при этом дают возможность изучить некоторые аспекты проведения дознания и порядок рассмотрения уголовных дел в отношении нижних чинов, совершивших воинские преступления. Делается вывод о том, что данное дело может служить примером деятельности органов военного правосудия описываемого периода.

Ключевые слова: органы военной юстиции, временный военный суд, уроженцы Беларуси, нижний чин, архивные документы, уголовное дело, воинские преступления, микроистория.

Введение. Проведение объективных исследований по военной истории начала XX века, в том числе истории органов военной юстиции того времени, немислимо без непредвзятого изучения документов архивного хранения. Отсутствие стремления к проведению такого рода беспристрастных изысканий, характерное для отдельных авторов, изучавших в недавнем прошлом дореволюционный период деятельности военных судов, излишняя политизация данного вопроса, а также искажение роли и задач следственных и надзорных подразделений на последнем этапе существования Российской империи зачастую приводили к откровенной спекуляции и навязыванию не подкрепленной вескими аргументами точки зрения, исходя лишь из конъюнктурных представлений времени в отсутствие вдумчивого анализа источников, без малейшей попытки понять реалии соответствующей эпохи, особенно в региональном аспекте (см., например; Краковский, К.П. Царский суд против революционного движения на Дону в эпоху империализма / К.П. Краковский // Из истории революционного движения Дона и Северного Кавказа (1901-1917). – Ростов-на-Дону, 1984). Во избежание подобных ошибок нами предпринята попытка выявления соответствующих документов по доступным для отечественных исследователей архивным источникам.

Основная часть. Поиск необходимых сведений о деятельности военно-судебных органов Виленского военного округа, охватывавшего в последней трети XIX – начале XX веков, в числе прочих и территорию современной Беларуси, по сохранившимся материалам указанного периода приводит нас к выводу о том, что большая их часть находится на хранении в государственных архивах Российской Федерации и Литовской Республики. Вместе с тем, немногочисленные, но от этого не менее интересные фонды по вышеуказанной тематике можно обнаружить и на территории нашей страны. Так, в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБГ) в фонде «Временный военный суд в г. Гродно» находится на хранении «Дело Временного Военного Суда в г. Гродне о рядовом 102 пех. Вятского полка Григории Оводне по обвинению его в неисполнении служебных обязанностей» [1]. Документы данного дела содержат важные сведения о судьбе одного из уроженцев Лепельского уезда Витебской губернии, который в начале прошлого столетия был привлечен к уголовной ответственности по правилам действовавшего на тот момент Воинского устава о наказаниях.

Необходимо отметить, что Воинский устав о наказаниях (далее – ВУоН), введенный в действие 1 сентября 1868 года и впоследствии включенный в книгу XXII Свода Военных Постановлений 1869 года, явился долгожданным результатом затянувшихся в Российской империи законодательных работ по составлению правового акта, пришедшего на смену устаревшему Военно-уголовному уставу 1839 года. Начавшись еще в царствование императора Николая I, разработка проекта нового военно-уголовного кодекса заняла более 20 лет, и завершилась лишь при императоре Александре II. Данный устав, будучи неоднократно исправленным и дополненным, выдержал четыре официальных издания (в 1875 году – 2-е издание, в 1900 году – 3-е издание и в 1913 году – 4-е издание) и фактически просуществовал до гибели Российской империи в 1917 году (а на ее окраинах, например, в Эстонии действовал и после этого [2]).

Вместе с XXIII (Устав дисциплинарный) и XXIV (Военно-судебный устав) книгами Свода Военных Постановлений он составил его VI часть, представлявшую собой законодательную основу дореволюционного военного правосудия. ВУоН состоял из 5 разделов, при этом раздел II назывался «О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной» и содержал 13 глав.

Изучением материалов вышеназванного архивного дела установлено, что обвинительный акт «о рядовом 102 пехотного Вятского полка Григории Валентинове Оводне, он же Овадень» [1, л. 3-4], составленный 4 октября 1912 года в г. Вильне помощником военного прокурора Виленского военно-окружного суда подполковником Юрьевым* (им же был подготовлен список лиц, вызываемых в судебное заседание по настоящему делу), а также ряд других документов содержат следующие биографические и антропометрические данные подсудимого: «Григорий Валентинов Оводня происходит из крестьян Черствянской волости Лепельского уезда Витебской губернии, родился 21 января 1887 года, на военную службу принят 16 октября 1909 года, под судом не был, дисциплинарно наказан один раз» [1, л. 3об], неграмотный [1, л. 7, 8], уроженец дер. Сеньков-Рог [1, л. 28], хлебопашец, рост 2 аршина 6 5/8 вершков [1, л. 45об]. При этом, согласно административно-территориальному делению Российской империи в начале XX века, в состав Лепельского уезда Витебской губернии входила Черствятская (а не Черствянская) волость [4, с.113], что означает, вероятно, некорректное указание в деле данных о месте рождения этого солдата и объясняется особенностями ведения делопроизводства того времени, не исключающего неумышленных ошибок писарей различных учреждений. Также в деле встречаются следующие варианты написания его фамилии: «Оводня», «Овадень», «Оводно», «Авадень».

Военнослужащий обвинялся: «1) в том, что 28 августа 1912 года, на биваке полка при фольварке Озеранцы, он обругал в лицо площадной бранью подпрапорщика одного с ним полка Харитоновича, что предусмотрено л. б. ст. 101 кн. XXII С.В.П. 1869 года изд. 3; 2) в том, что тогда же и там же, он Овадень, умышленно нанес тому же подпрапорщику Харитоновичу ряд последовательных ударов, сначала скатанной шинелью, затем палкой и, наконец, кулаком, что предусмотрено л. в. 101 ст. кн. XXII С.В.П. 1869 года изд. 3» [1, л. 3]. Обстоятельства совершения данного преступления, одновременно вопиющие (поскольку шли в разрез с требованиями воинской дисциплины) и банальные (как имеющие прецеденты) с точки зрения военных реалий того времени, в то же время представляются любопытными для современного исследователя. Исходя из материалов дознания, проведенного по данному делу обер-офицером 102 пехотного Вятского полка штабс-капитаном Тереховым, эти обстоятельства в общих чертах заключаются в следующем.

Утром в конце лета 1912 года, в сырую погоду, желая просушить у огня промокшую от дождя форменную одежду, рядовой Овадень принес охапку соломы, которую собирался бросить в костер, разведенный в месте ночлега их роты. Проходивший в это время мимо фельдфебель (что примерно соответствует современной должности старшины) другой роты того же полка, подпрапорщик Харитонович, зная о распоряжении командования полка о том, что вся солома должна быть снесена к центру лагеря, и видя противоречащие этому указанию вышеописанные действия рядового, подошел к последнему и, толкнув его в нижнюю часть спины, грубо обратился к нему с требованием отнести солому к установленному месту. Овадень на данное замечание Харитоновича, не являющегося для него непосредственным начальником, сообщил, что солому эту он собирал сам, и будет ее использовать по своему усмотрению. Подпрапорщик, возмущенный ответом рядового, не желавшего выполнять его приказания, ударил последнего рукой в лицо, продолжая настаивать на исполнении своих требований. Ошеломленный такими действиями унтер-офицера, Овадень нецензурно выразился в отношении Харитоновича, который в ответ выхватил из ножен шашку и замахнулся ею.

Наблюдавшие за происходившим другие нижние чины роты испуганно закричали, пытаясь остановить фельдфебеля, который в данной ситуации имел физическую возможность ранить или даже убить рядового, однако никаких мер, чтобы предотвратить дальнейшее обострение конфликта, никто из них не принял. Тогда Овадень, взяв в руки скатку шинели с закрепленной на ней котелком, попробовал защититься, попав несколько раз Харитоновичу по рукам сначала скаткой, а потом поднятой с земли палкой. Затем, будучи обезоруженным, Овадень стал отмахиваться от Харитоновича, продолжавшего его бить, руками, при этом получил несколько ударов плашмя шашкой по спине. В это время привлеченный происходившим беспорядком штабс-капитан Летов подошел к дерущимся военнослужащим и остановил их, попеняв рядовому на его действия. При этом Овадень немедленно подчинился указанному обер-офицеру, а также «слезливо» пожаловался ему на действия Харитоновича.

Впоследствии поручик Смоляк, командовавший 2 ротой, подал командиру 1 батальона рапорт с кратким описанием произошедших событий [1, л. 31], который послужил основанием для назначения

* **Юрьев Федор Константинович** (05.11.1875-?) – подполковник (06.12.1908), помощник военного прокурора Виленского военно-окружного суда с 07.03.1907, кавалер ордена Св. Станислава III ст. (1908). Православный, женат, имел 1 сына. Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе, 1-м военном Павловском училище и Александровской военно-юридической академии, которую окончил по 1-му разряду. В службу вступил 01.09.1894, выпущен в 137 пехотный Нежинский полк [3, с. 1800].

и проведения по данному факту дознания (не исключено, что при этом не обошлось без «совета старшего товарища» – вышеупомянутого штабс-капитана). 14 сентября 1912 года материалы дознания командиром 102 пехотного Вятского полка были направлены военному следователю Виленского военного округа по Гродненскому участку [1, л. 47]. Однако военный следователь, получив их по возвращении из командировки 18 сентября 1912 года и не найдя в данных материалах по причине очевидности совершенного деяния оснований для проведения предварительного следствия, вернул их 20 сентября 1912 года в воинскую часть для направления в суд [1, л. 49].

Исходя из положений Военно-судебного устава, Высочайше утвержденного 15 мая 1867 г. и включенного в книгу XXIV Свода Военных Постановлений 1869 г., судебное преследование в военном ведомстве возбуждалось в исследуемый период военно-начальствующими лицами [5, с. 46]. Как отмечает российский исследователь Я.Н. Ермолович, влияние военного командования в уголовном преследовании проявлялось на всех этапах уголовного процесса, в том числе и в исключительном праве предания военнослужащих суду. При отсутствии согласия командира или начальника на возбуждение уголовного дела или предание суду военнослужащий не мог быть привлечен к уголовной ответственности [6, с. 43-44]. «По дознаниям о преступлениях и проступках, относящихся до нарушения обязанностей военной службы, совершенных военнослужащими без участия лиц гражданского ведомства и подсудных военно-окружному суду, в тех случаях, когда дело разьяснено с достаточной полнотой и преступление является настолько очевидным, что нет надобности в производстве предварительного следствия» [7, с. 152] командир полка имел полное право предать обвиняемого суду.

Поскольку дело данной категории было подведомственно военно-окружному суду [7, с. 141], 22 сентября 1912 года в Гродно рядовой Григорий Оводень, согласно установленному в военно-уголовном законе порядку [7, с. 184], командиром 102 пехотного Вятского полка полковником Чевакинским приказом по полку за № 267 (по судной части) предан Виленскому военно-окружному суду с содержанием под надзором в роте [1, л. 5]. 4 октября 1912 года военный прокурор Виленского военно-окружного суда полковник Шавров* направил для рассмотрения в Виленский военно-окружной суд данное уголовное дело, полагая рассмотреть его в Гродно [1, л. 2]. Дело было поручено рассмотреть временному военному суду в г. Гродно под председательством генерал-майора Бернацкого**.

Предваряя анализ вынесенного военным судом приговора, необходимо уточнить, что временные военные суды, предназначенные «для решения военно-судных дел в местах, отдаленных от города, где учрежден военно-окружной суд», открывались «Главным Начальником военного округа в определенных, смотря по расположению войск, местах округа, не менее двух раз в год в каждом пункте, и при том последовательно через каждые шесть месяцев, независимо от количества готовых к тому времени для рассмотрения дел» [7, с. 112]. Это положение закона не исключало открытия временных военных судов «и вне очереди, для безотлагательного, в особенно важных случаях, решения дел о преступлениях против военной дисциплины». Однако данная ситуация к таковым случаям явно не относилась.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо уточнить описание исследуемого фонда, предлагаемое путеводителем НИАБГ, который указывает, что «неспособность гражданского аппарата к борьбе с революцией толкало правительство на применение форм военного подавления, в результате чего были образованы временные военные суды» [10, с. 122]. Очевидно, что такая интерпретация сущности и назначения временных военных судов, чье появление было законодательно предусмотрено задолго до первой русской революции, является ошибочной, вызывает путаницу в описании архивных фондов и не дает возможности неспециалистам в узких вопросах военной юстиции получить хотя бы общее представление о реальном положении вещей и содержании имеющихся на хранении документов.

Вышеупомянутая статья 101 ВУоН входила в главу I «О нарушении воинского чинопочитания и подчиненности» раздела II, и пунктами, обозначенными литерами «б» и «в», соответственно, предусматривала, что: «Нижние чины, виновные в нарушении чинопочитания или подчиненности против фельдфебеля или унтер-офицера своего полка, ... смотря по степени вины, подвергаются: ... за преступления, означенные в статье 97 сего Устава, или одиночному заключению в военной тюрьме от одного до четырех месяцев, или переводу в разряд штрафованных; ... за преступления, означенные в статье 98 сего

* Шавров Борис Владимирович (04.03.1870-?) – генерал-майор (06.12.1912), военный прокурор Виленского (Двинского) военно-окружного суда (04.06.1912-1915), заведующий военно-судной частью при полевом управлении главнокомандующего армиями Северного фронта (19.09.1915-1917), кавалер орденов: Св. Владимира III ст. (1913), Св. Анны II ст. (1911), I ст. (28.02.1916), Св. Станислава II ст. (1909), I ст. (22.03.1915), жена – Вера Алексеевна (13.08.1869-23.05.1928) [8, с. 465].

**

Бернацкий Николай Николаевич (12.04.1860-13.01.1941) – генерал-майор (06.12.1908), военный судья Виленского военно-окружного суда с 21.03.1908, военный судья Двинского военно-окружного суда с 1915 года, кавалер орденов: Св. Владимира III ст. (1911), Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава II ст. с мечами (1907), I ст. (24.04.1915) [9, с. 147].

Устава, такой же потере некоторых особенных прав и преимуществ и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от одного года до двух лет» [7, с. 23–24].

В свою очередь, статьи 97 и 98 ВУоН предусматривали наказание за следующие деяния, соответственно: «за оскорбление начальника на словах, на письме или в печати, или же неприличным действием» [7, с. 22], и «за нанесение начальнику удара, или поднятие на него с таким же намерением руки или оружия, а также за всякого рода насильственное, или в высшей степени дерзкое против него действие» [7, с. 22-23], в том числе, в обоих случаях «когда сие учинено во время исполнения начальником обязанностей службы». При этом, разъяснениями к указанным статьям ВУоН предусмотрено, что «в случае же обращения к начальнику с бранными словами не требуется особого намерения оскорбить, а вполне достаточно сознания со стороны оскорбителя, что он произносит бранные слова и относит их к лицу присутствующего начальника» [11, с. 83]. Кроме того, отмечалось, что «всякое насильственное действие подчиненного против начальника, независимо от цели, с которой оно совершено, составляет нарушение чинопочитания и военной дисциплины» [11, с. 90], а также что «за нарушение чинопочитания против подпрапорщиков, переименованных из сверхсрочнослужащих чинов, нижние чины подлежат ответственности по 101-103 ст., а не по 96-98 ст.» [11, с. 98], как за преступление, предусматривающее более мягкое наказание.

Последнее обстоятельство дает нам основание утверждать, что подпрапорщик Харитонович, скорее всего, был назначен на должность фельдфебеля («высшее унтер-офицерское звание и должность в пехотных, артиллерийских и инженерных частях» [12, с. 80]) и ему присвоено соответствующее звание унтер-офицера, из числа сверхсрочнослужащих солдат по выслуге известного количества лет в должности взводного и после окончания курса войсковой школы для унтер-офицеров [12, с. 86]. О данной категории военнослужащих современный российский исследователь Скобликов С.В. отмечает, что «нравственные качества были невысоки и у самих унтер-офицеров. Часть из них тянулась к спиртному, что дурно сказывалось на поведении подчиненных» [12, с. 88]. На наш взгляд, это приводило к тому, что командирский авторитет таких младших начальников для нижних чинов того времени, с учетом сословного разделения общества, был гораздо ниже уровня старших командиров, немалая часть которых являлась дворянами, и в результате выливалось в различного рода межличностные конфликты. Это находит свое подтверждение и в нормах вышеописанных статей ВУоН, где за нарушение солдатами норм чинопочитания в отношении обеих категорий (обер- и унтер-) офицеров предусмотрено различное наказание.

Временный военный суд состоял из одного постоянного члена, командирского из наличного состава военно-окружного суда, в качестве председательствующего, и из временных членов, назначаемых корпусным командиром из офицеров подчиненных ему войск [7, с. 112]. Описываемое дело рассматривалось 27 октября 1912 года с 12 до 13 часов 45 минут в открытом судебном заседании временного военного суда в г. Гродно в составе председательствующего генерал-майора Бернацкого, временных членов: подполковника 103 Петрозаводского пехотного полка Дроздовском и 171 пехотного Кобринского полка Арующевиче, капитанах 101 пехотного Пермского полка Ростовуеве и 102 пехотного Вятского полка Саросине, при участии помощника военного прокурора подполковнике Сниткине, помощнике секретаря Харискине, защитнике капитане Палий. В отношении последнего хотелось бы отметить, что защита подсудимых в военных судах того времени производилась кандидатами на должности по военно-судебному ведомству, состоящими при военно-судебных учреждениях империи [5, с. 45]. Свидетелями по делу вызывались: штабс-капитан Летов Иван Данилович, подпрапорщик Харитонович Александр Петрович, рядовые Кузнецов и Шут, унтер-офицер Буланов. В суд по различным уважительным причинам явились не все вызывавшиеся лица (в том числе отсутствовал Харитонович, переведенный к тому времени в другую воинскую часть).

Приговором, который вошел в законную силу 13 декабря 1912 года военный суд «Постановил: подсудимого рядового Григория Оводню, признанного виновным в оскорблении на словах и действием унтер-офицера своего полка перевести в разряд штрафованных и с потерей некоторых прав и преимуществ по службе, в ст. 52 той же XXII кн. указанных, отдать в дисциплинарные батальоны или роты сроком на один год и девять месяцев» [1, л. 21–22]. В разъяснение к данному приговору можно отметить, что потеря некоторых прав и преимуществ по службе заключалась в: «а) лишении унтер-офицерского или ефрейторского звания, б) в лишении приобретенного прежнею службою права на получение прибавочного жалованья, и в) в лишении права, исключая лишь случая отличного подвига, на получение знаков отличия впредь до прощения, установленным порядком, понесенного штрафа» [7, с. 12]. Что касается разряда штрафованных, то они могли «быть подвергаемы в дисциплинарном порядке наказанию розгами до 50 ударов, не удаляются преимуществ, беспорочною службою приобретаемых, и не могут быть производимы в унтер-офицеры или ефрейторы, не наряжаются в почетный караул, а также вестовыми и посыльными к начальствующим лицам, и не назначаются, ни при каких случаях, за старшего» [7, с. 93].

Хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на то, что действия рядового 102 пехотного Вятского полка Оводня были обусловлены противоправным насилием со стороны подпрапорщика Харитоновича, в соответствии с вышеописанными требованиями военно-уголовного законодательства его проступок был квалифицирован как оскорбление на словах и действием унтер-офицера того же полка. При этом, исходя из

материалов дела, в суде не исследовались ни мотивы, ни обстоятельства совершенного военным служащим деяния, ни его физическое и эмоциональное состояние в момент совершения преступления, ни агрессивное поведение фельдфебеля, фактически спровоцировавшего конфликт. Однако, на наш взгляд, поскольку суд не вышел за пределы установленного в законе наказания, и действовал в соответствии с имеющимися разъяснениями вышестоящих органов правосудия, это более связано с несовершенством действовавших в ту пору нормативно-правовых актов, чем с непрофессионализмом сотрудников органов военной юстиции, добросовестно, в большинстве своем, выполнявших свои служебные обязанности.

Данное положение характерно для описываемого этапа развития военно-уголовного законодательства Российской империи, которая находилась, с одной стороны, в стадии быстрого экономического роста, что говорит о достаточной прогрессивности ее законов, а с другой – в эпоху, требовавшую проведения кардинальных реформ в рамках тех правоотношений, которые сложились к тому времени в армии и на флоте. Дефицит внимания, уделяемого руководством российского государства осуществлению необходимых изменений, в том числе, в сфере регламентации военного правосудия в вопросах назначения наказаний, явился, на наш взгляд, одной из причин тех пагубных последствий, которые ожидали Россию во втором десятилетии XX века. И это с учетом имевшей место, по утверждению Сухондяевой Т.Ю., переработки Воинского устава о наказаниях, в котором «несмотря на то, что общему изменению подверглось более половины всех статей, структура Устава 1916 г. осталась такой же, как и в Уставе 1875 г.» [13, с. 20].

Кассационную жалобу «подсудимого рядового 102 пехотного Вятского полка Григория Оводно на приговор о нем Временного Военного Суда в гор. Гродне» Главный Военный Суд 13 декабря 1912 года оставил без уважения [1, л. 24]. Приговор не был приведен в исполнение, «так как означенный нижний чин находится в бегах» [1, л. 27], что свидетельствует о том, что, не дожидаясь вступления приговора в законную силу, солдат дезертировал из воинской части, и сведений о его поимке в деле не имеется. Решением Двинского Военно-Окружного Суда от 15 сентября 1917 года рядовой Оводень, находящийся в бегах, освобожден от наказания «со всеми его последствиями» на основании ст. 5 Отд. II Постановления Временного Правительства от 17 марта 1917 года «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» [1, л. 28].

В этой связи необходимо дополнить, что постановления Временного Правительства были «очень важным источником уголовного права в период от Февральской революции до Октябрьской революции» [14, с. 8]. Российский правовед Поцелуев Е.Л. также отмечает, что «в соответствии с Постановлением Правительства от 17 марта 1917 г. отменялись следующие наказания для арестантов и ссыльнопоселенцев: битье розгами, наложение оков и надевание смирительной рубашки» [14, с. 10], что он связывает с непродолжительной либерализацией уголовного и военно-уголовного законодательства после ликвидации монархического строя в России. Это позволяет сделать вывод о том, что многие военнослужащие избежали таким способом наказания за совершенные ими воинские преступления, в том числе, за нарушения воинского чинопочитания и подчиненности, что в военное время не могло не сказаться пагубно на общем состоянии воинской дисциплины и правопорядка в действующей армии.

Заключение. Таким образом, описанное уголовное дело, на наш взгляд, может служить примером деятельности органов военного правосудия изучаемого периода, включая такие образчики неадекватности, как непринятие мер для исключения случаев уклонения от отбывания назначенного судом наказания, о чем свидетельствуют иные исследованные документы обозначенного архивного фонда. Так, аналогичный побег бомбардира наводчика Цветкова, осужденного по делу в отношении нижних чинов 72-й сводной Артиллерийской бригады, имел место в ночь на 19 февраля 1906 года, уже после того, как он был приговорен к смертной казни [15].

Вместе с тем, работа по изучению судебных уроженцев Беларуси нуждается в продолжении с привлечением более широкого круга архивных источников, что в последующем позволит представить объективную картину деятельности органов военной юстиции и жизни нижних чинов в условиях дореволюционной армии и флота, а также осуществления правосудия в отношении них накануне Первой мировой войны. Это, в свою очередь, безусловно, изменит достаточно распространенные в свое время представления о безнаказанности и беззаконии, процветавших в вооруженных силах указанной эпохи, что, конечно, далеко от истины и во многом уже опровергается изученными нами документами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). – Ф. 1379. Оп. 1. Д. 2.
2. Воинский устав о наказаниях (С.В.П. 1869 г., XXII, изд. 4), разъясненный решениями Правительствующего Сената и Главного Военного Суда, приказами по Военному Ведомству, циркулярами Главного военно-судного управления и проч. по 1 марта 1917 г. / Сост. А.Г. Дадашев. – Ревель, 1923. – 340 с.
3. Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1909 г. – С.-Пб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1909. – 2350 с.
4. Волостные, станичные, сельские, гминные правления и управления, а также полицейские станы всей России с обозначением места их нахождения. – Киев : Изд-во Т-ва Л. М. Фиш, 1913. – 196 с.

5. Военно-судебный устав (полное издание), Высочайше утвержденный 15 мая 1867 года / Изд-е И.М. Погорелкина. – М. : В тип. Ив. Смирнова, 1868. – 447 с.
6. Ермолович, Я. Н. Развитие военного уголовно-процессуального законодательства в Российской Империи (1716–1917 годы) / Я. Н. Ермолович // Теория и история военного права. – 2017. – № 2. – С. 35–46.
7. Свод Военных Постановлений 1869 года. Часть шестая, – 3-е изд.. – СПб., 1900. – 312 с.
8. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721-2.03.1917). Т. III. Р-Я. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 597 с.
9. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721-2.03.1917). Т. I. А-З. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 622 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Путеводитель. – Гродно : Гродн. тип., 2016. – 388 с.
11. Воинский устав о наказаниях (С.В.П. 1869 г., XXII, изд. 4), разъясненный решениями Правительствующего Сената и Главного Военного Суда, приказами по Военному Ведомству, циркулярами Главного Штаба и Главного Военно-Судного Управления и проч. по 15 марта 1916 года / Д.Ф. Огнев. – 6-е изд., испр. и доп. А.С. Лыкошин. – Петроград : Комиссионер Военно-Учебных Заведений, 1916. – 358 с.
12. Скобликов, С. В. Повседневная жизнь нижних воинских чинов российской армии в 60-х гг. XIX – начале XX века (по материалам Западной Сибири) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Скобликов ; Алтай. гос. ун-т. – Барнаул, 2017. – 194 с.
13. Сухондяева, Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX вв.) (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Т. Ю. Сухондяева ; С.-Пб. гуман. ун-т профсоюзов. – СПб., 2006. – 23 с.
14. Поцелуев, Е. Л. Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году / Е. Л. Поцелуев // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Право. – 2018. – Т. 9. Вып. 1. – С. 4–22.
15. НИАБГ. – Ф. 1379. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

Поступила 01.10.2019

**THE CASE OF A NATIVE OF LEPELSK DISTRICT OF VITEBSK PROVINCE
IN THE TEMPORARY MILITARY COURT OF GRODNO (ON MATERIALS
NATIONAL HISTORICAL ARCHIVE OF BELARUS IN GRODNO)**

V. OLEINIK

Based on archival data, the article reveals the role and importance of the military justice bodies of the Vilna Military District at the beginning of the last century in the fates of the natives of the Belarussian lands who served in the Russian Imperial Army. The subject of the analysis is the documents of a temporary military court in the city of Grodno, which examined the criminal case of Private 102 of the Vyatka Infantry Regiment, Grigory Ovodne, on charges of failure to perform official duties. At the same time, attention is drawn to individual biographical data of participants in this process, the provisions of the Military Statute on punishments of 1867 and the practice of applying its third edition are studied. It is noted that the documents on the issue under study, which are stored in the National Historical Archive of Belarus in Grodno, are not numerous, but at the same time they provide an opportunity to study some aspects of the inquiry and the procedure for considering criminal cases against lower ranks who committed military crimes. It is concluded that this case can serve as an example of the activities of the military justice bodies of the described period.

Keywords: military justice bodies, interim military court, natives of Belarus, lower rank, archival documents, criminal case, military crimes, microhistory.

УДК 902/904.001.5

**ПОМЕЩЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА
XVII – НАЧАЛА XIX ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
И ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ДАННЫМ (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ)**

А. А. СОЛОВЬЁВ

(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)

Полоцкий иезуитский коллегиум обладал уникальным и обширным собранием редких книг, для хранения которых требовалось создание в помещении особого микроклимата. На протяжении всего существования Полоцкого иезуитского коллегиума главной задачей братьев было создание оптимальных условий для хранения книжных собраний, поэтому для книг в коллегиумах отводились самые лучшие помещения, которые своим убранством порой не уступали храмам.

В данной статье мы на основе имеющихся документальных и археологических свидетельств попытаемся реконструировать размещение и убранство помещений иезуитской библиотеки конца XVI – начала XIX вв.

Ключевые слова: библиотека Полоцкого иезуитского коллегиума, иезуиты, данные археологии.

Введение. Необходимость создания централизованных библиотек при иезуитских коллегиумах проистекала из самой специфики образа жизни членов Ордена. Иезуиты отличались достаточной мобильностью, поскольку в любой момент любого из них могли перевести в другой коллегиум, расположенный за сотни километров от прежнего. При этом возложенные на вновь прибывшего члена Ордена обязанности могли быть совершенно отличны от тех, которые он исполнял ранее. Таким образом, иезуит не имел возможности собрать библиотеку по нужному ему предмету: она доставляла бы много хлопот своему владельцу в процессе перевозки, а приобретение книг противоречило бы данному им обету бедности. Вместе с тем от оснащённости и богатства библиотек при орденских домах, резиденциях и коллегиумах напрямую зависела успешность орденской миссии.

На протяжении всей истории существования Полоцкого иезуитского коллегиума важнейшим элементом структуры его ансамбля были помещения, отведенные под библиотеки. Неизвестно, когда была создана библиотека коллегиума, где располагалась, как выглядели предназначенные для нее здания. Отчасти на этот вопрос может ответить только всестороннее археологическое изучение существующего ныне ансамбля и архивные поиски. К помещениям для хранения книг предъявлялись определенные требования по освещенности, температуре, влажности и пожарной безопасности. При них должны были находиться мастерская для ремонта книг и жилье хранителя книжной коллекции, отвечавшего за ее сохранность и пополнение.

Основная часть. С первых дней работы Полоцкому коллегиуму требовались сотни разнообразных книг для осуществления своей миссии в многоконфессиональном (преимущественно православно-протестантском) Полоцке. Небольшая часть книг могла храниться непосредственно в кельях монахов или при костелах, но что представляло собой помещение библиотеки коллегиума конца XVI – первой половины XVII вв., сказать сложно. При составлении планов и в ходе строительства коллегиумов еще в 1558 г. по правилам, установленным Генеральной Конгрегацией Общества Иисуса, его наличие в иезуитской резиденции должно было быть обязательным [1, с. 58]

Как выглядело деревянное здание (помещение?) библиотеки коллегиума – не известно. Возможно, позже роль библиотеки играла кирпичная сакристия и комнаты при ней – первое кирпичное здание Полоцкого иезуитского коллегиума. Позднее, в 1647 г., по данным Ежи Пашенды, она стала частью кирпичного цоколя четырехэтажного деревянного жилого корпуса [2, s. 272]. Ранее предполагалось, что сохранившиеся от него конструкции возведены после пожара 1643 г. [3, с. 20–21]. В сакристии иезуиты хранили не только драгоценности, церковную утварь, одежду, но и самые ценные и важные книги. Косвенным указанием на наличие в коллегиуме библиотеки служит упоминание о том, что иезуит Садковский Ян Станислав (1670 – 1671 гг.), будучи проповедником в Полоцке, в 1680 г. пожертвовал полоцкому коллегиуму свою личную библиотеку [1, с. 234].

Сохранились имена некоторых префектов (заведующих) полоцкой библиотек:

- Подолец Доминик Юзеф (1697 – 1698 гг.) – префект школы и библиотеки [1, с. 221].
- Вислоух Анджей (1700 – 1701 гг.) – проповедник и префект библиотеки в Полоцке [1, с. 256–257].
- Щит Казимир (1701 – 1702 гг.) – префект школы и библиотеки [1, с. 248–249].

Самое раннее упоминание помещений библиотеки при Полоцком иезуитском коллегиуме связано с восстановлением последнего после пожара 1682 г., в результате которого сгорели книги профессоров. В это же время иезуиты решили пристроить к остаткам кирпичной сакристии и корпуса сводчатые по-

мещения библиотеки, а также склады для одежды [2, s. 273; 3, с. 25]. Вполне возможно, что данное здание использовалось как «skarbiec», где иезуиты хранили ценности. Подобная ситуация имела место в Слуцком иезуитском коллегиуме, который на протяжении всей своей истории оставался деревянным. Первое кирпичное сводчатое здание на его территории возвели в 1724 г. [4, s. 347].

Остатки кирпичного здания коллегиума XVII – первой половины XVIII вв. сохранились в составе корпуса «В» существующего ныне ансамбля. Данное здание претерпело ряд больших разновременных перестроек и пристроек, произведенных до возведения существующего ныне корпуса, часть из них можно соотнести с располагавшейся в нем библиотекой. На плане 1707 г. он представлял собой небольшое кирпичное здание с арочным входом и двумя небольшими окнами над ним на южном фасаде. Согласно плану Полоцка 1720 г. здание было расширено и на фасаде имелось четыре больших прямоугольных окна. С восточной стороны оно имело пристройку с двумя окнами и треугольным фронтоном. Там, по всей видимости, располагался главный вход в коллегиум со стороны рынка [3, с. 26].

Исследования сохранившихся остатков здания в составе нынешнего корпуса «В» и на прилегающей территории показали, что его западную часть занимал П-образный подвал. В юго-восточной части имелось обширное подполье с плиточным полом [3, с. 26].

Если принять изображения коллегиума в 1707 и 1720 гг. за точные рисунки с натуры, то в сочетании с имеющимися архитектурно-археологическими остатками можно приблизительно реконструировать функционально-планировочную структуру здания. В пристройке со стороны площади размещались обширные сени, через которые можно было войти как в библиотеку (прямо), так и в деревянную жилую часть коллегиума (направо). Этаж здания имел двухстороннее расположение комнат. Окно в коридоре,

Рисунок 1. – Донца лампадок с втулкой под фитиль. Ставились в ниши для освещения каменного корпуса библиотеки

разделявшем комнаты, если и имелось, то только одно – в западной стене, и было обращено в сторону башни, поэтому в стенах чердачного хода, келий, сеней и коридора имелись небольшие беленые ниши для свечей и лампад [3, с. 26; 5, с. 6, 7]. Последние, судя по обломкам, представляли собой глиняные конические стаканы с втулкой для фитиля в доньшке (рисунок 1). Их находили в различных частях территории коллегиума [6 – 8]. В северной, наиболее старой, части здания располагались небольшие комнаты. В южной стороне, судя по оставшимся фрагментам стен, могли располагаться пристроенные после 1682 г. библиотека и склад одежды (рисунок 2).

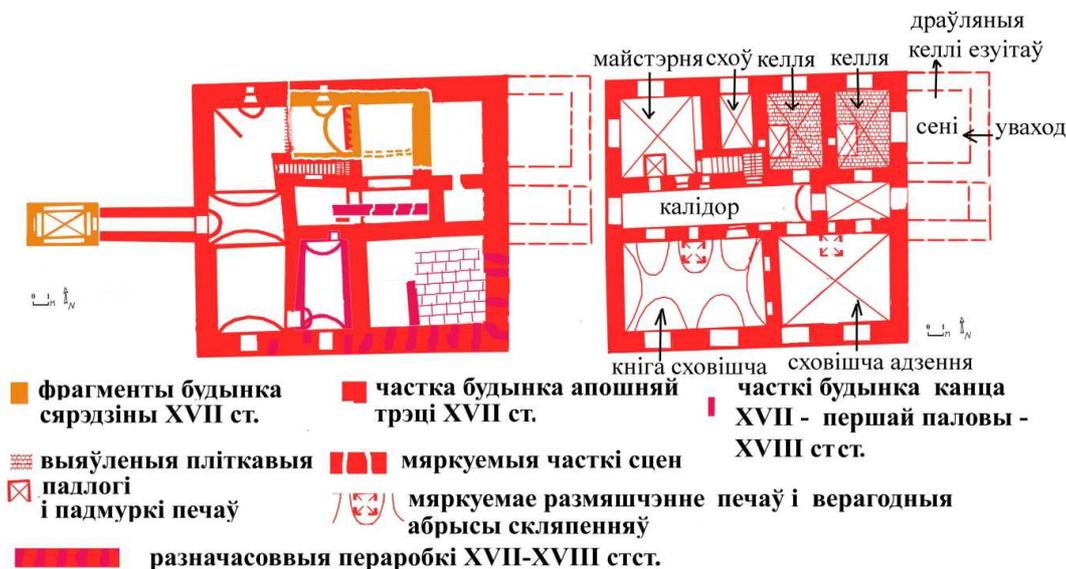

Рисунок 2. – Реконструкция каменного корпуса и функционального назначения его помещений для библиотеки после перестроек 1720 г.

В ходе перестроек у одного из залов был устроен гиппокауст – «теплый пол» [9, s. 154–155], возможно, что именно с устройством его топки с дровяным складом и было связано подполье в юго-восточной части здания. Судя по отсутствию следов пят свода, перекрытие подполья было деревянным,

но в целях пожарной безопасности выложено массивной квадратной плиткой с темно-серой (дымленой?) лицевой поверхностью [3, с. 10, 26].

Функциональное назначение помещений здания определить довольно сложно. В северо-западной части размещались обширная комната (мастерская?) с лестницей на чердак, холодный склад и две жилые комнаты с выходящими из них в сени дверьми и печными проемами. На южной стороне – два обширных зала. В стене между ними находились невысокие, но достаточно глубокие ниши для хранения книг. Они могли остаться от помещения, бывшего здесь до перестройки.

При раскопках в одном из помещений корпуса «В» были прослежены просевший плиточный пол и развал толстой кирпичной стены со следами сильного пожара. В его слое преобладали зола и пепел, угля обнаружено мало, имелись также обломки изразцов от разрушенных печей. Возможно, что зола и пепел остались от уничтоженных во время очередного пожара в 1750 г. книг, когда сгорели все деревянные здания коллегиума. С учетом того, что Г-образный деревянный жилой корпус коллегиума располагался на север от кирпичного здания, соединяясь и образуя с ним изолированный с трех сторон дворик, вполне вероятно, что пожар середины XVIII в. мог проникнуть в эти кирпичные помещения через окна. Пострадали помещения в северной части библиотеки, остальные могли уцелеть [2, с. 279].

При создании существующего ансамбля Полоцкого иезуитского коллегиума для библиотеки был отведен ряд помещений на втором этаже, чему способствовало дальнейшее развитие библиотечного дела у иезуитов. Огромный зал Главной библиотеки, как и коридор, ведущий к ней, были обустроены с максимальной добротностью, комфортностью и роскошью. По убранству она должна была напоминать храм знаний [10, с. 24–25].

Вход в Главную библиотеку представлял собой вестибюль с круглыми колоннами, отделявшими его от коридора. К дверям вели две Г-образные деревянные лестницы с резными (в виде балясин?) перилами. Тумбы в соответствии со стилем барокко того времени украшали изящные вазы. Изначально межэтажного свода над лестницами не было. Стену, отделявшую зал библиотеки от лестницы вестибюля, разделяли на три части (прясла) пилястры. Дверной портал в центре имел архитектурное ордерное обрамление, частично сохранившееся: его пилястры также имели завершения в виде ваз, следы которых скрывает перекрытие, устроенное в бытность кадетского корпуса для хоров домового церкви св. Николая. Возможно, что над дверью имелось лепное или фресковое украшение, картина или надпись. В меньших, боковых, пряслах стены располагались барометр и часы, хорошо известные по поздним описаниям коллегиума. Высота их была рассчитана таким образом, чтобы их могли хорошо видеть из коридоров второго и третьего этажей [3, с. 50–52]. Корпуса механизмов имели архитектурное оформление.

В вестибюле размещался вход на чердак иезуитской кухни. Скорее всего, доступ к нему был скрыт в расположенной между колоннами коридора гипсовой пещере с расставленными там скульптурами: Девой Марией, Младенцем и поклоняющимся им Игнатием Лойолой. Также вход на чердак могли скрывать деревянные конструкции полов и лестниц, идущие к portalу Главной библиотеки. Поворотные площадки лестниц, если и были, то располагались на такой высоте, чтобы скрыть арку входа на чердак. Это обстоятельство может объяснить, почему верхнюю площадку разместили выше порога входа в библиотеку, в зал которой вели ступени, подводящие к двойным резным дверям входа [3, с. 50–52; 10, с. 24–25]. Предлагаемое нами описание вестибюля Главной библиотеки является гипотетическим и, вероятно, потребует частичной корректировки или полного пересмотра в результате возможного проведения натурных исследований стены над входом или архивных поисков.

Помещение Главной библиотеки иезуиты постарались расположить таким образом, чтобы защитить книги от прямого попадания солнца, обеспечив здесь, тем не менее, максимально хорошее освещение. Этому немало содействовала огромная толщина стен (1,5 м), благодаря которой попадание прямого солнечного света в зал сводилось к минимуму. Еще одним важным требованием, предъявляемым к библиотечному залу, являлась возможность поддержания температурно-влажностного режима. Наличие под библиотекой подвала и трапезной, прогреваемой гипокаустом, как и мощные стены, сводили к минимуму проникновение сырости от земли; черепичная кровля на массивных арочных кирпичных фермах надежно защищала зал с книгами от возможного проникновения осадков [3, с. 50–52].

Помещение библиотеки, как и трапезная под ним, конструктивно представляло собой огромный бесстолпный зал с эллиптическим «монастырским» сводом. Размеры зала (без учета оконных впадин и ниш) – ширина около 9,5 м, длина 20,5 м. Высота потолка помещения составляла около 7,0 м (замок центрального лотка свода). Замки распалубок свода находились на высоте 6,2 м от пола. Высота пят сводчатого перекрытия колебалась от 3,5 до 4,0 м [11, с. 94]. Что касается самой Главной библиотеки, то еще в ходе строительных работ архитекторами-иезуитами принимались меры для приспособления ее под нужды хранения необходимого количества книг. Первоначально планировалось устроить в ней 11 окон и полностью расписать стены, для чего штукатурка наносилась в два слоя. Нижний представлял собой кладочный раствор, при его нанесении на стены и своды в качестве наполнителя и для выравнивания поверхности были использованы обломки черепицы (!). Верхний слой, из белой, тонко просеянной до пылеобразного состояния извести, толщиной до 2 см, образовывал гладкую поверхность, подготовлен-

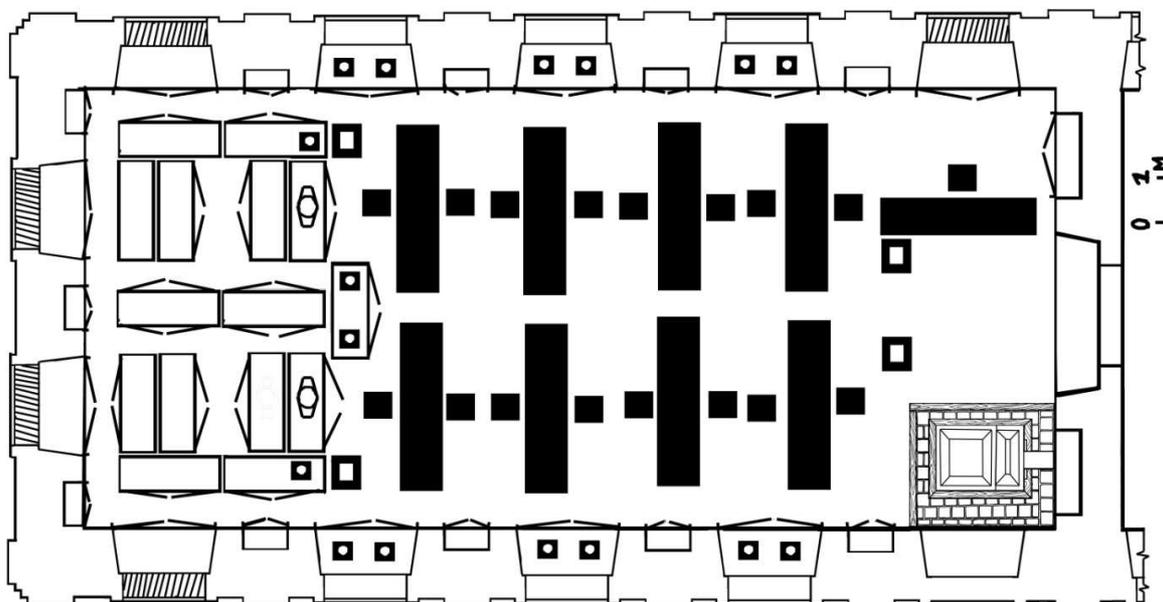
ную для росписи. В ходе строительства в первоначальный проект были внесены изменения, в результате чего было оставлено только 6 окон, а остальные были заложены и превращены в глубокие ниши [3, с. 54; 11, с. 94].

Росписью в технике «fresco a secco» были украшены откосы и обрамления 6 окон. Тона росписей были в основном теплыми: красный, коричневый, желтый; из холодных использовались зеленый и сиреневый. Сохранившиеся фрагменты позволяют предположить, что росписи представляли собой зеркальные панно с растительным орнаментом. Их центральные части (на арках окон) украшали круглые медальоны с изображениями, различить которые не удалось, скорее всего, – портреты. Вполне возможно, что обнаруженные фрески могли быть выполнены художником Я. Сахламаном, который расписывал костел св. Стефана в 1764 – 1765 гг., действующий при коллегииуме [3, с. 54].

Важным элементом оформления интерьера зала Главной библиотеки и его оборудования были приборы отопления, без которых в помещении невозможно было бы поддержать нужный микроклимат.

Первоначально в зале могла стоять огромная печь на кирпичных или деревянных опорах, построенная в 1759 – 1760 гг. при возведении здания. Для нее было предусмотрено место слева от входа. Сохранились обломки изразцов, украшенных восьмиугольными медальонами с витыми угловыми балясинами (стенные пластины и карнизы с зеленой глазурью), а также витые перемишки, коронки с растительным орнаментом, покрытые белой эмалью [11, с. 98–105; 12, с. 74–75] (рисунок 3).

Позже, скорее всего к приезду Российской императрицы Екатерины Второй, в библиотеке был проведен ремонт. Часть ниш, образованных после закладки окон, понизили в высоте, врезав дополнительные арки в кладку откосов. Старую печь разобрали и заменили двумя, расположенными симметрично по краям входа. Высота печей, вписанных в реконструированные ниши, составляла около 2,7–3,0 м. Новый изразцовый комплект характеризовался наличием гладких пластин, профилированных карнизов и рельефных коронок с коричневой глазурью. Некоторые из них были украшены желтыми пятнами глухой эмали [11, с. 105]. Они уподобляли внешнее убранство печи синхронной мебели помещения, украшенной резьбой, профильными карнизами и покрытой темно-коричневым полупрозрачным лаком. Данный комплект относился к печи последней четверти XVIII в., его появление может быть связано с ремонтом после 1773 г. Печи с гладкими стенками и профильными карнизами наиболее соответствовали набирающему силу классицизму: именно под его влиянием с 70-х гг. XVIII в. изразцы вышеописанного типа получили широкое распространение. К ним относятся и аналогичные изразцы с чердака коллегииума [11, с. 105].

Косые штриховки – закладки части окон на последних этапах строительства библиотеки.

Черные квадраты и прямоугольники – обтянутые черной кожей столы и табуреты.

Справа от входа место библиотекаря, слева – изразцовая печь и выкладка плиточного пола вокруг нее.

Дальнюю часть зала занимают шкафы с книгами, некоторые из них встроены в ниши стен зала.

Шкафы, обращенные к столам, украшают два бюста. Черные квадраты с белыми квадратами и кругами внутри – большие и малые вазоны.

Рисунок 3. – Реконструкция расстановки мебели в главной библиотеке на основе археологических находок и описаний помещения 1807 и 1820 гг.

Третий набор, вероятно, имел в своем составе белые эмалированные изразцы и перемычки с голубой и желтой эмалью. Данные изразцы относятся к первой трети XIX в. и уже связаны с работами, проведенными пиарами. Они являются переходными к изделиям современного образца. Надо сказать, что обнаруженная нами стеновая пластина имела изгиб лицевой поверхности и предусматривала возможность облицовки круглой печи. Аналогичные изделия с изогнутой пластиной (вторичное применение) найдены нами возле корпусной кухни на первом этаже. Комплект был неполным, найдены только стеновые и фризовые изделия, к ним же (судя по тесту и эмали) принадлежали изразцы пилястры. В наборе отсутствовали капители, базы и карнизы [11, с. 106].

Интересен тот факт, что в Инвентарях 1807 и 1820 гг. никаких отопительных приборов не указано.

Возможно, первоначально пол в Главной библиотеке был выложен квадратной плиткой, обломки которой найдены в засыпке свода над трапезной. Позднее большую его часть заменили деревянным. Участки из плиток сохранились только перед входом и печами. В засыпке свода найдены дубовые фигурные доски с пазами для соединения, без следов лака, лицевая поверхность тщательно отполирована, вероятно, их натерли воском. Позже этот настил был заменен более простым, поскольку в Инвентаре за 1820 г. он указан как сосновый [3, с. 54; 13, с. 60].

К 1820 г. относится и краткое описание мебели Главной библиотеки. В ней размещались большие лакированные «изящной работы» шкафы из ольхи (21 шт.), девять из них, небольших, располагались под окнами. Уровень верхней крышки последних был прослежен при изучении фресок на откосах окон. Часть шкафов была устроена из имевшихся в зале ниш в простенках и на месте замурованных окон. Несколько шкафов стояли посередине в северной части зала и, чтобы защитить находившиеся в них книги от дневного света из окон, в большинстве своем, были обращены торцами в центральную, наиболее освещенную, его часть. При них имелись складные лестницы. В центральной части библиотеки располагались девять столов и табуретов, обтянутых черной кожей [10, с. 25; 13, с. 60]. В зале находились четыре больших и шестнадцать малых деревянных вазонов и портретов в округлых рамах, раскрашенных под мрамор, в том числе портреты императрицы Екатерины Второй и императора Александра Первого в золоченых рамах. Имелись два позолоченных бюста [13, с. 60] (см. рисунок 3).

Дневное освещение проникало только в центральную часть зала, не охватывая его целиком. Приоритет был отдан искусственному освещению, для чего в зале находились лампадки из прозрачного зеленого стекла, обломки которых найдены в засыпке свода [14, с. 97–98] (рисунок 4).

Рисунок 4. – Лампадки из зала Главной библиотеки (2-я половина XVIII в.)

Из письменных принадлежностей были обнаружены обломки стеклянной чернильницы. Это был сосуд с наклепленным валиком вокруг дна для большей устойчивости [14, с. 97–98]. В библиотеке и на чердаке коллегіума найдены также остатки лент, вышитых золотой (или из сплава на основе меди) или

серебряной нитью, которые могли служить закладками для книг, и грубой ткани, в которую могли упаковывать книги [15, с. 83, 99, с. 16, с. 56, 76: фота 3] (рисунок 5).

Рисунок 5. – Фрагменты закладок для книг с чердака коллегиума

Кроме Главной библиотеки в Академии (коллегии) к моменту ее закрытия в 1820 г. функционировали Польская, Комнатная и Студенческая библиотеки. Имелись также библиотеки бурсы, клириков и академической канцелярии. Много книг хранилось в кельях иезуитов. Места расположения этих библиотек, как и время их создания, точно не известны. Скорее всего, для большинства из них были отведены помещения второго этажа корпусов «А» и «Г», там же находились и кельи иезуитов, отвечавших за их сохранность и комплектацию. Первоначально книгохранилища могли занимать по одному помещению, но позже их расширили после распоряжения генерала Ордена, Варвинца Рикки, о создании специализированных библиотек и специальных рабочих комнат при них, где посетители могли бы читать и делать записи в 1763 г. [10, с. 12 – 13, 24 – 25].

С обеих сторон главной лестницы коллегиума, по всей видимости, располагались две библиотеки – библиотека канцелярии и библиотека клириков. После 1763 г. их расширили, снабдив рабочими комнатами, которые располагались по обе стороны названных библиотек. Судя по найденным фрагментам книг и рукописных текстов, на запад от главной лестницы располагалась библиотека академической канцелярии. Именно в этой части коллегиума найден фрагмент письма с датой 1816 г. и упоминанием Императорского величества, конверт, адресованный проректору пиаров, Бартошевичу, занимавшему эту должность в 1830 г., страница миниатюрного молитвенника и фрагменты книг на латыни [16, с. 55, 76: фота 3] (рисунок 5).

Рисунок 5. – Фрагменты бумаг, оставшихся после иезуитов и пиаров.
Найдены в засыпке второго этажа коллегиума

Судя по найденным обломкам изразцов, печи ряда помещений библиотеки канцелярии сначала украшали медальонные изразцы. Во второй четверти XVIII в. они были переложены гладкими эмалированными однотонными и полихромными изделиями, имитировавшими мрамор или имевшими однотонное эмалевое покрытие. Это могло быть сделано к приезду императрицы Екатерины Второй. К данной библиотеке мог иметь отношение и шкаф, встроенный в нишу северной стены коридора (заложена в 2003 –

2004 г.) [16, с. 55 – 58]. К оборудованию концелярской библиотеки могли принадлежать обломки глиняных бокаловидных подсвечников [16, с. 77: фота 4].

Восточнее главной лестницы могла располагаться библиотека клириков, но данная часть здания не изучалась.

Библиотека музыкальной бursы, по всей видимости, располагалась в проходном угловом северо-западном помещении корпуса «Г» со столбом в центре; оно соединялось как с его коридором, так и со «старым коллегиямом», нынешним корпусом «В». В данном корпусе располагалась музыкальная бурса, которую расширили в последней четверти XVIII в. (после 1773 г.), надстроив второй этаж для жилья музыкантов и переделав мансарды в обширные залы с «теплыми полами» [3, с. 59–62]. Таким образом, можно полагать, что библиотека бursы была создана именно в это время. Что-либо большее сказать о помещении библиотеки на сегодняшний день не представляется возможным. Остальную часть помещений корпуса «Г» могли занимать как учебные классы, так и библиотека клириков. Этим можно попробовать объяснить тот факт, что толщина и массивность внутренних стен в данном корпусе коллегияма была сведена к минимуму, а печи располагались параллельно, а не перпендикулярно, продольной стене здания, между коридором и кельями [3, с. 50; 12, с. 73–74].

Студенческая, Комнатная и Польская библиотеки могли находиться на втором и третьем этажах восточной части коллегияма. В коридорах восточного крыла коллегияма (разрушено в 1965 – 1966 гг.), в простенках между его окнами, имелось семь ниш для устройства книжных шкафов, подобные нишам в Главной библиотеке. Они зафиксированы на планах этажей, датированных маем 1963 г. Таким образом, они также могли использоваться для упомянутых библиотек. В качестве приборов отопления данных помещений в коридоре могли использовать печные проемы при кельях. В южном (корпус «А») крыле жили школяры и некоторые из иезуитов, в западном (корпус «Г») находилась часть классов.

Таким образом, после возведения корпусов существующего ныне ансамбля коллегияма полоцких иезуитов и реформы библиотечного дела генерала Ордена В. Рикки 1763 г. для хранения и пополнения книжных фондов были подготовлены сухие и светлые помещения в различных частях главных корпусов коллегияма. К 1820 г. Академия насчитывала семь хорошо оборудованных богатых библиотек.

Выводы. За все время существования Полоцкого иезуитского коллегияма помещениям для библиотек уделялось максимальное внимание со стороны руководства. Первоначально роль книгохранилища играла кирпичная сакристия, после 1683 г. для библиотеки строятся специализированные сводчатые помещения, которые неоднократно перестраивались и расширялись. К 1720 г. библиотека занимала почти все здание – единственную кирпичную постройку «скромного» коллегияма. На каждом этапе это были максимально защищенные в пожарном отношении помещения с белеными сводами, плиточными полами и изразцовыми печами, топившимися из сеней.

Настоящий прорыв в обустройстве помещений для библиотек Полоцкого иезуитского коллегияма связан со строительством существующего ныне ансамбля и реформой библиотечного дела, проведенной генералом Ордена, Варвинцом Рикки, в 1763 г. Характерной чертой новых помещений было стремление различными способами изолировать хранящиеся в них книги от прямого воздействия солнечного света, что было особенно важно для старинных фолиантов и манускриптов Главной библиотеки. Нередко, еще на стадии проекта, стены помещений будущих библиотек снабжали большим количеством ниш для установки в них шкафов и полок. Рядом с книгохранилищами оборудуются и первые комнаты для работы с книгами – прообраз читальных залов современных библиотек. К 1820 г. в Полоцкой Академии, кроме Главной, функционировало шесть специализированных библиотек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лявшук, В. Е. Иезуиты в Гродно в 1622 – 1700 гг. / В. Е. Лявшук // Wzdownictwo WAM Akademia Ignatianum. – Kraków 2013. – 328 s.
2. Paszenda, J. Zabudowania jezuickie w Polocku / J. Paszenda // Budowle jezuickie w Polsce XVI – XVIII w. – Kraków, 2010. – Т. 5. – S. 269 – 298.
3. Соловьев, А. А. Полоцкий иезуитский коллегиям в ретроспективе (1581—1914 гг.): Архитектурно-археологический очерк. / А. А. Соловьев. – Полоцк : Полоц. кн. изд-во, 2012. – 95 с.
4. Paszenda, J. Kościół jezuitów w Sucku / J. Paszenda, // Budowle jezuickie w Polsce XVI – XVIII w. – Kraków, 2000. – Т. 2. – S. 339–366.
5. Соловьев, А. А., Зондажи Полоцкой иезуитской коллегии, Кадетского корпуса, Военного госпиталя / А. А. Соловьев. – Полоцк, 2016. – 44 с.
6. НПГКМЗ. – КП. – 38612 лампада
7. НПИКМЗ. – КВФ. – 8963 лампада
8. НПИКМЗ. – КП. – 41612 лампада
9. АРМ(АТЖК) 845 I НПГКМЗ КП – 040032 плитка пола
10. Блинова, Т. Б. Иезуитские библиотеки в Беларуси. / Т. Б. Блинова // ГАЗ. – 1996. – № 8. – С. 3 – 32.

11. Соловьев, А. А. Отопление главной библиотеки Полоцкого иезуитского коллегиума середины XVIII – начала XIX в. по археологическим данным (проблемы изучения и реконструкции) [Электронный ресурс] / А. А. Соловьев // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў : электрон. зб. навук. арт. IV міжнар. навук. канф. да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, Полацк, 19–20 крас. 2018 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. А. І. Корсак. – Наваполацк, 2018. – С. 93 – 108 – 1 элект. арт. дыск (CD-ROM).
12. Соловьев, А. А. Изразцы и печи полоцкого коллегиума (конец XVI – первая треть XIX в.): архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2013. – 95 с.
13. APM. – A. 1326 Kopia z oryginaly znajdujacego sie w ARSI sporadzona przez ks. Tomasza Walla TJ 1 TV 1907 OPISY I INWENTARZE KOLEGIUM POLOCKIEGO skreslone w styczniu 1820 roku.
14. Соловьев, А. А. Стекло и гута Полоцкого иезуитского коллегиума конца XVI – начала XIX вв. / А. А. Соловьев // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. нав. арт. II Міжнар. навук. канф., Полацк, 17 – 18 красав. 2014 г. / Полац. дзярж. ун-т ; Пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, С. А. Шыдлоўскага : у 2 ч. – Ч. 1. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – С. 89–102.
15. Салаўеў, А. А. Археалагічнае вывучэнне паддашша карпусоў «А» і «Г» / А. А. Салаўеў // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.). — Полацк : НІПГКМЗ, 2008. – С. 79–100.
16. Салаўеў, А. А. Вынікі натурных даследаванняў на другім і трэцім паверхах корпуса «А» Полацкага езуіцкага калегіума пад час яго мадэрнізацыі / А. А. Салаўеў // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2006 г.). — Полацк, 2004. – С. 33–62.

Поступила 14.11.2019

**LIBRARY OF THE JESUIT COLLEGE IN POLACK OF THE 17TH AND EARLY 11TH CENTURY
ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND DOCUMENTARY DATA
(PROBLEMS OF RESEARCH AND RECONSTRUCTION)**

A. SALAUYOU

The Jesuit College in Polack had a unique and extensive collection of rare books, and creating a special microclimate in the room for storage of these books is required. While the Jesuit College existed he main task of the brethren was to create optimal conditions for the storage of the book collection. Therefore, for the books in such colleges the best rooms were chosen, and their decoration sometimes resembled decoration in temples.

In this article based on available documentary and archaeological data we will try to reconstruct locations and decoration of the rooms of the Jesuit College library in the late 16th and 18th centuries.

Keywords: library of the Polotsk Jesuit College, the Jesuits and the archeological data.

УДК 930.1”15/16”

**САЦЫЯЛЬНЫ КАПІТАЛ У КЛІЕНЦКАЙ СЕТЦЫ ЛЬВА САПЕГІ
Ў КАНЦЫ XVI – ПАЧ. XVII СТ.****канд. гіст. навук, дац. В. У. ЯКУБАЎ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)**

Артыкул прысвечаны структуры сацыяльнага капітала ў кліенцкай сетцы Льва Сапегі. На прыкладзе кнігі квітоў двара магната робяцца высновы аб рознабаковасці сацыяльных сувязяў унутры сацыяльнай сеткі. Нягледзячы на наяўнасць і рост зямельнай ўласнасці, асноўнай формай стварэння адносін паміж патронам і кліентамі з’яўляюцца ўжо грашовыя выплаты і таварныя выдачы. Акрамя таго, праз ахвяраванні і ўтрыманне сваякоў царкоўных саноўнікаў у складзе кліенцкай сеткі, прасочваюцца намаганні па стварэнні структурнай падтрымкі ў рэлігійнай і культурнай сферы. Палітычная апора на сваяцкія адносінны з беларускімі княжацкімі родамі на чале з Друцкімі і Лукомскімі дапаўнялася выдачай пазык і ўтрыманнем на юргельдзе прадстаўнікоў Пацаў, Валовічаў, Тышкевічаў, Тызенгаўзаў, Зяновічаў і Хадкевічаў.

Ключавыя словы: Леў Сапега, ВКЛ, магнатэрыя, служылая шляхта, васальна-кліенцкія сеткі, сацыяльны капітал.

Уводзіны. Адною з самых удалых палітычных кар’ер ВКЛ эпохі Новага часу з’яўляецца кар’ера Льва Іванавіча Сапегі. Паходзячы з галіны Сапегаў, прадстаўнікі якой два пакаленні не траплялі на сенатарскія пасады, адвучыўшыся ў еўрапейскіх універсітэтах толькі два гады, але здолеўшы завалодаць і ўтрымацца ў фаворы пры двары і Стэфана Баторыя і Жыгімонта Вазы, ён напрыканцы жыцця стаў пярэднім сенатарам ВКЛ (адначасова і віленскім ваяводам і вялікім гетманам), а да таго, адным з найбольш уплывовых і заможных асоб усёй Рэчы Паспалітай. Узлёт падобнага кшталту ў перыяд Новага часу быў немагчымы без моцнага сацыяльнага запlechча.

Нягледзячы на ўсю важнасць вывучэння гісторыі сацыяльных структур, у прыватнасці кліенцкай сеткі феадальнага “дома” Л. Сапегі, навуковая гістарыяграфія тэмы вельмі нешматлікая. Польскі гісторык міжваеннага перыяду Стэфан Інглот у 1931 г. на падставе “Кнігі квітоў Л. Сапегі за 1588 – 1607 гг.” з львоўскага Асалінэўма апублікаваў выдатны артыкул пра эканамічную структуру “двара” пад патранатам Л. Сапегі з вылучэннем асноўных крыніц прыбытку магнацкай гаспадаркі [1]. Але ў гэтым артыкуле няма інфармацыі аб выдатках Л. Сапегі на свае атачэнне і хаўруснікаў. Ужо ў наш час польскія гісторыкі працягваюць разглядаць гісторыю ВКЛ на вельмі высокім узроўні. Аркадыюш Чволэк выдаў у 2012 г. зробленую паводле сучасных навуковых патрабаванняў палітычную біяграфію Льва Сапегі [2] і атрымаў на яе ў 2015 г. не менш грунтоўную рэцэнзію ад Анджэя Рахубы [3]. Гэта рэцэнзія мела востры тон, размова ў ёй вялася аб акцэнтах пры напісанні біяграфіі, аналізаваліся факты і падзеі, узгадваліся персоны, але ў яе змесце не было матэрыялаў аб складзе структуры на чале якой стаў Л. Сапега. Тлумачыцца гэта вастрывым тым, што яшчэ перад выхадам манаграфіі А. Чволэка Анджэй Рахуба абагуліў праблематыку ведаў аб палітычнай фракцыі Сапегаў у невялікім артыкуле [4]. Уршуля Аўгустыняк стварыла выдатнае апісанне структуры ваеннай кліентэлы біржанскіх Радзівілаў [5, 6]. Анджэй Закшэўскі аспрэчыў шэраг міфалагем адносна біяграфіі Л. Сапегі [7].

Айчынная прафесійная гістарыяграфія на сённяшні дзень абмяжоўваецца артыкулам Анастасіі Скеп’ян, які абапіраецца на працы папярэдніх гісторыкаў і той дакумент, які будзе разгледжаны ў дадзеным артыкуле. Аднак сетка слуг і залежных у яе тэксце абмяжоўваецца “афіцыялістамі”, пад якімі разумеюцца амаль выключна арандатары маёнткаў [8]. Рэшта прац, прысвечаных прадстаўленай праблематыцы, – гэта навукова-папулярныя біяграфіі [9, 10], ці зборнікі артыкулаў [11, 12]. У выніку, на сённяшні дзень няма навуковых прац, якія б паспрабавалі аб’яднаць эканамічныя, сямейныя, палітычныя, рэлігійныя і культурныя інстытуцыянальныя сувязі, што прывялі да станаўлення такога гістарычнага феномена як кар’ера Льва Сапегі. Бо нягледзячы на індывідуальныя таленты, у закрытай станавай сістэме, без шматфактарнага запlechча і падтрымкі такі моцны сацыяльны ўзлёт і замацаванне на вяршыні грамадства наўрад ці былі б магчымыя.

Марксісцкая метадалогія, якая тлумачыла палітычныя кар’еры пераважна эканамічнымі дэтэрмінантамі, яўна саступае ва ўсеабдымнасці поглядам сацыёлагаў якія, пачынаючы з П. Бурдз’е, лічаць сацыяльным капіталам усе варыянты сувязяў ў грамадстве, якія могуць быць рэсурсам для атрымання выгодаў. Вылучаюць чатыры віды грамадскага капітала: эканамічны, сацыяльны (сувязі, у т.л. палітычныя), культурны (веданне кодаў культуры) і сімвалічны (прэстыж, гонар). [13]. На сённяшні дзень, націск у вывучэнні сацыяльнага капіталу яшчэ больш пераносіцца на нематэрыяльныя каштоўнасці, далучаючы

ў яго склад нормы, сувязі і давер. Механізм сацыяльнага капіталу выглядае наступным чынам: донар (патрон) дае рэцыпіенту (кліенту) нейкі карысны рэсурс, той у адказ служыць. Чым больш кліентаў тым мацней патрон. У гістарычнай навуцы мы можам прасачыць зафіксаваныя дакументальна сувязі і нормы. Барочны стыль камунікацыі паміж роўнымі прадпісваў вельмі зварот праз “пан” і “службу” адно адному, таму характарыстыка культурнага капіталу будзе прадметам іншых даследаванняў. Задача ж дадзенай публікацыі на падмурку раней цалкам не аналізаванага дакумента [14] раскрыць структуру сацыяльнага капіталу пры двары Льва Сапегі ў першыя два дзесяцігоддзі яго кар’еры ў кіруючай эліце Рэчы Паспалітай.

Асноўная частка. У “Квітах” запісы пачынаюцца з 1591 г., на той момант, калі Л. Сапега ўжо 2 гады як быў вялікім канцлерам ВКЛ, трымаў Маркаўскае і Магілеўскае староствы, валодаў маёнткамі каля Талочына, Коханавы, Горак, Чарэі, Белай (Лепеля), Лемніцы, Маладзечна, Мядзеля, а таксама Мендзырэчча на Падляшшы. Пашыраючы прыватную ўласнасць, у 1598 г. вялікі канцлер ВКЛ набыў Ружану, Зэльву, Ласосна ў Слоніўскім павеце [8, с. 29]. Зямельныя набыткі дадалі эканамічнай моцы палітычнай прысутнасці ў павеце, існаваўшай з 1586 г. у выглядзе трымання Слоніўскага судовага староства. Больш таго, Слоніў, а пазней Ружана, сталі адной з рэзідэнцый яго сям’і.

Паводле “квітоў”, у склад структуры дома і двара Л. Сапегі ўваходзіла некалькі катэгорый залежных і працуючых на патрона высакародных кліентаў і “паспольства”. Першымі ў спісе ідуць 44 “служэбнікі” з расшыфроўкай “слугі”. Другая па чарзе група – юргельнікі (13 чалавек) і трэцяя – “ўраднікі” (15 асоб). У чацвёртую катэгорыю “каморнікі” можна аднесці 80 прозвішчаў, але насуперак меркаванню А. Скеп’яна [8, с. 37], да каморнікаў нельга адносіць выключна зборшчыкаў чыншаў па маёнтках, бо гэтым жа тэрмінам абазначаліся і мытныя чыноўнікі на каморах ВКЛ. Магчыма сці прызначаць мытных чыноўнікаў, здаваць пасады ў арэнду, былі важнай крыніцай прыбытку і ўлады, паколькі ў апошнія дзесяцігоддзі XVI ст. Л. Сапега становіцца арандатарам мытаў ВКЛ. Кантроль над персанальным складам мытных каморнікаў быў выдавочным, аб чым сведчыць пагроза ад полацкай і віцебскай шляхты выклікаць Л. Сапегу і К. Радзівіла пазвамі на суд у 1599 г. за злоўжыванні іх слуг на мытных [15, с. 224; 16].

Для гаспадарчага персаналу пры двары вялікага канцлера ўжываецца тэрмін “служкі” (каля 28 асоб). У складзе служак указаны кухмістр Ферэнц і памочнікі, доктар Корп, Бальцэр – цырульнік, Адам – капелан, арганіст, трубач і хор з распісаннем галасоў (тэнор, бас і г.д. – 10 чал.), спрачка, агароднік, цяляр, стольмах, каваль, паляўнічы і інш., але няма нікога, адказнага за карэты, коней і стайню, што выглядае дзіўна для двору пастаянна вандруючага прыдворнага. [14, арк. 93 – 82].

У якасці “ўраднікаў” у “квітах” пазначаны ў асноўным арандатары ўладанняў і трыманняў Л. Сапегі: Божэмінскі (Мацей) – “намеснік іканскай маётнасці” ў 1592 – 1600 гг. [1, с. 182, 170], субарандатар новападвышаных мыт ВКЛ [1, с. 203]; Пшэстаноўскі (Добрагост) – трымальнік староства Ясвонскага ў 1595 – 1600 гг. [1, с. 184], а пазней, загадчык Ковенскай мытні [1, с. 207]; Водэрацкі (Мікалай) – трымальнік Рэтаўскага маёнтка ў 1596 – 1600 гг. [1, с. 184]; Пашкоўскі (Ян) – “намеснік” Маркаўскага староства ў 1589 – 1594 гг. [1, с. 183]; Галенскі (Ян) – “намеснік” у Блудзенскім старостве [1, с. 185]; (? Іржы [8, с.34]) Блінкструп; Рубец (Шымон) – арандатар Лемніцы ў 1598 – 1602 гг. [1, с. 181], Талочына ў 1604 – 1606 гг. і “воласці Якаўлевіцкай і Басейскай за Дняпром лежачых” 1604 – 1607 гг. [1, с. 182]; Літэцкі (Ежы) – трымальнік мястэчка Суша з усімі прыбыткамі і азёрамі і млыном ў 1594 – 1597 гг. [1, с. 182]; Печынскі (Войцэх?) – трымальнік “Ясенага і Странёцага з усімі баярамі і паданымі” [1, с. 180]; Грахоўскі (Ян) – трымальнік маёнтка Медзырэча і 2 фальваркаў: Воршэ і Бярозы [1, с.180]; Енджэйскі – верагодна, Іван Енджэўскі (Андрыеўскі) – уніяцкі біскуп Хелмскі і Бэлзскі ў 1604 – 1619 г.; а таксама бліжэй не знаныя Косаўскі, Валенты, Залескі (Корсак?). Такім чынам, большасць з ураднікаў вядомыя нам з працы С. Инглота, але не ўсе пералічаныя былі намеснікамі ці арандатарамі.

Трыманне зямельнага надзела было далёка не адзіным спосабам арганізацыі сацыяльных структур ВКЛ у эпоху Новага часу. У рэчаіснасці, не прывязаная да васальнага надзелу шляхта сама выбірала з кім і на якіх умовах заключаць пагадненні, да якога магнацкага дому “прыстаць” і калі ад яго “адстаць”. Сетка такіх шматоб’ектных міжродавых адносін і стварала структуру шляхецкага стану. Традыцыйнае грамадства – карпаратыўнае па сваёй сутнасці. Статус у межах карпарацыі (страты) вызначае наяўнасць пэўнага віду сацыяльнага капіталу. Асобна вылучаная ў “квітах” катэгорыя “ўраднікаў” – субарандатараў маёнткаў была нешматлікай. Для двара Л. Сапегі асноўным эканамічным спосабам утрымання слуг была выдача ім грошай і тканіны. Сацыяльны і палітычны капітал складалі асабістыя і сямейныя сувязі ў цэнтрах прыняцця рашэнняў, выкарыстанне службовага статусу і магчымаць размяркоўваць пасты ў цікавых для кліентаў структурах.

Акрамя адміністрацыйных і эканамічных чыннікаў, звычайных пры матэрыялістычных трактоўках, паводле сучасных сацыялагічных, не менш важным дзеля трываласці пазіцый роду ва ўсіх сістэмах грамадства з’яўляецца культура – прызнанне грамадствам сацыяльнага статусу і законнасці набытага багацця. Ацэнка маральнасці – суаднясенне дзеянняў з пэўнай шкалай каштоўнасцей. У сучасным грамадстве ролю стваральнікаў і кантралёраў маральных арыенціраў выконваюць дзеячы культуры, а для традыцыйных грамадстваў – прадстаўнікі рэлігійных інстытутаў.

Прэстыж у тагачасным грамадстве забяспечвалі не толькі даўнасць і пазіцыя роду. Высокім статусам уласна бацька Л. Сапегі, Іван Іванавіч, пахваліцца не мог. У адрозненне ад прадстаўнікоў кодэньскай лініі Сапегаў, якія былі ваяводамі, той даслужыўся толькі да драгічынскага старасты і аршанскага падстарасты. Але маці Л. Сапегі была апошняй прадстаўніцай роду Канопляў, аднаго з адгалінаванняў дому князеў Друцкіх, якія паходзілі з колішняй полацкай княскай дынастыі. Пра вагу лакальнай ідэнтычнасці ў бацькоўскай сям’і вельмі яскрава сведчыць тое, што родныя браты вялікага канцлера абралі для сваіх кар’ер Аршанскі павет, а ў “квітах” залежны ад Л. Сапегі прадстаўнікі высакароднага стану ўзгадваюцца паводле двух тытулаў – “князі” і “паны”. Статус “князь” (“dux, ці “герцаг”) па азначэнні вышэй за “пана” – выслужаную шляхту. Большасць з князеў-кліентаў маюць дачыненне да дому Друцкіх. Сваяцкія сувязі забяспечылі Л. Сапегу інфармацыйнай і структурнай падтрымкай у Падняпроўі і Падзвінні. Сувязі княскіх дамоў усходняй Беларусі дапамаглі яму стаць асноўным спецыялістам па маскоўскіх пытаннях пры двары і быць мастом паміж “русся” ВКЛ і віленскай палітычнай элітай. Л. Сапега, у сваю чаргу, забяспечваў ім прызначэнні на пасады [17], удзел у інспектаванні і інцыяванні новых, выгодных зборшчыкам, падаткаў на мясцовую інфраструктуру (паўграшовага збора з купецкага каня і ваза на рамонта дарог паміж Полацкам, Оршай, Барысавам, Магілёвам і Мсціславам) [18], імкнуўся да трывалага міру з Масквой – найбольшай пагрозай для дабрабыту ўсходніх земляў ВКЛ.

Усяго ў “квітах” значыцца 5 князеў, (або 8, калі лічыць двойчы ўзгаданых без імя Саколенскага і Масальскага рознымі людзьмі). Верыфікаванымі дакладна можна лічыць “слугу” Януша (Бабіча) Саколенскага, і “каморніка Крыштапа Масальскага. Удакладненню падлягаюць не названыя па імю князі-“слугі” Горскі і Лукомскі, а таксама “каморнікі” Жыжэмскі (або Геранім, падкаморы мазырскі, або Петр ці Яраш – старасты рэчыцкія ў 1599 г. і 1609 г. [19, с. 201], [20, с. 89]), Саколенскі і Масальскі. Князі Жыжэмскія, Масальскія і Лукомскія не ўваходзілі ў дом Друцкіх, аднак былі шматкроць параднымі з ім. Князі, часцей за ўсё, не былі яго “павіннымі” слугамі, а іменаваліся “прыяцелямі”, калі ад іх было нешта трэба, або маглі мець нейкія пазыкі ці паслугі ад патрона.

Князі Лукомскія хутчэй за ўсё ў кліенцкай сетцы Л. Сапегі былі прадстаўленя кімсьці з шчыдуцкай лініі роду. Так, Раман Бальтазаравіч – уласнік Лужкоў, Рудні і інш. быў жанаты з Аленай Яраслаўнай Жыжэмскай. Але хутчэй за ўсё ў квітах значыўся ўжо ўзгаданы Фрыдэрык – Фёдар Багданавіч, які да 1592 г. быў студэнтам ў Падуі, потым каралеўскім сакратаром, з 1600 г. падкаморым аршанскім, з 1602 г. старостам крычаўскім, кашталянам мсціслаўскім (1610 – 1611 гг.). Яго сыны прадалі маёнткі Сапегам і перасталі ўжываць княжацкі тытул [20].

Квіты фіксуюць адносіны ўзаемазалежнасці ў межах кліенцкай сеткі наступным чынам: спачатку на дзень святога Яна 1591 г. скарб Л. Сапегі быў вінен не названаму па імю князю Лукомскаму 80 (коп)¹. Суму пакрылі выдання неназванаму князю Лукомскаму 28 верасня 1591 г. – 180 коп, потым ў 1592 г. ён жа атрымаў – 60 і 40, а потым 1593 – 1594 гг. – яшчэ 4 траншы па 40 коп адзін з якіх тканінай – фалькендышам. Відаць, быць пры двары было яго абавязкам, бо 1 жніўня 1593 г. зазначана, што “з рахунку для частай абсэцыі (адсутнасці) ніц яму ня вінна” [14, арк. 37аб.].

Таксама без значных цяжкасцей працякала супрацоўніцтва ў не названага па імю князя Горскага, які “прыстаў” да дома Л. Сапегі ў Варшаве 17.07.1592 г. За наступныя 3 гады князь набраў да 220 коп пазыкі, якія 12.12.1594 г. перад выездам з Варшавы “яго міласць (Л. Сапега) яму дараваць зрабіў ласку” [14, арк.40]. Вярагодней усяго, ім быў Юры Абрамавіч Горскі, які купіў у Л. Сапегі за 4000 злотых маёнтка Горы ў Аршанскім павеце і падпісаў адмову ад прытэнзій да папярэдняга яго ўладальніка, Андрэя Цеханавецкага, у 1598 г. [21, с. 148]. Цеханавецкія, па жаночай лініі, былі спадчыннікамі мсціслаўскіх князеў.

Сенатарскія пасады мсціслаўскага ваяводы і кашталяна часта былі трамплінам для далейшага кар’ернага росту магнатаў. Але самі яны рэдка жылі на гэтым далёкім памежжы. У канцы XVI ст. ваяводамі мсціслаўскімі былі Павал Пац (1578 – 1593) і Геранім Хадкевіч (1593 – 1595), Станіслаў Нарбут (1595 – 1596), Ян Кезгайла Завіша (1596 – 1596), Пётр Дарагастайскі (1600 – 1605), Андрэй Сапега (1605 – 1611).

З гэтага пераліку толькі Я. Завіша быў адносна незалежнай фігурай. Але калі ён пайшоў на пасаду ваяводы Віцебскага (1600 – 1626), дзе змяніў Мікалая Сапегу, пры ім кашталянам Віцебскім (1594 – 1600) быў Ян Янавіч Зяновіч (каля 1550 – 1614), які яшчэ ў бытнасць падстоліем ВКЛ у 1593 г., атрымаў ад Л. Сапегі 1000 і 1875 коп [14, арк. 33], а пазней, стаў смаленскім кашталянам (1600 – 1614). Больш таго, на пасадзе вайта Віцебскага з 1598 па 1603 г. знаходзіўся на той момант слуга і юргельднік Л. Сапегі – Аляксандр Гасеўскі. Дарагастайскія на той момант атрымлівалі падтрымку Крыштофа Радзівіла Пяруна. Нейкі Нарбут быў выкрэслены са спісу ў квітах, як былы каморнік [14, арк. 460].

Леў Сапега меў фінансавыя справы не толькі з мужчынамі. Так, у 1598 г. яму прышлося выдаць 11 250 коп “пані Валовічавай” [14, арк. 34] за вялізарны доўг Яна (Пятра?) Сапегі ў 20 500 коп. Вярагодней усяго, ёй была Сафія з Валовічаў, жонка вялікага падскарбія ВКЛ Андрэя Завішы [22].

¹ Дакумент пачынаецца з пералічэння сум у літоўскіх копах, потым пры персанальным пераліку выплат указваюцца лічбы, але замест валюты ідзе скарачэнне – ff. Дапускаем, што ўвесь падлік – у літоўскіх копах.

Жонка іншага магната – канюшага ВКЛ (Гераніма Юр’евіча) Хадкевіча – у сакавіку 1593 г. у Вільні была павінна скарбу Л. Сапегі 5000 коп [14, арк. 33]. Ці то са з’яўленнем грошай, ці то з іншай нагоды, але ў 1593 г. кар’ера яе мужа пайшла ўгару. Геранім Юр’евіч Хадкевіч стаў ваяводам Мсціслаўскім (1593 – 1595), а потым кашталіям віленскім і старостам Берасцейскім (1595 – 1617). Геранім Хадкевіч з 1595 г. пераняў апекунства над спадчыніцай Слуцкіх князёў – Сафіяй Алелькавіч, – спроба адмовіцца ад выдання якой замуж за Януша Радзівіла ледзьве не стала прычынай вайны паміж Радзівіламі і Хадкевічамі ў 1600 г. Паколькі паводле ўласных лістоў сам Леў Сапега адносна К. Радзівіла Пяруна называў сябе “слугой”, Г. Хадкевіч наўрад ці імкнуўся быць асабіста вінным яму і перадаручыў пазыку жонцы.

На пасадзе кашталіяна віленскага, як і мсціслаўскага ваяводы, Геранім Хадкевіч замяніў Паўла Паца, які памер у 1595 г. Абодва магнаты былі даўжнікамі вялікага канцлера. На 5.01.1590 г. віленскі кашталіян (Павел Пац) быў вінен скарбу Л. Сапегі 6000 + 750 коп [14, арк. 25] і, відаць, нехта з яго сыноў значыцца як “ваяводзіч Пац” у спісе юргельднікаў Л. Сапегі [14, арк. 35].

Сведчаннем узаемнай выгоды і сувязі была выплата судзі земскаму ваўкавыскаму, войскаму гарадзенскаму, Рыгору Войне, ў 1593 г. 500 коп [14, арк. 33]. Рыгор у тым жа годзе стаў сенатарам – кашталіям Берасцейскім (1593 – 1603), а потым на той жа пасадзе яго замяніў родны брат, Сокал Война, (да гэтага ў 1599 – 1603 гг. быў таксама сенатарам – кашталіям Мсціслаўскім). У Войны Мацьвеевіча Грычыны было 5 сыноў. Роднымі братамі акрамя Рыгора і Сокала быў маршалак гаспадарскі Сямён (памёр у 1599 г. і ад яго мсціслаўскае кашталіянства перадалі з-за “паважанасці роду” яго брату Сокалу [23], але большыя кар’еры зрабілі – вялікі пісар ВКЛ і падканцлер ВКЛ Габрыэль Война (1589 – 1615) і Бенэдыкт Война – з 1594 г. адміністратар віленскай дзяццэзі і біскуп Віленскі (1600 – 1615). Адзначым, Бенэдыкт атрымаў пасаду пасля працяглага супраціўлення шляхты ВКЛ на чале з тымі ж біржанскімі Радзівіламі і Сапегамі жаданню Жыгімонта Вазы прызначыць паляка на пасаду віленскага біскупа. Стаўшы першым царкоўным сенатарам ВКЛ, Бенэдыкт Война правёў паўторную кананізацыю Св. Казіміра, як патрона Літвы, чым сімвалічна замацаваў аўтаномію ВКЛ ад Польшчы. Сума, выдаткаваная Л. Сапегай Віленскай капітуле ў 1593 г. – 750 і 1594 г. – 6000 + 750 коп з непазначанымі мэтамі [14, арк.33-33 аб.]. Сума была большая за ахвяраванні Жыгімонта Вазы ў 4000 зл., на якія быў рэканструаваны будынак Віленскага кафедральнага сабора.

Ня толькі Габрыэль Война, імя якога, дарэчы, няма ў “квітах”, быў супрацоўнікам Л. Сапегі ў канцэлярыі ВКЛ. Сямён Цярлецкі (Тарлецкі) з Пачапава на Піншчыне, разам з сынам Ярашам (Рыгорам, Георгіем) былі пісарамі ў канцэлярыі ВКЛ, аб чым маюцца сведчанні ў некалькіх кнігах метрыкі ВКЛ (кнігі з 1585 па 1614 г.). Яраш Цярлецкі па хатагайніцтве Л. Сапегі ў 1590 г. стаў не толькі падстоіем Пінскім, але і судовым войтам Менскім [24, с. 71], і трымальнікам Габровіцкай і Паццокоўскай воласці свайго патрона ў 1603 – 1604 гг. [1, с. 184].

Яраш (Грыгоры) Цярлецкі ў “квітках” класіфікаваны як “слуга” [14, арк. 1, 35, 36]. У 1592 г. з 400 коп маскоўскага мыта на юргельды пайшло 220 коп – “пану Волку на адправу да Масквы 60 коп., на страваванне паслоў маскоўскіх а слуг маіх Галубіцкага (Яна Рыгоравіча Корсака) і (Яраша) Цярлецкага – 100” [14, арк.1]. Акрамя таго, на выплату 100 коп у 1591 г. новаму маскоўскаму паслу і менскаму войту ў Наваградку прыцягваўся нейкі не названы па прозвішчы Лукаш (Мамоніч?), а 1.08.1592 г. 200 коп яму выдалі полацкія мяшчане [14, арк. 36]. Адзначым, віленец Лукаш Мамоніч, скарбны ВКЛ, брат віленскага бурмістра, 24.05.1592 г. пазычыў Л. Сапеге першую частку сродкаў – 6000 коп, на арэнду мытаў ВКЛ [14, арк.1]. Ён жа быў партнёрам па выдавецтве трэцяга Статута ВКЛ і карыстаўся сапежынскім гербам “Ліс”. Выдача сродкаў і карыстанне гербам сведчыць аб надзейнасці сувязяў Л. Сапегі з мяшчанскімі коламі ВКЛ.

З пункту гледжання логікі выбудовы кліенцкай сеткі важна, што Яраш Цярлецкі быў родным братам Кірылы Цярлецкага – епіскапа Луцкага (1585 – 1607), аднаго з найбольш актыўных стваральнікаў Берасцейскай царкоўнай уніі. Пра тое, што браты падтрымлівалі сувязь усё жыццё, сведчыць той факт, што менавіта менскі войт Яраш вывез цэла памерлага ў 1607 г. епіскапа Кірылы і частку яго маёмасці з Луцка ў Перкавічы. Такім чынам, бацька і родны брат Кірылы Цярлецкага былі падначаленым і слугой у складзе двара Л. Сапегі.

Князь Жыжэмскі разам са стольнікам Мазырскім Стэфанам Лавейкам (род Лавейкаў меў полацкае паходжанне), вяргодна, забяспечвалі ўплывы канцлера на ўсходнім Палессі. Да гэтай групы адносіцца і пан (?) Судоскі [1, с. 170] які трымаў у арэндзе ад Льва Сапегі Чарнобыльскае староства. Староства гэтае, як і Аршанскае – Сапегі перанялі ў Філона Кміты. Стрыечны брат Л. Сапегі, Лукаш Міхайлавіч Сапега, ажаніўся з Сафіяй Кмітай, якая ў пасазе ў 1597 г. прынесла Чарнобыльскую воласць. Другая дачка Ф. Кміты таксама пайшла замуж за прадстаўніка дома Сапегаў – Юрыя Друцкага Горскага. Дом Сапегаў замацаваўся на поўднёвым усходзе ВКЛ палітычна, а на поўначы Кіеўскага ваяводства – сацыяльна-эканамічна.

Актыўны ўдзел у рэлігійным жыцці павінен быў рэабілітаваць і павысіць сацыяльны прэстыж хутка ўзрастаючаму эканамічнаму і палітычнаму капіталу канцлера ВКЛ. На грошы Л. Сапегі былі пабудаваныя і ўтрымлівалася шмат цэркваў, касцёлаў і кляштароў. На той момант Л. Сапега – каталік, які падтрымліваў не

толькі сваю канфесію ў асобе братаў Войнаў, але меў непасрэдны ўплыў на вярхушку грэка-каталіцкага кліра ў асобе родных К. Цярлецкага. Найбольш значнай фундацыяй была пабудова ў 1593 – 1625 г. кляштара Бернардзінак і касцёла Святога Міхала ў Вільні – задуманага і рэалізаванага як радавая ўсыпальніца для Л. Сапегі і яго нашчадкаў. Але адносіны з клірам мелі двухбаковы характар.

Прадстаўнік касцела, ксёндз Адам, фактычна быў фінансавым агентам Л. Сапегі ў Кракаве. У 1594 г. ён двойчы выдаў князю Горскаму грошы – 20 і 220 коп, пану Стравінскаму, які “прыстаў да дому” Л. Сапегі ў Менску, у тым жа годзе і там жа – 40 і 50 коп [14, арк. 43аб.], а пану Карачуну ў 1594 г. – 40 коп. Трымальнікам Вострынскага староства ад Л. Сапегі ў 1589 – 1602 гг. быў ксёндз Андрэй Віленскі [1, с. 185]. Цікавымі, з пункту касцельных норм, запісамі з’яўляецца выплата ў 1593 г. “патомкам ксяндза Немчыновіча” – 500 коп [14, арк.33], фіксацыя касцельных рэчаў у тым ліку іказаньскіх [14, арк. 81–84] і заключэнне ўмовы з іказаньскім ксяндзом Станіславам [14, арк. 100–101].

Абавязаны пачаткам кар’еры Крыштофу Радзівілу Пяруну, кальвіністу па веравызнанні, Л. Сапега не адмаўляўся і ад падтрымкі рэфарматаў: імі былі ўзгаданы вышэй Ян Янавіч Зяновіч і (Саламон?) Рысінскі. Апошні знаходзіўся ў складзе “слуг” з 1591 па 1595 г., атрымліваў значныя сумы грошаў. Так, у 1592 г. – 50 і 60 коп [14, арк. 40], у 1593 г. – выдання і спісанья 150 [14, арк. 28 аб.] у 1594 – 235 коп [14, арк. 40], у 1595 – 180, а “на адстанню” 25 ліпеня 1595 г. – 140 [14, арк. 40]. Акрамя таго, у складзе двара былі немцы-факторы Мельхер-немец [14, арк. 51], Уладзімір Ургеймер Мемер, Фаўстын Кляйн [14, арк. 53аб.]. Іх задача была забяспечваць інтарэсы патрона ў Рызе, Мемелі і Данцыгу – ўжо пратэстанцкіх гарадах.

Важным элементом узнання прэстыжу і замацавання будучых кліентаў з’яўлялася гуманітарная дзейнасць. “Рыцарскія цноты” ўключалі ў сябе падтрымку ўдоў і моладзі “шляхетных брацці”. Пазней удзячныя або станавіліся на службу, або захоўвалі прызнанне да дому дабрадзея. Гуманітарная дзейнасць уключала ў сябе непасрэдныя выплаты, утрыманне або адмову ад спагнання запазычаннасцей. У 1593 г. былі спісанья (зафіксаванья) даўгі на маёнтках пані Мілашэўскай – 400 коп, пані Сіромскай – 300, пані Мач(с?)альскай – 1000, Юрку Халінскай – 500, вайтовічу Іказненскаму – 500, Рысінічу – 150, пані Любавецкай – 300 [14, арк. 28аб.], пані Прыбароўскай на 2000, Валчку на старстве Кар’якоўскім – 2500 коп [14, арк. 34]. Даўгі на маёнтках (іменях) Стараселля Віцебскага павету ў 12 500 коп пайшлі на вяртанне пазыкі Яна Сапегі Валовічаўне [14, арк. 34] і на падтрымку сястры Л. Сапегі, Тэадоры, якая была замужам за Мацеям Ленэкам, на той момант, старастам Наваградска – інфлянцкім і кірхгольмскім, з 1598 г. – кашталянам дэрпцкім. Другая родная сястра канцлера – Марыяна\Сафія – была ў шлюбе з Марцінам Курчом старастам фелінскім, з 1598 г. – ваяводам дэрпцкім, а трэцяя – Ганна – за Міхалам Франкевічам Радзівіньскім, полацкім падкамор’ям, дзяржаўцам дрыскім [25, с. 164; 26, с. 257]. Як толькі ў 1598 г. ваявода і кашталян ад Дэрпта сталі сенатарскімі крэсламі – абодва атрымалі швагры Л. Сапегі.

Дапамога шваграм была не толькі палітычнай. Так, М. Ленэку і яго жонцы было перададзена спачатку 1500, а потым яшчэ 1000 коп [14, арк. 25 і 34], М. Курчу ў 1591 – 1594 гг. выдавалі тканіну (чырвоны і брунатны адамашак, сукно фалькендыш) коштам па 15 – 40 коп, футра і грошы ад 5 да 40 коп. [14, арк. 47 аб.], а М. Франкевіч у “квітах”, верагодна, пазначаны ў якасці юргельдніка [14, арк. 35].

Жонкі Сапежанкі жылі са сваімі мужамі ў Інфлянтах і Полацку, прадстаўляючы інтарэсы сям’і на мясцовасці, а іх маёмасцю і ўтрыманнем кіравалі слугі брата-патрона. Напрыклад П. Галінскі атрымаў “на частцы старасцінай Наваградскай – 2000, яму ж на старстве аршанскім далі 2500” [14, арк. 34]. Заўважым, што М. Ленэк быў палякам і палітычную кар’еру рабіў як прадстаўнік Кароны ў Інфлянтах. Але не толькі ён трапляе ў залежнасць. З разлікам выйсці на род Казаноўскіх, уплывовы ў інфлянцкай каланіяльнай адміністрацыі і сядо кароннай шляхты, Л. Сапега выдаў у 1591 г. 3000 коп [14, арк. 25] і 3000 ў 1593 г. [14, арк. 33] Анджэю Казаноўскаму. Але аб кар’еры А. Казаноўскага на сёння нічога не вядома.

Як вядома, сам Л. Сапега пачынаў кар’еру ў складзе аршака-суправаджэння маладых Радзівілаў [27]. Таму ў складзе яго двара, таксама была высакародная і перспектыўная моладзь. Выплочваць сталае ўтрыманне – юргельд – было не толькі прэстыжна, але і абяцала прыхільнікаў для дому ў будучым. Усяго ў квітах налічвалася 13 юргельднікаў: Паліт(к?)анскі, Фрыдрыхавіч, Павал Сколэк(?), Бруховіч (?), Ваяводзіч Пац, Ваяводзіч Цішкевіч (Тышкевіч), Валовіч Самуэль, Ферэнс, Храдановіч(?), Франкевіч (Міхал), Кендзі(?)шэўскі(?), Готард (Тызенгаўз?) ці (Лукаш) Готард, Гасеўскі (Аляксандр) [14, арк. 35].

Адзіным цалкам напісаным імем у спісе быў Самуэль Валовіч. Ён далучыўся да дома Сапегаў у Варшаве 8.05.1596 г. [14, арк. 41аб.]. Верагодна, утрыманне гэтага ўжо сталага мужчыны, было ўдзячнасцю Валовічам за падтрымку і пераняццё вялікай канцаларыі ВКЛ і Слонімскага староства. Далей у спісе юргельднікаў ідуць два невядомых па імёна “ваяводзічы”: Пац і Тышкевіч. Найверагодней, малады Пац – нехта з сыноў ваяводы Мсціслаўскага і кашталяна Віленскага Паўла Паца – Пётр ці Мікалай. Што датычыцца ваяводзіча Тышкевіча (Цішкевіча), хутчэй за ўсё, ім быў Януш Фёдаравіч – сын ваяводы Наваградскага і старасты Браслаўскага (1588 – 1610) Тэадора Скумін Тышкевіча [28, с. 682]. Супрацоўніцтва з імі зафіксавана ў 1591 г., калі нейкаму Ц(Т)ішкевічу скарб ВКЛ выдаў 200 коп на рэвельскай сустрэчы каралёў Вазаў, разам з кухмістрам ВКЛ Мікалаем Сапегам 26 коп 56 гр, і (Янам) Чыжом 240 коп [14, арк. 1].

Ферэнс – хутчэй за ўсе нашчадак Ферэнса-венгра – піўнічага ВКЛ пры Стэфане Баторыі. Нейкі “Ферэнс-кухмістр прыстаў да двара” ў 1597 г. [14, с. 40], а яго сын “кухмістравіч” паводле “квітоў” таксама быў на ўтрыманні скарбу Л. Сапегі [14, арк. 96]. Фрыдрыхавічам мог быць Даніель Шчыт-Забельскі, ці нехта з сыноў Ветрынскіх Эпімахаў, або князя Ф. Лукомскага. Хутчэй за ўсё Готард – гэта Готард Ян Тызенгаўз – пазней ротмістр у Інфлянтах, жанаты на Сусане, дачцы ўсвяцкага старасты Яна Пятра Сапегі [29, с. 186]. З меншай верагоднасцю, юргельнікам мог быць Лукаш Готард, ўзгаданы ў 1601 г., як слуга слонімскага падляснічага Станіслава Рэмбеўскага [8, с.46]. Францкевічам хутчэй за ўсе быў Міхал Францкевіч Радзімінскі – швагра Л. Сапегі, а панам Гасеўскім – Аляксандр Гасеўскі, будучы войт Віцебскі, пазней ваявода Смаленскі [30].

Заклучэнне. Такім чынам, Л. Сапега валодаў досыць разгалінаванай сістэмай сацыяльных сувязяў, якія меліся ў сферы эканомікі, палітыцы і рэлігіі. Трывалыя эканамічныя пазіцыі былі замацаваныя ў трыманні і ўласнасці ў Віцебскім, Полацкім, Віленскім, Троцкім, Наваградскім, Менскім, Інфлянцкім ваяводствах і Жамойці. Аднак, непасрэдных эканамічных інтарэсаў не было толькі ў Берасцейскім і Мсціслаўскім ваяводствах ВКЛ, але там мелі моцныя пазіцыі слугі і палітычныя саюзнікі – “прыяцелі” дома Сапегаў. Квіты фіксуюць выплату і выдачу тавараў як асноўную форму падтрымання сувязі.

Грашовыя магчымасці Л. Сапегі абапіраліся не толькі на маёмасць, але і на саюз з Мамонічамі і мяшчанскімі фінансамі Вільні, Полацка, Рыгі і інш. Наяўнасць у складзе двара служак, адказных за кухню, музыку, медыцыну, а таксама капелана, сведчаць не толькі аб камфортнасці побыту, але і аб шырыні густаў і магчымасцях прэзентацыі высокай культуры пры двары Л. Сапегі.

У дадатак да эканамічнай магутнасці выкарыстанне палітычных статусаў: канцлера, арандатара мытаў, “куратора маскоўскіх спраў” стварылі Л. Сапегу вялікую сетку кліентаў (больш 150 асоб). Яе ўдзельнікі паходзілі з розных рэгіёнаў ВКЛ, больш таго, у яе складзе былі прадстаўнікі розных земляў і народаў Польскай Кароны і немцаў, што зрабіла яго цікавым і моцным партнёрам дзеля выгодных палітычных кантрактаў. У арыстакратычных колах сімвалічны палітычны капітал базаваўся на альянсе з “даўнімі” беларускімі княскімі родамі Друцкіх і Лукомскіх. Пашыраючыся на захад і ў сталіцу ВКЛ, кліенцкая сетка Л. Сапегі завязвала пачаткова няроўныя партнёрскія сувязі з біржанскімі Радзівіламі і кодзеньскімі Сапегамі, Валовічамі, Войнамі і Пацамі. Росту сацыяльнага капіталу спрыяла выдача пазыкаў у грашовай і натуральнай форме, дапамога сіротам і жанчынам і ўтрыманне на юргельдах прадстаўнікоў моладзі Валовічаў, Пацаў, Тышкевічаў і Зяновічаў. Фундацыя цэркваў, падтрымка святароў і іх сем’яў (Войнаў, Цярлецкіх, Рысінскіх) усіх хрысціянскіх вераспаўяданняў забяспечвала палітычны ўплыў і падмацоўвала сацыяльны прэстыж у шматканфесійным грамадстве ВКЛ. Структура кліенцкай сеткі, якая ўключала прадстаўнікоў арыстакратычных родаў, ураднікаў маёнткаў, служблыю шляхту, святароў і дзеячоў культуры сведчыць аб высокай ступені ў яе складзе сацыяльнага, эканамічнага, культурнага і сімвалічнага капіталу.

ЛІТАРАТУРА

1. Inglot, S. Sprawy gospodarcze Lwa Sapiehy 1588–1607 / S. Inglot // Studia z historii społecznej i gospodarczej poświęconej prof. dr. Fr. Bujakowi. – Lwów, 1931. – S. 165–225.
2. Czwołek, A. Piórem i buławą / A. Czwołek. – Toruń : Wyd-wo Nauk. Un-tu M. Kopernika, 2012. – 734 s.
3. Rachuba, A. Obraz działalności publicznej niełubianego bohatera. Uwagi w związku z pracą Arkadiusza Czwołka o Lwie Sapieżu / A. Rachuba // Kwartalnik Historyczny. – 2015. – № 2 – S. 323–346.
4. Rachuba, A. Frakcja Lwa Sapiehy – zarys problematyki / A. Rachuba // Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa profesora Krystyna Matwijowskiego / pod red. B. Roka i J. Maronia. – Toruń, 2006. – S. 503–511.
5. Augustyniak, U. „Stary sługa” jako przedmiot badań nad klientelizmem magnackim na Litwie w XVII wieku / U. Augustyniak // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. – 2010. – № 1 – S. 71–85.
6. Augustyniak, U. Specyfika patronatu magnackiego w Wielkim księstwie Litewskim w XVII wieku. Problemy badawcze / U. Augustyniak // Kwartalnik Historyczny. – 2002 – № 1. – S. 97–110.
7. Zakrzewski, A. III Statut Litewski a Lew Sapieha / A. Zakrzewski // Studia z dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego (XVI-XVIII wieku). – Warszawa : Dig – 2014, – S. 457–464.
8. Скеп’ян, А. Ураднікі і дваране Льва Сапегі ў 80-я XVI – пачатку XVII ст. / А. Скеп’ян // Сапегі: асобы, кар’еры, маёнткі : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – С. 25–49.
9. Саверчанка, І. В. Канцлер Вялікага княства. Леў Сапега / І. В. Саверчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 63 с.
10. Чаропка, В. Леў Сапега: Бацька айчыны / В. Чаропка // Уладары Вялікага Княства. – Мінск : Беларусь, 2002. – С. 327–408.
11. Леў Сапега (1557—1633 гг.) і яго час : зб. навук. арт. / Рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – 422 с.
12. Род Сапегаў // Arche – 2016 – № 3. – 481 с.
13. Bagnasco, A. Trust and Social Capital / A. Bagnasco // The Blackwell Companion to Political Sociology / K. Nash, A. Scott (eds.) – Oxford : Blackwell Publishing, 2004. – P. 230–239.
14. Бібліятэка ўрублеўскага Літоўскай Акадэміі навук (LMAVB). – Адз. Ркпс. F.17 – 106. Квіты Льва Сапегі.
15. Scriptores Rerum Polonicarum / wyd. ks. A. Sokolowski. – Kraków : Nakładem ks. A. Radziwiłła drukarnia W. Anczyca i Spółki, 1885. – T. VIII : Archiwum domu Radziwiłłów. Listy ks. M.K. Radziwiłła, Jana Zamojskiego, Lwa Sapiehy. – 295 s.

16. Якубаў, В. У. Удзел полацкай шляхты і мяшчанства ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст. / В. У. Якубаў // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; Полац. дзярж. ун-т ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – С. 166–175.
17. Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі (НГАБ). – Ф 18. Спр. 85. Арк. 206. Наданне сакаратару каралеўскаму Фрыдрыху Лукомскаму за службу і пасольствы розных Крычаўскага староства. Кракаў. 1602.
18. LMAVB. – F.139 – 2584. Фрыдрых Лукомскі да Жыгімонта Вазы з Чарэі. 19.11.1608.
19. Niesiecki, K. Herbarz polski: w X t. / K. Niesiecki. – wydany przez J. Nep. Bobrowicza. – Lipsk : Nakladem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1845. – T. X. – 202 s.
20. Boniecki, A. Herbarz polski. Część I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich / A. Boniecki. – Warszawa : skład główny księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1913. – T. XVI, 108. – 116 c.
21. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1895. – 698 s.
22. НГАБ – Ф. 18. Спр. 86. Арк. 628. Квіт пані падскарбіёвай Сафіі Валовічаўне былой Андрэавай Завішавай на 1601000 – 42 злотыя і ўзгадненне лічбы падскарбства пасля смерці яе мужа, у 1605 г. прасіла палічыць і перадаць да скарбу... дэпутатам Т. Сумін Тышкевічу, Сокала Войну, Ярашу Валовічу да Вільні з'ехаўшыхся 17.01.1606. Зацверджана ў Вільні 1.05.1606.
23. НГАБ. – Ф 18. Спр. 86. Арк. 68 Прывілей на кашталянію мсіслаўскую ад 17.07.1598.
24. Беларускі архіў. – Менск : Выд. Белар. акад. навук, 1931. – Т. 3. Менскія акты – 413 с.
25. Urzędniczy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy: t. V: Ziemia połocka i województwo połockie XIV–XVIII wiek / red. H. Lulewicz, , oprac. H. Lulewicz [i in.]. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2018. – 306 s.
26. Niesiecki, K. Herbarz polski : w IX t. / K. Niesiecki. – wydany przez J. Nep. Bobrowicza. – Lipsk : nakladem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1841. – T. VIII: R–S. – 652 s.
27. LMAVB. – F.139 – 3701. Ліст К. Радзівіла да Л. Сапегі 15.08.1625.
28. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя : у 3 т. – Т. 2: К — Я / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – 792 с.
29. Niesiecki, K. Herbarz polski: w X t. / K. Niesiecki. – wydany przez J. Nep. Bobrowicza. – Lipsk : nakladem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1842. – T. IX. – 468 s.
30. Якубаў, В. У. Кліентэла Льва Сапегі у Полацкім і Віцебскім ваяводствах ў канцы XVI – пачатку XVII ст. [Электронны рэсурс] / В. У. Якубаў // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : электрон. зб. навук. арт. IV Міжнар. навук. канф. да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, Полацк, 19–20 крас. 2018 г. ; Полац. дзярж. ун-т ; Пад агул. рэд. А. І. Корсак. – Наваполацк, 2018.. – С. 434–444. – Рэжым доступу: <http://elib.psu.by/handle/123456789/23078>. – Дата доступу: 10.12.2019.

Паступіў 13.12.2019

SOCIAL CAPITAL IN THE CUSTOMER'S NETWORK LEW SAPIEHA IN THE END OF XVI – THE BEGINNING XVII

V. YAKUBOV

The article is devoted to the structure of social capital in the customer's network of Lew Sapieha. In result of analyzing receipt of the magnates court book draws conclusions about versatility of social ties within the social structure. Despite the presence and growth of landed property the basic form of the creation of relations between patron and clients are already cash payments and tissue delivery. In addition, thanks to donations and financial and political support of church dignitaries relatives in the framework of a client network, efforts are visible to create support in the religious and cultural sphere. Political support on the relationships with the Belarusian princely clans led by Drusk and Lukomsk princes supplemented by the issuance of loans and content on yurgelde representatives of Pac, Volovich, Tyszkiewicz, Zenovich and Chodkiewicz families.

Keywords: *Lew Sapieha, GDL, magnats, servant nobility, vassal client networks, social capital.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Андрэічык К. В.</i> Рэалізацыя дзяржаўнай палітыкі захавання гісторыка-культурнай спадчыны Полацка на прыкладзе Комплекснай доўгатэрміновай праграмы развіцця г. Полацка і Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (2000 – 2005 гг.)	2
<i>Арлукевич А. Б.</i> Войска Российской империи в Беларуси в период восстания 1863 – 1864 гг.	7
<i>Аўсейчык У. Я.</i> Гісторыя вывучэння старавераў Паўночнай Беларусі	18
<i>Борун Е. Н.</i> Регламентация правового положения монахов мужских и женских монастырей на территории Беларуси (вторая треть XIX – начало XX в.)	33
<i>Бубенько Т. С., Черевко В. В.</i> Позднесредневековое кладбище в агрогородке Камень Лепельского района в свете археологических исследований 1999 года	40
<i>Гулубовіч В. У.</i> «Пры складанні ніжэйшага паклону»: невядомая інструкцыя Полацкай шляхты на сойм Рэчы Паспалітай 1639 г.	45
<i>Довгяло Н. В.</i> Массовые выступления верующих против антирелигиозной политики государства в БССР в 1928 – 1930 гг.	51
<i>Дудько А. Д.</i> Белорусоведение в мире славистики Великобритании второй половины XX – начала XXI века: (научные и университетские центры)	55
<i>Зубко О. Е.</i> Фатальная глупость Иосифа Мамонько (1889 – 1937)	62
<i>Ісакаў С. А.</i> Адлюстраванне грамадска-палітычнага жыцця на акупаванай частцы Беларусі падчас Польска-савецкай вайны ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі (1991 – 2019 гг.)	68
<i>Келлер О. Б.</i> Гонения на ведьм и процессы над ними в Европе в периоды Средневековья и Раннего Нового времени	74
<i>Климуть Л. Я.</i> Переход от Средневековья к Новому времени: материальная и духовная составляющие	80
<i>Корсак А. И.</i> Захоронения на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны: теоретико-методологические аспекты	88
<i>Косенко А. А.</i> Организация деятельности городской полиции в Белорусских губерниях	94
<i>Крюковский В. Д.</i> Система военного обучения молодежи на сборных пунктах ССРБ в начале 1919 года	98
<i>Мацук А. У.</i> Развіццё шляхецкага самакіравання і станаўленне гаспадарчага сойма ў ВКЛ у канцы XVII ст. – пачатку XVIII ст.	104
<i>Мельникова А. С.</i> Деятельность Трудовой народно-социалистической партии на территории Псковской губернии (1917 – 1918 гг.)	112
<i>Моторова Н. С.</i> Организация помощи населению, пострадавшему от пожаров на территории Белорусских губерний (1861–1914 гг.)	119
<i>Олейник В. В.</i> Дело уроженца Лепельского уезда Витебской губернии во временном военном суде г. Гродно (по материалам Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно)	122
<i>Соловьёв А. А.</i> Помещения библиотеки Полоцкого иезуитского коллегиума XVII – начала XIX вв. по археологическим и документальным данным (проблемы изучения и реконструкции)	129
<i>Якубаў В. У.</i> Сацыяльны капітал у кліенцкай сетцы Льва Сапегі ў канцы XVI – пач. XVII ст.	137